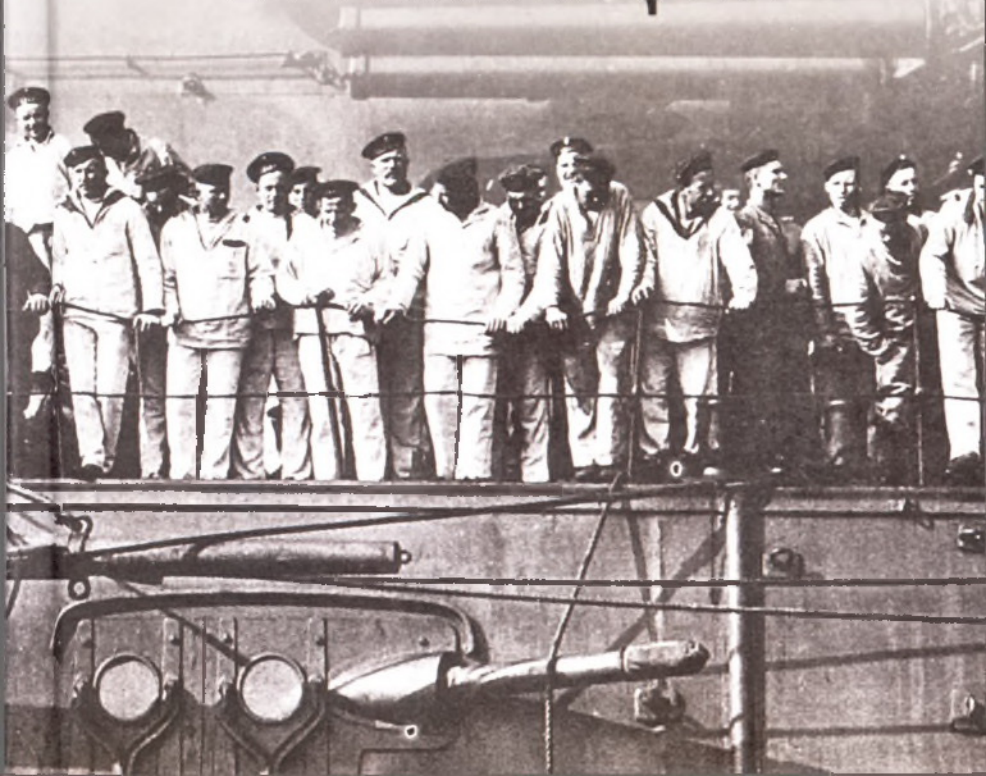

РУССКАЯ СМУТА 1917-1922

В.В. ШИГИН

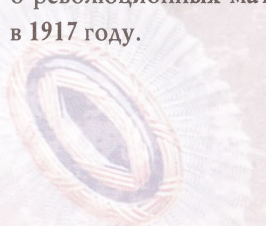
МАТРОССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Новая книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена революционным матросам России и охватывает период от Февральской до Октябрьской революции. Именно в это время матросы проявили себя как самостоятельная сила, с которой заигрывали все без исключения политические партии, стремясь заручиться их поддержкой. При этом сами матросы стремились сохранить полную независимость не только от политических партий, но и от Временного правительства. В борьбе за матросские сердца и души революционеры шли буквально на все, отчаянно конкурируя между собой и закрывая глаза на крайне левый радикализм матросов.

О непростых перипетиях 1917 года, связанных с матросским революционным движением, о тайнах Центробалта и «Кронштадтской республики», деятельности адмирала Колчака на Черноморском флоте и участии матросов в штурме Зимнего дворца рассказывает в данной книге. Читателя ждет немало новых, ранее неизвестных фактов, которые полностью изменят наше представление не только о революционных матросах, но и о самой политической ситуации в 1917 году.

ISBN 978-5-4484-0399-6

9 785448 403996

РУССКАЯ СМУТА 1917-1922

В.В. ШИГИН

МАТРОССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
Ш155

Шигин, В.В.

Ш155 **Матросская революция / В.В. Шигин.** — М. : Вече, 2018. — 384 с. : ил. — (Русская смута 1917—1922).

ISBN 978-5-4484-0399-6

Знак информационной продукции 12+

Новая книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена революционным матросам России и охватывает период от Февральской до Октябрьской революции. Именно в это время матросы проявили себя как самостоятельная сила, с которой заигрывали все без исключения политические партии, стремясь заручиться их поддержкой. При этом сами матросы стремились сохранить полную независимость не только от политических партий, но и от Временного правительства. В борьбе за матросские сердца и души революционеры шли буквально на все, отчаянно конкурируя между собой и закрывая глаза на крайне левый радикализм матросов.

О непростых перипетиях 1917 года, связанных с матросским революционным движением, о тайнах, связанных с Центробалтом и «Кронштадтской республикой», деятельности адмирала Колчака на Черноморском флоте и участии матросов в штурме Зимнего дворца рассказывается в данной книге. Читателя ждет немало новых, ранее неизвестных фактов, которые полностью изменят наше представление не только о революционных матросах, но и о самой политической ситуации в 1917 году.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4484-0399-6

© Шигин В.В., 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

*Моему сослуживцу по Балтийскому флоту,
историку флота и единомышленнику
Михаилу Александровичу Елизарову посвящаю*
Автор

Мы, дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего...

Александр Блок

Разве может быть революция без-
нравственной?

Александр Герцен

Вот уже более ста лет все новые и новые поколения нашей страны неизменно попадают под обаяние матросов революции 1917 года. За минувший век сложился устойчивый образ настоящего революционного матроса — это высоченный здоровяк в бескозырке на затылке и в бушлате, поверх которого перекрещены пулеметные ленты. В руках матроса здоровенный черный маузер, а на тыльной стороне ладони выколот синий якорь. Из-под его распахнутого бушлата видна застиранная тельняшка, а клеша матросских брюк такой ширины, что ими можно мести улицы.

Матрос из легенды не боялся ничего: ни Бога, ни черта, ни белых, не зеленых. Верил он при этом исключительно большевикам, а любил всем своим большим матросским сердцем только вождя мирового пролетариата.

Настоящий революционный матрос был справедлив и беспощаден к царским генералам и буржуям, непреклонен к спекулянтам и кулакам, подозрителен к середнякам и прочим «попутчикам», но за деревенскую голытьбу и заводского пролетария он, не задумываясь, отдавал жизнь.

Настоящий матрос снисходительно смотрел на пехоту, которую презрительно именовал «крупой», и с легкостью «тыкал» самым

большим начальникам. Матрос революции мог командовать боевым кораблем и бронепоездом, раскрывать контрреволюционные заговоры, руководить колхозами и строить заводы. Даже если порой наш герой и совершал ошибки: выпивал лишнего, уставал воевать за советскую власть или пел анархистские куплеты, все равно, спустя некоторое время, он обязательно осознавал свои ошибки и с удесятенной яростью бросался в бой за правое дело. При этом матрос никогда не суетился в бою, с винтовкой наперевес он особой матросской походкой шел навстречу врагу, а когда выкрикивал свой боевой клич «Полундра», враги разбегались во все стороны. При этом настоящий матрос был всегда весел, находчив и остроумен. Он здорово играл на гармонии и гитаре, лихо плясал «яблочко» и небрежно курил экспроприированные у «контры» сигареты. Все барышни, попавшие в его поле зрения, мгновенно влюблялись в него и сдавались без боя.

Именно таков образ настоящего революционного матроса, дошедший до нас в кинофильмах и в книгах, в учебниках и в памятниках. Рядом с этим образом неизбежно меркнут и красногвардейцы, и буденновцы. Матрос затмевает собою всех. А потому кто из нас, будучи мальчишкой, не мечтал быть настоящим революционным матросом!

Пример матросов революции был настолько заразительным, что его последствия мы ощущаем и сегодня. Это и тельняшки на груди десантников и спецназовцев, как символ особой мужественности. Это и татуированные наколки на запястьях уголовников, как символ особого братства. Это и элегантные женские «матроски», как символ девичьих грез о настоящем мужчине. Это и детские бескозырки с надписью «Герой», как символ мечты о будущих подвигах и приключениях.

Революционные матросы были порождением самой революции, и ее любимыми детьми, эгоистичными и своенравными. Рожденные жестоким временем, они и сами редко бывали милосердными. Но именно они были самыми преданными и верными детьми революции. Именно матросы, как никто другие, первыми доверчиво поверили в ее идеалы, а поверив, остались верны этим идеалам до конца,

заплатив за свой идеализм жизнями. Ничего подобного никогда не было и не будет ни в одной другой стране мира. Перед нами удивительный и неповторимый феномен XX века — рыцари и палачи, герои и каратели в одном лице — матросы русской революции.

Как же появились революционные матросы? Кем были они в реальной, а не в мифологизированной истории? Насколько соответствовали они своему легендарному образу? Чем жили, о чем мечтали и чем занимались, что натворили и чем прославились в действительности? На все эти вопросы мы и попробуем ответить в серии книг, посвященной матросам эпохи 1917 года.

Глава первая

«ВЕЛИКАЯ БЕСКРОВНАЯ»

К 1917 году в Первой мировой войне, которая вот уже более двух лет сотрясала планету, наметился окончательный перелом. Несмотря на еще далеко не сокрушенную военную и экономическую мощь Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Турция), было очевидно, что все три империи постепенно выдыхаются, в то время как противный им союз держав Антанты (Россия, Англия, Франция) и поддерживающие их США, Япония, наоборот, все больше и больше наращивают свои силы. Поражение Тройственного союза было уже предопределено, вопрос стоял лишь о времени и количестве жертв.

Что касается России, то для нее к началу 1917 года в военном отношении все обстояло если не блестяще, то в целом достаточно стабильно. После досадных поражений 1915 года, вызванных снарядным и патронным «голодом» в войсках, ситуация постепенно выравнивалась. Наряду с регулярными поставками вооружения из Англии, Франции и США теперь с каждым месяцем наращивала мощности и отечественная промышленность. Линия фронта, несмотря на некоторые успехи немцев на севере и неудачи австрийцев на юге, в целом была также достаточно стабильна.

Сегодня практически всеми историками признано, что события Февральской революции 1917 года начались для российского флота достаточно неожиданно. Еще в январе ничего не предвещало скорых огромных потрясений.

Что касается Балтийского флота, то, несмотря на отсутствие впечатляющих побед, он достаточно уверенно контролировал при-

морский флаг наших армий, время от времени обмениваясь ударами с германскими военно-морскими силами. При этом, несмотря на достаточно активные боевые действия и некоторые потери, Балтийский флот постоянно пополнялся новейшими кораблями: четырьмя дредноутами, эсминцами типа «Новик» и подводными лодками. В скором времени ожидалось вступление еще четырех линейных и четырех легких крейсеров.

На юге к 1917 году Кавказская армия генерала Н.Н. Юденича полностью разгромила турецкие войска и была готова к переброске на Босфор. К этому времени завоевал окончательное господство на Черном море и Черноморский флот. Несмотря на трагическую гибель первого дредноута «Императрица Мария», в его состав вошли еще два новейших линейных корабля, а единственный достойный противник — германско-турецкий линейный крейсер «Гебен», после подрывов на минах, ремонтировался в Константинополе и более не рисковал показываться в Черном море. Турецкое каботажное судоходство на Черном море к 1917 году было полностью парализовано, а подходы к Босфору завалены минами. Помимо этого, оказывая помощь Кавказской армии, черноморцы высадили ряд тактических и оперативных десантов, отработав организацию десантных операций. Именно к 1917 году на повестку дня встал вопрос о проведении грандиозной стратегической десантной операции на Босфоре, с последующим захватом Константинополя и Дарданелл. Для этого имелись и силы, и опыт. Этому, как никогда, благоприятствовала политическая и военная обстановка. Операция по захвату черноморских проливов должна была состояться летом 1917 года.

Что касается дисциплины на Балтийском и Черноморском флотах, то в течение всей войны она оставалась на должной высоте. При этом наиболее дисциплинированными и патриотически настроенными были команды кораблей, непосредственно участвующих в боевых действиях (эсминцев, тральщиков, подводных лодок). За всю войну имел место лишь один случай возмущения команды на только что вошедшем в строй балтийском линейном корабле «Гангут». Впоследствии наши историки возведут этот достаточно незначительный инцидент чуть ли не до уровня мятежа

на броненосце «Потемкин» в 1905 году. На самом же деле имело место возмущение команды данной им на ужин кашей вместо положенных макарон «по-флотски» и наличие на корабле офицеров с немецкими фамилиями, которых матросы считали изменниками, приносящими вред Отечеству и государю. Когда матросам сварили любимые ими макароны и дали понять, что офицеров с неблагозвучными фамилиями переведут с линкора, инцидент был исчерпан сам собой.

Что касается матросской массы, то, несмотря на большой процент (относительно армии) призывников из числа рабочих и служащих (это объяснялась необходимостью обслуживания достаточно сложной корабельной техники), основу матросов все же составляли выходцы из крестьян. При этом если на Балтийском флоте это были, прежде всего, призывники из прибалтийских и великорусских губерний, то на Черноморском флоте традиционно большой процент составляли матросы-малороссы, а также выходцы из крестьянских семей, переехавших на юг вследствие столыпинских реформ.

В отличие от армии, несшей огромные потери и испытывавшей неизбежные лишения в окопах на передовой, матросы имели полноценное и регулярное питание, были хорошо обмундированы и обеспечены денежным довольствием. Разумеется, на флоте не было в помине и каких-либо реальных зверств по отношению к матросам со стороны офицеров. События 1905 года многому научили командиров всех степеней. К тому же во время войны социальные различия во многом стерлись перед общей опасностью и ежедневным риском для жизни, в результате чего команды участвовавших в боевых действиях кораблей представляли собой достаточно сплоченные коллективы.

Помимо этого в то время существовала на флоте и еще одна особенность. Дело в том, что из всей матросской массы фактически участвовало в боевых действиях не более 15—20 % личного состава. Остальные же выполняли тыловые функции, учились в учебных отрядах, служили на кораблях и судах, редко покидавших свои базы. Таким образом, вероятность гибели среди матросов была намного ниже, чем у их собратьев в действующей армии. Учитывая, что

война не только шла к своему логическому завершению, но и к завершению победному, им оставалось лишь дожидаться ее окончания, чтобы спокойно демобилизоваться и вернуться домой. Если что и волновало матросские массы, так это то, что, вернувшись в родные избы и хаты, в отличие от солдат, большинству из них нечего будет рассказать о своем героическом участии в войне. Наверное, все именно так бы и случилось, если бы не великие социальные потрясения начала 1917 года. При этом определенная усталость от войны и от неизбежного «закручивания гаек», ввиду военного времени, глухое недовольство социальной несправедливостью на флоте, безусловно, присутствовали.

Главный командир Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен в сентябре 1916 года дал достаточно точную оценку этой психологической усталости матросов, сделанную им в частном письме: «Вчера я посетил крейсер “Диана”. На приветствие команда отвечала по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такое впечатление оставил у меня этот кошмарный смотр». Примерно так же ощущалась обстановка на Черноморском флоте. Офицер-подводник Н.А. Монастырев впоследствии писал: «Какой-то взрыв ожидался и сверху, и снизу, предвещая для страны ужасные последствия. С самыми мрачными предчувствиями мы вступили в 1917 год».

Увы, ни адмирал Вирен, ни лейтенант Монастырев, ни другие офицеры российского флота даже не пытались понять, что же происходит с матросской массой, и, как следствие этого (считая себя вне политики), абсолютно ничего не делали для предотвращения этого ожидаемого «взрыва».

Февральская революция, вошедшая в историю как «буржуазная» и «великая бескровная», стала для России ее армии и флота полнейшей неожиданностью. Историкам хорошо известно публичное «пророчество» В.И. Ленина в январе 1917 года в Швейцарии о том,

что он не рассчитывает дожить до революции, которую, быть может, когда-нибудь все же увидит молодежь.

Разумеется, что Февральская революция 1917 года в России, как и все другие революции, стала следствием целого комплекса как объективных, так и субъективных причин. О соотношении этих причин историки спорят уже больше ста лет и, видимо, будут еще долго спорить. При этом Февральская революция началась внешне, вроде бы стихийно, и внешне без какого-либо реального руководства или формального планирования. На самом же деле за внешней спонтанностью стояли вполне реальные могущественные силы, стремившиеся с ее помощью решить свои конкретные политические задачи.

В задачу нашей книги не входит рассказ о причинах Февральской революции. Ограничимся констатацией того, что, несмотря на реальные серьезные социальные, политические и экономические противоречия в российском обществе, Февральская революция во многом была искусственно спровоцирована прозападно настроенными кругами. Во главе «революционного заговора» стояло масонское лобби Государственной Думы, составлявшее т.н. «Прогрессивный блок», открыто противостоявший императору и всей системе государственной власти.

Мнение, что Первая мировая война смертельно поразила систему хозяйственных связей России, что в стране начался голод, в корне неверно. Урожай 1916 года был, наоборот, на редкость большим и в стране всего хватало.

Что касается первых и единственных за всю войну перебоев в снабжении Петрограда хлебом в феврале 1917 года (якобы ставших поводом к массовым протестам), то, по оценке командующего Петроградским военным округом, «ни о каком голоде, даже о недоедании питерских рабочих в феврале 1917 года и речи не могло быть — на 23 февраля запасов города хватило бы на 10—12 дней, и хлеб все время поступал в столицу». Сегодня доподлинно известно, что слухи о грядущей нехватке хлеба и истерия вокруг этого вопроса были искусственно инспирированы оппозицией. Как след-

ствии этого начался разгром булочных и мелочных лавок в столице. Толпа окружила пекарни и булочные и с криками: «Хлеба, хлеба» двинулась по улицам. Не на высоте ситуации оказался и император Николай II, который, как специально, в это время покинул беспокойную столицу и скрылся в далеком Могилеве, где находилась Ставка Верховного Главнокомандования.

К 1 (14) марта в Петрограде реальная власть оказалась в руках радикалов-масонов из Совета. В полночь 1 марта началось совместное заседание Временного комитета Госдумы и Исполкома Совета, на котором стороны попытались урегулировать возникшие разногласия. Совещавшиеся договорились о полной амнистии всем политическим преступникам, в том числе и всем убийцам-террористам, о свободе слова, печати, союзов, собраний и стачек, об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, о подготовке к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны, о замене полиции на милицию, и, что самое любопытное, договорились о привилегиях солдат, поддержавших мятеж.

В тот же день (т.е. еще до отречения царя!) мятежный Временный комитет Родзянко получил официальное признание Великобритании и Франции. В Лондоне и Париже, как оказалось, только и ждали известия о революции в России.

Одновременно Петроградский Совет без согласования с Думой издает печально знаменитый приказ № 1 по Петроградскому гарнизону. Этим приказом Совет подчинял себе Петроградский гарнизон в решении всех политических вопросов и лишал Временный комитет возможности использовать армию в своих интересах. Помимо всего прочего в приказе предписывалось создать выборные комитеты из представителей нижних чинов, отменялось отдание чести и приветствие офицеров. Кроме этого отныне во всех политических выступлениях солдаты и матросы подчинялись уже не своим офицерам, а собственным выборным комитетам и Совету. В приказе предусматривалось и то, что все оружие и боевая техника отныне передавались в распоряжение и под контроль солдатских ко-

митетов. Фактически офицеры отныне становились изгоями. Одним махом был уничтожен основополагающий принцип единоначалия. Большого удара по воюющей армии и флоту нанести было просто невозможно. Непонятно откуда нашлись средства, но в течение нескольких дней приказ № 1 был распечатан... 9-миллионным тиражом и отправлен во все уголки России. Результат чудовищной диверсии был закономерен — обрушающее падение дисциплины и боеспособности всей армии.

Не остался в стороне от происшедшего и близкий к столице Балтийский флот. Именно здесь произошли события, ставшие камертоном не только Февральской и Октябрьской революций, но и последующей кровавой Гражданской войны.

Глава вторая

УБИЙСТВА ОФИЦЕРОВ

Февральская революция грянула внезапно. На Балтийском флоте она вообще произвела эффект грома среди ясного неба. При этом в первые дни петроградских волнений в главных базах Балтийского флота — Гельсингфорсе (где базировались главные линейные силы флота) и в Кронштадте (где были сосредоточены тыловые и учебные части) — было достаточно спокойно. Личный состав занимался текущей боевой подготовкой, готовясь к новой морской кампании, которая должна была вот-вот начаться. Командование флотом, имея прямой провод с Петроградом, было хорошо проинформировано о происходивших там событиях. Опасаясь волнений среди матросов, командование в течение нескольких дней скрывало от них сведения о происходящем, однако в конце концов информация все же просочилась к матросам. Решающими моментами для начала выступлений в военно-морских базах стали известия о приказе № 1, который был понят матросами однозначно — отныне офицеры никакие не начальники и можно делать все, что душа пожелает. Первым поднялся тыловой Кронштадт, следом за ним главная база Балтийского флота — Гельсингфорс. И понеслось!

1 (14) марта, когда до Кронштадта дошли известия о приказе № 1, там начался мятеж. Уже через несколько часов начальник Морского штаба при Верховном главнокомандующем адмирал Русин доложил царю, что «в Кронштадте — анархия и станция службы связи занята мятежниками».

Первой жертвой мятежников стал военный губернатор Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен. Что и говорить, адмирал Вирен был фигурой малосимпатичной. На посту главного командира Кронштадта он запомнился мелочным соблюдением всех параграфов устава. Однако при этом Р.Н. Вирен никого не расстреливал и на каторгу не ссылал, хотя унижить подчиненных умел. Впрочем, и здесь рассказы о его придириках к матросам обросли легендами.

Совсем недавно вышли в свет посмертные мемуары адмирала Г.И. Левченко, начинавшего службу в дореволюционном Балтийском флоте. Адмирал оставил весьма любопытное воспоминание об отношении Сталина к адмиралу Вирену: «На одном из совещаний в Кремле в 1939 году после всех дел товарищ Сталин И.В. спросил товарища Кузнецова, почему бы Наркому ВМФ не установить в военно-морских базах порядок, подобный тому, какой был в Кронштадте при Вирене. Для этого нужно снять виреновскую монархическую ржавчину и царский деспотизм самодержавия, заменив его нашим советским укладом жизни, воинским порядком и дисциплиной, уважением и любовью к матросу и солдату. Не забывать и гражданское население. Ведь матросы от тех порядков не умирали, если исключить эту чепуху, а порядки были, и неплохие, — добавил товарищ Сталин. Нарком Н. Кузнецов обещал это выполнить... Прошла Великая Отечественная война, и в 1946 году товарищ Сталин И.В. опять напомнил о порядках Вирена. В то время командиром Кронштадтской военно-морской базы был назначен контр-адмирал Румянцев. Он пытался кое-что сделать, но у него не получилось, ибо он все переложил на коменданта города. Мне приходилось проверять порядок и работу командира базы, будучи главным инспектором ВМФ». Воспоминания Г.И. Левченко говорят о том, что советская власть в лице ее вождя И.В. Сталина

прекрасно представляла разницу между революционной пропагандой и реальностью. Причем Сталин, не понаслышке знавший о событиях февраля 1917 года в Кронштадте, требовал от своих адмиралов наведения там именно такого твердого уставного порядка, какой был там при царском адмирале Вирене.

Но вернемся к событиям 1 марта 1917 года в Кронштадте. В начале беспорядки начались в казармах 1-го крепостного пехотного полка на Павловской улице. Там сопротивление бунтовщикам оказали полицейские, жандармы, некоторые офицеры и воспитанники Морского инженерного училища Императора Николая I на Поморской улице. Около 23.00 адмирал Вирен по телефону докладывал в Генмор, что в беспорядках участвуют лишь солдаты крепостных частей, на судах же все спокойно. Как видно, он совершенно не владел обстановкой, так как в это время толпы матросов уже заполнили городские улицы, вытаскивая офицеров из квартир. Флота генерал-майор Н.В. Стронский, командир 1-го Балтийского флотского экипажа, был первым, кого под конвоем привели на Якорную площадь. Вдоволь поиздевавшись над 55-летним офицером (заставляли маршировать с набитым кирпичами ранцем), его закололи штыками. Когда другая группа матросов после митинга в манеже привела на площадь адмирала Р.Н. Вирена, тот, увидев тело Стронского, все понял и попросил разрешения проститься с женой. Как вспоминал матрос Учебно-минного отряда А.Г. Пронин, адмиралу отказали в последней просьбе и под рев толпы «кончайте его!» подняли на штыки на Якорной площади, после чего тело было сброшено в доковый овраг.

Вот как описал убийство адмирала Р. Вирена один из очевидцев: «... Дикие, разъяренные банды матросов, солдат и черни со зверскими лицами и жадой крови, вооруженные, чем попало, бросились по улицам города. Прежде всего, выпустили арестантов (в том числе и уголовников. — *В.Ш.*), а потом, соединившись с ними, начали истребление ненавистного начальства. Первой жертвой этой ненасытной злобы пал адмирал Р.Н. Вирен, главный командир и военный губернатор Кронштадта, человек по натуре прямой, властный и храбрый, но бесконечно строгий и требовательный. Когда толпа

подошла к дому главного командира, адмирал Вирен, услышав шум и крик, сам открыл дверь и, увидев матросов, стремительно распахнул ее настежь. Толпа, заревев, бросилась на адмирала, стащила его вниз и поволокла по улицам. Матросы улюлюкали, подбегали к адмиралу Вирену, плевали ему в лицо и кричали с площадной бранью. Толпа была одета в самые фантастические костюмы: кто — в вывернутых шерстью наружу полушубках, кто в офицерских пальто, кто — с саблями, кто — в арестантских халатах. Ночью, при свете факелов, это шествие имело очень жуткий вид, точно демоны справляли свой адский праздник. Мирные жители, завидев эту процессию, с ужасом шарахались в стороны. Посреди этой толпы шел адмирал. Он был весь в крови. Искалеченный, еле передвигая ноги, то и дело падая, медленно двигался мученик навстречу лютой смерти. Из его груди не вырвалось ни одного стога, что приводило толпу в еще большее бешенство. Пресытившись терзаниями жертвы, палачи окончательно добились ее на Якорной площади, а тело сбросили в овраг. Там оно лежало долгое время, так как его было запрещено хоронить».

Одним из первых был убит старший лейтенант Н.Н. Ивков на учебном судне «Африка» (здесь располагалась водолазная школа), который отказался выдать команде винтовки, за что и получил девять пуль в спину.

С полным достоинством принял смерть начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А.Г. Бутаков. Перекрестившись, он сказал своим убийцам: «Я готов». Его тут же застрелили, а труп в остервенении кололи штыками. После этого пьяные матросы пришли к нему домой и штыками закололи престарелую мать (вдову знаменитого российского флотоводца Г.И. Бутакова).

Из воспоминаний Н.А. Бутакова: «Адмирала (А.Г. Бутакова. — В.Ш.) расстреляли у памятника адмиралу Макарову. Первый залп был неудачен, и у адмирала оказалась простреленной только фуражка. Тогда, еще раз подтвердив свою верность государю, адмирал спокойно приказал стрелять снова, но целиться уже как следует». Два дня после того, как Григорий Александрович Бутаков сам похоронил отца своего, вырыв собственноручно ему могилу, к нему

явилась толпа убийц, с шапками в руках. “Мы пришли к Вам просить прощения, — заявил их руководитель, пока другие, потупив глаза, мялись на месте. — Мы не хотели стрелять в Адмирала. Хороший был Адмирал. Честный и справедливый. Потому мы целились выше. Ну, так что... Поймите, мы не вольны были. Нами командуют посланные из Питера... Сами каемся и просим прощения...”»

Многие офицеры были ранены, избиты и изолированы в кают-компаниях своих кораблей. Некоторые погибли уже после ареста, как, например, участник обороны Порт-Артура А.М. Басов, которого просто пристрелили конвойные, которым захотелось пойти на митинг... Историки считают, что в первые дни мятежа в Кронштадте было убито от 28 до 50 офицеров.

По воспоминаниям очевидцев, «зверское избиение офицеров в Кронштадте сопровождалось тем, что людей обкладывали сеном, и, облив керосином, сжигали; клали в гробы вместе с расстрелянными живого, расстреливали отцов на глазах у сыновей».

От рук взбунтовавшихся матросов пали комендант Свеаборгской крепости В.Н. Протопопов, командир флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский, командир линейного корабля «Император Александр II» капитан 1-го ранга Н.И. Повалишин (расстрелом лично руководил председателя судового комитета известный в будущем матросский лидер П.Д. Хохряков), командиры кораблей «Африка», «Верный», «Океан», «Рында», «Меткий», «Уссуриец» и другие морские и сухопутные офицеры. Всю ночь убийцы рыскали по квартирам, грабили и вытаскивали офицеров, чтобы с ними расправиться. В числе убитых были: капитаны 1-го ранга К.И. Степанов и Г.П. Пекарский, капитан 2-го ранга В.И. Сохачевский, старшие лейтенанты В.В. Будкевич, В.К. Баллас и мичман Б.Д. Висковатов, другие офицеры по Адмиралтейству, подпоручики и прапорщики.

К утру 2 марта Кронштадт был почти полностью в руках восставших. От пуль городских, да и просто от случайных выстрелов в те дни погибли семеро матросов. Через несколько дней их торжественно хоронил весь Кронштадт как «героев революции»...

В этой связи интересны воспоминания Н.В. Вилькицкой, супруги командира эсминца «Летун» Б.А. Вилькицкого, оказавшейся

в феврале 1917 года в Кронштадте. Для понимания ситуации немного предыстории. Эсминец, которым командовал ее муж, активно участвовал в боевых действиях, и после подрыва на mine был отправлен в Кронштадт на ремонт. Сам Б.А. Вилькицкий являлся выдающимся гидрографом, недавно вернувшимся из знаменитой полярной экспедиции Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, в ходе которой он открыл архипелаг Северная Земля, и первым совершил сквозное плавание Северным морским путем, имел чин капитана 1-го ранга и звание флигель-адъютанта императора. Кроме этого он являлся настоящим боевым командиром и был исключительно порядочным человеком, за что его обожала команда. Н.В. Вилькицкая пишет, что в начале мятежа сплоченная в боях команда «Летуна» с возмущением восприняла происходящие в Кронштадте события и еще больше сплотилась вокруг своего командира. Матросы «Летуна» не только не желали идти на митинги с «пораженцами», а были готовы вступить в бой с предателями Отечества. Желая избежать открытого противостояния команды «Летуна» с окружившей корабль очередной агрессивной толпой, Б.А. Вилькицкий был вынужден сам приказать своим матросам отправиться на митинг. Но прошло буквально несколько дней, и разлагающее влияние вседозволенности и анархии проникло и на «Летун».

Н.В. Вилькицкая пишет: «Матросы с эсминца мужа по-прежнему наведывались к нам, поднимаясь по черной лестнице. Они приносили мне записки от мужа, хлеб и молоко детям, но я замечала с тяжестью в сердце, как они все сильнее поддавались увлекшему их вихрю событий. Было страшно и смешно видеть, как они старались вести себя развязано в моем присутствии. Они без приглашения садились, закуривали, грубо выражались... было видно, что им неудобно так себя вести со мной... но теперь их пугала мысль, что о них могут подумать, как о плохих революционерах. Их решимость стойко защищать своих офицеров постепенно слабела... Тот же матрос, уверявший меня, что они не позволят тронуть своих офицеров, принес записку от мужа со словами, что готовится арест офицеров с последующим содержанием в тюрьме. Матрос говорил, пряча глаза,

что все офицеры потенциально опасны и экипаж эсминца не может пойти против кронштадтского гарнизона, который... предъявил им ультиматум, требуя арестовать офицеров...»

Спустя пару недель команда «Летуна» была уже полностью разложена бесчисленными агитаторами и ничем не отличалась от местных анархистствующих матросов. Увы, но матросская (т.е. классовая) солидарность даже для сплоченной команды «Летуна» оказалась крепче боевой солидарности со своими командирами.

Любопытно, что по всей логике вещей именно Кронштадту надлежало быть не осиным гнездом революционеров и убийц, а форпостом православия и монархизма всей России. И это не простые слова. Вспомним, что именно в Кронштадте с 1855 по конец 1908 года служил в местном Андреевском соборе и проживал в Кронштадте знаменитый митрофорный протоиерей Иоанн Кронштадтский, один из главных и самых авторитетных духовных лидеров всего православного мира начала XX века, возведенный еще в 1964 году в ранг святых.

В годы служения Иоанна Кронштадтского в Кронштадт толпами валили паломники, искавшие исцеления и утешения у знаменитого пастыря.

Частыми посетителями Андреевского собора были офицеры и матросы местного гарнизона.

Почему же столь знаменитый духовник не смог посеять среди своей матросской паствы милосердие и добро? Почему не какой-нибудь уездный Урюпинск, а именно Кронштадт стал в 1917 году синонимом звериной матросской жестокости, богохульства и попрания всех православных заветов? Почему не знаменитый православный пастырь а недоучившиеся курчавые студенты смогли найти путь к сердцам матросов?

Чтобы попытаться ответить на этот весьма не праздный для нашей темы вопрос, обратимся к тому, что писал о своей личной встрече со знаменитым проповедником известный писатель-маринист 30—40-х годов прошлого века А.С. Новиков-Прибой, сам начинав-

ший матросскую службу в Кронштадте. В своем, так и оставшимся не законченным романе «Капитан первого ранга», писатель описал собственные матросские годы в Кронштадте. Разумеется, не обошел он вниманием и столь знаковую фигуру, как Иоанн Кронштадтский, уделив ему несколько страниц. Можно соглашаться или не соглашаться с Новиковым-Прибоем, но перед нами единственное описание взаимоотношений знаменитого пастыря с матросами, написанное одним из этих матросов. Автор просит прощения у читателей за последующую достаточно длинную цитату, но она помогает не только понять отношение определенной части матросов к Иоанну Кронштадтскому, но и хотя бы немного понять и сам внутренний мир матросов, которые, спустя несколько лет, будут хладнокровно убивать своих командиров.

Побываем же в Андреевском соборе вместе с А.С. Новиковым-Прибоем и его товарищами — кронштадтскими матросами: «Каждый из нас, будучи еще в деревне, много понаслышался об Иоанне Кронштадтском. Слава о нем гремела по всей стране. Почти в каждой избе среди икон можно было увидеть его портрет. Этот священник заживо был зачислен в бесконечный сонм святых. О нем писали в газетах, а устная молва разносила, что он может изгонять из женщин бесов и вообще творить всякие чудеса. Был случай, когда буйно помешанный будто бы сразу же вылечился от одного только его благословения. Кроме того, он считался ясновидцем. Достаточно человеку лишь о чем-нибудь подумать, как он узнавал его мысли. В необыкновенную силу этого священника люди верили, ему молились, и каждый просил о своем: хворые — об исцелении от болезней, преступники — о прощении грехов, богатые — о ниспослании еще большего богатства, бедные об избавлении от голода, бесплодные — о рождении детей, нелюбимые — о любви. И как магометане в Мекку, так и православные со всех концов России тянулись в Кронштадт, чтобы присутствовать при богослужении отца Иоанна. От наплыва людей в этот город хорошо богатели хозяева гостиниц.

Иногда матросы назначались начальством для охраны священника. Выйти ему из боковой двери Андреевского собора и пройти

до кареты, стоявшей за оградой, было очень трудным делом: богомольцы, бросаясь под благословение отца Иоанна, могли сбить его с ног. Вот здесь-то и требовалась помощь со стороны солдат или матросов. Они выстраивались в две шеренги, одна против другой, и, ухватив друг друга за руки, образовывали собою коридор. В такой коридор могли проникнуть только богатые люди, подкупив полнотелую женщину Снигиреву, “батюшкину овцу”, как она сама себя величала, или проворного белокурого псаломщика.

Старые матросы по этому поводу смеялись:

— Выходит, что без денег так же нету тебе божьей благодати, как и хорошей выпивки и закуски в трактире.

От них же мы узнали, что Иоанн Кронштадтский очень богатый человек. Ему шлют деньги со всех концов России. Секретарь его ежедневно ходит с большой кожаной сумкой на почту и получает там мелкие и крупные переводы. Правда, когда отец Иоанн едет в коляске, то разбрасывает нищим медные и серебряные монеты, но это все делается больше для славы. Крупные суммы остаются при нем. Он имеет собственный дом, выезд и пароход. Какой же это святой? Вся эта критика, услышанная нами от старых матросов, сопровождалась страшной руганью.

Один из новобранцев нашего взвода, метко прозванный Стручком, был высок, тонок и сутул. Судя по его гибким и нежным рукам, он никогда не занимался физической работой. Во время молитвы в роте он отличался большим усердием и, обладая хорошим баритоном, очень красиво пел. В его синих, как весеннее небо, глазах светились наивность и задушевная простота. Но за этими располагающими внешними признаками в нем скрывалась большая хитрость. Как только он заявился в экипаж, то первым делом подарил инструктору Храпову серебряные часы.

Тот ко всем новобранцам относился с особой жестокостью, а к нему сразу же проникся любовью. У Стручка было много денег, и каждую неделю появлялись новые карманные часы. От родителей он ничего не получал. Откуда же у него такие доходы? И только, поживши с ним, мы узнали, в чем дело. Это был

мошенник-профессионал. С неподражаемой ловкостью он, как выражаются матросы, “запускал водолаза” в чужие карманы. Но, как волк не беспокоит скотины той деревни, вблизи которой он проживает, так и этот новобранец никогда не позволял себе обидеть кого-либо из своих людей. Наоборот, он старался всячески ублажать нас.

Под видом набожного человека он каждый праздник отпрашивался у инструктора в Андреевский собор, где обыкновенно отправлял свое богослужение Иоанн Кронштадтский. Храпов охотно отпускал Стручка. Мы оставались в роте и скучали. Как дети ждут ласкового отца с базара, зная, что он привезет им подарки, так и мы с нетерпением поглядывали на дверь. Появление Стручка было для нас большой радостью. Он приносил карманные часы, бумажники, портмоне. Инструктор Храпов получал от него денежную награду. Не оставались и мы в обиде: для нашего взвода он покупал пуд баранок, полпуда колбасы, полведра водки, наделяя при этом каждого доброй горстью конфет. Новобранцы, изголодавшиеся на казенных харчах, с жадностью набрасывались на еду и водку. Если у Стручка выручка была особенно солидной, то пиршество продолжалось два дня. Товарищи, подвыпив, хвалили его на все лады:

— Ты наш благодетель.

— Пошли, господи, многолетней жизни тебе и отцу Иоанну.

— Без тебя, Стручок, где бы мы могли отведать такое кушанье? Да еще с выпивкой.

Стручок добродушно посмеивался, прищурив невинные синие глаза. Он жил среди нас аристократом. Всеми почитаемый, он выходил только на учебные занятия, но никаких казенных работ не выполнял и даже не стирал для себя белье. Все это делали за него другие новобранцы. Инструктор Храпов, пользуясь его подачками, во всем ему потворствовал.

Однажды Псалтырев спросил его:

— Не грех тебе заниматься в церкви такими делами?

Стручок спокойно возразил ему:

— Пойдем как-нибудь со мной к обедне, — я тебе покажу настоящих грешников. Ты сразу поумнеешь.

Мы с Захаром Псалтыревым имели к Андреевскому собору двойной интерес: хотелось увидеть священника, совершающего чудеса, и работу Стручка.

В один из праздников, по ходатайству Стручка, Храпов отпустил нас в церковь. Для нас это был удачный день: в Андреевском соборе служил сам Иоанн Кронштадтский. По этому случаю в храме собралось столько народу, что с трудом можно было передвинуться с одного места на другое.

Сначала мы стояли втроем недалеко от алтаря. Потом Стручок, чтобы не подвести своих товарищей, начал понемногу отодвигаться от нас. Мы с волнением следили за ним и за алтарем.

Наконец, блестя золотой ризой с голубой вышивкой, появился на амвоне отец Иоанн. По всему храму, словно от порыва ветра в лесу, пронесся сдержанный шорох. Тысяча рук взметнулась, — люди стали креститься. Молился и сам священник. Он был среднего роста, худощав, с русой бородой, с жиденькими волосами, выбившимися на затылке поверх ризы. Но во взгляде его светло-серых глаз было что-то суровое и настойчивое. Возглашая молитву, он как-то странно всхлипывал и произносил каждое слово резко и нервно, как будто отрывал его от своего горячего сердца. Казалось, что он беседует с живым Богом, которого никто, кроме него, не видит. Но в то же время не верилось, что это был тот самый священник, слава о котором гремела по всей Руси.

Может быть, потому, что мы успели наслышаться от старых матросов немало насмешек о его делах, у меня невольно возникал вопрос: что это за человек? Действительно ли он обладает чудодейственной силой или просто занимается шарлатанством? Верит ли он сам в свои чудеса? Справа, недалеко от нас, около какого-то купца, стоял Стручок. Когда мы взглянули на него, он приподнял левую бровь. Это, как мы условились, означало, что чей-то карман был им уже очищен. Он стал передвигаться дальше, боясь, очевидно, что обворованный человек, спохватившись, может его задержать. Но могло быть у него и другое соображение: он наметил себе новую жертву. А момент для этого был самый удобный: внимание всех молящихся настолько сосредоточилось на священнике, что

они не замечали чужой руки, шарившей в их карманах. Я испытывал двойственное отношение к отцу Иоанну: мне хотелось верить в его священнодействие, и, наряду с тем, меня разьедало сомнение. Если он ясновидец, то почему бы ему сейчас не изблещить этого мошенника? Он должен бы повернуться к народу и громогласно крикнуть:

“Православные! Среди вас есть один человек, по прозвищу Стручок. Это — карманник. Он забыл бога и потерял свою совесть. Вот там он стоит в матросской форме. Один богомолец уже пострадал от него...”

Это произвело бы на всех потрясающее впечатление. Самые отъявленные скептики поверили бы в чудеса отца Иоанна. Но он, как ни в чем не бывало, продолжал свое богослужение, а Стручок, оглянувшись на нас, второй раз приподнял левую бровь.

В соборе пахло ладаном. Перед иконами горели свечи, освещая нарядные лики святых. Множеством огней сверкала богатая люстра. Отец Иоанн скрылся в алтаре. С амвона провозглашал ектенью дякон, громадный и пышноволосый. С его раскатистым басом как бы перекликался налаженный хор, наполняя храм стройным пением. Все это располагало мирян к молитве и надежде.

Наступил самый напряженный момент, когда все приготовились к всеобщей исповеди. Отец Иоанн вышел на амвон, постоял с минуту перед алтарем, сосредоточенно глядя на царские врата, словно вдохновляясь божественной силой. Внезапно его плечи вздрогнули. Он порывисто повернулся к народу и, нахмутив брови, молча осмотрел всех, грозный, как судья. Тысячи человеческих грудей, раздавленных тяжестью грехов, перестали дышать. Стало так тихо, как будто весь храм сразу опустел. Казалось, не отец Иоанн, а кто-то другой взволнованно заговорил за него, необыкновенно строгий и повелительный, не допускающий никаких сомнений:

— Братие во Христе! Я — немощь, нищета; Бог — сила моя. Это убеждение есть высокая мудрость моя, делающая меня блаженным. И вы станете блаженными, если избавитесь от грехов своих. Будьте искренни на исповеди. Господь Бог наш бесконечно милосерд, он все простит. Кайтесь в содеянных вами грехах.

Он замолчал и, ожидая покаяния мирян, стоял в такой позе, словно приготовился взвалить на свои плечи непомерную тяжесть чужих преступлений.

Какая-то женщина громко взвизгнула:

— Батюшка!

И вслед за этим, словно по сигналу, весь храм наполнился гулом голосов. Это был вопль не менее трех тысяч человек, опускающихся на колени. Казалось, закачались стены Андреевского собора. Я взглянул на Псалтырева. Упрямо наклонив голову, он удивленно озирался, точно бык, попавший не в свое стадо. Чтобы не выделяться среди других людей, мы тоже опустили на колени. Кругом происходило какое-то безумие. Ни в одном доме для умалишенных нельзя услышать того, что происходило здесь. Лишь немногие каялись тихо, а остальные как будто старались перекричать друг друга. Очевидно, им хотелось, чтобы священник услышал их слова, — иначе душа не очистится от грехов. В этом разноголосом гаме можно было понять только тех, кто находился ближе к нам. Рыжебородый купец, мотая головой, признавался:

— Я застраховал свои товары, а потом сам же их поджег. Мне досталась большая страховка. А за меня пошел на каторгу мой сторож.

Пожилой чиновник бил себя в грудь и стонал:

— Грешник, батюшка, я изнасиловал десятилетнюю девочку.

Лысый человек, похожий на ломового извозчика, выкладывал свой грех с надрывом:

— Я спьяна избил свою жену, а на второй день она умерла. И теперь не могу забыть своего горя...

Молодой деревенский парень, несуразно широкий, с уродливым лицом, хрипел, как в бреду, о том, что он занимается скотоложством.

Около нас худая женщина рвала на себе волосы, колотилась в истерике и вопила:

— Батюшка! Я собственными руками задушила своего ребенка. Сердце мое почернело от греха... Нет мне больше жизни...

Некоторые фразы долетали до нас издалека, и мы не видели, кто их произносил:

— Я родную мать уморил голодом...

— На суде под присягой я был лжесвидетелем...

— Из-за меня удавился мой родной племянник...

Чем дальше шло покаяние, тем сильнее было от него впечатление. Очевидно, к отцу Иоанну съезжались люди, может быть, почитаемые и уважаемые дома, но втайне подавленные ужасными грехами. С высоты амвона он мрачно смотрел на свое коленопреклоненное человеческое “стадо”, собранное из непойманных преступников. Что он думал в это время? На его окаменевшем лице не было никаких признаков брезгливости перед мерзостью, извергаемой устами трех тысяч людей. Может быть, он привык к этому, и никакая, самая жуткая, тайна человеческого бытия его уже не удивляла. Но нам было страшно. Здесь, в этом прославленном храме, никто не говорил о каком-нибудь добром поступке. Каждый выворачивал свою душу наизнанку, и сочилась она, как запущенная рана, смердящим гноем. Даже в воображении нельзя было нарисовать себе то, что выкладывалось на всеобщей исповеди. Казалось, вся человеческая жизнь состоит из одних только подлостей.

Началось причастие. Люди, приняв его, будут считать себя очищенными от грехов. Потом они разъедутся по домам, чтобы снова творить свои гнусные дела.

Мы с Псалтыревым вышли из храма.

От ограды собора, около которой уже стояла карета в ожидании отца Иоанна, и до самого его дома вытянулись ряды нищих и калек. Тут были безрукие, безногие, слепые и всевозможные уроды. Они ждали того момента, когда рысак помчит карету. С нее священник одной рукой будет благословлять их, а другой — бросать им медные и серебряные монеты.

— Больше я не хожу в эту церковь, — задумчиво сказал Псалтырев.

— Почему? — спросил я.

— Тошнит, точно я мух наглотался.

Он кивнул головою на калек и заговорил:

— Посмотри на них. Хоть сто раз встречайся они с Иваном Кронштадтским, а все равно у безногих не вырастут ноги, безглазые не станут зрячими, уроды не превратятся в красавцев. Будто бы с Божьей помощью он творит чудеса, а такого пустяка не может сделать. Выходит — Бог создал солнце, звезды, землю, людей, а помочь этим несчастным у него, оказалось, силы нет. Нет, брат, тут что-то не то.

К нам присоединился Стручок, весело ухмыляясь.

— Ну, как сегодня твоя выручка? — спросил у него Псалтырев.

— Подходящая. Дома подсчитаем. Идем скорее, есть хочется.

И мы втроем, дыша свежим морозным воздухом, быстро направились в экипаж».

Разумеется, революционер и бунтарь с многолетним стажем А.С. Новиков-Прибой в принципе не мог написать ничего положительного об Иоанне Кронштадтском. К тому же свой последний роман он писал в то время, когда отношение Советского государства к церкви было сугубо отрицательное, тем более что одной из задач данного романа было оправдание будущих зверств в феврале 1917 года в Кронштадте. И все же остаются вопросы, почему в отличие от десятков тысяч наезжавших в Кронштадт паломников со всей России вчерашние крестьяне-матросы в своей подавляющей массе к проповедям знаменитого проповедника остались слепыми и глухими. Кто в этом виноват, вопрос для меня открытый.

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Г.К. Графа: «Кронштадт прогремел на всю Россию. Можно бы написать целую книгу относительно этой революционной вакханалии, к прекращению которой Временное правительство боялось принять должные меры. Вся психология Кронштадтской эпопеи носила грубый, варварский, настоящий революционный характер. Ничего идейного в ней не было: было только стремление разрушить, уничтожить дотла все, что создано веками, стремление удовлетворить свои животные ин-

стинкты. Вот в какой обстановке узурпаторы власти готовили тип нового матроса, своего верного клеветы, который должен был сыграть решающую роль по “углублению революции”»...

Цитата С.Н. Тимирева интересна тем, что он уже тогда увидел то, что многие не увидели и много позже — матросская вольница поднялась вовсе не из-за каких-то революционных принципов, а как бы сама по себе. Именно так родился удивительный российский феномен — революционные матросы. Но не следует думать, что все происшедшее с еще вчера законопослушными матросами было случайностью. Нет! Тому, что произошло в Кронштадте, имелись и объективные предпосылки. Историк военно-морского флота К.Б. Назаренко пишет: «Причины возмущения матросов в Кронштадте в марте 1917 г. и позднее имели сложный характер. Вне всякого сомнения, в основе протестных настроений моряков лежали причины социального характера. При этом рабочая прослойка среди матросов, хотя и была в меньшинстве в процентном отношении, но, безусловно, задавала тон в кубриках. Почва для выступления матросов под социалистическими лозунгами к 1917 г. была подготовлена социально-экономическими и политическими условиями русской жизни. Однако на флоте общий фон протестных настроений дополнялся другим важнейшим фактором психологического, а не политического свойства. Все тоже накипевшее возмущение, складывавшееся из двух основных составляющих — томительного бездействия и ощущения непроходимого барьера и отчужденности между офицерами и нижними чинами — толкало матросов на выступление против самодержавия...»

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «В истории Октябрьской революции Кронштадту принадлежит исключительное место. В течение всего 1917 г. Кронштадт играл выдающуюся политическую роль, зачастую сосредоточивая на себе внимание всей России, вызывая вокруг своего имени лживые, фантастические хитросплетения и неистовые, озлобленные проклятия буржуазии. В глазах последней Кронштадт был символом дикого ужаса, исчадием ада, потрясающим призраком анархии, кошмарным возрождением на русской земле новой

Коммуны. И этот панический страх буржуазии при одной мысли о Кронштадте являлся не случайным недоразумением, порожденным лживыми выдумками капиталистической прессы. Это было вполне естественное опасение за свои интересы, продиктованное классовым инстинктом буржуазии. Совершенно иные и прямо противоположные настроения вызывал в то время Кронштадт в рядах революционных рабочих, солдат и крестьян. Кронштадт 1917 г. — это была недоступная революционная цитадель, надежный опорный пункт против какой бы то ни было контрреволюции. Кронштадт был общепризнанным авангардом революции”. В основе наступательной революционной роли Кронштадта лежат специфические социально-экономические условия. Прежде всего, Кронштадт — это военная крепость, защищающая подступы к Питеру с моря, и вместе с тем главная тыловая база Балтийского флота. Гражданское население Кронштадта, сравнительно немногочисленное вообще, всегда состояло главным образом из рабочих казенных заводов, доков и многочисленных мастерских, принадлежащих морскому ведомству. Гармонируя с общей картиной Кронштадта, во всех предприятиях царили суровые, драконовские порядки. Везде во главе стояла военная администрация, промышленность фактически была милитаризована. Рабочее движение при царизме было настолько угнетено, что в Кронштадте даже не существовало профессиональных союзов. Но в процессе революции классовое самосознание, несмотря ни на что, развивалось, крепло, закалялось и, волей-неволей, приводило рабочих в лоно большевистской партии. В результате рабочий класс вместе с матросами составил главнейшую опору нашей Кронштадтской партийной организации, и все время играл передовую, руководящую роль. Весьма немногочисленная и политическая невлиятельная кронштадтская буржуазия состояла из домовладельцев, трактирщиков и купцов среднего достатка. Эта малопочтенная группа под покровительством выгодного для нее “Городового положения 1890 г.”, захватила в свои руки кронштадтскую городскую думу и полновластно распорядилась местным хозяйством. Разумеется, во всей муниципальной политике настойчиво проводились лишь меры, выгодные своекорыстным,

хищническим интересам буржуазии. Да и высшее начальственное око, зорко наблюдавшее за деятельностью городского самоуправления, отнюдь не поощряло к проявлению инициативы и самостоятельности. Ограничив “общественную” деятельность рамками городской думы и скудной филантропической благотворительностью, кронштадтская буржуазия политически ничем себя не проявляла. Часть буржуазии, группировавшаяся вокруг ханжи-лицемера Иоанна Кронштадтского, открыто примыкала к “Союзу русского народа”... В кронштадтском революционном движении сразу в резкой форме обозначилась гегемония пролетариата. Подавляющее большинство населения Кронштадта составляли матросы и солдаты, причем численность первых значительно превосходила общее количество вторых. Это численное преобладание матросов, задававших тон в политической жизни, наложило неизгладимый отпечаток на весь ход развития революции в Кронштадте. Кронштадтские матросы в политическом отношении представляли собой передовой элемент. Дело в том, что самые условия морской службы требуют людей со специальной технической подготовкой, предъявляют спрос на квалифицированных рабочих. Каждый матрос — прежде всего специалист: минер, гальванер, комендор, машинист и т.д. Каждая специальность предполагает определенные знания и известную техническую, приобретенную на практике, выучку. В силу этого приему во флот, главным образом, подлежали рабочие, практически прошедшие школу профессионального обучения, изучившие на деле какую-либо специальность. Особенно охотно принимались слесари, монтеры, машинисты, механики, кузнецы и т.д. Пролетарское прошлое огромного большинства судовых команд, эта связь матросов с фабрикой и заводом придавали им особый социальный облик, налагали на них рельефный пролетарски-классовый отпечаток, выгодно отличавший их от сухопутных солдат, рекрутировавшихся главным образом из деревенской мелкой буржуазии. Определенный классовый дух, порою даже большевистский уклад мыслей, известное умственное развитие и запас профессиональных знаний — вот что обыкновенно приносил с собой рядовой матрос при поступлении на военную службу. Если в подавляющем большинстве

случаев под матросской форменкой и бушлатом легко было прощупать пролетария, то кронштадтские матросы — это были почти сплошь вчерашние городские рабочие. Такая исключительность положения создалась оттого, что с отдаленных, незапамятных времен Кронштадт являлся рассадником специальных морских знаний для всего Балтийского флота. В Кронштадте с давних пор были сосредоточены различные специальные школы, эти своего рода факультеты матросского университета. Не считая школы юнг, низшего учебного заведения, дававшего элементарное образование будущим унтер-офицерам, здесь находились: учебно-артиллерийский и учебно-минный отряды, а также машинная школа. Таким образом, каждый специалист-матрос непременно должен был пройти через горнило кронштадтского обучения. Ясно, что для приобретения новых знаний в Кронштадт отправлялись наиболее смышленные, наиболее толковые матросы. А таковыми, в первую голову, могли быть фабрично-заводские рабочие. Немудрено, что, благодаря такому искусственному подбору, контингент кронштадтских матросов, всегда представлявших собой матросскую интеллигенцию, состоял почти исключительно из вчерашних пролетариев, хотя и сменивших черную блузу на синюю голландку, но ничего не забывших из своего классового социально-политического инвентаря, приобретенного во время работы на фабриках и заводах. Да, наконец, и самый характер службы на современных судах, напоминающих фабрику, закалял пролетарскую психику. Этот преобладающий классовый состав кронштадтских матросов определил собой их политическую позицию и обусловил совершенно исключительное, можно сказать, безраздельное господство боевых лозунгов, выдвинутых партией пролетариата. Вполне естественно, что матросы, наряду с рабочими, составили главное, очень крепкое и влиятельное ядро нашей Кронштадтской партийной организации. Если, с одной стороны, Кронштадт исполнял культурную миссию, являясь просветительной школой, то, с другой стороны, он был и тюрьмой. Уже один внешний вид города производит мрачное, угнетающее впечатление. Это какая-то сплошная, убийственно однообразная казарма. И в самом деле, едва ли где людям приходилось столько страдать, как

в Кронштадте. Когда начальство списывало матросов с кораблей и отправляло их в Кронштадт, то они рассматривали это назначение как самое тяжкое административное наказание».

Капитан 1-го ранга С.Н. Тимирев впоследствии вспоминал о кронштадтских погромах: «События в Кронштадте не имели никакой связи с общим течением революционного движения в Петрограде: достаточно было первого толчка — известия о свержении старой власти — и Кронштадт оказался во власти разнузданной толпы, которая, не прикрываясь даже никакими революционными лозунгами, приступила к убийствам и грабежам. Даже теперь трудно установить детали кронштадтских кровавых событий, т.к. большая часть представителей власти и порядка была зверски убита, революционные же деятели впоследствии о многом скрывали и замалчивали... Случайно уцелевшие были заключены по тюрьмам. Затем образовалась власть черни, власть подонков общества...»

Между тем Николаю II начали поступать телеграммы от командующих фронтами и флотами с высказыванием о желательности отречения. Исключением стал лишь хитромудрый командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак, телеграммы ни «за», ни «против» отречения так и не отправивший. После этого, поняв, что он предан всеми, Николай II принял решение отречься от престола. Отречение произошло 2 марта в Пскове в штабном вагоне императорского поезда. Россия вступала в самый страшный и кровавый период своей истории.

На следующий день после отречения Николая II мятеж перекинулся и на Гельсингфорс, где базировались линейные силы флота. Большинство матросов стоявших на зимовке в Гельсингфорсе кораблей и в первую очередь линкоров за время войны не сделали по врагу ни единого выстрела, так как командование держало крупные корабли в резерве на случай прорыва германского флота к Петрограду. Несколько лет существования в постоянной готовности к бою, но вне реальных боевых действий, строгая дисциплина, нечастые выходы в море, а больше всего активная разлагающая

деятельность революционеров всех мастей — все это в известной степени обостряло противоречия между офицерами и матросами. Практически на всех линейных кораблях действовали подпольные ячейки различных партий, причем первенствовали в этом вопросе эсеры и анархисты. Впрочем, пока не было мощного толчка извне, ситуация находилась под полным контролем командования. Этим толчком стало внезапное для всех отречение от престола Николая II.

Как известно, 3 марта матросам стало известно об отречении царя. Вице-адмирал А.И. Непенин издал приказ по флоту, объявляющий об отречении императора, и одновременно напоминающий о дисциплине, о том, что идет война, а потому требуется сохранение спокойствия и порядка. Командирам кораблей было приказано вечером зачитать текст манифеста об отречении и приказ командующего перед строем командам. Таким образом, А.И. Непенин надеялся предотвратить возможные волнения среди команд, но вышло все как раз наоборот, именно оглашение манифеста и спровоцировало последующие кровавые события. Ряд историков считает, что роковой ошибкой стала попытка командующего флотом вице-адмирала А.И. Непенина задержать объявление манифеста об отречении Николая II почти на сутки. Думается, что действия А.И. Непенина в данной ситуации мало что могли изменить.

Около 20 часов 3 марта 1917 года, как свидетельствует флагманский исторический журнал 1-й бригады линейных кораблей, «линейный корабль “Павел I” поднял боевой флаг и навел башни на стоявший рядом с ним линейный корабль “Андрей Первозванный”, после чего на “Андрее” был также поднят боевой флаг. На обоих кораблях были слышны выстрелы». За ними боевой флаг подняла стоявшая рядом «Слава» и почти тотчас же — дредноуты «Севастополь» и «Полтава». Мятеж охватил весь флот, не исключая «Гангут», на кораблях не прекращались крики и выстрелы. С оказавшегося во главе мятежа «Павла I», на флагманский «Петропавловск» клотиком передавали: «Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы». На «Андрей» и «Петропавловск» с «Павла»

были отправлены делегации для ускорения ареста тех офицеров, кто избежал уже совершившихся расправ.

Из воспоминаний очевидца событий с линкора «Полтава»: «После ужина в 19 часов в кают-компанию быстро вошел старший офицер В. Котовский. — Взбунтовалась 2-я бригада, подняли красные флаги. — Выйдя на палубу, я увидел такую картину: на кораблях 2-й бригады — “Императоре Павле I”, “Андрее Первозванном” и “Сл’аве”... раздавались частые беспорядочные винтовочные выстрелы и слышались крики. На мачтах этих кораблей виднелись поднятые красные флаги... На “Павле” замигал белый клотиковый огонь ... с призывом: “Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы!”».

После этого на «Павле» начались убийства. После убийства первого из офицеров, на его предсмертные крики на палубу выбежал старший офицер линкора старший лейтенант Яновский, но ничего не успел сделать, так как был схвачен, избит до полусмерти и выброшен с борта на лед. Затем во внутреннем коридоре был остановлен лейтенант Савинский. Несколько матросов предупредили его, чтобы он не ходил наверх, так как там начали убивать офицеров. В этот момент сзади к Савинскому подбежал некто кочегар Руденок (из полтавских крестьян, работавший до призыва забойщиком скота на бойне) и кувалдой нанес удар лейтенанту в затылок. Тот упал. Матросы якобы хотели отнести тяжело раненного офицера в лазарет, но Руденок не дал им этого сделать и несколькими ударами кувалды буквально размозжил голову Савинскому. Затем все тот же Руденок настиг и убил кувалдой мичманов Шиманского и Булича.

Читая воспоминания участников и свидетелей тех кровавых событий, возникает впечатление, что именно линкор «Павел I» был основной базой террористов и убийц на Балтийском флоте. На других кораблях тоже безобразничали и даже убивали, но столь массово и столь зверски — только на «Павле I».

Безусловно, тот факт, что именно на «Павле» была создана жестокая и беспощадная подпольная организация, навсегда останется на совести офицеров этого корабля. Впрочем, за свою недалекость и либеральность они поплатились собственной кровью.

Военно-морской историк Р.М. Мельников пишет о преддверии событий на линкоре «Павел I» так: «Здесь на корабле (на линкоре «Павел I». — *В.Ш.*) была создана, глубоко законспирированная ударная группа, которая на диво слаженными действиями при полном неведении офицеров сумела организовать подачу питания на башни, взять на себя управление, поднять на корабле боевой флаг и привести в действие мгновенно рассыпавшиеся по кораблю группы боевиков... Очевидно, что меры “отеческого отношения” к матросам или хотя бы элементарного политического надзора на корабле отсутствовали или были слишком слабы. От адмирала В.А. Белли, служившего в те годы на “Цесаревиче”, автор как-то услышал рассказ о том, как, будучи за старшего офицера, он с полного одобрения офицеров доставил прибывающего по какому-то делу жандарма дожидаться ответа у трапа, но не пустил его на корабль. Быть в стороне от “политики” считалось среди офицеров знаком хорошего тона, и теперь за этот неуместный снобизм им пришлось расплачиваться самым жестоким образом».

Из воспоминаний подпольного вожака «Павла» матроса Н.А. Ховрина: «По приказу еще не вышедшего из подполья комитета большевистской организации матросы захватили винтовки в караульном помещении и бросились на палубу. Вставший на их пути мичман Булич был убит. Против него никто не имел зла. Но он преградил дорогу восставшим, и его убрали. Командира 2-й роты лейтенанта Шиманского застрелили, когда он открыл огонь по матросам из своей каюты. Вслед за ним погиб старший офицер Яновский. Возле карцера матросы прикончили лейтенанта Славинского, отказавшегося выпустить арестованных. Вскоре линкор был в руках революционных моряков. На клотике мачты вспыхнул красный огонь... На “Павле I” убили всего нескольких офицеров, тех, кто пытался оказать восставшим сопротивление. Исключение составляет лишь старший офицер Яновский. С ним рассчитались за прежние издевательства. Старший штурман Ланге в момент восстания был на берегу. На борт вернулся, когда все уже было кончено. Едва он появился на палубе, его окружила группа разъяренных

моряков. Услышав их возгласы, Ланге понял, что ему угрожает. Он стал умолять, чтобы ему сохранили жизнь. Признался, что шпионил за матросами, но не один. — Вы и не подозреваете, кто еще ходит среди вас, — выкрикивал Ланге. В этот момент его кто-то ударил прикладом по голове. Упавшего штурмана добились. В ту минуту все считали такой поступок естественным».

В воспоминаниях Н.А. Ховрина есть неточности, т.к. к моменту мятежа на «Павле I» он уже давно находился под арестом. Однако ряд моментов в его воспоминаниях весьма любопытны. Это прежде всего попытка присвоить своей партии честь начала «бузы» и захвата оружия. На самом деле среди подполья на «Павле I» преобладали эсеры, и именно они доминировали на линкоре долгое время, а никак не большевики. При этом, называя инициаторами беспорядков своих товарищей по партии, Н.А. Ховрин, сам того не понимая, делает большевикам медвежью услугу. Пройдут годы, и правящая партия в СССР будет всеми силами открещиваться от былых массовых убийств офицеров, сваливая все на анархистствующих и хулиганствующих матросов.

Разумеется, что Н.А. Ховрин постарался обелить своих соратников в совершенных ими убийствах. Если внимать логике его рассуждений, то все офицеры сами виновны в своей смерти. Нечего, мол, было нарываться на неприятность! Что же касается Ланге, которого в действительности убили первым, а не последним, как пишет Н.А. Ховрин, то приведенные им последние слова убиваемого штурмана показывают, что убили его именно осведомители и провокаторы, и убили из-за боязни разоблачения.

Кстати, на однотипном с «Павлом I» линкоре «Андрей Первозванный», несмотря на происходивший там мятеж, офицеров все же не убивали. Таких зверей, как на «Павле», там не нашлось.

В течение суток на всех находившихся в Гельсингфорсе линкорах офицеры были арестованы и изолированы в своих каютах, причем в этот процесс активно вмешивались убийцы с «Павла I», свободно заходя на корабли и требуя расправы над офицерами. На трапе линкора «Андрей Первозванный» был застрелен в спи-

ну недавний командир «Павла» командир 2-й бригады линкоров контр-адмирал Небольсин, причем опять же в него стреляли именно «павловцы».

Впоследствии П.Е. Дыбенко, писал в своих мемуарах, что будто бы командир бригады, бывший командир линкора «Император Павел Первый», стоя на коленях, просил отпустить его и обещал раздать все из буфета и выдавать на обед двойную порцию. Тут действительно возникает подозрение, что Дыбенко служил именно баталером, а не гальванером. Помните, что запомнилось ему в день объявления войны? Только то, что командир хотел раздать матросам сладости из буфета и корабельной лавки. Теперь он рассказывает нам басни о том, что Небольсин якобы унижительно выторговывал себе жизнь за две миски борща. Так рассуждать мог только баталер, меряющий человеческие отношения пайками борща и котлетами. Что касается Небольсина, то, разумеется, Дыбенко врал, герой Порт-Артура перед своими убийцами не унижался. Да и убили его, как и других офицеров, подло — пулей в спину. Командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин пытался хоть как-то образумить матросов, но из этого ничего не получилось.

Убийства продолжились и утром 4 марта. С линкора «Император Павел I» в 05 час. 30 мин. утра была принята радиограмма: «Товарищи матросы! Не верьте тирану... от вампиров старого строя мы не получим свободы... нет, смерть тирану и никакой веры!». Тираном матросы «Павла» почему-то называли Непенина, почему? Ведь Непенин никогда не был замечен в плохом отношении к матросам, да и флотом командовал всего ничего. Какой из него тиран? Сигнал с «Павла» явно провоцировал самых ретивых на убийство командующего.

Тем временем по льду замерзших бухт всюду рыскали бродячие группы матросов с «Павла I», убивая всех попадавших им на пути офицеров. Действовали они на редкость подло. Так, утром толпа вооруженных матросов во главе с «павловцами» подошла к транспорту «Твердо». У командира и офицеров отобрали оружие, после чего командир транспорта лейтенант фон Стихт был рас-

стрелян. При схожих обстоятельствах был убит командир сетевого заградителя «Зея» лейтенант Подгоричани-Петрович. Около полудня «павловцы» подошли к посыльному судна «Куница» и стали требовать от его командира лейтенанта Ефимова, чтобы офицеры сдали свое оружие. Едва тот дал согласие, его тут же расстреляли из винтовок.

Затем настал черед эсминцев. Первым стал жертвой «Эмир Бухарский». Убийцы беспрепятственно вошли на миноносец и спустились в кают-компанию. Там сидели за обедом три офицера: старший лейтенант Варзар, мичман Лауданский и мичман Нейберг. Все они были расстреляны прямо за столом. Затем были ранены и еще живыми брошены в прорубь офицеры транспорта «Наш». Убили «павловцы» и попавшегося им случайно на пути старшего офицера крейсера «Диана» капитан 2-го ранга Рыбкина. Тяжело раненного из винтовки, его добились ударами прикладов.

Впрочем, иногда матросам других кораблей все же удавалось защитить своих офицеров от убийц с «Павла». Из воспоминаний капитана 1-го ранга Г.О. Гада, командовавшего в те дни линкором «Андрей Первозванный»: «Вдруг к нашей толпе стали подходить несколько каких-то матросов, крича: “Разойдись, мы его возьмем на штыки”. Толпа вокруг меня как-то разом замерла; я же судорожно схватился за рукоятку револьвера. Видя все ближе подходящих убийц, я думал: мой револьвер имеет всего девять пуль: восемь выпущу в этих мерзавцев, а девятой покончу с собой. Но в этот момент произошло то, чего я никак не мог ожидать. От толпы, окружавшей меня, отделилось человек пятьдесят и пошло навстречу убийцам: “Не дадим нашего командира в обиду!” Тогда и остальная толпа тоже стала кричать и требовать, чтобы меня не тронули. Убийцы отступили... Позже выяснилось, что, когда шайка убийц увидела, что большинство команды на моей стороне, она срочно собрала импровизированный суд, который без долгих рассуждений приговорил всех офицеров, кроме меня и двух мичманов, к расстрелу. Этим они, очевидно, хотели в глазах остальной команды оформить убийства и в дальнейшем гарантировать себя от возможных репрессий. Во время переговоров по телефону

с офицерами в каземат вошел матрос с “Павла Первого” и наглым тоном спросил: “Что, покончили с офицерами, всех перебили? Медлить нельзя”. Но ему ответили очень грубо: “Мы сами знаем, что нам делать”, — и негодяй, со сконфуженной рожой, быстро исчез из каземата. Скоро всем офицерам благополучно удалось пробраться ко мне в каземат, и по их бледным лицам можно было прочесть, сколько ужасных моментов им пришлось пережить за этот короткий промежуток времени. Сюда же был приведен тяжело раненый мичман Т.Т. Воробьев. Его посадили на стул, и он на все обращенные к нему вопросы только бессмысленно смеялся. Несчастный мальчик за эти два часа совершенно потерял рассудок. Я попросил младшего врача отвести его в лазарет. Двое матросов вызвались довести и, взяв его под руки, вместе с доктором ушли. Как оказалось после, они по дороге убили его на глазах у этого врача...»

Из воспоминаний мичмана Б.В. Бьеркелунда: «Группа матросов, громко говорившая, что со стоявшего поблизости транспорта его командир капитан 2-го ранга Гильдебрант не разрешает команде сойти на берег. Один из матросов, вынув наган, сказал: “Сейчас мы это наладим”, и направился в сторону транспорта. Через короткое время он вернулся обратно к ожидавшей его группе, размахивая наганом крича со смехом: “Разряжен!”. Как оказалось, капитан 2-го ранга Гильдебрант был им убит.

В это время по Военному порту шел его командир генерал-лейтенант Протопопов в сопровождении приехавшего накануне молодого инженера-кораблестроителя Л.Г. Кириллова. Шедший ему навстречу матрос остановился и, пропуская генерала мимо себя, крикнул ему в лицо: “Ты, генерал, — вор!” Генерал, кинув на него взгляд, прошел дальше; в этот момент матрос выхватил наган и выстрелил ему в спину. Вторым выстрелом в упор был убит инженер Кириллов.

Эти кровавые выступления поразили всех своей жестокостью, они застали многих врасплох, но не явились полной неожиданностью».

Что и говорить — беспощадность матросского бунта очевидна, как очевидна и бессмысленность этой беспощадности. Наиболее бессмысленным следует считать убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина. Вице-адмирала убили днем 4 марта, когда уже закончилась первая самая страшная полоса самосудов, происходивших в ночь с 3 на 4 марта. Что касается А.И. Непенина, то он направлялся на многотысячный митинг гарнизона Гельсингфорса и был убит выстрелом в спину в воротах порта, прозвучавшим из толпы находившихся сзади матросов.

Основной претензией матросов в Гельсингфорсе было то, что вице-адмирал А.И. Непенин с 28 февраля по 4 марта водил весь флот за нос, сообщал не то, что происходило в Петрограде.

Отметим, что друг и коллега Непенина — командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак не только не пострадал в те же самые дни, но, наоборот, стал одним из символов Февральской революции.

Может быть, Колчак был большим демократом, чем Непенин? Увы, и Колчак, и Непенин в политическом плане друг от друга насколько не различались. И служба обоих, и карьерный взлет были практически одинаковым. Оба были назначены на должности командующих флотами почти в одно и то же время (А.В. Колчак в середине 1916 года, А.И. Непенин — двумя месяцами позже), как сторонники активных методов войны на море. Оба были обязаны взлетом карьеры императору Николаю — и оба одновременно предали его, одними из первых военачальников высказавшись за его отречение. Им обоим при выступлении перед матросами в связи с восстанием кричали «Ура!». И А.И. Непенин с получением известий об убийствах офицеров на кораблях 2-й бригады линкоров рекомендовал офицерам присоединиться к манифестации нижних чинов в городе.

Убийство А.И. Непенина произошло по той же причине, почему вообще самосуды в Февральскую революцию имели место на Балтийском флоте, а не на Черноморском. В данном случае настроения балтийских и черноморских матросов в феврале — марте 1917 года

были разными. Возможным поводом к убийству А.И. Непенина послужило то, что он на встрече с представителями команд резко высказался о привлечении к ответственности в будущем виновных в убийстве офицеров. Матросы восприняли это как угрозу в свой адрес. Что касается А.В. Колчака, который после окончания войны должен был отвечать перед императором за бездарную гибель линкора «Императрицы Мария», имел все основания радоваться свержению Николая II, т.к. отвечать перед новой властью он был уже не обязан. Кроме того, когда в Севастополь начали поступать сведения о самосудах на Балтике, Колчак сделал соответствующие выводы и вел себя уже с учетом балтийских событий, стараясь играть на опережение. На мой взгляд, А.И. Непенин был более прямолинейным, менее гибким, но более честным и порядочным, чем его черноморский коллега. Он вряд ли мог бы выступать с матросами на революционных митингах и кричать вместе с ними «Ура!», публично скорбеть над гробом перезахораниваемого лейтенанта Шмидта. Есть сведения, что на гарнизонном митинге в Гельсингфорсе 4 марта по случаю победы революции возник вопрос: что делать с командующим флотом? И в ответ более двух тысяч матросов единодушно крикнули «смерть». Если такая информация правдива, значит, убили Непенина именно матросы, которые просто «поторопились» исполнить волю митинга. По позднейшему признанию матроса с «Павла I» П.А. Грудачева, выстрелил в спину Непенину именно он.

Из воспоминаний мичмана Б.В. Бьеркелунда: «Как потом выяснилось, при выходе из ворот порта матросы оттеснили лейтенанта Тирбаха (он сопровождал Непенина. — *В.Ш.*) и выстрелом в спину убили шедшего впереди адмирала, который упал на снег, лицом вверх. Затем они открыли по нем стрельбу из наганов, после чего скрылись обратно в порт, предварительно обшарив карманы убитого».

Поэтому искать причину убийства командующего флотом следует не в поиске неких германских агентов, а в анализе психологии матросской массы.

В левых газетах того времени писалось, что и Непенин, и офицеры в своем большинстве были убиты «некими лицами, одетыми

в матросскую форму». Этим утверждением левая пресса пыталась оправдать матросскую массу, свалив вину на каких-то мифических «посторонних флоту лиц».

По воспоминания очевидца, штабс-капитана Н.М. Таранцева, убийство Непенина произошло следующим образом: «Когда большая толпа матросов, частью пьяных — после ночных убийств — в большинстве с “Императора Павла I” пришла требовать, чтобы “Командующий флотом отправился с ними на митинг”... адмирал Непенин решил идти, опасаясь худшего. Сопровождать его пошли флаг-офицер Тирбах и инженер-механик... Куремиров. Оба лейтенанты. Когда толпа, во главе которой шел адмирал, только миновала ворота, матросы подхватили под руки Тирбаха и Куремирова и отбросили их прочь, в снег, за низенький чугунный заборчик. Непенин остановился, вынул золотой портсигар, закурил, повернувшись лицом к толпе и, глядя на нее, произнес, как всегда, негромким голосом: “Кончайте же ваше грязное дело!” Никто не шевельнулся. Но, когда он опять пошел, ему выстрелили в спину. И он упал. Тотчас же к телу бросился штатский и стал шарить в карманах. В толпе раздался крик “шпион!”. Тут же ждал расхлябанный, серый грузовик. Тело покойного сейчас же было отвезено в морг. Там оно было поставлено на ноги, подперто бревнами и в рот была воткнута трубка».

Впоследствии матрос береговой минной роты П.А. Грудачев в своих воспоминаниях утверждал, что это именно он вместе с тремя другими матросами убил Непенина. Из воспоминаний П.А. Грудачева: «Свое участие в революции... я начал с расстрела адмирала Непенина... Я вглядывался в адмирала, когда он медленно спускался по трапу... Вспомнились рассказы матросов о его жестокости, бесчеловечном отношении. И скованность моя, смущение отступили: передо мной был враг. Враг всех матросов, а значит, и мой личный враг. Спустя несколько минут приговор революции был приведен в исполнение. Ни у кого из четверых не дрогнула рука, ничей револьвер не дал осечки...»

Грудачев откровенно врет, называя расстрелом подлый выстрел в спину безоружного человека, но для нас важно другое — он от-

кровенно гордится этим убийством, оправдывая его начавшейся революцией. По Грудачеву, убийство безоружных офицеров есть не что иное, как их личное «участие в революции».

Впрочем, Грудачев мог приписывать себе «революционные заслуги» и задним числом. Заметим, что хвастовство революционных матросов (и не только матросов) в совершенных ими зверских убийствах во время обеих революций 1917 года и в годы Гражданской войны было очень модно в 20-е годы. В глазах преобладавшего тогда «троцкистско-коминтерновского» общественного мнения убийство классовых врагов почиталось делом праведным и полностью соответствующим тогдашней революционной этике.

Кстати, ходили разговоры, что убийца адмирала Непенина хвастался перед товарищами, будто за свое дело он получил 25 тысяч. Возникает логический вопрос: из какой кассы они были выданы, если Грудачев говорил правду? Этот вопрос так и остался без ответа.

Любопытно, что впоследствии известный советский писатель-маринист Борис Лавренев (на флоте никогда не служивший, но бывший сам офицером) оправдывал убийство Непенина, совершенное «революционным матросом» Грудачевым, как... акт законной пролетарской мести.

А бандиты с «Павла» продолжили свои страшные дела и в дальнейшем. Теперь они, однако, стали уже осторожнее и старались не оставлять свидетелей. Так несколькими днями позднее пропали без вести трюмный механик и водолазный офицер «Павла»; скорее всего, они также были убиты.

16 апреля «Император Павел I» за особые заслуги перед революцией был торжественно переименован в «Республику». А в ночь с 5 на 6 октября 1917 года в Ганге на транспорте «Тосно» без вести пропал начальник дивизии подводных лодок контр-адмирала Владиславлев, который, скорее всего, стал еще одной жертвой убийц с «Республики». П.П. Владиславлев пропал в ночь на 5 октября 1917 года. Тело его было обнаружено позднее в воде: возможно, кто-то в темноте столкнул адмирала с пирса, но обстоятельства его

гибели до сих пор точно не выяснены. Поводом к расправе могло послужить то, что матросы «Республики» собирались направить свой линкор в «революционный поход на Петроград», а Владиславлев публично заявил, что его подводные лодки не пропустят мятежников к столице.

Впоследствии матросы «Республики» вообще трепетно оберегали свое революционное лидерство. При этом команда вскоре практически разделилась на две группировки. Часть ее — 520 человек в апреле 1917 года объявили себя социал-демократами (т.е. большевиками и меньшевиками), остальные 400 — эсерами. Впрочем, цифра приверженцев к той или иной партии чуть ли не ежедневно менялась, так как после каждого очередного митинга матросы десятками переписывались из одной партии в другую, порой по несколько раз в день. Все большую популярность приобретали анархисты с их простыми и понятными лозунгами.

Отметим, что начало Февральской революции на Балтийском флоте имело и определенное символическое измерение. 3 марта в 20 часов 10 минут, когда было объявлено об отречении Николая II и о принятии власти Временным правительством, на кораблях флота, стоявших в Гельсингфорсе, начиная с флагманского «Кречета», на верхушках мачт были зажжены красные клотиковые огни. 4 марта в 6 часов утра на всех кораблях потушили красные клотиковые огни, но вместо них на стенах были подняты боевые флаги. При этом это были не те красные флаги, о которых мы хорошо знаем, а красные флаги с двумя косицами, означавшие по русскому флажному своду букву «Н». Подъем такого флага до настоящего времени в ВМФ означает сигнал «Веду огонь» или «Гружу боеприпасы», поэтому этот флаг назывался боевым. Однако утром 5 марта красные флаги уже почему-то не поднимали. Может быть, передумали, а может, просто, в угаре вседозволенности, забыли. Поэтому в тот же день над кораблями Балтийского флота снова заполоскались на ветру Андреевские флаги.

Кровавая расправа деморализовала офицеров в Гельсингфорсе, так же как и в Кронштадте. Однако даже в этой жуткой ситуации нашлись те, кто смог дать отпор убийцам и бузотерам.

Так, к начальнику 1-й бригады крейсеров контр-адмиралу М.К. Бахиреву подошел корабельный фельдшер и заявил, что ему поручено убить контр-адмирала.

— Ну, так стреляй! — подал плечами Бахирев.

— Я не могу! — ответил испуганный фельдшер.

— Если не можешь, так убирайся вон, — завершил разговор контр-адмирал.

После убийств офицеров командир линейного корабля «Слава» храбрый и любимый матросами капитан 1-го ранга П.М. Плен решил отказаться от командования кораблем. Но команда решила просить его остаться. Было решено, что команда выберет делегацию, которая выработает инструкции, приемлемые для команды и для командира, после чего П.М. Плен будет продолжать командовать «Славой». Когда инструкции были готовы, делегация явилась к командиру. Команда и командир стояли в командирском салоне. Один из матросов читал по пунктам инструкцию. С первым пунктом командир был согласен, со вторым — согласен, с третьим, с четвертым — согласен. В это время один из матросов самовольно уселся в командирское кресло, и, развалившись, закурил папиросу.

— А с этим не согласен! — заявил П.М. Плен, указывая на развалившегося в кресле матроса. — Убирайтесь вон!

Поведение командира произвело впечатление на команду, и П.М. Плен был оставлен без всяких инструкций.

Известно, что в Петрограде вооруженное сопротивление вооруженным толпам мятежников оказали, прежде всего, офицеры и гардемарины Морского корпуса и новобранцы 2-го Балтийского экипажа. Избежать жертв последним защитникам царизма в столице помогло лишь то, что возбужденная толпа из-за общих симпатий к флоту склонна была видеть в гардемаринах наследников лейтенанта Шмидта.

Из крупных кораблей в Петрограде находился лишь крейсер «Аврора», стоявший с октября 1916 года в ремонте у стенки Франко-Русского завода. За это время команда крейсера подверглась масси-

рованной агитации революционеров всех мастей и из сплоченной и боевой (какой была до ремонта) превратилась в плохо управляемую толпу. К началу Февральской революции на корабле активно действовали ячейки эсеров и большевиков. Видя падение дисциплины, командир «Авроры» пытался хоть как-то оградить команду от революционной агитации, и в феврале запретил матросам сход на берег. Но обо всех городских новостях команде становилось известно от рабочих завода, где ремонтировалась «Аврора». Наверное, не до конца осознавая, что среди команды началось брожение, М.И. Никольский допустил роковую ошибку. 27 февраля 1917 года, утром, у директора Франко-Русского завода Шарпантье проходило совещание, на котором присутствовал и командир ремонтирующегося крейсера. Обсуждалось положение в городе. Командир роты Кексгольмского полка, чьи солдаты охраняли завод, доложил, что ему негде содержать девять арестованных рабочих — участников беспорядков. М.И. Никольский предложил часть арестованных поместить в корабельный карцер, что и было исполнено: троих рабочих под конвоем привели на «Аврору». Естественно, что команда тут же об этом узнала. Вечером стало известно, что рота кексгольмцев уходит с завода, так как ее командир уже не мог ручаться за надежность солдат. Поэтому командир «Авроры» решил немедленно убрать арестованных с корабля, передав их уходящей роте. Когда караул выводил арестованных на берег, часть команды собралась на верхней палубе и стала требовать освобождения рабочих. М.И. Никольский и старший офицер крейсера П.П. Огранович приказали матросам немедленно разойтись, но матросы отказались расходиться, начав выкрикивать оскорбления в адрес офицеров. В этот момент у командира не выдержали нервы, и он начал стрелять по толпе из двух (!) револьверов, стрелять стал и старший лейтенант Огранович. Матросы разбежались, несколько человек, в панике, выпрыгнули за борт на лед, а трое получили ранения. В своей телеграмме на имя и.д. начальника 2-й бригады крейсеров А.М. Пышнова командир «Авроры» так описал эти события: «При отводе с крейсера трех подстрекателей толпы, задержанных в городе военным караулом, охранявшим завод, и содержащихся с полдня в судовом карцере

по просьбе начальника караула, часть команды бросилась на бак к шканцам, крича “ура” и ругая караул команды. Приказания мои остановиться и отойти от борта и замолчать не были исполнены, и люди продолжали с криками бежать на шканцы. По ним было сделано несколько выстрелов из револьверов, и люди (кучка около 300 человек) разбежались; из них один матрос “упал” на лед. Вызванный наверх караул и команда поротно вышли быстро. Настроение нервное, пока спокойно, но ручаться не могу ни за что; все зависит от хода событий в городе и появления в районе завода толпы. Вся охрана здешнего района уведена в более важные места. От намора получил устное приказание действовать, как предписано долгом службы ввиду серьезности положения и невозможности получения директив от Гламора». Отправив раненых в госпиталь, М.И. Никольский продолжал наводить порядок на корабле, пытаясь выявить зачинщиков. Надо отметить, что многие офицеры крейсера не поддерживали своего командира, так как к этому времени уже стало известно, что Гвардейский флотский экипаж в полном составе, во главе со своим командиром великим князем Кириллом Владимировичем, перешел на сторону восставшего населения. Кроме того, командира якобы вообще не любили на корабле, в том числе и ряд офицеров.

Ночью в госпитале скончался раненый матрос П. Остапенко, о чем команда вскоре узнала. Утром следующего дня к борту крейсера подошла большая толпа рабочих, которые стали звать матросов идти с ними в город. Команда стала разбирать винтовки, несмотря на попытки командира и старшего офицера остановить их. По другой версии, командир со старшим офицером преградили путь пытавшимся пройти на борт корабля агитаторам. Как бы то ни было, но матросы отобрали у М.И. Никольского револьвер и выгнали его с корабля на стенку пирса. Следом выгнали с крейсера и старшего офицера П.П. Ограновича. Команда потребовала от командира возглавить колонну, взяв в руки красный флаг, и идти с ними в город. М.И. Никольский категорически отказался. После этого из толпы матросов раздались крики: «Судить его!» Матросы приказали, в наказание за убийство своего товарища, обоим офицерам встать перед

ними на колени. П.П. Огранович согласился, а М.И. Никольский заявил, что этого делать не будет. Сразу же после этих слов матрос Н. Брагин выстрелил из винтовки в голову командиру крейсера и убил его. После этого матросы набросилась на старшего офицера, ранив его штыком в шею. Огранович упал, обливаясь кровью, и матросы решили, что он убит. После этого под руку матросам попался кочегарный кондуктор Л. Ордин, который был тут же избит до полусмерти. Вызванные наверх офицеры крейсера, под угрозой расправы, были принуждены следовать вместе с командой в город. Вскоре матросы «Авроры» вместе с населением и солдатами запасных частей уже громили в городе полицейские участки и убивали городских.

Один из матросов «Авроры», Ф. Силаев, впоследствии опубликовал воспоминания о февральских событиях на «Авроре». Он подтвердил, что среди матросов началось волнение именно из-за сочувствия к арестованным. Матросы собирались группами, обсуждая, как их освободить. Когда арестантов уводили с корабля, то матросы закричали «ура» и «некоторые стали бросаться через борт». Командир и старший офицер открыли стрельбу из браунингов. У матросов не было и они начали «бросаться в люки, чтобы не быть убитым». Когда в команде узнали, что среди их товарищей есть раненые, матросы стали совещаться, «как отомстить за это и решили воспользоваться сбором на молитву, чтобы встать у проводов и выключателей, потушить электричество и напасть на офицеров». Но командир об этом узнал, и у матросов ничего не получилось. Утром с Франко-Русского завода вышла большая толпа рабочих, которая стала кричать нам «братья, присоединяйся». Матросы стали их звать на корабль. Рабочие пришли и вместе с матросами вскрыли корабельный арсенал, вооружившись пулеметами, винтовками и отобранными у офицеров револьверами. Пулеметы поставили на автомобили, стоявшие в гараже Франко-Русского завода. После этого «вооруженные матросы двинулись по Мясной улице, приветствуемые толпой, а затем разбрелись по городу». О самом инциденте, связанном с убийством командира, матрос-авроровец сообщает скупо: «Корабль наш первый из кораблей действующего

флота поднял красные флаги. Вслед за ним присоединились и другие. Командир наш был убит, старший офицер ранен, погиб и один матрос. Порядок скоро был восстановлен, и на третий день жизнь уже вошла в обычную колею».

Характеризуя сложившуюся в Петрограде обстановку, помощник начальника Морского Генерального штаба контр-адмирал А.П. Капнист сообщал командующему флотом в Гельсингфорс: «Весь город в руках мятежников и перешедших на их сторону войск...» В тот же день здание Адмиралтейства было захвачено восставшими солдатами, офицеры Морского министерства, в том числе и сам А.П. Капнист, были арестованы. На 12-й линии Васильевского острова толпа солдат запасного батальона лейб-гвардии Финляндского полка после перестрелки захватила здание Морского училища. Директор училища вице-адмирал В.А. Карцов и его офицеры с трудом уговорили гардемарин сложить оружие, благодаря чему жертв с обеих сторон удалось избежать. Тем не менее солдаты, ворвавшиеся в здание, зверски избили героя обороны Порт-Артура В.А. Карцова. Не обошлось без жертв и во 2-м Балтийском флотском экипаже, в котором готовили к службе на кораблях молодых матросов. Там 1 марта были убиты командир экипажа генерал-майор по адмиралтейству А.К. Гирс и его помощник полковник А.Павлов. Вот как вспоминал об этом мичман Б.В. Бьеркелунд, видевший Гирса на демонстрации во главе экипажа: «Впереди шел генерал-майор Гирс, украшенный громадным красным бантом с розеткой... Гирса я видел последний раз в жизни. Ночью матросы подняли его из кровати и под предлогом, что команда хочет с ним говорить, вывели его на двор и расстреляли у поленницы дров, где его подобрали утром с двадцать двумя пулями в теле и разбитым прикладом лицом...»

Что касается того, как прошла Февральская революция 1917 года в Ревеле, то порой в печати появляются публикации о бескровности событий в этой военно-морской базе. В книге «Адмирал» ее автор А. Арзуманян приводит воспоминания матроса с эсминца «Изяслав» М.А. Крастина: «Не знаю, как где, а у нас, в Ревеле, революция

произошла почти бескровно. Ну, конечно, кое-где побили наиболее ненавистных “драконов”-офицеров, особенно так называемых “дубовых”. Уж больно вредна была эта порода начальства из бывших нижних чинов! Настоящие флотские, образованные офицеры в свою среду их не принимали, и “эти паны из хамов” всю злость вымещали на нашем брате. Немало из этих старых служаков, верных псов начальства, были связаны с царской охранкой. В городе возникли манифестации. Рабочие и матросы быстро обезоружили полицию и жандармов. Без схваток с приверженцами самодержавия не обошлось. Большая группа монархически настроенных офицеров обстреляла из гарнизонного офицерского собрания проходившую мимо манифестацию. Завязалась ожесточенная перестрелка. На предложение сдаться офицеры ответили отказом. По неизвестной причине возник пожар здания офицерского собрания, и почти все офицеры, находившиеся там, сгорели. Была перестрелка у гарнизонной гауптвахты и еще кое-где. По всем ревельским улицам бегали, как угорелые, матросы, разыскивая самого свирепого матросского врага, флаг-офицера коменданта крепости, капитана 1-го ранга Вишицкого. По его милости немало честных матросов было заключено в морские тюрьмы, арестантские роты, в Соломбальский дисциплинарный батальон и на штрафную канонерскую лодку “Грозный”. Вишицкий сбежал. Но все-таки через несколько дней, совершенно случайно его нашли где-то далеко от Ревеля, переодетого в крестьянский полушубок и в лапти. Вишицкого привезли в Ревель, водили как медведя по улицам, а потом прикончили...»

Поэтому насчет «бескровности» революционных событий в Ревеле, прочитав вышеприведенный отрывок, можно поспорить, но масштаб самосудов был там все же намного меньше, чем в Гельсингфорсе и Ревеле.

Давно подсчитано, что потери от офицерских самосудов в марте 1917 года значительно превысили потери флота в офицерском составе в Русско-японской войне, не говоря уже о Первой мировой. После этого офицеры, как элемент управления, полностью утратили свою роль, по крайней мере в Кронштадте, где расправы были особенно массовыми и зверскими.

Отметим, что при этом численность жертв февральско-мартовских событий на флоте, порой значительно преувеличивается. Однако при этом реальные последствия расправ над офицерами явно недооцениваются, хотя современники единодушно отмечали, что «всего тяжелее дни революции прошли во флоте». Если беспощадность матросского бунта очевидна, то существовавший комплекс причин для него и отношение к жертвам бунта ясно ставит под сомнение его бессмысленность.

Сегодня можно с определенной точностью сказать, что в Февральскую революцию на флоте погибли около ста офицеров: в Гельсингфорсе — около 45, немногим меньше — в Кронштадте, в Ревеле — 5, в Петрограде — 2, а также свыше 20 боцманов, кондукторов и сверхсрочников. Кроме того, 4 офицера покончили жизнь самоубийством, 11 пропали без вести, вероятно, были убиты или сбежали. В Гельсингфорсе было арестовано около 50 офицеров и в Кронштадте — около 300. Ряд офицеров, спасаясь от самосудов, сами пожелали быть арестованными. В Гельсингфорсе большая часть офицеров была выпущена в первые же дни после событий. Но остальные, около двух десятков человек, в основном причастные к подавлению Свеаборгского восстания 1906 года, находились в тюрьме, по крайней мере еще в июле 1917 года. В Кронштадте в конце мая под арестом продолжали находиться 180 человек. Временное правительство пыталось перевести их в Петроград отдельными группами. «Но, — как жаловался министр юстиции П.Н. Переверзев на съезде офицерских депутатов 25 мая, — каждый раз собирались огромные толпы, требовавшие, чтобы ни один офицер не был вывезен из Кронштадта. ... И, считаясь с непримиримым настроением в Кронштадте, мы не прибегали к решительным мерам, чтобы не вызвать насилий над заключенными офицерами». Фактически офицеры в Кронштадте как элемент управления к этому моменту полностью утратили свою роль.

Начало революции было для всех флотских офицеров самым страшным, опасным и трудным временем. Фактически все они находились вне закона. Убить офицера мог безнаказанно любой матрос. Достаточно вспомнить, что первый солдат, поднявший руку на свое-

го командира, унтер-офицер Волынского полка Кирпичников был награжден генералом Л.Г. Корниловым Георгиевским крестом, высшей наградой, дававшейся за проявление выдающейся храбрости. В дальнейшем Георгиевских крестов за убийства уже не давали, но убийцы оставались необнаруженными, и обнаруживать их никто не хотел. Печать того времени твердила на все лады об удивительной, никогда раньше не случавшейся «Великой бескровной революции». Разумеется, в начале революции офицеров убивали по всей стране, хотя и не массово. Но об этом журналисты, как правило, молчали. Замалчивать же массовое убийство морских офицеров Балтийского флота было для печати значительно труднее, так как эти убийства происходили на военно-морских базах, причем публично на глазах многочисленных свидетелей. Именно поэтому газетные сообщения о матросских зверствах в Гельсингфорсе и Кронштадте вызвали настоящий шок читателей по всей России. Именно с этого и именно тогда в сознании испуганного российского обывателя начал рождаться жуткий образ революционного матроса — не знающего пощады садиста-убийцы.

Самосуды же над морскими офицерами прекратила не какая-либо революционная партия. Самосуды резко пошли на убыль только тогда, когда менее кровожадная часть матросской массы почувствовала, что отомщена за былые моральные притеснения, что власть уже надежно находится в их руках, а офицеры дезорганизованы, запуганы, а потому неопасны и продолжение их убийств принесет уже больше вреда, чем пользы. Как говорится, ничего личного...

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОННЕЕ ВСЕХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Сегодня многие историки справедливо считают, что истоки небывалой жесточенности противоборствующих сторон в Гражданской войне, берут свой отсчет именно от февральско-мартовских самосудов на Балтийском флоте. В годы Гражданской войны это ни для кого не было секретом. Именно матросы первыми задали

тот градус жестокости к своим оппонентам, который впоследствии станет повсеместным. Самосуды разом и навсегда провели черту между матросами и офицерами. Немногие перебежчики из лагеря в лагерь лишь подтверждали это правило.

Что и говорить, перед нами налицо истовая беспощадность матросского бунта, от которого ужаснулась вся Россия. В 1905 году матросы уже поразили страну зверской расправой со своими офицерами на черноморском броненосце «Князь Потемкин-Таврический», но то было хоть и жуткое, но все же локальное преступление. Сейчас же они осуществили кровавый террор почти во всех приморских городах Балтики на глазах гражданского населения.

Хотя с момента страшных событий в Кронштадте и Гельсингфорсе на сегодня прошло уже сто лет, историки по-прежнему спорят о причинах звериной жестокости матросов по отношению к офицерам.

Как это ни покажется странным, но на вопрос: «Почему же переход власти во флотских балтийских базах произошел в форме массовых самосудов?» — непосредственные свидетели и современники событий так не смогли дать вразумительного ответа. Вот что писал один из представителей т.н. «нейтральной интеллигенции», которая, как правило, абсолютизировала какую-нибудь одну сторону событий: «Кто был вдохновителем и руководителем событий этого дня (1 марта, основного дня самосудов) в Кронштадте — не знаю. Несомненно, здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения. Роковую роль в жестокостях играли женщины, работницы порта...» Как говорится, «*cherchez la femme*». Другой вариант оценки причин кровавых событий: «Эти печальные события в Кронштадте разразились потому, что там было много штрафованных и других матросов, которых никто не хотел брать на суда, как негодный элемент. Словом, отбросы флота. Между ними и офицерами были чересчур натянутые отношения и, когда “укротители зверей” остановились в некотором замешательстве в начале движения, звери бросились на них и растерзали. Кровь опьянила их, они осатанели».

Думается, что полностью согласиться с такой оценкой нельзя. Дело в том, что далеко не все флотские офицеры смотрели на под-

готовку матросов как на дрессировку, и не всем при этом мешала их сознательность. Офицеры, как пишет Г.К. Граф, сами «терялись в догадках, стараясь найти причину убийства наших несчастных офицеров».

Отношение к потенциальной жертве у матросов могло смениться в короткий промежуток времени с гнева на прямо противоположное состояние. По воспоминаниям делегации матросов, которая приехала сообщить находившемуся под арестом начальнику минной обороны Балтийского флота вице-адмиралу А.С. Максимову об избрании его вместо А.И. Непенина командующим флотом, он сказал им: «Вчера вы меня арестовали, сегодня выбрали комфлотом, а завтра, может быть, повесите». Во время упомянутого митинга с капитаном 1-го ранга Г.О. Гаддом одна часть матросов, только что убившая двух кондукторов, захотела и его «взять на штыки», но, к счастью для Гада, верх взяла другая, захотевшая качать «на “ура” нашего командира». Качали и других офицеров, которым до этого угрожали самосуды.

В конце концов, по мнению Г.К. Графа, его товарищи приняли версию об уничтожении офицеров по неким спискам, заранее подготовленным большевиками и немецкими шпионами. Подобная «бульварная» версия для флотских офицеров, недоумевающих, за что же, история именно их выбрала «стрелочниками», по-человечески объяснима. Хотя при этом многие офицеры, сделав в свое время правильные выводы из «червивого мяса» «Потемкина», находя теперь объяснение и «рыбе», тем самым определяли и свое место в наступившей революции. Кстати, именно эту версию в 1917 году подхватили широко не только правые газеты, но даже такие деятели, как Питирим Сорокин. Эту версию можно встретить и у некоторых современных авторов. На самом деле, думается, все обстояло гораздо сложнее. Кровавые расправы над офицерами стали результатом стечения сразу нескольких факторов.

Ряд историков считает, что убийства офицеров носили организованный характер. Жертвами убийств пали начальники, начиная с командующего флотом, командиры судов и офицеры-специалисты: штурманы, минеры, артиллерийские офицеры. В результате чего

флот был практически обезглавлен. Таким образом, делается намек на происки германской разведки. В подтверждение приводится тот факт, что если убийство по личной мести имело место лишь в нескольких случаях, то в остальных случаях личных мотивов не могло быть, так как убийцы не знали раньше своих жертв. Их жертвы были офицерами и должны были быть убиты. С какой целью? Для торжества революции и победы немцев! Ведь офицеры к 3 марта еще никак не успели определиться в своем отношении к революции. При этом именно офицерский состав был той силой, на которой держался Балтийский флот во время войны с Германией. Увы, при всей внешней логичности, данная конспирологическая гипотеза не соответствует всем реалиям марта 1917 года.

Самосуды над офицерами на Балтике в марте 1917 года были, безусловно, напрямую связаны и с декларированной «авангардной ролью» матросов в революции 1917 года. В научной и мемуарной литературе советского периода сложились следующие представления о причинах этой роли: резкая социальная разница между матросами и офицерами, в основном выходцами из высшего дворянства, весьма строгая дисциплина на кораблях и в базах, достаточно высокий уровень грамотности матросов, а также возросшее значение самого флота, как военной силы, в условиях Первой мировой войны (на 1 января 1917 г. в списках боевых судов флота состояло 558 кораблей). Кроме этого, несомненно, свою роль сыграла и близость основных флотских баз к столице, а также накопленные с 1905 года революционные традиции и активная подрывная деятельность революционных партий на флоте.

В частности, этот факт особо подчеркивал бывший нарком юстиции левый эсер И.З. Штейнберг в известном труде «Нравственный лик революции». В целом причины трагических событий представителями различных партий целиком определялись их политическими пристрастиями. При этом диапазон мнений о причинах самосудов был очень велик: от абсолютной стихийности происшедшего до полной сознательности в действиях матросов в период Февральской

революции, а сами эти действия представлялись то героическими, то преступными.

Разумеется, что сама революционная обстановка перевернула у многих матросов все прежние представления о неизбежности самодержавия, разрыв в сознании между привычными понятиями и реальной действительностью был мгновенным и огромным, и поэтому многих, как говорится, просто «накрыло». Если раньше матросы достаточно спокойно терпели унижения от офицеров, считая это их неотъемлемым правом, как дворян и лиц, приближенных к царю, теперь же революция декларировала, что, оказывается, такой порядок был несправедлив. И многие матросы просто мстили за свои унижения.

«Достоин удивления, что это никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары. От стихийного гнева толпы пострадали только те офицеры, которые прославились наиболее зверским и несправедливым обращением с подчиненными им матросско-солдатскими массами», — писал лидер кронштадтских большевиков Ф.Ф. Раскольников.

Доктор исторических наук К.Б. Назаренко пишет об этом так: «Накопившееся в душах матросов чувство унижения выплеснулось на поверхность во время революции. Этот всплеск антиофицерских настроений во многих случаях вылился в стихийные расправы, жертвами которых стали как вызывавшие персональную ненависть офицеры, так и случайные лица. Однако неправомерно видеть в стихийных расправах над офицерами плоды “большевистской агитации”, как это делали сторонники Белого дела во время Гражданской войны, и как делают это некоторые современные историки. Эти расправы не были инспирированы какой бы то ни было партией, но все политические силы, поддерживавшие Февральскую революцию, одобрили их как следствие справедливого гнева масс. В 1917 г. существовала тенденция сильно преувеличивать степень разумности действий толпы матросов в первых числах марта 1917 г.»

Зачастую поводом к убийству мог стать формальный повод. Порой убивали просто для того, чтобы убить. Среди матросов-убийц были и такие, которые из-за своих монархических убеждений ис-

крenne сотрудничали с охранкой. На кораблях считали, что тем самым они стремились замести следы. Во всяком случае, основная матросская масса оправдывала убийства, но не самих убийц, и последние сразу после февраля «ушли в тень», исчезли из флота, и в мемуарах практически нигде не фигурируют.

Отметим, что в исторической литературе имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что убежденные противники царизма, матросы-каторжане, как раз в первую очередь и принимали меры против самосудов, понимая их вред для дела революции.

Доктор исторических наук М.А. Елизаров справедливо считает: «Данные причины следует дополнить, прежде всего, социально-психологическими факторами. Как представляется, среди них особенно важную роль играл оставшийся невыясненным на флоте вопрос о виновниках поражения в Цусимском проливе и в других сражениях Русско-японской войны 1904—1905 гг., носившей морской характер. Матросы были склонны считать виновниками офицеров и все командование, а офицеры — революцию и революционно настроенных матросов. Важными также были психологические причины внутрифлотского соперничества: повышенная революционная активность в 1917 году Балтийского флота по сравнению с Черноморским, в то время как у последнего была авангардная роль в революции 1905—1907 гг. Здесь очевидно значительно повлияла разница отношения к Первой мировой войне. Черноморцы активно участвовали в боевых действиях и видели продолжение революции в продолжении войны как революционной, что совпадало с позицией правых и соглашательских партий. Ядро Балтийского флота — линкоры — в сражениях участия не принимали, и, когда началась революция, их экипажи стремились максимальной активностью в ней заявить о себе. В дальнейшем развитие революции больше пошло по антивоенному большевистскому пути. В стремлении теперь уже черноморцев “догнать” балтийцев при замалчивании трагизма февральско-мартовских событий волна самосудов, схожая с Балтийским флотом, прокатилась на Черноморском флоте зимой 1917—1918 гг.».

Что касается жертв самосудов, то это были, в первую очередь, не потенциальные политические противники революционеров и не самые строгие начальники, а те, кто допускал унижительное отношение к матросам, кто считал матросов «черню». При этом приоритетной не являлась какая-либо личная неприязнь к офицерам. Скорее она являлась поводом для самосуда. Главным было — какую опасность представляет офицер в данной ситуации для возможности возврата к старому. Лозунг восставшей матросской толпы: «Братцы, надо крови!..» — был обусловлен стремлением «сжечь мосты» и страхом возможного возмездия в случае возврата к старому. Именно этим страхом была обусловлена крайняя нетерпимость матросов к каким-либо разговорам о возможности наказания за самосуды над офицерами, несмотря на отсутствие личной неприязни к ним. Особенно показателен в этом плане случай с мичманом Биттенбиндером, которого матросы убили на миноносце «Гайдамак», как случайного свидетеля их расправы над командиром миноносца «Уссуриец». На его похоронах была вся команда, и многие даже плакали, но при этом считали Биттенбиндера «неизбежной жертвой революции». Весь комплекс причин, обусловивший особо радикальную готовность матросов к революции, созревший гораздо раньше, чем в целом по стране, должен был персонифицироваться в конкретных противниках свержения самодержавия, на которых держалась вековая несправедливость. Таковыми и стали офицеры.

Слухи о небывалых зверствах в Кронштадте и Гельсингфорсе множились, они быстро облетели всю Россию, и та содрогнулась от ранее не виданного ужаса. Ведь ничего подобного в таком масштабе никогда до этого не было, ни в армии, ни на флоте. С такой звериной жестокостью и в таком количестве своих командиров русские матросы и солдаты еще никогда не убивали. И это при том, что февральские события в многомиллионной воюющей армии прошли, в общем-то, достаточно спокойно. Единичные сведения счетов с офицерами были, случались и самоубийства офицеров-монархистов, но что-

бы солдаты массово крошили своим окопным командирам головы кувалдами, такого никто и представить не мог.

Именно после кронштадско-гельсингфорсской бойни сам вид революционных матросов на долгие годы станет нарицательным для миллионов обывателей от Пскова до Владивостока. Отныне одни будут считать матросов настоящими революционерами, другие — садистами и уголовниками.

Другое дело, что одни матросы, сами ужаснувшись бессмысленности и кровавости произошедших расправ, в дальнейшем уже ничего подобного не допускали. Наряду с этим другая часть матросской массы, наоборот, почувствовав вкус крови, уже не могла остановиться. Отныне пытки, убийства и грабежи станут их любимым делом. Для обывателей же все матросы были на одно лицо. Поди разбери, будет ли он тебя грабить и убивать или просто начнет агитировать за равенство и братство?

Отметим, что именно в феврале 1917 года наметилась одна любопытная тенденция — бузили и расправлялись с офицерами, прежде всего, матросы, не нюхавшие пороха. Это, прежде всего, команды линкоров, так и простоявших без настоящей боевой работы в Гельсингфорсе, а так же матросы всевозможных учебных и береговых частей из Кронштадта и Ревеля. Подавляющее же большинство матросов с боевых миноносцев, подводных лодок и крейсеров, а так же с единственно реально воевавшего линкора «Слава», своих офицеров не то что не убивали, но, наоборот, брали под защиту, когда с ними пытались расправиться чужие матросы.

Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. Подавляющее большинство из окунувшуюся с головой в революцию и братоубийственную войну матросов также не нюхали пороха в годы Первой мировой войны. Те же, кто уже навоевался по горло, в своем подавляющем большинстве при первой возможности разошлись по домам, после чего недоевавшие сразу заняли их место в матросской иерархии и объявили себя настоящими «мареманами».

Отметим, что бывший матрос Н.А. Ховрин в своих мемуарах не скрывал случайности многих жертв мятежей в Кронштадте и Гельсингфорсе, особенно самых первых, явившихся, по его мнению,

следствием накаленности общей обстановки и результата сдачи нервов (причем без разницы — у офицера или у матроса). А после «связанная между собой уже не словами, а делом, команда не могла остановиться на этом». Н.А. Ховрин откровенно описывает жуткие сцены убийств офицеров с помощью «кувалды», с «добиванием» раненых и т.д., делает это не без сочувствия к офицерам, исполнявшим свой служебный долг и недальновидно оказывавшим сопротивление действиям матросов. Но в то же время он не осуждал действия убийц-матросов. Н.А. Ховрин назвал происходившие жестокости «лишь каплей в море по сравнению с тем, что приходилось переносить матросам за время службы от своего командного состава» и «детской забавой» по сравнению с расправами над матросами в 1905 году.

В качестве «средней» точки зрения советской литературы можно, пожалуй, привести свидетельство присланного ЦК РСДРП(б) в Кронштадт сразу после окончания Отдельных гардемаринских классов мичмана Ф.Ф. Раскольников, который писал: «Буржуазные газеты с бешеным ожесточением приписывали расстрелы кронштадтских офицеров нашей партии, в частности, возлагали ответственность на меня. Но я приехал в Кронштадт уже после того, как закончилась полоса стихийных расправ. Что касается нашей партии, то она, едва лишь овладев кронштадтскими массами, немедленно повела энергичную борьбу с самосудами. Расстрелы офицеров... носили абсолютно стихийный характер, и к ним наша партия ни с какой стороны не причастна». Это свидетельство верно, если не считать некоторого преувеличения автором своей роли и роли большевиков в «овладении» кронштадтскими массами. Самосуды главным образом прекратила не какая-либо партия, они резко пошли на убыль, как только сознательная часть кронштадтцев почувствовала, что победа революции обеспечена, а самосуды лишь наносят ей вред.

Что касается большевиков, то они к кровавым февральским событиям всегда относились сдержанно и всеми силами открещивались от участия в них, отдавая пальму первенства своим недругам эсерам и анархистам. Возможно, что так и было на самом деле. В своих воспоминаниях один из самых стойких флотских большеви-

ков матрос Н.А. Ховрин, бывший в феврале на линкоре «Император Павел I» и видевший, как убивали офицеров, пишет об этом не без сожаления, признавая при этом случайность жертв. Оправдывает же он происходящее, тем, что все жестокости были «лишь каплей в море по сравнению с тем, что приходилось переносить матросам за время службы от своего командного состава», и «детской забавой» по сравнению с расправами над матросами в 1905 году.

О событиях революции 1905—1906 года я уже писал в своих книгах «Лжегерои русского флота», «Дело крейсера “Память Азова”» и «Последняя кровь первой революции». Скажу здесь лишь то, что и тогда к расстрелу приговаривались судом исключительно те, кто возглавлял антигосударственные мятежи и лично убивал людей. Заметим, что даже в том случае арестованные имели адвокатов и имели возможность высказаться на суде.

Любопытно, что первое время партия большевиков особо не отрещивалась от участия в убийствах офицеров. Впрочем, не отрещивались от этого и другие левые партии. Формулировка была такой — убитые были самыми вредными и злыми представителями класса угнетателей на флоте. Поэтому именно с ними персонально расправлялись их бывшие жертвы, на что, разумеется, они имели моральное революционное право. Надо признать, что официально в 1917 году ни одна из революционных партий не только не взяла на себя ответственность за самосуды (как сегодня обычно делают террористические организации), но и официально их никогда не оправдала. Однако при этом ни одна из левых партий в 1917 году их категорически и не осудила. Общий тон был таков: ну, пошалили братцы-матросики, может, и переборщили в чем-то, но с кем не бывает, революции же не делаются в белых перчатках! Матросы уже заявили о себе как о мощной революционной силе, и ругаться с ними из-за такой мелочи, как убийство пары сотен золотопогонников, никто не желал.

Спустя годы тон официальной советской историографии кардинально поменялся. Теперь в ход пошли рассказы о безумстве толпы, кроме этого все грехи были свалены в кучу на конкурентов по революционной борьбе. Большевики, как победители, в убийствах,

разумеется, впоследствии обвиняли своих бывших конкурентов — анархистов и эсеров всех мастей.

При этом в первую очередь обвиняли социал-революционеров (эсеров). Основанием для обвинений считалось то, что у эсеров к 1917 году имелась особая военная организация, занимавшаяся устройством ячеек в воинских частях и на флоте (кстати, большевики имели точно такую же!). Кроме этого, именно эсеры всегда считали террор, в том числе и индивидуальный, важной составляющей своей революционной работы. Известно и то, что в начале 1917 года большевики имели наименьшее влияние именно на линкорах, а эсеры, наоборот, были в большом авторитете.

Мичман Б.В. Бьеркелунд в своих воспоминаниях писал: «Социал-революционеры, кроме своей основной боевой организации (террор), имели еще военную организацию, занимавшуюся устройством ячеек в воинских частях и во флоте. Учитывая, что доминирующее большинство военнослужащих было из крестьян, можно допустить, что деятельность их могла иметь успех. Из разговоров с матросами я узнал, что на миноносцах эсеровских организаций не было, а имелись они главным образом на линейных кораблях. Количественно они были немногочисленны и раздулись и выросли после революции, но роль, ими сыгранная, была значительна. Они взяли инициативу в свои руки и, оставаясь анонимными, оказались хозяевами положения, чему способствовала инертность и растерянность, как масс, так и начальства. Убийство командного состава входило в планы эсеров, поэтому, как только стало известно о государственном перевороте, представители их на флоте немедленно занялись “ликвидацией холопов царизма”. Социал-революционные ячейки во флоте были довоенного происхождения и сохранились лучше армейских, так как флот не имел таких потерь, как армия. В связи с этим ссылаюсь на слова Лебедева. Видный член боевой организации социал-революционеров Лебедев после революции вернулся в Россию и был назначен товарищем Морского министра. На митинге в апреле 1917 года в Александринском театре он рассказывал, каким образом его партия достигла того, что матросы флота оказались верными слугами партии. Далее он разъяснил, что сделано

это было не в самой России, а за границей, трудами революционных эмигрантов. Лебедев в своей речи указал, что его партия, понимая значение вооруженной силы, стремилась подчинить ее своему влиянию. Это касалось, прежде всего, флота. Корабли, в одиночном порядке и эскадрами ходя в заграничное плавание, посещали иностранные порты, где было легко вести пропаганду среди команды и снабжать ее революционной литературой, которую она проносила на корабли для дальнейшего распространения. Во флоте нам нужно было только нажать кнопку, чтобы там, где нам было нужно, поднять восстание. Все восстания, происходившие на флоте, устраивались социал-революционерами. Это они в 1905 году провели восстание на “Потемкине” и “Очакове”, в 1907 году, во Владивостоке, — на миноносце “Скорый”, в 1906 году — в Свеаборге, Кронштадте и на “Памяти Азова”; ими же было организовано неудавшееся восстание в 1912 году на Черноморском флоте и, наконец, тоже неудавшееся, осенью 1915 г. на линкоре “Гангут”. Подтверждение этому я слышал тогда же от начальника жандармерии Свеаборга полковника Николаева, отца моего товарища. “Все восстания и беспорядки на флоте делают социал-революционеры и никто другой”, — сказал он мне в разговоре о волнениях на “Гангуте”».

При этом никаких реальных фактов современники, как и историки советского времени, относительно руководства расправами над офицерами именно эсерами представить так и не смогли. Поэтому однозначно обвинять социал-революционеров в организации матросских самосудов было бы неправильно. Уверен, что если бы к власти пришли эсеры, то с такой же легкостью в самосудах они обвинили бы большевиков.

Что касается победителей-большевиков, то сами они выставляли себя единственно последовательными противниками творимых преступлений. Увы, но мы вынуждены признать, что в феврале 1917 года, да и в последующие месяцы этого шального года, о сохранении жизни офицерам и большевики, и руководители всех других революционных организаций думали меньше всего. Их задача была совершенно иной — любой ценой завоевать авторитет среди матросских масс. И если матросы желали крови своих бывших на-

чальников, то почему бы не разрешить им напиться ее вдоволь? Главное, чтобы они при этом сохранили свою революционную активность и преданность именно их партии.

Десятилетие спустя, с приходом к власти И.В. Сталина и постепенной переориентацией общественного сознания с интернациональных идей на национальные приоритеты, о романтике «красного террора», а вместе с ним и о наиболее одиозных убийствах, вообще старались больше помалкивать. В более же поздние годы историки партии прилагали уже максимальные усилия, чтобы как-то обелить в глазах общественности сам кровавый террор и его «героев», ссылаясь при этом на неизбежность революционного процесса, психологию толпы и провокационное поведение самих жертв. Так искусственно создавался миф о неотвратимых закономерностях кровавых расправ при социальных переворотах.

При этом если в мемуарах 20-х и отчасти 30-х годов бывшие матросы революции порой с упоением описывали расправы над офицерами и свое в них участие, то затем тон матросских воспоминаний так же резко сменился. Теперь ветераны революции писали, в соответствии с установками высших инстанций, что все убийцы офицеров были исключительно анархистами и эсерами, а то и вовсе откровенно уголовными элементами, поэтому партия большевиков никакой ответственности за этих подонков не несет. Что касается самих «идейных большевиков», которыми, разумеется, являлись все без исключения авторы мемуаров, то они, разумеется, уже тогда всеми силами боролись со стихийными самосудами и до хрипоты осуждали подлых убийц на митингах, а то и вовсе где-то отсутствовали и ничего не ведали.

Вот, к примеру, весьма характерные воспоминания «старого большевика» Ф.Ф. Раскольников, написанные им в 30-е годы: «Буржуазные газеты с бешеным ожесточением приписывали расстрелы кронштадтских офицеров нашей партии, в частности, возлагали ответственность на меня. Но я приехал в Кронштадт уже после того, как закончилась полоса стихийных расправ. Что касается нашей партии, то она, едва лишь овладев кронштадтскими массами, немедленно повела энергичную борьбу с самосудами. Расстрелы

офицеров... носили абсолютно стихийный характер, и к ним наша партия ни с какой стороны не причастна». Почти слово в слово мы можем прочесть такие же заверения у главного матроса-большевика П.Е. Дыбенко в его воспоминаниях 30-х годов «Из недр царского флота к Великому Октябрю» и у многих других. Верить или не верить таким воспоминаниям, дело каждого.

Несмотря на это, периодически, даже в серьезных академических изданиях, снова возвращались к старым оценкам. Уже в период нового развала отечественной государственности в 1987 году в моем родном журнале «Морской сборник» в статьях, посвященных 70-летию февральско-мартовских революционных событий, писалось: «В грозном семнадцатом под руководством большевистской партии военные моряки приняли активное участие в свержении царского самодержавия...» Далее рассказывалось в основном о восстании в Кронштадте — в том духе, что началось оно по плану и по сигналу большевиков, что «повсюду были установлены засады с пулеметами», что «оказавшие сопротивление монархисты были убиты». Такое освещение событий отражало официальную точку зрения советских историков на Февральскую революцию, озабоченных, прежде всего, тем как бы, не преуменьшить организующую роль большевиков и не преувеличить фактор стихийности.

Кто же были конкретными исполнителями убийств? Здесь следует согласиться с тем, что в роли конкретных убийц преобладали уголовно-деклассированные элементы. За этой констатацией стоят не нынешние умозаключения, сделанные исходя из общего пересмотра отношения к революции, а факты, на которые начали обращать внимание революционеры еще в 1917 году. По мере развития революции, когда все больше обнаруживался вред левого экстремизма, большевики и экипажи стали замечать, что те из матросов, кто были склонны к воровству и прочей уголовщине, особенно требовали офицерской крови в февральско-мартовские дни. Они это делали и в дальнейшем, стараясь ультрареволюционностью прикрыть свои неблагоприятные наклонности. Принципиальным является то, что среди убийц офицеров были не настоящие революционеры, если считать февральско-мартовские самосуды вооруженной борьбой

между революционерами и защитниками самодержавия; и даже не известные своей недисциплинированностью матросы. Скорее среди них были ранее малозаметные матросы, «темные личности» и матросы, чуть ли не наиболее известные своей монархичностью. С одной стороны, они также стремились своей ультрареволюционностью прикрыть прежний монархизм.

Отметим, что сегодня практически все историки считают, что февральские самосуды не имели антимонархической направленности, более того, сами офицеры-монархисты морально были больше готовы к революции, чем офицеры, смотревшие на нее сквозь «розовые очки». Монархистов не шокировали самосуды, и кто из них хотел или стремился отвести подозрения в контрреволюционности, тот начал подчеркивать свою лояльность к революции и проявлять готовность к решительному изменению существовавшего порядка (убийство монархистами Г.Е. Распутина это также подтверждает). Поэтому не только командир Гвардейского флотского экипажа великий князь Кирилл Владимирович, но и личный состав Ставки, от которой ждали руководства борьбы с революцией, демонстративно надел красные банты и во главе с генералом М.В. Алексеевым принял участие в манифестации в Могилеве «в целях прославления торжества революции».

А вот мнение одного из самых серьезных авторитетов в данном вопросе, доктора исторических наук, капитана 1-го ранга М.А. Елизарова: «Со временем все значимые детали истории офицерских жертв, в том числе их неслучайности, проявлялись. Историки сегодня в поисках причин самосудов находят логику, хотя и “палаческую”, и какой-то определяющий социально-психологический фактор. Чаще других обращается внимание на “факт скученной изолированности людей, привыкших к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения. Матросы, томившиеся в бездействии в железных коробках, жестоко мстили именно определенного типа командирам”. Однако если в современных публикациях “антимонархическая” и “шпионско-провокационная” версии почти исчезли, то в целом имеется тенденция на основании фактов самосудов февральско-мартовских дней высказать “главное убежде-

ние... в том, что сущностью настроения революционных матросов февраля — октября 1917 года были не социал-демократические, а люмпен-пролетарские настроения”, или же объяснить их как “важнейший показатель психопатологического вырождения революции” и преступно-уголовной сущности толпы. Представляется также не совсем верным искать главные причины самосудов в низкой политической и общей культуре матросов. Более правомерной выглядит главная причина убийств офицеров, как носителей “другой правды”. Но это в том случае, если сущностью “другой правды” признавать нежелание офицерами радикально менять порядки на флоте. С тенденцией изображения матросов в февральско-мартовских событиях как психопатологической и уголовной толпы согласиться нельзя. Да, в них проявился типичный стихийный механизм толпы. Однако бессознательное в самосудах не следует считать преобладающим явлением. Даже толпа может быть структурированной и одухотворенной общей идеей. Кроме того, вопрос с сознательностью на флоте стоял принципиально. Можно предположить, что значительная часть матросов, принципиально не теряла контроля над собой. Ф.Ф. Раскольников отмечал, что во время самосудов “никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары”. В этой оценке содержится преувеличение, которое могло быть результатом постреволюционной “абerrации зрения”. Однако мысль о том, что у матросов, по крайней мере, был какой-то минимум целенаправленности и осознанных представлений о правоте своих действий, верна.

Более объективной представляется точка зрения офицеров старого флота, оставшихся впоследствии служить в Красном флоте. Так, артиллерийский офицер линейного корабля “Полтава” Г.Н. Четверухин, свидетельствуя, что накануне самосудов офицеры сознавали, что дело не в конкретных личностях, а «все мы для них негодные», отмечал, что, хотя «действительно было убито много реакционных офицеров, которые своим отношением к подчиненным заслужили справедливую ненависть матросов». Однако дело было «не совсем так», как говорится в современной литературе о «расправе революционных матросов с ненавистными им

реакционерами-монархистами». Он перечислил убийства, имевшие разные причины: по политическим соображениям, чтобы избавить флот от лиц, способных отрицательно повлиять на ход восстания; для сведения личных счетов; против офицеров — сторонников “палочной дисциплины” или имеющих немецкие фамилии. Особенно «не вписывается» в объяснение причин самосудов в период Февральской революции основная версия всей послефевральской литературы о борьбе с “реакционерами-монархистами”. Матросы не были непримиримы к монархии. Для них главным являлось изменение существовавшего порядка вещей. Ход Февральской революции на флоте это подтвердил. Особенностью самосудов было то, что их главная нацеленность как раз не была направлена против офицеров, известных своей приближенностью к монархии. Так, морской министр И.К. Григорович остался единственным не арестованным царским министром. Никто не только ни пострадал в Морском штабе при царской Ставке, но в связи с революцией его меньше других затронули кадровые изменения».

Февральско-мартовские самосуды 1917 года в Кронштадте и Гельсингфорсе относятся к числу тех достаточно редких исторических событий, когда трагичность происшедшего абсолютно ясна, но поиск виновников вначале был оставлен «на потом», а спустя время и вовсе предан забвению. О таких трагических событиях говорить, как правило, не принято, хотя они оставляют глубокий след в массовом сознании целых поколений. Увы, но в отношении жертв матросских самосудов марта 1917 года несправедливость была двойной: вначале собственно гибель, а затем и фальсификация памяти жертв. Капитан 1-го ранга Г.К. Граф по этому поводу справедливо заметил: «Эти убийства были ужасны, но еще ужаснее то, что они никем не были осуждены».

Такие события, как массовые убийства своих же офицеров, — явление для истории достаточно редкое. При этом они не украшают ни его участников, ни власть, при которой это произошло. Поэтому о таких событиях говорить много не принято. При этом именно такие события оставляют наиболее глубокий след в массовом сознании. Кто не знает о восстании (мятеже) на черноморском

броненосце «Князь Потемкин» в 1905 году? Событие, поистине ставшее эпохальным. Но в чем его знаковость и эпохальность? А в том, что впервые в истории России русские матросы подняли руку на своих командиров и начали их массово уничтожать. «Потемкин» стал водоразделом между двумя эпохами — эпохой полной подчиненности своим офицерам и эпохой, когда убийство своих начальников стало вполне обыденным делом. Не будь в 1905 году «Потемкина», вряд ли в 1917 году произошла офицерская бойня в Гельсингфорсе и Кронштадте. Причем если в 1905 году убийцы все же понесли наказание за свои самосуды, то убийцы 1917 года так и остались безнаказанными. Г.К. Граф с горечью писал: «Эти убийства были ужасны, но еще ужаснее то, что они никем не были осуждены».

Из воспоминаний мичмана Б.В. Бьеркелунда: «Временное Правительство России, как и всякое правительство, должно было дать правовую оценку февральской трагедии на Балтике и отделить революционеров от убийц-уголовников, но этого сделано не было. Этим “министры-капиталисты” сами вырыли себе глубокую яму. Трусость политическая всегда зримее, чем трусость на поле боя. Впрочем, как было им, бедолагам, дать объективную оценку убийствам, когда братишки-матросы готовы были хоть сейчас вскинуть винтовки и идти громить само Временное правительство. Задираться с “братвой” министрам было — себе дороже. Убитых офицеров уже не вернешь, так стоит ли из-за них ломать копья? Многим позднее генерал А.И. Деникин скажет, что кровавые бунты на флоте “служили первым предостережением для оптимистов”. Но Бог располагает, а люди предполагают... Как бы то ни было, но Временное правительство, взобравшееся на политический олимп с помощью мирового масонства, больше думало о сохранении своей власти, чем о наказании тех, кто способствовал их приходу во власть. Ну а что же остальная Россия? А Россия свято верила в печатное слово и с трепетом ждала сводок с фронтов, с перечнем убитых и покалеченных».

Моральная и юридическая ответственность за убийства 1917 года лежит, разумеется, на Временном правительстве и стоящих за ним

партиях, как на новой власти, которое не только не сделала даже попытки отделить революционеров от убийц-уголовников, но не дало и правовой оценке этой трагедии, сделав вид, что ее просто не было. Увы, такая позиция авторитета Временному правительству среди матросов все равно не прибавила.

Вот уже более века вначале участники событий, а затем и историки спорят, чем именно была вызвана эта звериная жестокость матросов по отношению к своим офицерам в первые дни Февральской революции. До сегодняшнего дня на сей счет существует несколько мнений.

Сразу же отметем такие надуманные причины (порой звучавшие и еще порой звучащие), что роковую роль в матросских жестокостях играли женщины, работницы, что имелось много штрафованных матросов (особенно в Кронштадте). Но ведь убивали не только в Кронштадте, но и в Гельсингфорсе, причем преимущественно на линейных кораблях, где никаких штрафованных отрядов не бывало, да и девицы-провокакторши отсутствовали.

С этой точки зрения интересно свидетельство капитана 1-го ранга Г.К. Графа, который приводит рассказ командира линкора «Андрей Первозванный» капитана 1-го ранга Г.О. Гада, который, оказавшись перед толпой матросов, задал им вопрос: «Чего вы хотите, почему напали на своих офицеров?» В ответ один крикнул: «Кровопийцы, вы нашу кровь пили...» Другой предъявил претензию: «Нам рыбу давали к обеду». И только в ответе третьего: «Нас к вам не допускали офицеры» — звучал не слишком внятный, но хоть какой-то мотив.

Примерно то же самое, что и Г.К. Граф, написал в своих воспоминаниях и капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен. По его мнению, матросы «говорили о таких пустяках, что тошно было слушать». Полагаю, что в этой реплике из дневника Ренгартена проявилась вся бездна непонимания между офицерским и матросским составом флота. То, что для офицеров было мелочью, для матросов являлось символом их неполноправия и животрепещущим вопросом.

Характерно главное, что потребовали матросские делегаты, собранные командующим флотом поздно вечером 4 марта, — матросы говорили об уважительном отношении офицеров к матросам, обращении к ним на «вы», большей свободе увольнения на берег и т.д. Здесь самое главное — это именно требование отношения к ним, как к людям. Нижние чины флота не хотели быть статистами при решении политических вопросов, они стремились к активному участию в решении судеб страны. Разумеется, далеко не все из них были готовы к сознательному участию в политическом процессе, но желание поучаствовать в нем было у всех. В этой реакции матросов нашли воплощение те тенденции, которые зрели на флоте в предреволюционные годы.

В тот же день, 4 марта, депутаты команд Шхерного отряда очень четко сформулировали свои политические требования, причем это были уже совсем не «пустяки». Требования моряков были следующими: «1) полное присоединение к новому народному правительству и желание поддерживать его как в настоящее время, так и впредь; 2) присоединение к мнению Совета рабочих депутатов; 3) полная амнистия политических (имеются в виду политические заключенные. — *В.Ш.*); 4) воинская дисциплина вне службы должна быть упразднена и нижние чины должны пользоваться полными гражданскими правами; 5) отдача нижних чинов под суд только с ведома и при участии гражданских властей; 6) ответственность перед законом в одинаковой степени, как офицеров, так и нижних чинов; 7) полнейшая осведомленность о текущих событиях; 8) корпус жандармов, городскую и сельскую полицию призвать в ряды действующей армии и заменить их слабосильными из армии и флота; 9) вежливое обращение офицеров с нижними чинами; 10) удаление лиц немецкого происхождения от занимаемых ими должностей как на военной, так и на гражданской службе».

Обратим внимание на последнее требование. Сильные антигерманские настроения на флоте дополняли антиофицерские настроения, т.к. среди флотских офицеров был достаточно велик процент офицеров с немецкими фамилиями. Безусловно, что в 1917 году в целом ряде случаев к расправе с офицерами с немецкими фамилия-

ми привели именно антигерманские настроения матросов. Разумеется, антигерманские настроения не были решающим фактором, но фактором сопутствующим они, безусловно, были.

Отметим, что во время этого митинга с капитаном 1-го ранга Г.О. Гаддом одна часть матросов, только что зверски убившая двух кондукторов, захотела и командира линкора «взять на штыки». К счастью для Г.О. Гада, победу в словесной перепалке одержали сторонники командира корабля, кричавшие «ура» и кинувшиеся качать Г.О. Гада. Причем данный случай был не единичен. Так же как командира «Андрея Первозванного» качали, и других офицеров, которых только что собирались убить. Перед нами полная случайность жертв. При этом отношение к потенциальной жертве у матросов могло мгновенно смениться в короткий промежуток времени от ненависти до полного восторга.

Любопытно в этой связи заявление вице-адмирала А.С. Максимова. 4 марта вице-адмирал находился под матросским арестом, как «враг революции». Сразу же после убийства Непенина к нему пришли матросские делегаты с сообщением, что «братва» избрала его новым командующим флотом. Выслушав ходатаев, А.С. Максимов не без оснований заметил: «Вчера вы меня арестовали, сегодня выбрали комфлотом, а завтра, может быть, повесите».

Важно отметить, что матросы Балтийского флота, выбрав себе нового командующего, сделали собственную серьезную политическую заявку на будущее, т.е. сразу же обозначили себя не как стихийных бунтовщиков, а как самостоятельную политическую силу. Большинство балтийских офицеров в своих мемуарах о Максимове пишут с ненавистью, как о предателе. Но матросы были на этот счет другого мнения. Так, матрос-большевик И.А. Ховрин впоследствии вспоминал, что контр-адмирала А.С. Максимова «на кораблях уважали за человеческое обращение с нижними чинами». Именно это для матросов при выборе нового командующего и было определяющим. Максимов видел в них не нижних чинов, а живых людей!

Впрочем, не всегда в марте 1917 года хорошее и уважительное отношение к подчиненным являлось гарантией сохранения жизни. Показателен в этом плане случай с мичманом Биттенбиндером,

которого матросы убили на миноносце «Гайдамак», как случайного свидетеля их расправы над командиром миноносца «Уссуриец». На похоронах мичмана была вся команда и многие даже... плакали, но при этом считали Биттенбиндера неизбежной жертвой революции

Что касается большинства офицеров Балтийского флота, то они отстаивали «шпионско-провокационную» версию — дескать, офицеров уничтожали по неким тайным спискам, подготовленным немецкими шпионами и их агентами большевиками. Да, расстрельные списки офицеров действительно были, но не на Балтике, а на Черноморском флоте, и не в марте, а в декабре 1917 и в феврале 1918 года. Но события на Черноморском флоте — это отдельная большая тема, о которой в свое время мы еще будем подробно говорить. Что касается Балтийского флота, то до сегодняшнего дня не найдено ни единого доказательства наличия этих таинственных расстрельных списков. К тому же подавляющая часть убитых офицеров никоим образом не влияла на реальную боеготовность флота. А ведь германские шпионы должны были в первую очередь убрать штабных аналитиков и операторов, а также командиров соединений и кораблей, а не ничего не решавших лейтенантов и мичманов. Практически все ключевые фигуры Балтийского флота (за исключением, разве что Непенина) после мартовских событий 1917 года остались не только в живых, но и на старых должностях.

Весьма существенным обстоятельством, которое, на наш взгляд, серьезнейшим образом повлияло на поведение матросов во время революции, была дисциплинарная практика, господствовавшая в до-революционном флоте. Следует заметить, что формы, в которые облекались субординация и дисциплина царской армии и флота, были унаследованы в значительной степени от крепостнических времен. Поэтому они воспринимались солдатами, и особенно матросами, как унижительные. Особенно развилось ощущение ненормальности старых дисциплинарных форм на флоте после Русско-японской войны и Первой российской революции. Эта ненормальность, в частности, проявлялась в разных наказаниях, которые налагались на офицеров

и матросов за одинаковые уголовные преступления. За неповиновение нижнего чина офицеру полагалось значительно более суровое наказание, чем за неповиновение одного офицера другому.

Оскорбление нижним чином любого офицера всегда приравнивалось к оскорблению непосредственного начальника, за что полагалось значительно более строгое наказание, чем за оскорбление вышестоящего лица, не являющегося начальником. В тех случаях, когда офицер подвергался исключению из службы, нижний чин отправлялся в дисциплинарный батальон.

Несоразмерность уголовных наказаний была не главным. Значительно больше отвлекали повседневную жизнь нижнего чина переусложненные правила чинопочитания, которые резко отделяли офицеров от нижних чинов.

Вот что думал об этом капитан 2-го ранга царского флота и контр-адмирал советского флота В.А. Белли: «Два крупнейших фактора определяли состояние флота в то время: революция 1905 г. и русско-японская война 1904—1905 гг.». По его мнению, во второй половине XIX века на парусно-паровых кораблях с «ничтожной техникой... взаимоотношения офицеров-дворян и матросов-крестьян были сходны со взаимоотношениями помещиков с крестьянами и отражали картину, общую для всей Российской империи. Хотя в конце XIX и в начале XX столетия команды броненосного флота комплектовались уже в значительной степени из промышленных рабочих, все же взаимоотношения между офицерами и матросами оставались прежними. Совершенно очевидно, что в новых условиях на кораблях с обширной и разнообразной техникой это явление было полным анахронизмом, но никто из руководства морского ведомства не обращал на это внимания, и все шло по старинке, как, впрочем, и во всей жизни Российской империи». По мнению В.А. Белли, «имевшие место революционные выступления на кораблях были тесно связаны с постепенно обостряющимся антагонизмом между офицерами и матросами. До Русско-японской войны офицеры обладали непререкаемым авторитетом во всех областях военно-морского дела. Однако после тяжелых поражений в эту войну авторитет офи-

церов в глазах матросов значительно померк. Так как флот был наголову разбит, офицеры флота были дискредитированы. Причем не только перед матросами, но и перед всем российским обществом. Любопытно, что если до русско-японской войны матросы называли кадет или гардемарин по-патриархальному «барин» или «барчук», то после Цусимы эта форма обращения навсегда исчезла, сменившись на официальное обращение «господин гардемарин».

После отмены крепостного права начинается процесс роста чувства собственного достоинства среди крестьян, и в особенности рабочих. До отмены крепостного права дворяне искренне воспринимались массовым сознанием непривилегированных сословий как особая, высшая порода людей. Выслужить офицерский чин, а с ним и дворянство, было заветной мечтой солдата и матроса. Особое положение дворян резко подчеркивалось освобождением их от телесных наказаний, от рекрутской повинности, «благородным» обращением между собой и, самое главное, правом владеть крепостными. В результате отмены крепостного права, телесных наказаний, рекрутчины, развития системы образования, а главное, развития капиталистических отношений, дворянство стало терять ореол избранности и притягательность в глазах выходцев из низших сословий. Представление о том, что барин сделан из другого теста, уходит в прошлое.

Большая часть офицеров до февраля 1917 года продолжала снисходительно-покровительственно смотреть на матроса как на низшее, хотя но, по своей сути, и доброе существо. В то же время для матросов (особенно высококлассных специалистов) чувство собственного достоинства значительно повысилось, стало просто нестерпимо уставное пренебрежительное обращение на «ты», унижительные запреты, наподобие запрета посещения общественных садов, езда на извозчике, нахождение в трамвае вместе с офицером, курение на улице, запрет на посещения императорских театров, необходимость есть из общего бачка, а не из личных мисок и тарелок, обязательное вставание во фронт перед генералами и адмиралами и т.д. Осознание невозможности быть равноправным человеком

и не ощущать себя второсортным существом вызывало у матросов не только чувство протеста, но и ненависти к тем, кто был для них олицетворением этого унижения.

Необходимо знать, что по возрасту матросы 1917 года серьезно отличались от нынешних призывников-мальчишек. Если в советское время и сейчас призываются в основном 18-летние мальчишки, то тогда призыв производился лишь с 21-го года, а во многих случаях еще на два-три года позднее, то часто старослужащие матросы 1917 года имели возраст, приближающийся к тридцати годам, т.е. были уже взрослыми, сформировавшимися по своему мировоззрению людьми. Кроме этого были и еще более возрастные матросы, призванные во время войны из запаса. Среди последних было немало и участников мятежей 1905—1907 годов.

Военно-морской историк К.Б. Назаренко пишет: «Накопившееся в душах матросов чувство унижения выплеснулось на поверхность во время Февральской революции. Этот всплеск антиофицерских настроений вылился во многих случаях в стихийные насилия и расправы над офицерами, жертвами которых стали как вызывавшие персональную ненависть офицеры, так и случайные лица. Однако неправомерно видеть в стихийных расправах над офицерами плоды “большевистской агитации”, как это делали сторонники Белого дела во время Гражданской войны и как делают это некоторые современные историки. Эти расправы не были инспирированы какой бы то ни было партией, но все политические силы, поддерживавшие Февральскую революцию, одобрили их как следствие справедливого гнева масс. В 1917 г. существовала тенденция сильно преувеличивать степень разумности действий толпы матросов в первых числах марта 1917 г.».

«Достоин удивления, что это никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары. От стихийного гнева толпы пострадали только те офицеры, которые прославились наиболее зверским и несправедливым обращением с подчиненными им матросско-солдатскими массами», — писал лидер кронштадтских большевиков мичман Ф.Ф. Раскольников. Для современников такие заявления были веским основанием приписать

руководство расправами над офицерами определенным политическим партиям.

Руководители левых партий сразу же поспешили откреститься от такого сомнительного руководства. Уже в конце марта большевистская газета «Правда» оправдывалась: «Поголовных репрессий на флоте никто не проводил, как и погромов офицеров, лишь арестовывались рьяные монархисты и запятнавшиеся при прежнем режиме лица. Матросские комитеты, напротив, вносят успокоение... контролируют лишь политическую часть».

Что касается вице-адмирала А.И. Непенина, то он, думается, в определенной мере стал жертвой и своей явно неудачной попытки резко «подтянуть дисциплину» на Балтийском флоте после своего назначения командующим. В этом плане весьма характерна радиogramма представителей судовых комитетов Балтийского флота, переданная рано утром 4 марта 1917 года: «Товарищи матросы! Не верьте тирану. Вспомните приказ об отдании чести. Нет, от вампиров старого строя мы не получим свободу... Нет, смерть тирану и никакой веры!» В радиogramме имелся в виду приказ вице-адмирала А.И. Непенина от 28 ноября 1916 года, в котором говорилось об укреплении дисциплины. Тогда только что назначенный командующим Балтийским флотом Непенин решил сразу же проявить себя сторонником строгой дисциплины. Он лично задержал 9 офицеров и 39 матросов на улицах Гельсингфорса «за неправильную отдачу чести», приказал по два раза в неделю по часу обучать матросов отдаванию чести, установил дежурства штаб-офицеров по Гельсингфорсу для контроля за этим. Этого было вполне достаточно, чтобы Непенин стал для матросов тираном. Точно так же неумная деятельность адмирала Р.Н. Вирена по насаждению уставного порядка на улицах Кронштадта доставила ему славу тирана и стоила, так же как и Непенину, жизни.

За время своей более чем тридцатилетней службы в ВМФ я не раз сталкивался с ситуацией, подобной непенинской. И в советское время практически каждый новый командующий флотом начинал

свою деятельность именно с разгромных приказов о низком состоянии дисциплины, после чего начинал рьяно бороться за повышение ее уровня. Ветераны старшего поколения хорошо помнят, сверэнергичную деятельность по насаждению уставного порядка в 1985 году на Северном флоте назначенного командующим адмирала И.М. Капитанца. Изумленные активностью адмирала в деле насаждения дисциплины, североморцы сочинили по этому поводу даже стишок:

Флот танцует новый танец
Под названьем «капитанец».

Однако никто из матросов и офицеров советского Северного флота адмирала И.М. Капитанца за проведенное им закручивание «дисциплинарных гаек» в ранг тирана почему-то не возвел...

Поэтому говорить о реальной тирании как Непенина, так и Вирена не имеет никакого смысла. Они требовали от матросов только положенное, но в условиях начавшейся революционной вседозволенности эти, вполне справедливые, требования выглядели для желавших полной свободы матросов именно как проявление тирании. За это адмиралы и поплатились.

Не выдерживает критики и «антимонархическая» направленность убийств: дескать, давняя ненависть матросов к царю и выразилась в убийстве его верных слуг — офицеров. Даже в воспоминаниях самых радикальных революционных матросов вы не найдете брани в адрес лично императора. Да этого не могло и быть, так как вчерашние крестьяне могли бунтовать против кого угодно, но никак против самого помазанника Божьего. Наоборот, только узнав, что царь отрекся, а значит, Божьей власти над ними больше нет, матросы и схватили в руки кувалды. Думается, что было бы неверным искать главные причины самосудов в низкой политической и общей культуре матросов, т.к. среди матросов были разные люди.

Сегодняшние историки склоняются к тому, что убийства офицеров определялись социально-психологическим фактором. Как способствующий фактор к началу агрессии приводит факт скученности и изолированности людей, «привыкших к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения». Многие склоняются к тому, что настроения революционных матросов февраля — октября 1917 года были по своей сути не социал-демократическими (идейно-анархистскими, эсеровскими), а люмпен-пролетарскими, или, проще сказать, бандитскими, или же объясняют их как «важнейший показатель психопатологического вырождения революции», что сработал типичный стихийный механизм толпы.

Историк флота М.А. Елизаров пишет: «...Бессознательное в самосудах не следует считать преобладающим. Как выше было отмечено, толпа может быть структурированной и одухотворенной общей идеей. Кроме того, вопрос с “сознательностью” на флоте стоял принципиально. Можно предположить, что значительная часть матросов принципиально не теряла контроля над собой...»

Ряд очевидцев кровавых мартовских событий, и в том числе Г.Н. Четверухин (артиллерийский офицер линейного корабля «Полтава», служивший впоследствии в РККФ), отмечали, что хотя «действительно было убито много реакционных офицеров, которые своим отношением к подчиненным заслужили справедливую ненависть матросов», но дело было «не совсем так», как говорится в современной литературе о «расправе революционных матросов с ненавистными им реакционерами-монархистами». Г.Н. Четверухин перечисляет убийства, имеющие разные причины: убийства по политическим соображениям, чтобы избавить флот от лиц, способных отрицательно повлиять на ход восстания (например, А.И. Непенина и других офицеров высших рангов); убийства офицеров матросами-хулиганами для сведения личных счетов; убийства офицеров — сторонников «палочной дисциплины»; убийства офицеров, имеющих немецкие фамилии.

Особенно «не вписывается» в объяснение причин самосудов в период Февральской революции основная версия всей послефевральской литературы о борьбе с «реакционерами-монархистами».

Как выше было сказано, матросы не были непримиримы к монархии. Для них главным являлось изменение существовавшего порядка вещей. Ход Февральской революции на флоте это подтвердил. Заметим, что особенностью самосудов было то, что они как раз не были направлены против офицеров, известных своей приверженностью к монархии. Наиболее показательный пример — это морской министр И.К. Григорович, который остался единственным не арестованным царским министром. Забегая вперед, скажем, что если к офицерам-монархистам матросы относились не только спокойно, но и во многих случаях их поддерживали, то офицеров, связанных с А.Ф. Керенским, с меньшевистско-эсеровскими Советами, откровенно ненавидели и презирали. Историкам известен и такой факт — Морской корпус во время Февральской революции до конца оставался верен императору и оказывал революционным толпам весьма жесткое вооруженное сопротивление, но никто из офицеров корпуса и гардемарин не пострадал. Объяснение, что революционная толпа видела в гардемаринах «младших братьев» лейтенанта П.П. Шмидта, несостоятельно. Хороши «братья», стреляющие из трехлинейек в толпу! А чего стоит история с командиром Гвардейского флотского экипажа капитаном 1-го ранга великим князем Кириллом Владимировичем (двоюродным братом царя). Великий князь, нацепив красный бант, вывел 1 марта к Таврическому дворцу, где находились Временный комитет Думы и Советы, подчиненный ему Гвардейский экипаж (а ведь эти матросы охраняли царскую семью!) приветствовать победу Февральской революции.

М.А. Елизаров пишет: «На отсутствии однозначной антимонархической направленности самосудов сказалось и то, что сами офицеры-монархисты морально были более готовы к революции, чем те офицеры, кто смотрел на нее накануне сквозь “розовые очки”. Монархисты, исходя из прошлого опыта матросских протестов, смотрели трезво на возможные крайние формы ощущавшегося во всех слоях общества социального взрыва. Их не шокировали самосуды, и кто из них хотел или стремился отвести естественные подозрения в контрреволюционности, тот начал подчеркивать лояльность

к революции и проявлять готовность к решительному изменению существовавшего порядка (убийство монархистами Г.Е. Распутина это также подтверждает). Поэтому не только Кирилл Владимирович, но и личный состав Ставки, от которой и ждали руководства борьбы с революцией, надел красные банты и во главе с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым принял участие в манифестации в Могилеве с местным населением «в целях прославления торжества революции»».

Что касается конкретных убийц, то в этом качестве в подавляющем большинстве выступили уголовно-деклассированные элементы, которых среди матросов, к сожалению, хватало. Первыми об этом заговорили революционеры еще в том же 1917 году. В последующем все революционные партии, как могли, открещивались от своего участия в матросских самосудах, а большевики после захвата власти «обнаружили», что требовали офицерской крови в феврале — марте 1917 года именно те матросы, которые впоследствии участвовали в грабежах и другой уголовщине. Убивали же они офицеров для того, чтобы показной ультрареволюционностью прикрыть свои преступления.

Революция перевернула у матросов все их прежние представления о незыблемости самодержавия, мгновенно образовался разрыв в сознании между старыми привычными понятиями и новой реальной действительностью. Как матросы вообще понимали, что такое революция? Революция — это когда можно делать все то, что раньше было запрещено, этакий матросский день непослушания. Поэтому лозунг восставшей матросской толпы: «Братцы, надо крови!...» — был обусловлен стремлением «сжечь мосты» и страхом возможного возмездия в случае возврата к старому. Раньше матросы беспрекословно слушались офицеров, считая их выше себя по статусу. Теперь же революция официально декларировала, что все не только равны, но офицеры еще и виноваты перед матросами за былые притеснения. Что матросу делать в такой ситуации? Только мстить за эти былые притеснения! Кто-то мстил, перестав отдавать воинскую честь, кто-то игнорировал приказы, ну а кое-кто брал в руки все ту же кувалду.

И еще один тонкий момент. Сами матросы предполагали, что убийцами во многих случаях выступали их сослуживцы, которые из-за своих монархических убеждений ранее искренне сотрудничали с охранкой, а теперь стремились замести следы. Наиболее характерный факт — занимавшегося сыском на линкоре «Император Павел I» штурмана лейтенанта В.К. Ланге, которого убрал явно кто-то из его собственных осведомителей. Заметим, что, несмотря на то, что матросы в своем большинстве (в том числе и матросы-большевики в своих мемуарах) в целом оправдывали убийства, то в отношении самих убийц хранили полное молчание. Сами же убийцы почти сразу же исчезли из флота, и ни в чьих мемуарах не значатся.

Еще один факт. Казалось бы, самые убежденные противники царизма матросы-каторжане, кому сам бог велел свести счет с кровопийцами-офицерами, неожиданно наиболее решительно выступили против самосудов. По воспоминаниям председателя Наргенского Совета матроса П.Д. Коваленко, местные офицеры, узнав, что их собираются убить молодых матросы-артиллеристы, бросились в местную тюрьму к содержавшимся там матросам-каторжанам (осужденным в 1913 году по громкому «процессу 52-х»). И каторжане спасли от убийц своих вчерашних врагов.

Что же произошло? А то, что молодые матросы стремились показать себя решительными революционерами, а у старых революционеров-каторжан этой необходимости не было. Более того, они, наоборот, были озабочены тем, чтобы не скомпрометировать святую для них идею революции случайной кровью.

С началом Первой мировой войны на флот были призваны матросы, служившие в более ранние годы, среди них было немало и тех, кто имел большее или меньшее отношение к революционным событиям 1905—1907 годов. С их приходом ситуация на флоте изменилась не в лучшую сторону. Во-первых, повидавшие жизнь и обремененные семьями старые матросы воевать откровенно не желали, а большей частью мечтали отсидеться где-нибудь в теплом месте до окончания войны. Во-вторых, вернувшиеся встретили на флоте своих бывших сослуживцев, оставшихся на сверхсрочную и ставших к этому времени сверхсрочнослужащими и кондукто-

рами, а вследствие этого имевших куда большие оклады и права. Это было воспринято вернувшимися на флот матросами с обидой. Кроме этого, участники событий первой революции, возвращаясь на флот, думали, что новое поколение бунтарей встретит их с распростертыми объятьями и признает как авторитетов. Но ничего подобного не произошло. Молодые бунтари были очень недовольны возвращением представителей «старой гвардии». Да, они были готовы воздать им должное за героическое бунтарское прошлое, но подпускать к рулю начавшейся матросской революции не собирались. Противостояние старых и молодых матросских авторитетов было достаточно острым, и победа, вполне предсказуемо, осталась за молодыми, у которых было больше соратников, а следовательно, и влияния.

Историк ВМФ капитан 1-го ранга М.А. Елизаров считает, что матросы ясно чувствовали справедливость переворота в феврале 1917 года, но не могли осознавать объективность процессов, которые вели к революции и созревали чуть ли не веками. Весь комплекс причин, обусловивший особо радикальную их готовность к революции, созревший гораздо раньше, чем в целом по стране, должен был персонифицироваться в конкретных противниках свержения самодержавия, на которых держалась вековая несправедливость. Таковыми и стали офицеры».

Доктор исторических наук К.Б. Назаренко пишет: «Причины революционности матросов были сложными и неоднозначными. Разумеется, “фундаментом” их бунтарских настроений были социально-экономические и политические интересы тех социальных групп, выходцами из которых они были. Главным фактором было недовольство условиями службы, причем не материальной стороной дела, а моральными унижениями. Культурный уровень матросов после отмены крепостного права вырос, и те порядки, с которыми мирились рядовые моряки эпохи Крымской войны, стали возмущать их внуков. Воспитательные меры (церковные службы и произнесение речей перед строем), предпринимаемые начальством, выросшим в условиях “традиционных” вооруженных сил, уже не достигали цели. Усталость от многолетней однообразной службы

на крупных кораблях во время Первой мировой войны сказывалась на эмоциональном состоянии моряков. При этом следует учитывать, что для большинства не слишком политически развитых матросов важен был протест против любой существующей власти. В условиях 1917 г. большевики и анархисты больше, чем другие политические силы, имели шанс использовать эти настроения. Особенно привлекательны были антивоенные лозунги большевиков. Позднее, во время Кронштадтского восстания, оказалось, что даже большой процент коммунистов в экипажах кораблей не является гарантией от мятежа против большевиков. Усталость от войны и военной службы провоцировали политический протест и нежелание значительной части матросов принимать участие в Гражданской войне».

Революционной пропаганде среди матросов способствовало и то, что в Петрограде, Гельсингфорсе или Ревеле было легко достать нелегальную литературу. Специфика рядового состава парового флота вообще была таковой, что конфликт матросской массы с офицерством становится неизбежным и более острым, чем в армии. Здесь будет не лишне вспомнить не только неоднократные матросские мятежи в России, но и аналогичные мятежи в феврале 1918 года в австро-венгерском, в ноябре того же года в германском флотах, а в апреле 1919 года на французской эскадре в Черном море.

Наивно думать, что профессиональные революционеры, направленные для вербовки в ряды своих партий новых adeptов из флотской среды, агитировали первого попавшегося им на глаза матроса. Поступай они так, толку от их работы не было бы никакого! Революционеры, как правило, действовали не торопясь. Вначале они изучали ситуацию, определяли матросских лидеров, а затем начинали точечно работать именно с ними. Одних увлекали идеей, других, будущими материальными благами, третьих — возможной партийной карьерой. Чаще всего использовалось все в комплексе. Такая работа была весьма эффективной, т.к. завербованный в свою веру матросский лидер сразу же приводил в партийные ряды свое ближайшее окружение, а затем и всю команду. Чем авторитетней

и круче был завербованный в партию неформальный лидер, тем более серьезным бывал общий улов матросских душ.

Согласитесь, что старослужащий, но недалекий по развитию матрос вряд ли мог во все времена стать неформальным лидером, к его мнению просто никто бы не прислушался. Да «годки» бы уважали его, как своего ровесника, но не более того. Так же как и к мнению грамотного, толкового, но только что пришедшего на корабль матроса из учебного отряда никто бы из старослужащих не прислушивался. Ты вначале послужи с наше, испытай, почем он, фунт матросского лиха, а потом и слово иметь будешь! Пока же сиди, помалкивай и учись, салага этакий!

Классический неформальный лидер обязательно должен быть матросом, прослужившем на кораблях не менее 4—5 лет, в совершенстве освоившим свою специальность, развитым физически и умеющим продемонстрировать свои кулаки, а кроме этого, не жадным, веселым и достаточно грамотным. Например, будущий председатель Центробалта П.Е. Дыбенко полностью отвечал всем этим критериям настоящего матросского авторитета. Призывался он в 1912 году и поэтому к 1917 году, прослужив пять лет, считался уже старослужащим. Кроме этого, еще до призыва Дыбенко обучился на электрика, что было тогда достаточно редким явлением, и поэтому служил гальванером, т.е. был весьма ценным и грамотным специалистом. Кроме этого, Дыбенко был здоровяком. Имел пудовые кулаки и с завидной легкостью пускал их в дело. Помимо этого, будущий председатель Центробалта имел громкий голос, виртуозно матерился и был не дурак выпить и погулять. Как настоящий неформальный лидер, Дыбенко сколотил вокруг себя группу матросов, своеобразную личную гвардию, с помощью которой устанавливал в корабельных «низах» свои законы, грабил безответную часть команды, карал возмущающихся и миловал подчинившихся.

Часто на больших кораблях возникало сразу несколько достаточно влиятельных кланов во главе со своими лидерами. Эти лидеры могли враждовать друг с другом или заключать какие-то союзы, делить сферы влияния.

Надо иметь в виду, что таких перегибов, какие творили по отношению к молодым матросам «годки» в советские времена, на кораблях дореволюционного флота, как и флота периода революции, не было. Порукой тому была старинная система «дядек».

Дело в том, что каждый в российском флоте, начиная со времен Петра I, молодой матрос по прибытии на корабль должен был обязательно избрать из старослужащих матросов себе «дядьку». В обязанности «дядьки» входило обучение «племяша» тонкостям корабельной службы и жизни, а кроме того, его защита от кулаков других старослужащих матросов и «шкур», т.е. унтер-офицеров. Отметим, что инициатива выбора при этом шла не от старшего, а от младшего. Быть «дядькой» считалось у старослужащих матросов почетно и выгодно, так как «племяши» брали на себя многие бытовые заботы своего «дядьки»: стирали его одежду, делали приборку и т.д., а потому, чем больше было племяшей у «дядьки», тем лучше и сытнее ему жилось. Ну а молодые матросы, в свою очередь, старались, чтобы их «дядькой» был наиболее авторитетный старослужащий матрос со здоровенными кулаками.

Выбрав себе «дядьку», молодой матрос просил разрешения стать его «племяшом». Если «дядька» не был против, то молодой матрос давал ему присягу на верность, что будет всегда во всем его слушаться и повиноваться. После этого новоиспеченный «племяш» через того же «дядю» покупал не менее двух бутылок водки. Далее следовал ритуал обмывания родственных отношений. Племяшу при этом наливали стакан водки и бросали в него кусочки хлеба и колбасы (это назвалась «мурцовкой»), остальная водка распивалась дядькой и взводным унтер-офицером, который приглашался как свидетель. Отныне «племяш» обязан был быть преданным во всем своему «дядьке», пока тот не уволится в запас, а сам «племяш» не станет «дядькой» для новых молодых матросов. Что касается офицеров, то все они прекрасно знали об этой неофициальной структуре подчиненности, но ничего против не имели, так как она помогала поддерживать порядок на корабле.

Если читать многочисленные воспоминания матросов — участников событий 1917 года, то может сложиться неверное мнение,

будто главным критерием авторитета того или иного матроса была его партийная принадлежность. Если матрос был эсером, значит, он изначально был подлым и гнусным, если анархистом — то обязательно редкостным разолбаем, пьяницей и гулякой, ну а если большевиком — то правильным, рассудительным и хорошим. На самом деле все это, мягко скажем, не соответствует реалиям 1917 года. Что касается мемуаристов, то, сочиняя свои воспоминания в годы уже давно состоявшейся советской власти и главенства коммунистической партии, они просто не имели права (и возможности) писать иначе. Представьте, если бы они написали, что некий матрос-эсер Н. был отважным бойцом, верным товарищем и человеком, до последнего дыхания преданным революции, а большевик-матрос М., наоборот, — приспособленцем, трусом и мародером. Такие воспоминания не то что бы никогда не напечатали, а их автор наверняка имел бы и серьезные неприятности.

Каков же был реальный расклад в матросской среде 1917 года? Кто являлся для матросов того времени реальными авторитетами и, как сегодня говорят, неформальными лидерами?

Для того, чтобы выяснить этот вопрос, необходимо, прежде всего, представлять, хотя бы в общих чертах, общую специфику службы в военно-морском флоте (суть ее, кстати, не слишком поменялась за прошедшее столетие). А кроме этого, понимать нюансы военно-морской службы именно в российском флоте и именно в то время. И сегодня, и сто лет назад авторитет матроса на корабле определялся одними и теми же критериями. Прежде всего, сроком службы. Во-вторых, профессиональной подготовленностью. Разумеется, всегда в чести было физическое развитие и умение постоять за себя. Здоровяков, умевших драться и не боявшихся выйти на кулачный поединок с оппонентом, в матросской среде всегда уважали. Немаловажное значение имели и общее развитие, уровень грамотности, остроумие. Весьма котировались знание анекдотов и занимательных историй, умение «держат» аудиторию, материться, пить не пьянея. Все эти качества во все времена весьма ценились и ценятся, как в военно-морском, так и вообще в любом армейском коллективе.

И сегодня, спустя столетие, споры о том, что именно подвинуло матросов на избиение своих офицеров, все еще не утихают. Как не утихают споры, почему именно балтийские матросы оказались революционнее всех прочих революционеров. Думается, что окончательный ответ на эти вопросы даст лишь время.

Глава четвертая

РОЖДЕНИЕ ЦЕНТРОБАЛТА

Отметим, что с приходом к власти Временного правительства отношение матросов к новым руководителям государства несколько не улучшилось. Любой пришедший в большую власть человек сразу же вызывал у матросов резкое отторжение. При этом сам человек мог еще вчера быть оратором, которого слушали на митингах затаив дыхание. Это ничего не меняло. У матросов срабатывал стойкий стереотип — если человек при власти — значит он враг. Матросы любили страдальцев, но не любили начальников. Отметим, что этот стереотип окажется настолько стойким, что просуществует до самого последнего дня матросской революции в марте 1921 года.

Пока же матросы проявили свое недовольство новой властью тем, что начали практически открыто третировать указания Временного правительства и его назначенцев. Более того — даже младшие офицеры, так или иначе связавшие себя с новой властью, с меньшевистско-эсеровскими Советами, больше не вызывали у матросов никакого доверия. При этом наблюдался определенный парадокс — одновременно с неприятием всех пришедших во власть матросы оказывали свое полное расположение тем, кто, так же как и они, не переносил на дух Временное правительство, в полном соответствии с поговоркой: «А против кого будем дружить?»

Поэтому на данном этапе развития революции неизбежными политическими союзниками революционных матросов оказались все откровенно оппозиционно настроенные к правительству партии — анархисты, левые эсеры и большевики. Но и это не всё! Как это ни покажется странным. Но фактически близкими к матросам

в этот период времени оказываются и открыто монархически настроенные старшие офицеры, которые тогда в своем большинстве и управляли флотскими соединениями и частями. И если еще вчера матросы считали их своими врагами, то теперь в значительной степени офицеры-монархисты в своей деятельности опирались именно на поддержку общественного мнения матросов. Почему? Да потому, что после отречения императора матросы уже не считали для себя опасными оставшихся монархистов, ну, а то, что те так же, как и матросы, были настроены резко против правительства министров-капиталистов, делало их на некоторое время если не союзниками, то по крайней мере попутчиками.

Сразу же после февраля на Балтике все революционные партии начали энергично и массово вербовать сторонников в свои ряды, одновременно стараясь пробраться в матросские выборные органы. Это была естественная борьба за выживание и влияние. Эсеры и меньшевики, большевики и анархисты старались вырваться вперед и обойти своих конкурентов.

Хуже всего ситуация в это время складывалась для большевиков. Из-за пораженческой политики во время войны они в значительной мере подрастеряли свой электорат, кроме этого, сама партия большевиков была довольно малочисленна, в том числе и на флоте. Если эсеров и анархистов матросы сразу же начали четко отличать, то большевиков они еще долго путали с меньшевиками, именуя тех и других просто социал-демократами. Впрочем, большевики не отчаивались. Уже 7 марта в Петрограде на заседании городского комитета РСДРП(б) была создана военная комиссия в составе Н.И. Подвойского, С.Н. Сулимова и В.И. Невского, с задачей работы среди местных солдат и в первую очередь среди матросов-балтийцев. Несколько позднее к ее работе был привлечен ряд военнослужащих, в т.ч. и матрос-большевик Т.И. Ульянов.

Члены комиссии отправились по флотским базам, рекрутировать себе сторонников. Однако вербовка шла не слишком успешно в сравнении с конкурентами — меньшевиками, эсерами и в особенности с анархистами. Лозунги последних были матросам не только понятней, но и приятней. Выигрышным для большевиков было

то, что их небольшая партия была достаточно сплоченной и, что самое главное, весьма дисциплинированной, жестко структурированной по вертикали, и полностью подчиненной своему лидеру В.И. Ленину.

Тот факт, что матросам в 1917 году было в большинстве случаев глубоко наплевать, за какую именно резолюцию голосовать, признают и сами участники тех событий. Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «...Но беда одна: что ни собрание или митинг — предлиннейшая резолюция. А разве за месяц научишься составлять такие резолюции, да тут же на месте, в несколько минут? Не то, что теперь — на ходу составишь, особенно по текущему моменту. Иногда матрос голоснет за резолюцию, думает, что все так же понимают и того же требуют, что и он, а смотришь — не то: вместо недоверия вышло доверие Временному правительству, а то еще хуже — война до победного конца. Причина: резолюцию составляли другие, кто революцию понимает так, как ее оценили господа родзянки и колчаки. Но где нет ошибок? “Лес рубят — щепки летят”».

Другими словами, П.Е. Дыбенко черным по белому признается в том, что анархистствующая братва ходила на митинги, как в цирк, и всегда была рада проголосовать за программу очередного зычного и веселого оратора. Сегодня, к примеру, приехал выступать большевик, ругал последними словами царизм и войну, просил принять его резолюцию, а почему бы и не поднять руку — с нас не убудет, а человеку приятно. Назавтра приехал эсер со скабрёзными анекдотами про шашни императрицы с Гришкой Распутиным, насмешил, животы обхохотали, так почему бы и за его резолюцию не «голоснуть». Ну а послезавтра анархисты прикатят, будут рассказывать, как хорошо всем будет жить, когда вообще никакого начальства сверху не будет, как за таких не проголосовать?

А потому никто особенно не удивлялся, почему это на крейсере «Адмирал Макаров» команда вдруг объявила его «кораблем смерти» и вывесила помимо Андреевского флага еще и черный флаг с черепом и костями — то ли «Веселый Роджер», то ли символ готовности умереть в бою с германским флотом за дело новой России. Кто-то по недомыслию воспринял это всерьез, и зря! Потому как уже через

неделю-другую настроение «макаровцев» вдруг разом снова переменялось, и умирать в боях за правительство они дружно передумали, а потому черный флаг с черепом спустили и все поголовно записались в левые эсеры, так как те обещали крестьянский коммунизм. По этой причине и власти, и офицерство относились к происходящему на кораблях как к некому фантазмагорическому фарсу, своеобразным играм для больших детей, которые, дорвавшиеся до свободы и вседозволенности, все никак не могли наиграться. Впрочем, все было бы, возможно, не столь и плохо, если бы не тяжелейшая война с Германией, если бы не зверские убийства офицеров, если бы не полный разброд и почти полная утрата боеготовности кораблей и береговых частей.

В начале марта 1917 года агитировать за большевиков в Гельсингфорс приехал В.А. Антонов-Овсеенко. Ему пришлось нелегко, так как основная часть матросов большевикам не слишком симпатизировала. При этом никаких авторитетных матросов-большевиков в тот момент в Гельсингфорсе не было — они еще не успели вернуться из царских тюрем. Зато В.А. Антонов-Овсеенко встретил П.Е. Дыбенко, который к этому времени еще не определился в своей партийной принадлежности и считал себя просто стихийным бунтарем за матросскую свободу. Дыбенко согласился помочь заезжему агитатору и организовал для него пару митингов на кораблях, продемонстрировав свой авторитет и неплохие организаторские способности. Антонов-Овсеенко быстро нашел с Дыбенко общий язык; рассказав о планах своей партии, он пообещал собеседнику хорошую партийную карьеру, если тот станет выразителем большевистских идей в Гельсингфорсе. Идея пришлась Дыбенко по вкусу, и между ним и Антоновым-Овсеенко быстро установились дружеские личные отношения. Впоследствии знакомство с Антоновым-Овсеенко еще не раз сослужит Дыбенко хорошую службу. В.А. Антонов-Овсеенко, собственно, и нашел П.Е. Дыбенко, первым выделив его из толпы матросов-бузотеров, как весьма перспективного кадра, с которым надо работать и которого было бы неплохо пополнить в свои партийные ряды.

К середине марта в Кронштадт начали постепенно возвращаться ранее арестованные за революционную пропаганду матросы Т.И. Ульянов, И.Д. Сладков, С.Г. Пелихов, В.Ф. Полухин.

Вернулись на «Павел I» и матросы-революционеры Н.А. Ховрин и В.М. Марусев.

Вечером 3 апреля в Петроград прибыл в «пломбированном вагоне» с ближайшими соратниками вождь большевиков В.И. Ленин, который сразу же обратил внимание на необходимость завоевания доверия матросов. Этому способствовало то, что его на Финляндском вокзале встретил почетный караул Гвардейского флотского экипажа. Впоследствии ряд советских историков будут утверждать, что это был некий сводный отряд матросов всего Балтийского флота, что не соответствует истине. Выйдя из вагона, В.И. Ленин выслушал приветствие почетного караула. Он обратился с приветствием к собравшимся на вокзале, призывая их к борьбе за победу социалистической революции. Затем, в сопровождении колонны матросов, В.И. Ленин прибыл в особняк Кшесинской, где помещался Центральный и Петербургский комитеты партии. Именно тогда он смог воочию убедиться, что революционные матросы представляют собой серьезную боевую силу, которую обязательно следует использовать в своих интересах. Поэтому большевистская партия немедленно направила на Балтийский флот целую группу профессиональных и хотя бы немного знакомых с флотскими условиями работников: В.А. Антонова-Овсеенко, Б.А. Жемчужина, В.Н. Залежского, братьев С.Г. и М.Г. Рошаль, Л.Н. Старка, Л.Н. Сталя, П.И. Смирнова, И.П. Флеровского и других.

Что касается немногочисленных тогда матросов-большевиков (П. Хохрякова, В. Кавицына, И. Колбина и С. Пелихова и других), то всех их Ленин даже инструктировал лично, так как ставки были слишком велики.

Уже в апреле при ЦК РСДРП(б) была создана и особая Военная организация для работы непосредственно с матросами и солдата-

ми. Одним из ее руководителей был активный организатор боевых дружин в первой русской революции Н.И. Подвойский.

5 апреля матросы Н.А. Ховрин и В.М. Марусев создали Гельсингфорский комитет РСДРП. Туда помимо них вошли матрос Ф. Дмитриев с «Петропавловска», недоучившийся студент Технологического института социал-демократ Б.А. Жемчужин, генеральский сын журналист и шахматист А.Ф. Ильин-Женевский и сын богатого еврейского коммерсанта Семен Рошаль, изгнанный за неуспеваемость из гимназии. Любопытно, что все трое и Б.А. Жемчужин, и А.Ф. Ильин, и С.Г. Рошаль — прятались в Финляндии от фронта. Рошаль даже изображал шизофреника в психоневрологическом институте. Теперь же все трое были «мобилизованы» в вожди балтийских матросов. Думаю, что и лидеры большевиков прекрасно понимали, кого они посылают для укрепления своих рядов на флот, но выбрать тогда было просто не из кого.

Сразу же после образования Гельсингфорского Совета там началась отчаянная борьба сторонников различных партий. Состав Гельсингфорского Совета был весьма пестрым: левые и правые эсеры, большевики и меньшевики, а кроме того, анархисты и просто бунтари, не признающие никого. Борьба обострялась с каждым днем, и враждующие стороны в средствах не стеснялись. При этом главенствовали в Совете вовсе не партийные функционеры, а матросы, образовавшие собственную матросскую секцию.

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «В апреле группировки в Совете резко обозначились; стали отчетливо проявляться разница во взглядах на революцию и интересы отдельных групп. К меньшевикам примыкали, записывались в их партию почти исключительно офицеры, писаря, баталеры. До поры до времени они в Совете являлись сильнейшей группой, но нас это не огорчало. Свою работу мы направили непосредственно на корабли, в матросскую гущу... Там мы постепенно отвоевывали себе первое место. Уже к концу апреля многие корабли, как-то: “Республика”, “Петропавловск”, “Севастополь”, “Андрей Первозванный”, “Аврора”, “Россия”, а также Свеаборгская рота связи, почти целиком стояли на нашей платформе. На этих кораблях начали выносить резолюции недоверия своим

представителям в Совете и требовали переизбрания последнего. Параллельно с нами усиленно боролось за свои взгляды и нарождавшееся левое крыло эсеров; однако левые еще не порывали связи с правым течением своей партии. Большевики же, ослепленные своим пребыванием у власти, не замечали, что вокруг них постепенно увеличивалась пустота. Они теряли массу. По существу же среди меньшевиков было мало таких, кто хорошо знал бы психологию матроса, тонко понимал бы его чувства, умел бы считаться с ним, учесть его настойчивость и упорство в требованиях. Между тем именно знание этих свойств матросов, а не формальная численность членов той или иной партии имело решающее значение. Матрос — это вечно бунтарская душа, рвавшаяся к свободе; он не мог через неделю после революции примириться с “тихой пристанью”. Его мятежная душа рвалась вперед, она чего-то искала, она толкала его к действию, к активности. Между тем матрос видел несоответствие между делами и словами меньшевиков и эсеров и терял доверие к этим “вождям” февральской революции. Это прекрасно знала и учитывала наша маленькая группа, вышедшая из тех же матросов, и потому-то матросам удалось постепенно захватить власть в свои руки. Считается, что Временное правительство потеряло свое влияние и свою власть над Балтийским флотом только в конце сентября 1917 года; это неверно. Власть Временного правительства над Балтфлотом фактически была потеряна еще в апреле. Флот жил своей собственной жизнью, шел своей дорогой, независимо от политики правительства, а если и были колебания, то этим несколько не опровергается тот факт, что влияние над флотом Временное правительство утратило еще весной 1917 г.»

Временное правительство, стремясь найти управу на балтийских матросов, попыталось навести собственные порядки в морском ведомстве. 4 апреля 1917 года Балтийский флот был передан в подчинение Северному фронту. При главнокомандующем армиями Северного фронта было образовано специальное Военно-морское управление во главе с капитаном 1-го ранга В.М. Альтфатером. Зато в подчинение Морского штаба Ставки (МШС) вошли речные и озерные флотилии.

8 апреля 1917 года по флоту было объявлено постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 года. Никакого практического значения для подавляющей массы матросов, которые были настроены совсем не религиозно, это постановление не имело. Поэтому в Гельсингфорсе, в Кронштадте и в Ревеле никакой реакции на это не последовало.

Уже в первые дни Февральской революции в Кронштадте матросы сорвали свои погоны и потребовали от офицеров того же самого. Несмотря на то что большинство офицеров выполнило это требование, начались эксцессы. Когда отдельные офицеры отказывались выполнять матросское требование, те силой срывали у офицеров погоны. Порой эти столкновения кончались для офицеров трагически.

Неожиданно матросскую позицию поддержал помощник морского министра контр-адмирал М.А. Кедров. Уже в эмиграции тогдашний морской министр А.И. Гучков вспоминал: «Я расходился только с Кедровым: он стоял за уступки, я за большой отпор. У нас было раз резкое столкновение по вопросу о погонах. Что касается моряков, там резче была оппозиция против погон, и были случаи, когда команды целых судов сами сняли погоны. Кедров говорил, что нужно это узаконить, чтобы не было борьбы. Было решено упразднить погоны во флоте, причем Кедров ссылался на то, что в заграничных флотах допускается отсутствие погон во флоте только в особых случаях. Разошлись мы с ним в том, что он настаивал, чтобы это была общая мера, которая распространялась бы не только во флоте, но и на армию. Это была ошибка...»

В середине апреля 1917 года на собрании офицеров флота в Гельсингфорсе было принято решение всем офицерам снять погоны. Себя офицеры оправдывали тем, что в большинстве иностранных флотов их коллеги носили только нарукавные нашивки. Следовательно, переход к нарукавным нашивкам не затрагивал офицерской чести.

А затем в стране разразился первый после революции политический кризис. Позиция Временного правительства, считавшего себя единственным законным преемником власти в России, по вопросу о войне была однозначной: верность союзническим обязательствам перед Антантой, продолжение войны до победного конца и заключение мира с обязательным условием контроля над Константинополем, а также проливами Босфор и Дарданеллы.

Однако народные массы настойчиво требовали, чтобы Советы и правительство во всеуслышание объявили цели войны, открыто отказавшись от аннексий и контрибуций. В Петрограде, Москве и других городах происходили многоярусные митинги и демонстрации под лозунгами мира.

Вынужденный считаться с этими настроениями, Петроградский Совет 14 марта опубликовал «Воззвание к народам всего мира», заявив от имени российской демократии, что «она будет всеми мерами противодействовать захватнической политике своих господствующих классов и призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира». Воззвание носило декларативный характер, не указывало конкретных мер борьбы за мир. Более того, под предлогом защиты свободы от опасности извне, оно призывало армию продолжать войну. Лидеры Совета уговаривали Временное правительство издать аналогичный документ. После долгих торгов и поисков компромиссных формулировок 28 марта появилось «Заявление Временного правительства о войне». Подчеркивая необходимость продолжения войны, правительство при этом провозглашало, что целью свободной России является «не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Декларация Временного правительства вызвала тревогу в правящих кругах держав Антанты. Англия и Франция опасались заключения Россией и Германией сепаратного мира, а потому, естественно, потребовали, чтобы Временное правительство дало твердые гарантии продолжения войны.

Идя навстречу этим требованиям, 18 апреля Временное правительство направило правительствам Англии и Франции препроводительную ноту к Заявлению Временного правительства о целях войны, подписанную министром иностранных дел П.Н. Милюковым. В ноте опровергались слухи о том, что Россия намеревается заключить сепаратный мир. Она заверяла союзников в том, что Россия продолжит войну до победного конца.

Нота Милюкова явилась полной неожиданностью для Петроградского Совета и левых партий. Возмутились не только занимавшие пораженческую позицию большевики, но и проедставители всех левых партий, до того времени поддерживавших войну, но требовавших заключения справедливого мира без аннексий и контрибуций.

Тем временем на Балтийском флоте, уже всюю обвиняли виновниками самосудов... новые власти и меньшевистско-эсеровские Советы, сыгравшие весьма активную роль в свержении самодержавия, а также непонятные алкоголики-убийцы. И офицеры, и большая часть матросов весьма болезненно переживали трагедию кровавых самосудов, хотя и по разным причинам. Офицеры откровенно боялись их повторения, «сознательные» матросы боялись, что новая волна убийств сведет все их высокие революционные порывы к примитивной уголовщине.

Одновременно уловивший ситуацию Керенский в каждом своем вступлении истерично призывал матросов искупить вину на поле боя и не допускать выступления черни. Ничего хорошего этими выступлениями Керенский не добился, но матросов против себя настроил. Да и кому понравится, когда его то и дело шпыняют за прошлые грехи. Глупый Керенский еще не представлял, в какую драку и с кем он ввязался. Матросов он, по своей серости, соотносил с солдатами, в чем и была его трагическая ошибка.

Реакция матросов была мгновенной — Временное правительство нам враждебно, а Керенский предатель и враг. Тогда же раздались и первые призывы к расправе с Временным правительством.

— Нас не уважают, нас обвиняют, нас обвиняют! — кричали на митингах матросы. — Не желаем подчиняться министрам-капиталистам! На штыки подлюг!

Впервые эти призывы прозвучали в апрельской демонстрации, которая явилась ответом возмущенных матросов на опубликование 18 апреля ноты Милюкова о верности России союзническим обязательствам, взятым еще царским правительством. При этом если солдаты к тому времени просто устали воевать, то матросы уже желали признания своей авангардной роли в революции и были оскорблены неуважением к себе со стороны нового руководства России.

Если в Кронштадте, подустав от кровавых оргий, министров в те дни просто поносили матерными словами, то в Гельсингфорсе уже открыто призывали к немедленному вооруженному выступлению под лозунгом «Долой Временное правительство!» Главным врагом матросов отныне был Милюков.

Заметим, что опубликование ноты Милюкова за войну до победного конца совпало с избранием нового состава Гельсингфорского Совета. Депутаты пришли в Совет, желая казнить министров. 21 апреля пленум Совета обсудил ноту Милюкова. То, что говорили депутаты, в протоколы не заносилось по причине нецензурности лексики. Впрочем, резолюция пленума гласила, что Гельсингфорский Совет ждет «только решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обещая в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства». Другими словами говоря, матросы были готовы штыками гнать новую власть вслед за старой.

20 апреля солдаты и рабочие вновь вышли на улицы под лозунгом: «Долой Милюкова!» В работу активно включился ЦК партии большевиков, призывавший протестовать против всего класса буржуазии и его правительства. Если явившиеся на площадь перед Мариинским дворцом, где заседало Временное правительство, солдаты Финляндского полка вначале требовали отставки Милюкова, то к вечеру уже кричали: «Долой Временное правительство!»

21 апреля инициаторами протестов стали рабочие Выборгской стороны. На многочисленных митингах и собраниях было принято решение организовать общероссийскую демонстрацию. Десятки тысяч рабочих, солдат, матросов шли под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой войну!», «Опубликовать тайные договоры!».

«Долой захватническую политику!». Генерал Л.Г. Корнилов сделал попытку вывести на Дворцовую площадь войска и применить артиллерию против демонстрантов, но солдаты отказались выполнить его приказ.

В результате кризиса ушел в отставку военный министр А.И. Гучков и П.Н. Милюков. 5 (18) мая 1917 первого коалиционного правительства с участием эсеров и меньшевиков, главой которого остался Г.Е. Львов. Новым военным и морским министром был назначен А.Ф. Керенский.

Разумеется, воинственная нота Милюкова не понравилась и матросам. Воевать «до победного конца» они не желали. Причем не желали именно те, кто за всю войну не сделал ни одного выстрела по врагу, а отсиживался в тыловых базах. Матросы реагировали на «ноту» весьма бурно, и до десяти тысяч их вышли в Кронштадте на демонстрацию против продолжения войны. Любопытно, что эсеры и меньшевики «ноту Милюкова» приняли, тогда как большевики и анархисты высказались против. Таким образом, партия Ленина, продемонстрировав матросам свою революционность, сразу же завоевала определенные симпатии среди них. В это время в Кронштадте агитировали Ф.Ф. Раскольников, С.Г. Рошаль и Т.И. Ульянов. А последовавшая вскоре отставка Милюкова и не менее ненавистного Гучкова была воспринята большевиками и их сторонниками как первая победа в борьбе за флот. Влияние большевиков несколько упрочилось, хотя все еще значительно уступало влиянию конкурентов.

Наиболее радикально настроенные матросы начали призывать к вооруженной борьбе с Временным правительством. Впервые отчетливо такие призывы прозвучали на апрельской демонстрации.

Попытки выдвижения призывов к немедленному вооруженному выступлению под лозунгом «Долой Временное правительство!» наиболее острый характер приняли в главной базе Балтийского флота — Гельсингфорсе. Здесь опубликование ноты П.Н. Милюкова совпало с избранием нового состава Гельсингфорсского Совета (второго созыва). Вновь избранные депутаты принесли с собой в Совет радикальное настроение флотских низов. 21 апреля пленум

Совета обсудил ноту П.Н. Милюкова и единогласно утвердил текст срочной телеграммы в исполком Петроградского Совета. В телеграмме, а также в резолюции, принятой пленумом, говорилось, что Гельсингфорсский Совет ждет «только решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обещая в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства». Телеграмма и резолюция отражали настроение масс, которые в тот же день участвовали в стихийно возникших демонстрациях в центре города под лозунгами свержения Временного правительства.

В этой обстановке 22 апреля Гельсингфорсский комитет РСДРП(б) вопреки курсу ЦК большевиков на мирный путь развития революции выпустил листовку, авторы которой заявляли, что «настала пора убрать Временное правительство», и заканчивали ее призывом: «Долой Временное правительство!» Передовая статья органа Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) газеты «Волна» 22 апреля имела многозначительный заголовок — «Пора!». 23 апреля передовая «Волны» была уже озаглавлена «Долой!». Она сообщала, что в Петрограде идут демонстрации под лозунгами свержения буржуазного правительства, а заканчивалась призывом: «Прочь Временное правительство, потому что оно изменило народу. Им больше не место у власти!»

Выступления масс с требованиями свержения Временного правительства, в связи с нотой П.Н. Милюкова, имели место и в других базах Балтийского флота. В Кронштадте 21 апреля на 20-тысячном митинге у здания Кронштадтского комитета РСДРП(б) была принята резолюция, предлагавшая «всеми силами бороться за свержение Временного правительства и за переход власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов». В тот же день резолюции, содержащие «левый» уклон, были приняты на 6-тысячном митинге в Морском манеже, на 2-тысячном митинге рабочих Пароходного завода, в воинских частях Кронштадта. Во второй половине дня перед зданием Кронштадтского Совета состоялась многотысячная демонстрация под лозунгами, среди которых был и лозунг: «Долой Временное правительство!» В Петрограде матросы 2-го Балтийского экипажа,

оказавшиеся 21 апреля у Мариинского дворца, поддержали действия левого радикала Ф.Ф. Линде, пытавшегося во главе Финляндского полка силой решить вопрос о власти. Под влиянием стычек на улицах по Морскому ведомству 21 апреля был отдан приказ, разрешавший всем чинам вне службы ношение штатского платья.

Левый радикализм, захлестнувший Балтийский флот в период апрельской демонстрации, дал повод правой печати на открытые обвинения балтийцев в «измене родины», а большевиков — в подстрекательстве к этой измене. В.И. Ленину стало ясно, что РСДРП(б) слишком увлеклись левой поддержкой матросов. Поэтому апрельская конференция РСДРП(б) осудила левацкие проявления в ходе апрельской демонстрации. Более того члены ЦК РСДРП(б) во главе с В.И. Лениным усиленно убеждали матросских делегатов не горячиться и не торопиться с «моментом захвата власти». 27 апреля «Солдатская правда» (орган Военной организации при ЦК РСДРП(б)) поместила заметку, в которой осудила резолюцию Гельсингфорского Совета от 22 апреля. В Советах баз временно усилились «соглашательские» элементы. Под влиянием правого давления они в конце апреля — начале мая вопреки мнению флотских низов приняли резолюции в поддержку образования коалиционного министерства и займа «свободы» Временного правительства. Все это усиливало социальный раскол на флоте и противоречия матросов с Временным правительством.

Между тем в Гельсингфорсе, Кронштадте и в Ревеле с каждым днем множились конфликты, грозившие вот-вот перерасти в кровавые разборки. Судовые комитеты выясняли отношения с командным составом кораблей, матросы кораблей конфликтовали с матросами и солдатами береговых частей. Серьезные разногласия наметились между матросами военно-морских баз северного побережья Балтики с военно-морскими гарнизонами южнобалтийских баз, где в авторитете были исключительно меньшевики и эсеры. Началась нешуточная конкуренция и между кораблями. Так, матросы «Павла I» считали себя организаторами революции, тогда как на эту же роль

претендовали не менее амбициозные матросы с линкора «Петропавловск». Серьезные разногласия были между просидевшими в тылу всю войну командами линкоров и крейсеров и реально воевавшими командами миноносцев и подводных лодок. Первые желали бунтовать и убивать офицеров. Вторые желали воевать с врагом вместе со своими офицерами, с которыми прошли огонь и воду. Ситуация требовала немедленно создания некоего выборного органа, который бы взял ситуацию в свои руки.

Инициаторами создания общевфлотского выборного органа стали матросы «Павла» и их оппоненты с крейсера «Адмирал Макаров». Команды этих кораблей обратились с призывом ко всем матросам Балтики: «... Флот раскололся на несколько частей, вырабатывающих каждая отдельно свои правила взаимоотношений жизни и службы на судах и в командах... Мы для пользы общего дела, полного единения чинов флота, демократической свободы и защиты России полагаем необходимым иметь общий Совет депутатов Балтийского флота, в котором были бы представители всех судов и дивизионных комитетов... Этот Совет будет выразителем воли личного состава всего флота...»

Обращения команд линкора «Республика» (так матросы переименовали «Император Павел I») и крейсера «Адмирал Макарова» нашли отклик у матросов. Все желали установления какого-нибудь порядка в своей среде. Если отсутствовали законы, то матросы желали, чтобы ими руководили их же «авторитеты» «по понятиям».

Именно в эти беспокойные апрельские дни 1917 года в Гельсингфорс в качестве большевика-агитатора приехала Александра Коллонтай. В этой поездке ее сопровождал член РСДРП (б) мичман Ф.Ф. Раскольников. Имея чин мичмана, но ни дня не служивший на флоте, Раскольников имел в партии большевиков (за неимением лучшего) авторитет главного специалиста по морским делам. Однако в Гельсингфорсе А.М. Коллонтай неожиданно обнаружила, что никакого реального авторитета Ф.Ф. Раскольников среди матросов не имеет. Едва Раскольников начинал говорить, его непременно освистывали и сгоняли с трибуны. Зато ее приятно удивил матрос, которого ей рекомендовал В.А. Антонов-Овсеенко, уверяя, что тот

пользуется авторитетом у матросов и может помочь организовать митинги. Этим матросом и был П.Е. Дыбенко. В тот день он показал, что авторитет у него действительно есть. Он одним зычным окриком, а то и кулаком, мог в одну минуту привести в чувство матросскую толпу и заставить ее слушать оратора. И хотя авторитет этот строился именно на нахрапистости и угрозе применения физической силы, выбирать Коллонтай не приходилось. Как бы то ни было, но именно П.Е. Дыбенко обеспечил А.М. Коллонтай массовость на митингах и лично сопровождал ее по кораблям, на которых Коллонтай выступала. При этом по шатким корабельным трапам он переносил ее на руках. Именно тогда Коллонтай и положила глаз на красивого, сильного и молодого матроса. Именно тогда она поняла, что партия в лице Дыбенко может заполучить хорошего матросского вожака, поддержка которого в надвигающихся революционных событиях может стать определяющей. Кроме этого красавец матрос понравился и ей и как мужчина. Так начался знаменитый и скандальный роман, растянувшийся на шесть бурных лет. В своем дневнике Коллонтай запишет, что во время первой встречи Дыбенко «рассеянно оглядывался вокруг, поигрывая неразлучным огромным револьвером синей стали». Тут уж классика учения Фрейда, когда подсознание рождает соответствующие образы...

Началу бурного романа способствовало и то, что Коллонтай, несмотря на свои сорок пять, еще сохраняла черты красоты и элегантность аристократки. При этом она была одержима идеями «свободной революционной любви», «любовью пчел трудовых» — доступной и ни к чему не обязывающей, и всегда была готова проверить эти идеи на практике. К тому же Коллонтай всегда нравились молодые мужчины, а Дыбенко был на семнадцать лет моложе ее.

А.М. Коллонтай являлась одним из самых авторитетных членов партии большевиков, уже была членом Исполкома Петроградского совета, участвовала в работе 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б) 1917 года от большевистской военной организации. Она была в числе немногих делегатов, полностью поддержавших позиции В.И. Ленина, изложенные в «Апрельских тезисах», а потому

пользовалась особым доверием Ильича. Через каких-то полтора месяца Коллонтай станет и членом ЦК РСДРП(б).

Для Дыбенко было очевидно, что установив отношения с Коллонтай, он сможет обеспечить себе такое будущее, о котором не смел раньше и мечтать. Кроме этого, Коллонтай была дочерью генерала и бывшей женой генерала. Для матросской массы этот факт был также весьма весомым. Кто еще из матросов мог похвастаться, что спит не только с известной революционеркой-большевичкой, но и с дважды генеральшей? Я уже не говорю о том, что в чисто интеллектуальном плане Коллонтай находилась на несколько порядков выше предмета своего обожания, а потому сразу же принялась ненавязчиво учить Дыбенко теории и практике революции, надолго став для него мудрым наставником.

Называя вещи своими именами, в апреле 1917 года А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко просто нашли друг друга. Оба были просто необходимы один другому в плане революционной борьбы, необходимы друг другу для повышения личного авторитета и дальнейшей личной карьеры. Что касается влюбленности Коллонтай в Дыбенко, это у меня никаких сомнений не вызывает. Был ли по-настоящему влюблен Дыбенко, сказать сложно, но по крайней мере революционерка-генеральша была ему на тот момент симпатична. Так партией большевиков была одержана внешне незаметная, но на самом деле весьма важная победа в труднейшей борьбе за матросские массы — приобретен чрезвычайно ценный и перспективный союзник.

Тем временем группа наиболее инициативных матросов под началом Н.А. Ховрина и Г.И. Силина разработала проект будущей организации Центрального комитета Балтийского флота, сразу же прозванного Центробалтом.

Уже во время первой встречи Дыбенко рассказал Коллонтай о скором образовании Центробалта и о том, что в случае своего избрания туда он будет твердо отстаивать среди матросов большевистскую линию.

Вернувшись в Петроград, Коллонтай сразу же рассказала товарищам по партии о своей находке и высказалась за то, чтобы матроса Дыбенко избрать в образуемый Центробалт. Дело в том, что только что вернувшиеся на флот матросы-большевики, несмотря на свой личный авторитет среди матросов, в высших кругах партии большевиков пока никакого веса не имели, так как последнее время провели в тюрьме. В ЦК их просто не знали. Зато за П.Е. Дыбенко сразу начали ратовать и В.А. Антонов-Овсеенко, и в особенности сверхавторитетная А.М. Коллонтай, бывшая тогда, как мы уже говорили, одним из руководителей большевистской военной организации, т.е. непосредственно занимавшаяся партийными организациями в армии и на флоте. И если уж сама Коллонтай лично нашла для партийной работы на Балтийском флоте подходящего человека и ратует за него, то кто же будет против? Разумеется, что при такой мощной поддержке ЦК единодушно рекомендовал большевистской организации Гельсингфорса кооптировать Дыбенко в члены Центробалта. Вот так, достаточно случайно, Павел Ефимович и стал главной надеждой и опорой большевиков в Гельсингфорсе.

Думаю, что для гельсингфорских большевиков указание ЦК о выдвижении Дыбенко в члены Центробалта было весьма неприятной неожиданностью. Но приказ есть приказ, тем более, что именно партия большевиков выделалась тогда наиболее крепкой партийной дисциплиной.

А страсти в Гельсингфорсе разгорались все больше. Против проекта Н. Ховрина и Г.Силина высказались офицеры, меньшевики и правые эсеры. Но сторонников образования Центральный комитет Балтийского флота было больше. 29 апреля 1917 года Центробалт был создан. В 1-й состав Центробалта вошло 33 человека (по другим данным, 31), в том числе 6 большевиков и 4 сочувствующих. Председателем Центробалта, при самом горячем участии А.М. Коллонтай и В.А. Антонова-Овсеенко, был избран матрос-большевик П.Е. Дыбенко, заместителями — матросы Ф.И. Ефимов и Р.Р. Грундман (оба беспартийные), секретарем — матрос М. Заболоцкий, членами исполкома Центробалта — матросы И. Соловьев, Лопатин, А. Штарев, П. Чудаков и А. Синицын. По воспоминаниям П.Е. Дыбен-

ко, большевиков в исполкоме оказалось лишь двое — он и матрос И. Соловьев. По некоторым данным, большевиком на тот момент был и матрос А. Сеницын. Остальных членов исполкома советские историки осторожно характеризовали как «сочувствующих большевикам». Помимо этого, для подготовки общевалтийского флотского съезда при Центробалте была создана комиссия под началом матроса Г.И. Силина.

Отметим, что, получив назначение на столь высокий пост, «большевицкий» Центробалт сразу же единогласно объявил о своем полном признании верховенства Временного правительства над флотом и о неукоснительном исполнении всех правительственных решений. Сразу же вступать в конфронтацию с новой властью матросы не захотели. Центробалту самому надо было еще «встать на ноги», а, во-вторых, правительство пока никаких антиматросских действий еще не предпринимало.

Однако неожиданное для многих появление Центробалта вызвало понятное раздражение центральной власти. С самого первого дня образования ЦКБФ было ясно, что он станет головной болью и для правительства, так как матросы наглядно продемонстрировали, что не желают никому подчиняться вообще.

Местом пребывания Центробалта матросские депутаты избрали вполне комфортабельный транспорт «Виола». Центробалт объявлялся «высшей инстанцией всех флотских комитетов Балтийского флота, без одобрения которой ни один приказ, касающийся жизни Балтийского флота, не может иметь силы», и имел право контроля деятельности командования, за исключением оперативных и технических вопросов. Первое что сделали члены Центробалта, — приняли устав, исключавший свою зависимость от породившего его Гельсингфорсского совета. Дело в том, что в Совете преобладали меньшевики и правые эсеры. В Центробалте же большинство имели левые эсеры, анархисты и большевики, которым более «правые» конкуренты были совсем не нужны.

Дальше — больше, и уже вскоре Центробалт объявил Гельсингфорсскому Совету настоящую войну. Повод нашелся быстро, это был т.н. заем свободы. Совет выступил за заем, Центробалт — про-

тив. В конце концов Совет все же переборол «центробалтовцев», но всем было ясно, что это только начало противостояния.

А вскоре ситуация в Центробалте серьезно изменилась. Дело в том, что, прибрав власть к рукам, Временное правительство начало предпринимать меры к наведению порядка на флоте. Это сразу же породило противостояние с Центробалтом, которое завершилось только после октября 1917 года.

После создания Центробалта на Балтийском флоте сразу же возникло двоевластие. С одной стороны, командование флотом осуществляли командующий флотом, его штаб и вся вертикаль командной власти, а также назначенные на флот комиссары Временного правительства. С другой стороны, появился Центробалт и вся выстроенная им независимая властная вертикаль замыкавшихся на него судовых и полковых комитетов. Более того, вскоре после учреждения Центробалта командиры кораблей Балтийского флота стали выбираться судовыми комитетами. Поэтому вполне логично, что капитан 1-го ранга Г.К. Граф в своих воспоминаниях крайне отрицательно оценивал деятельность Центробалта, считая, что комитет во многом способствовал скорейшему развалу флота.

С самого начала было очевидно, что взаимопонимания и доверия между этими структурами не будет. Чего стоило только желание центробалтовцев «демократизировать офицерский состав». На деле это значило, что отныне только Центробалт может утвердить того или иного офицера при назначении на новую должность. Без решения Центробалта командующий флотом был бессилён осуществлять кадровые перемещения офицеров, которых теперь не назначали сверху, а избирала команда. Порой центробалтовцы «либеральничали» и даже (опять же в обход комфлота!) присваивали избранному командой командиру внеочередные звания. Но это были скорее исключения из правил.

Что касается офицеров, то они не слишком интересовались Центробалтом, пока это не начинало касаться их лично. Из воспоминаний офицера эсминца «Гайдамак» А.П. Белоброва: «Существовал в это время какой-то Центробалт, и помещался на императорской яхте “Полярная звезда”. Деятельность этого комитета до нас не до-

ходила. Кто состоял в этом комитете, и кто их выбирал туда, мы на “Гайдамаке” не знали, и также не знали, что они там делают. Тем не менее в работах по истории этого периода времени всюду отмечаются популярность, приобретенный на флоте авторитет и огромная роль Центробалта. Это происходит потому, что историки пишут по документам, а деятельность Центробалта ограничивалась именно документами. Они писали протоколы, но постановления их до кораблей не доходили и фактически оставались без исполнения».

Чем вообще занимался Центробалт первого созыва? Прежде всего, он утверждал решения комитетов кораблей и береговых частей, организовывал всевозможные совещания, собрания, митинги, осуществлял контроль за порядком на кораблях и в береговых частях, присматривал за офицерским составом, причем в первую очередь — за командующим флотом и его штабом.

Возможно, что кто-то подумает, что Центробалт сразу же распорядился поднимать на кораблях красные флаги революции. Увы! Как это ни покажется странным, такого решения центробалтовцы не приняли. Центробалт по этому поводу заявил: «Признавая, что русский военный флаг должен быть изменен, с тем, чтобы завоеванная свобода нашла символическое выражение, Центральный комитет Балтийского флота считает, что изменение флага может быть произведено лишь общевфлотским съездом, а потому впредь до тех пор, пока съезд не решит этого вопроса, Андреевский флаг в действующем флоте ввиду военного времени должен быть признан нашим военным флагом. Центральный комитет Балтийского флота приглашает все корабли и организации флота высказаться об изменении рисунка флага, для того чтобы весь собранный материал был представлен на общевфлотский съезд». До начала сентября 1917 года никаких изменений во флагах на флоте не произошло. Впрочем, над «Виолой» «центробалтовцы» подняли особый ими самими придуманный флаг — красное полотнище с перекрещенными якорями и вышитыми буквами «Ц.К.Б.Ф».

По примеру балтийцев матросы Черноморского флота и флотий также начали создавать свои выборные организации. Так были созданы Центральный комитет Каспийской военной флоти-

лии (Центрокаспий), Центральный комитет флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот) и другие. Но такого авторитета, как у Центробалта, у них, разумеется, не было. Что касается Центробалта, то он с каждым днем набирал силу, осознавая себя уже не просто матросским комитетом, но особым законодательно-исполнительным органом, который может и должен решать вопросы во всероссийском масштабе.

16 (29) апреля в Петрограде произошло событие, поразившее всех своим цинизмом. В этот день Временное правительство организовало на Невском проспекте крупную манифестацию. При этом участниками ее стали инвалиды войны. Часть из них (безногих) везли на автомобилях. Демонстрация шла под лозунгами: «Отечество в опасности! Пролитая нами кровь требует войны до победы! Товарищи солдаты! Немедленно в окопы!», «Вернуть Ленина Вильгельму», «Война, Победа и Свобода!», «Война до почетного мира!», «Да здравствует Временное правительство и Совет Солдатских и Рабочих Депутатов!»

Ну, казалось бы демонстрация, как демонстрация, мало ли их было в те дни, тем более, что идти будут инвалиды войны, своей кровью и увечьями заслужившие право говорить «свою» правду о войне. Однако когда о готовящейся манифестации узнали в Центробалте, там решили иначе — разогнать безногих и безруких, чтобы навсегда отвадить от поддержки Временного правительства.

Разгон незащитных инвалидов был поручен расквартированному в столице 2-му Балтийскому флотскому экипажу, во главе с матросами И.Н. Колбиным и С.Г. Пелиховым. Матрос И.Н. Колбин сообщил, что, «повстречавшись с демонстрирующими грузовиками на Невском, мы им предложили свернуть свои плакаты и подобропоздорову ехать в лазареты».

На самом деле матросы вместе с солдатами 6-й тыловой автомастерской атаковали демонстрантов и начали их избивать, вырывая и рвя транспаранты, безногих просто выбрасывали из автомобилей. Безнаказанное избиевание инвалидов среди бела дня в самом центре

столицы произвело гнетущее впечатление на петербуржцев. Что касается власти, то никаких мер против матросов принято не было. Возможно, что правительство еще не чувствовало в себе силы, чтобы начать открытую борьбу с революционными матросами. Возможно, что оно не хотело обострять отношения с Центробалтом, надеясь на его лояльность по отношению к себе. Увы, матросы этого жеста правительства не оценили.

Глава пятая

«КРОНШТАДТСКИЙ ИНЦИДЕНТ»

Уже к концу апреля большевистское руководство осознало, что несколько увлеклось «левой» поддержкой матросов, которые могли наломать дров и погибнуть без всякой пользы и для большевиков, и для терпеливо подготавливаемой ими социалистической революции. На апрельской конференции РСДРП(б), осудившей выявившееся в апрельской демонстрации «левое» направление (во главе с С.Я. Багдатьяном), члены ЦК во главе с В.И. Лениным усиленно убеждали матросских делегатов проявить терпение и не горячиться с «моментом захвата власти». 27 апреля «Солдатская правда» (в то время орган Военной организации при ЦК РСДРП(б)) опубликовала статью, в которой осудила резолюцию Гельсингфорского Совета от 22 апреля.

Тем временем, качнувшись влево, матросский маятник, хотя и ненадолго, двинулся в правую сторону. В Советах военно-морских баз Балтийского флота временно усилились сторонники правительства. Под влиянием правого давления флотские Советы в конце апреля — начале мая вопреки мнению большинства матросов приняли резолюции в поддержку образования коалиционного министерства и займа «свободы» Временного правительства. Этим Советы просигнализировали Временному правительству, что на Балтийском флоте не все так плохо и там имеются сторонники высшей исполнительной власти. В то же время такие действия Советов усилили социальный раскол на флоте и в реальности еще больше обострили противоречия

матросов с Временным правительством. Как отреагировали на это матросы? Они начали переизбирать Советы, куда начали продвигать наиболее радикальных своих представителей.

И уже в мае месяце снова заставил говорить о себе всю Россию Кронштадт. Все началось с того, что в результате состоявшихся 4 мая перевыборах Кронштадтского Совета самой многочисленной фракцией там стали большевики, проводившие в тот момент наиболее грамотную пропагандистскую работу среди матросов. Из 298 депутатов 93 являлись большевиками, 91 эсерами, 46 меньшевиками и 68 беспартийными. Как видно, разрыв между большевиками и эсерами был незначителен, но эсеры все же отставали, а потому их депутаты в Совете стремились любым способом оттеснить своих более удачливых конкурентов, сыграв при этом на левацком настрое кронштадтцев и их патологической неприязни к любой высшей власти.

Согласно воспоминаниям Ф.Ф. Раскольников, в апреле 1917 года большевистская ячейка в Кронштадте насчитывала, вместе с ним, всего 5 человек, из которых только два были матросами, да и то бывшими (участник мятежа на броненосце «Потемкин» в 1915 году Орлов и бывший каторжанин Ульяновцев). Двое других имели к флоту весьма отдаленное отношение. Сам Раскольников, несмотря на то, что фактически бросил обучение на гардемаринских курсах, ради партийных дел, был все же произведен в мичманы и определен вахтенным начальником на стоявшее на приколе в Кронштадте старое учебное судно «Освободитель» (бывшая «Рында»). Впрочем, по его же словам, он там появлялся только переночевать.

Борьба между большевиками и эсерами разгорелась в Кронштадтском Совете уже 6 мая, когда обсуждался вопрос о власти и о земле. На заседании эсеры удачно атаковали большевиков «слева». В то время как последние рассуждали на общие темы, доказывая необходимость замены центральной власти в некой неопределенной перспективе, эсеры предложили осуществить конкретные незамедлительные меры для установления своей собственной матросской власти на местах, зависив реальные возможности кронштадтцев. Это была явная авантюра,

но матросам предложение эсеров понравилось. Чтобы не потерять популярность, местным большевикам пришлось голосовать за эсеровские предложения.

Что касается членства матросов в революционных партиях в 1917 году, то в реальности достоверно определить партийное членство того или иного матроса весьма сложно. Дело в том, что прием в партии был настолько прост, что многие матросы переписывались из одной партии в другую по несколько раз, практически после каждого нового понравившегося им партийного агитатора. Некоторые умудрялись состоять одновременно сразу в нескольких партиях. При этом такая ситуация считалась нормальной и никого нисколько не смущала.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Запись в партию была тогда чрезвычайно упрощена. Достаточно было заявления секретарю, одной-двух соответствующих рекомендаций — и любому желающему без замедления выдавался партийный билет». При этом Раскольников несколько приукрашивает реальную ситуацию. На самом деле все обстояло проще — партийные билеты просто продавали, а то и раздавали своим приверженцам, которые, в свою очередь, раздавали эти билеты всем желающим на кораблях и в воинских частях. В результате этого и получалось, что на линкоре «Республика» в один день числилось одновременно до 600 большевиков и почти столько же левых эсеров, при том, что вся команда линкора насчитывала 800 человек.

Все тот же Ф.Ф. Раскольников вспоминал: «Во время поездок тов. Рошаля по кораблям бывали случаи, что целые суда просили записать их в партию. По словам Рошаля, общее число сочувствовавших нашей партии достигало в то время колоссальной цифры в 35 000 человек, хотя формально членами партии состояло не свыше трех тысяч...»

И в этом случае Ф.Ф. Раскольников несколько смегчает ситуацию. На самом деле все было намного циничней. Фактически партийные функционеры зачастую просто торговали партийными билетами.

Так, 10 июня во 2-й Балтийский флотский экипаж было передано незаполненных 20 билетов партии большевиков. Их просто раздали желающим, и те заполнили их сами. Массовый прием в партию также мог объясняться потребностью в денежных средствах. У большевиков, в отличие от их конкурентов, согласно уставу, членство было платным. Вступительный взнос для матросов и солдат составлял 75 копеек, а ежемесячный — 25 копеек.

Вот как описывал получение партийных билетов РСДРП(б) в петроградском бронедивизоне в своих показаниях фельдфебель В.Д. Никифоров: «Васильев Сергей, Сидоров Иван, Иванов Петр откуда-то получили членские билеты Военной организации. Билеты эти с печатью раздавал Иванов Петр и с каждого брал по 50 коп. (видимо, со скидкой! — *В.Ш.*), членский взнос. Билетов было продано довольно много». Фельдфебель не искушен в партийной риторике, поэтому откровенно и пишет — «продали». Рядовой бронедивизиона Г.А. Ершов подтвердил эти показания: «Знаю лишь, что еще до отпуска моего, рядовой Иванов (Петр) предлагал мне взять “билет”, чтобы ходить на все собрания большевиков свободно, но я отказался». Справедливости ради, следует сказать, что в деле наращивания партийных рядов меньшевики и эсеры ни чем не отличались от большевиков. Что же касается анархистов, то там вообще не надо было никаких партийных билетов — хочешь быть анархистом — будь им, не хочешь — не надо! Полная свобода!

В начале мая новый военный и морской министр А.Ф. Керенский вынужден издать приказ, в котором говорилось, «что недоверие к командному составу подрывает мощь армии и флота». Кроме этого А.Ф. Керенский приказом объявил и «Положение об основных правах военнослужащих», которое значительно ограничивало права солдат, завоеванные в первые дни революции, что вызвало в армии и на флоте сильное недовольство.

Из книги воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников: «А.Ф. Керенский посетил Кронштадт, толку от этого посещения было не больше, чем от первого. Из воспоминаний

Ф.Ф. Раскольников: Он (А.Ф. Керенский. — *В.Ш.*) проехал прямо в Кронштадтский Совет, где впал в очередную истерику и по своему обыкновению грохнулся в обморок. После того как его отходили с помощью стакана холодной воды, он стрелой помчался в Морской манеж. Там собралось довольно много народа. Мы с Рошалем (соратник Ф.Ф. Раскольникова по партии, из недоучившихся студентов. — *В.Ш.*) тоже поспешили туда. Керенский уже стоял на трибуне, истерически выбрасывая в воздух отдельные отрывистые слова; он плакал, потел, вытирал носовым платком испарину, одним словом, всячески подчеркивал свое нечеловеческое изнеможение... Во время речи Керенского мы с Рошалем сговорились между собой и решили отказаться от приветствия его как представителя Временного правительства и приветствовать лишь как товарища председателя Петросвета. Произнесение речи было поручено Рошалю. После того как Керенский залился слезами, для своей приветственной речи взял слово Рошаль. Он расколол Керенского на две половины, отделив министра юстиции от тов. председателя Петросвета. После того как Рошаль окончил, Керенский судорожно бросился к нему и, с покрасневшими глазами, с застывшими в них слезами, совершенно неожиданно заключил Семена в свои объятия. Со стороны Керенского это был в буквальном смысле слова иудин поцелуй. Затем Керенский крупными шагами порывисто отправился к автомобилю, сел в него и уехал — только его и видели».

А 13 мая в Кронштадте произошло событие, получившее название «Кронштадтского инцидента». Суть «инцидента» заключалась в том, что кронштадские матросы не пожелали выполнить распоряжение комиссара Временного правительства, который попытался самолично назначить начальником гарнизонной милиции своего протеже. Заметим, что начальник милиции отвечал за порядок в Кронштадте и имел для этого большие полномочия. Поэтому немудрено, что матросы, усмотрев в распоряжении правительственного комиссара ущемление своих прав не только в настоящем, но и в будущем, отреагировали на это весьма резко.

13 мая исполком Кронштадтского Совета принял постановление: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет

рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Временным правительством...»

Может быть, на этом бы все и закончилось, но 16 мая во время утверждения резолюции исполкома в Совете эсеры снова перешли в наступление и внесли в постановление важную поправку: «...по делам государственного порядка входит в непосредственные сношения с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов». За принятие данной поправки единодушно проголосовали представители всех левых партий в Кронштадтском Совете, за исключением нескольких меньшевиков и беспартийных. Кроме этого эсеры требовали не только фактически установления матросской независимости в Кронштадте, но и немедленную посылку вооруженных матросских агитаторов по всей России.

Таким образом, если в первом варианте постановления кронштадтцы, хотя и объявляли себя единственно законной властью на острове, но все же признавали в масштабах государства верховенство правительства, то во втором варианте они уже полностью проигнорировали правительство, декларировав, что по государственным вопросам будут общаться исключительно со своими коллегами из Петрограда. Более того, матросы с подачи эсеров были готовы поднять против правительства и российские регионы. Фактически Кронштадт декларировал не только непризнание Временного правительства как законной государственной власти, но и пытался спровоцировать на открытое противостояние с ним всю остальную Россию. Заметим, что была лишь середина мая 1917 года, т.е. с момента начала революции не прошло и трех месяцев, а новая государственная власть уже продемонстрировала свою полную беспомощность перед Балтийским флотом. Налицо был крупный успех левых партий. Эсеры, анархисты и большевики могли праздновать достаточно серьезную победу в своем противостоянии с высшей властью.

Как знать, возможно, принятое кронштадтскими матросами постановление так и осталось бы на бумаге (мало ли резолюций подобного толка принималось в то время!), но вокруг решения крон-

штадцев подняла страшный шум правительственная и либеральная печать, что фактически и создало сам «инцидент». По страницам газет ходили сенсационные сообщения об образовании самостоятельной «Кронштадтской республики», о подготовке кронштадтских кораблей к обстрелу Петрограда, о выпуске там собственных денежных знаков и т.п. Это было неправдой, но это будоражило умы обывателей и еще больше настраивало их против балтийских матросов, которые теперь выглядели не только как садисты-убийцы, но и как изменники Отечества и сепаратисты. При этом пресса в подстрекательстве матросов обвинила почему-то одних большевиков. Эсеры в силу своих связей в том же правительстве остались в тени.

Заметим, что впоследствии в советские времена историки, естественно, приписали написание антиправительственной резолюции себе, игнорируя реальных ее авторов — эсеров. Но тогда только что вернувшийся из-за границы вождь большевиков В.И. Ленин, очень негативно отреагировал на появление левацкой инициативы кронштадцами. И это при том, что в связи с «инцидентом» авторитет большевиков (как, впрочем, и эсеров) в Кронштадте значительно вырос. После падения популярности большевиков среди матросов в период апрельского кризиса это было большим тактическим успехом. Объективно, майское выступление кронштадцев явилось одним из факторов того, что к осени 1917 года большевики оказались на пике своей популярности среди матросов и смогли извлечь из этого для себя максимальную пользу. В своих мемуарах Ф.Ф. Раскольников считает, что отрицательно к кронштадтской резолюции В.И. Ленина во многом настроил А.В. Луначарский, который 16 мая в Кронштадтском Совете произносил речь против анархизма. По мнению Л.Д. Троцкого, В.И. Ленин считал, что кронштадтцы приняли резолюцию о непризнании Временного правительства, «зарвавшись». Л.Д. Троцкий оценивал его отношение к ним как «суровое». Но, честно говоря, кронштадтцам было глубоко плевать, что думал о них В.И. Ленин. Это большевики нуждались тогда в матросской поддержке, а не наоборот!

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Митинг на Якорной площади был в пол-

ном разгаре; тов. Луначарский с горячим воодушевлением произносил страстную речь, когда к трибуне, у которой стояли С. Рошаль и я, сквозь густую толпу протискались прибежавшие из Совета товарищи, которые сообщили новость, поразившую нас своей неожиданностью. Оказалось, что после нашего ухода, при обсуждении вопроса о Пепеляеве, Советом была вынесена резолюция об упразднении должности назначенного сверху правительственного комиссара и о принятии Кронштадтским Советом всей полноты власти исключительно в свои руки. Это постановление в первый момент поразило нас своим непредвиденным радикализмом. Дело в том, что в то время наша партия, выдвигавшая лозунг о переходе власти в руки Советов во всероссийском масштабе, в Кронштадтском Совете была еще в меньшинстве. Вот текст резолюции: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов»»

Сколько ни выступали Луначарский, Рошаль и Раскольников, матросы их проигнорировали. А затем Раскольников был вызван в Петроград «на ковер» к В.И. Ленину.

Об этой встрече с вождем большевиков он вспоминал так: «Мы отворили дверь. Тов. Ленин сидел, вплотную прижавшись к письменному столу, и, низко наклонив над бумагой свою голову, нервным почерком бегло писал очередную статью для “Правды”.

Закончив писать, он положил ручку в сторону и бросил на меня сумрачный взгляд исподлобья.

— Что вы там такое наделали? Разве можно совершать такие поступки, не посоветовавшись с ЦК? Это — нарушение элементарной партийной дисциплины. Вот за такие вещи мы будем расстреливать, — принялся меня отчитывать Владимир Ильич.

Я начал свой ответ с объяснения, что резолюция о переходе власти в руки Кронштадтского Совета была принята по инициативе беспартийных...»

Раздражение Ленина понятно, и пусть его обещание расстрелять своих соратников за плохую работу — это всего лишь фигура

речи, но разозлен кронштадтскими матросами Ильич был в те дни не на шутку. Кронштадтцы в своем желании быть революционнее всех революционеров могли попросту дискредитировать саму идею Советов, на которую так рассчитывали большевики. Но раздражен кронштадтцами был не только Ленин. Провозглашение независимости от центральных властей Кронштадтом вызвало самую негативную реакцию Временного правительства. Резкая реакция проправительственной прессы и самого правительства на неприятные новости из Кронштадта объяснялись, в отличие от негодования В.И. Ленина, вполне понятным стремлением не допустить двоевластия в стране, а также хоть как-то наказать кронштадцев за безнаказанные убийства офицеров в феврале—марте. Временное правительство неоднократно обсуждало обстановку в Кронштадте и командировало туда министров И.Г. Церетели и М.И. Скобелева, для уточнения обстановки и переагитации матросов. Обстановку министры выяснили, но с переагитацией у них ничего не вышло. На митингах их освистали.

А затем удар по матросам нанес Петроградский Совет, к которому они апеллировали в своей резолюции. 26 мая состоялось экстренное заседание Петроградского Совета, осудившее кронштадтцев. На следующий день на 3-м съезде партии эсеров А.Ф. Керенский высказал удовлетворение такой позицией Петроградского Совета, подчеркнув, что Совет принял антикронштадтское решение «без всякого его влияния», а о действиях самих кронштадтцев отозвался, что матросы просто недостаточно развиты. Думается, в словах А.Ф. Керенского сквозила обида не только на матросов Кронштадта, но и на матросов Гельсингфорса, которые фактически выгнали его из военно-морской базы.

3 июня начал работу I Всероссийский съезд Советов. По воспоминаниям присутствовавших там делегатов от Кронштадта, чуть ли не каждый «соглашательский» оратор считал нужным обвинить их в сепаратизме и в развязывании гражданской войны, что в принципе соответствовало действительности.

В основе поднятого в результате «Кронштадтского инцидента» шума была еще очень свежая память о февральско-мартовских ма-

тросских самосудах. Отсюда и искренняя вера журналистов, и не только их, что положение в Кронштадте должно быть самое ужасное. Но вот парадокс! Как раз по причине кровавого характера революционных событий в городе и в обстановке послереволюционного безвластия кронштадцы в апреле — мае были уже склонны к установлению на острове собственной сильной власти и вследствие этого — своего матросского порядка. Что касается офицеров, то фактически к этому времени от руководящей роли они были полностью отстранены. Что же касается гражданского самоуправления, то в перенасыщенном воинскими частями Кронштадте гражданская администрация никакого авторитета не имела никогда.

А так как реальной властью мог быть только некий новый революционный выборный орган, то им и стал местный Совет. К тому же в крепости еще помнили первый опыт 1905 года по организации Советов. Как отмечал, например, матрос-большевик И.П. Флеровский в своей книге «Большевистский Кронштадт в 1917 году», «... в Кронштадте был полный порядок. Под страхом строжайших кар, вплоть до конфискации имущества и выселения, было запрещено пьянство. В результате на улицах не встречались пьяные и подвыпившие. Из Кронштадта были выселены проститутки, которыми кишела дореволюционная крепость...» Принятие вышеупомянутой поправки кронштадтскими депутатами было вызвано не желанием конфликтовать с центральной властью, а зафиксировать положение, сложившееся в городе, и еще больше поднять авторитет городской власти.

Что касается большевистского руководства, то они сначала серьезно переоценили стихийную «левизну» кронштадтских матросов, которая могла привести к самым печальным последствиям. Уже через день после принятия «левой» поправки кронштадтцев туда, по поручению В.И. Ленина, прибыл член ЦК партии Г.Ф. Федоров, который заявил руководителям кронштадтских большевиков, что ЦК не одобряет решения Кронштадтского Совета, и потребовал немедленного их выезда в Петроград «на ковер» к В.И. Ленину. В беседе с руководителем большевистской фракции в Кронштадтском Совете Ф.Ф. Раскольниковым В.И. Ленин заявил, что декларирование

советской власти в одном Кронштадте сепаратно от всей остальной России — это утопия, и оценил позицию большевистской фракции в Совете как попустительскую, как нарушение элементарной партийной дисциплины, за которое следует расстреливать. Осудил «левые» заявления кронштадтских большевистских руководителей и Л.Д. Троцкий. Он прибыл в Кронштадт и принял активное участие в урегулировании «инцидента», причем делал это так, чтобы не испортить отношений с матросами. На заседании Петроградского Совета 26 мая Троцкий эффективно оправдывал кронштадтцев, ссылаясь на «двоебезвластие» в стране.

21 и 28 мая большевистская газета «Правда» опубликовала специальные статьи в защиту Кронштадта, в которых, тем не менее, просматривалось осуждение резолюции кронштадтцев как преждевременной. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 30 мая В.И. Ленин открыто заявил, что «инцидент» принес большой вред партии.

При этом мягкая критика большевистскими руководителями «Кронштадтского инцидента», как «левого» перегиба, позволила им остаться в рамках «товарищеской оппозиции», не подорвав доверие к ним со стороны кронштадтцев. К этому невольно приложило руку и Временное правительство, объяснявшее левые инициативы кронштадтцев «кознями большевиков». В результате «инцидента» большевики неожиданно для себя получили огромный выигрыш. Вместе с ростом авторитета Кронштадта в ходе «инцидента» вырос и авторитет лозунга «Власть Советам!», отстаиваемого ими.

Привлеченные большим шумом вокруг Кронштадта, туда потянулись многочисленные делегации с мест, которых немало прибывало тогда в столицу. В Кронштадте они обнаруживали резкое расхождение действительности с тем, что писали о матросах газеты. В обстановке разочарования в новой центральной власти эти делегаты не могли не высказывать поддержку Кронштадту. Положительно о Кронштадте в те дни отзывался и ряд иностранных корреспондентов, побывавших там. В результате этого кронштадтские матросы почувствовали вкус победы и уже не давали возможности Исполкому своего Совета «отработать назад». Формально

«Кронштадтский инцидент», с помощью большевиков, закончился компромиссом, но, как справедливо писал В.И. Ленин в сентябре 1917 года, для министров Временного правительства этот компромисс был «жалким». Его условия были далеки от цели полного подчинения Кронштадта, которая изначально ставилась Временным правительством. Кронштадт де-факто стал если еще не полностью независимой от правительства территорией, то уже, по крайней мере, полузависимой.

Газетная шумиха в мае — июне 1917 года, как и после февральско-мартовских самосудов, снова сработала на популярность Кронштадта, но только уже не на скандально-революционную, а на революционно-демократическую. Если в марте Кронштадт был пугалом революции, то уже в апреле ее рупором! Почувствуйте разницу! В результате этого кронштадтцы получили уникальный опыт построения местной демократии и взаимоотношений с центральной властью. Этот опыт обеспечил высокий авторитет Кронштадту во всех дальнейших революционно-демократических процессах, вплоть до трагической развязки в 1921 году.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «...Наши враги уже создали Кронштадту большую рекламу... Ввиду этого Кронштадт беспрерывно посещался различными делегациями. Они приезжали с полномочиями от своих масс для ознакомления на месте с создавшимся у нас положением и для осведомления о сущности большевизма и об его приложении на практике. Делегации с фронта почти постоянно гостили у нас, сменяя одна другую. Обычно, после официальных выступлений в Совете, мы приглашали делегатов осмотреть наши учреждения, открывая им всюду полный доступ, а в заключение использовали их для выступления на митингах на Якорной площади».

Особенно приятен был кронштадтцам приезд делегации рабочих Донбасса. Шахтеры полностью разделяли взгляды матросов. Чтобы помочь им в революционной борьбе, из Кронштадта в Юзовку были отправлены несколько матросов-агитаторов.

Анархист В.М. Волин, который, начиная с лета 1917 года, часто бывал в Кронштадте, был в восторге от «Кронштадтского инци-

дента». Позднее он отмечал, что все прибывавшие на остров делегации просили матросов прислать в свои края пропагандистов и революционную литературу. «Можно без преувеличения сказать, что вскоре не осталось ни одной области, ни одного уезда, где бы ни провели несколько дней кронштадтские посланцы, советовавшие решительно захватывать землю, не подчиняться правительству, переизбирать и укреплять Советы, бороться за мир и продолжение революции». В.М. Волин, как и другие анархистские вожди, все-таки явно преувеличивал последствия «инцидента». Но достигнутая победа оказалась, тем не менее, неожиданно масштабной. Она как бы давала индульгенцию кронштадтским «левакам» за февральско-мартовские грехи и не могла еще более не вскружить им голову. Это вскоре и сказалось на дальнейших событиях, связанных с июньской демонстрацией.

Между тем в Гельсингфорсе продолжал быстро набирать популярность Центробалт. Это не осталось без внимания Временного правительства, и уже 9 мая в Гельсингфорс прибыл военный и морской министр А.Ф. Керенский. Министр хотел выяснить обстановку на Балтийском флоте, а также обаять и попытаться «приручить» Центробалт. Керенский не терял надежды, что ему удастся договориться с матросами по самому главному на тот момент вопросу — по вопросу о войне. Вопрос отношения к войне с Германией стал главным разногласием между революционными матросами Балтики и Временным правительством с момента образования последнего. Матросы требовали немедленного окончания войны и демобилизации, а обо всем остальном не хотели и слушать. Позиция Временного правительства выражалась лозунгом «война до победного конца» и была достаточно четкая и понятная. Уже четвертый год шла кровопролитная и изнуряющая война, в которой наконец-то наметился победный перелом (если брать общее соотношение сил Антанты и Тройственного союза), поэтому надо было лишь еще немного продержаться и выстоять, чтобы миллионы уже погибших соотечественников не были напрасной потерей, и побед-

но закончить войну, получив все причитающиеся выгоды державы-победительницы. Ну а после заключения мира можно было бы думать о дальнейшей демократизации и социализации. В принципе на таких позициях находилось тогда большинство и революционных партий, которые буквально умоляли матросов прекратить разброд и анархию, немного потерпеть и, если уж не воевать самим, то хотя бы не мешать это делать другим. Но не тут-то было! Балтийцы возомнили себя вершителями судьбы России. Им было плевать на жертвы и интересы государства. Они вкусили власти, поняли, что могут диктовать свою волю правительству, и отказываться от своего диктаторского положения вовсе не собирались. Что касается автора, то у него сложилось мнение, что в глубине души матросам было в принципе глубоко наплевать, будет продолжаться война или нет. Противостояние правительству в вопросе о войне было для них лишь поводом показать свою силу и сверхреволюционность и заставить новое руководство России с этой силой и откровенно левацким «закидоном» считаться. Почему я так говорю? А потому, что пройдет совсем немного времени и те же самые матросы будут с пеной у рта критиковать большевиков за позорный сепаратный мир с Германией и требовать продолжения той же самой войны, против которой они несколькими месяцами назад сами же рьяно выступали. Что касается большевиков, имевших, как известно, с Германией свои собственные отношения (пресловутый «пломбированный вагон», деньги германского Генштаба на революцию и т.д.), то их задачи и цели в данном случае полностью совпали со взглядами балтийцев в мае—июне 1917 года. Это открывало перед большевиками хорошие перспективы к будущему взаимовыгодному сотрудничеству и использованию матросов в своих партийных интересах.

К приезду военного и морского министра А.Ф. Керенского командование флотом готовило положенную ему по должности торжественную встречу. Что касается Центробалта, то он демонстративно вынес решение об отмене всяких торжеств. Тогда за организацию встречи Керенского взялся Гельсингфорсский Совет. Отношения между конкурирующими структурами стали еще напряженней. По-

сле выступления Керенского на Совете там была принята резолюция о революционной войне с Германией до победного конца.

Тем временем на «Виоле» собрались все члены Центробалта в ожидании Керенского. Настроены они были решительно. Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «Накануне приезда Керенского представители Финляндского областного исполнительного комитета совместно с командующим Балтфлотом и несколькими членами Центробалта устроили совещание о порядке встречи министра. На совещании было принято следующее решение: для встречи министра выделить от всех частей флота и армии почетные караулы, выстроив их шпалерами от вокзала до здания Гельсингфорсского исполнительного комитета. Встречать министра на перроне при выходе из вагона будут: командующий флотом, председатели областного исполнительного комитета, Гельсингфорсского исполнительного комитета, представители от меньшевиков и эсеров и в последнюю очередь — представитель от Центробалта. В связи с принятым решением по флоту был отдан соответствующий приказ. Однако через несколько часов после состоявшегося совещания вернулись из командировки большинство членов Центробалта и, узнав о состоявшемся решении, созвали пленум Центробалта. На заседании было принято следующее решение. Приказ командующего о параде в части, касающейся флота, отменить. Министра могут встречать по своему желанию гуляющие на берегу. Командующему флотом поручается согласовать вопрос с пехотным командованием о посылке на вокзал к приходу поезда оркестра. Получив решение Центробалта, командующий флотом, представители областного и Гельсингфорского Советов, меньшевистские и эсеровские лидеры, негодующие, явились к нам на маленькую “Виолу”. Грозя Центробалту от имени министра репрессиями, требовали отменить принятое решение. Центробалт остался непреклонен, оставив в силе принятое решение. К 11 часам утра в день приезда морского и военного министра Керенского перрон Гельсингфорсского вокзала и прилегающая к вокзалу площадь представляли сплошное море голов. Среди разношерстной публики, пришедшей встретить и приветствовать “народного” министра, большинство состояло из представителей гельсингфорской

буржуазии и обывательщины. Почти совершенно отсутствовали рабочие, от имени которых собрались приветствовать Керенского меньшевики и эсеры.

К перрону медленно подходил поезд с министром. Море голов зашевелилось. Представители местной власти во главе с командующим флотом построились в “кильватер”, приготовившись чинно приветствовать министра. С повязанной рукой, на перрон вышел Александр Федорович в сопровождении кавалькады юных адъютантов. Навстречу — громовой раскат “ура”. Встречающий один за другим подходят с приветствиями, выражая свою преданность и радость по случаю приезда столь долгожданного гостя. Пришла и моя очередь приветствовать от имени Центробалта. Рапортую, стараясь точно выразить требования и пожелания Балтфлота. Поморщился министр, но, видно, на народе не счел удобным прервать не по душе пришедшийся ему рапорт. По окончании приветствий министр в сопровождении командующего флотом и представителей местной власти в автомобиле отправился в здание Гельсингфорсского Совета на торжественное заседание. Центробалт не был приглашен на торжественное заседание в знак наказания за непокорность.

Возвратившись на “Виолу”, доложил о происшедшем Центробалту. Приверженцы Керенского остались очень недовольны. Они были уверены, что теперь Центробалту несдобровать. Министр соизволит за непочтение нас арестовать и разогнать. Торжественное заседание длилось около трех часов. В эти столь длинные, “томительные” часы мы все же не теряли надежды, что в конечном итоге министр смилуется и соизволит посетить маленькую “Виолу” и ее обитателя — непокорный Центробалт. Его посещение было необходимо для разрешения ряда спорных вопросов и с правительством и с командованием флота.

Вдруг телефонный звонок. Подхожу к аппарату:

— Слушаю. Центробалт.

— У телефона секретарь народного министра Керенского — Оникко. Министр Керенский приказал всему Центробалту ровно к четырем часам дня явиться на “Кречет” к командующему Балтийским флотом.

— Помилуйте! Центробалт ведь учреждение. Мы полагаем, что не учреждение ходит к министру, а министр — в учреждение. У нас ряд срочных и существенных вопросов, требующих немедленного разрешения. Доложите министру, что мы просим его зайти к нам.

Онипко ушел. В Центробалте — опять споры. Все надежды на возможность прихода министра как будто рухнули.

— Помилуйте, как это не придет? Ведь он же морской министр? Приехал-то он на флот, как же он обойдет нас?

Недолго тянулись эти споры и нетерпеливые ожидания.

Министр, выйдя из Совета, прямо направился на “Виолу”. Встретили его по старому морскому обычаю — с фалрепными, рапорт отдали и пригласили на заседание. Министр нервничает и заявляет, что у него только полчаса свободного времени, которое он и может уделить нам.

Наш маленький зал не вмещает всех гостей. Многие остаются в коридоре. Чтобы не терять времени, открываю заседание.

— Слово для приветствия предоставляется народному министру Керенскому.

С жаром, с дрожью в голосе, с нотками плохо скрываемой злобы, красноречиво приветствует и тут же “по-отечески” пробирает нас министр. Говорит красно, да не о деле. Вдруг, забыв дисциплину, встает один из членов Центробалта, матрос Ховрин, и заявляет:

— Товарищ председатель! Я полагаю, что мы собрались не для митингования, а чтобы разрешить ряд практических вопросов. Полагаю, что господину министру следовало бы прямо перейти к делу.

— Товарищ Ховрин, я вам ставлю на вид, что вы позволяете себе прерывать министра.

Но Керенский уже потерял равновесие; судорожно сжав кулаки, он обрывает свою речь и бросает:

— Состав Центробалта придется пересмотреть. Адьютант, запишите.

Соглашаюсь с ним, что, и по нашему мнению, некоторые элементы (подразумеваю меньшевиков) следует удалить, ибо они мешают планомерной работе.

Между тем один за другим, с готовыми резолюциями, подкладываяем проекты и доклады, в том числе и злосчастный устав. Не знаю, что повлияло на Керенского, может быть, просто не доглядел, но на уставе появилась его подпись и надпись: “Утверждаю”».

Вряд ли П.Е. Дыбенко в рассказанной им истории врал, скорее всего, так все и было.

Итак, матросы, дымя папиросами и перебивая министра, когда им этого хотелось, вставляли свои замечания. Думаю, что его специально провоцировали. Не выдержав, Керенский сорвался и заявил, что состав Центробалта надо пересмотреть. На этом все, собственно, и кончилось. Освистанный «центробалтовскими», он в спешке покинул «Виолу».

Спасая свое лицо, в тот же день освистанный Керенский помчался на линкор «Республика», чтобы исправить ситуацию и заручиться поддержкой хотя бы там. Судя по всему, Керенский вообще не понимал, куда он попал и что происходит вокруг него. Там Керенскому выставили перечень вопросов, скорее похожих на ультиматум. Балтийцы потребовали у правительства немедленного уравнивания пенсий, субсидий и пособий без различия чинов и званий, отделения церкви от государства и школы от церкви, поддержку пропаганды социалистических идей, повсеместного образования крестьянских Советов, заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, немедленной передачи всех помещичьих и монастырских земель крестьянским комитетам. Это были не просто политические вопросы, это была целая политическая и социальная программа. Были и личные нелицеприятные вопросы к министру. Керенский попался в настоящую ловушку. Как он ни изворачивался, но был освистан. Матросы объявили его ответы «неудовлетворительными» и прогнали с корабля.

По существу, в данном случае матросы выступили уже как самостоятельная политическая сила, имеющая и собственные политические задачи, и свою конечную политическую цель. Понял это или нет Керенский — неизвестно, но тот факт, что после этого он не убыл в Петроград, а еще раз попытался исправить положение, говорит о том, что, скорее всего, так ничего и не понял. Иначе бы министр

повел себя совершенно иначе, ведь с каждым новым посещением кораблей он только ухудшал отношение матросов к себе.

Разумеется, что полным провалом закончились визиты Керенского и на линкор «Петропавловск», и на крейсер «Россия», где ему даже не дали выступить.

Отныне между Временным правительством и лично Керенским с одной стороны и матросами Балтики началась открытая конфронтация. Злопамятный Керенский сразу же напечатал серию статей о «предателях дела революции с линкора “Республика” и “Петропавловск”». Судком «Республики» выступил в печати с решительным протестом против «гносных обвинений буржуазных и черносотенных борзописцев» и опубликовал заданные Керенскому вопросы.

Вслед за этим прошло собрание судкомов всех стоящих в Гельсингфорсе кораблей, на котором был выражен протест против «клеветы буржуазной печати».

Война с правительством, таким образом, была начата, но до ее победного конца было еще очень далеко. Впрочем, первый бой матросы выиграли вчистую. После столкновения с Керенским авторитет Центробалта в глазах матросов заметно вырос.

Затем в атаку на правительство ринулся Кронштадт, где матросы не желали довольствоваться вторыми ролями в разыгрываемом грандиозном политическом спектакле. Началось с того, что 13 мая Кронштадский Совет решил, что отныне начальник городской милиции должен выбираться кронштадцами. Тогда же было определено, что по всем вопросам, касающихся города и дислоцируемого в нем флота, Временное правительство должно контактировать исключительно с Советом. Однако 16 мая кронштадцы передумали и залепили Временному правительству еще одну оплеуху, постановив: «По делам государственного значения Совет входит в сношение с Петроградским Советом, кроме этого было решено, что уже не только начальник милиции, а вообще все административные должности в городе замещаются членами исполнительного совета или же ими назначаются».

Реакция была предсказуемой. И Временное правительство, и Петроградский Совет расценили решение кронштадтцев как акт

отложения Кронштадта от России. В прессе заговорили уже о независимой «Кронштадской демократической матросской республике». В печати поднялся большой шум, причем критика была во многом справедлива, так как кронштадтцы действительно перегнули палку в своем революционно-демократическом рвении. Однако эффект получился совсем не такой, как ожидали авторы травли Кронштадта. Как и в феврале, Кронштадт стал популярен по всей стране. О нем говорили, спорили, его проклинали, им восхищались, но равнодушных в отношении его не было. Со всей России в Кронштадт потянулись делегации, чтобы лично удостовериться в ситуации «Кронштадтской республики».

Партия эсеров считала, что кронштадтцы зарвались и раскачивают политическую ситуацию в сложный для Отечества момент. Меньшевики в более мягкой форме, но были с ними согласны. Анархисты, разумеется, были только за как можно большую демократию, так как в их представлении последовательная демократизация должна была в конечном итоге привести к полной анархии. Что касается большевиков, то в лице В.И. Ленина война Кронштадта с официальным Петроградом только приветствовалась. Вождь РСДРП(б) рассматривал Кронштадт как детонатор надвигающейся новой революции. Именно в это время, имея в виду Кронштадт, он писал, что «на местах революция зашла дальше, чем в Питере».

Любопытно, что в 1919 году на VI съезде РСДРП(б), выступая, один из руководителей кронштадтских большевиков И.П. Флеровский заявил с трибуны, что «знаменитая Кронштадтская резолюция принадлежит не нам, а эсерам». По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, Ленин якобы говорил ему, что кронштадтцы, приняв резолюцию о непризнании Временного правительства, окончательно зарвались, т.е. говорил практически то же, что и эсеры. При этом Троцкий оценивал отношение Ленина к матросам Кронштадта в данном вопросе, как «суровое». Ряд историков считают, что отрицательно к кронштадтской резолюции В.И.Ленина во многом настроил А.В. Луначарский, который 16 мая в Кронштадтском Совете произносил речь против анархизма и был освистан матросами.

Между тем Временное правительство лихорадочно искало средства воздействия на мятежников. Решено было политически разоружить Кронштадт, раскассировав его главарей по отдаленным гарнизонам. Но это легко было решать в столичных кабинетах, однако никто не подумал, как все будет выглядеть в реальности. 21 мая в Кронштадт выехали председатель Петроградского Совета лидер меньшевиков Н. Чхеидзе и член ЦК партии эсеров А. Гоц. Через день эту бригаду усилили министрами-«социалистами» Скобелевым и Церетели. Прибывшие потребовали от Кронштадтского Совета отменить резолюцию от 16 мая. Однако все закончилось для гостей плачевно. Их почти сразу же выдворили с острова, а матросы обратились с воззванием «К народу всей России», заявив, что кронштадтцы «остались на левом фланге великой армии русской революции», что они верят в то, что вскоре вся власть в стране перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Что касается Гельсингфорсского Совета, то он полностью поддержал кронштадтцев, отпечатав их воззвание и распространив его среди матросов и солдат. Выразил свою полную поддержку Кронштадту и Центробалт. Таким образом, весь Балтийский флот фактически публично заявил о совсем неповиновении Временному правительству, как правительству, которое не проводит никаких реальных демократических реформ. Что касается самих кронштадтцев, то они вовсе не собирались отсиживаться на острове, а сразу же направили во все военно-морские базы флота и армейские части своих агитаторов. В составе делегаций были, по большей части, большевики, левые эсеры и анархисты: мичман Ф.Ф. Раскольников, матросы Н.Ф. Измайлов, И. Колбин, С. Семенов, Н. Баранов и т.д.

Хуже всего приняли посланцев Кронштадта в Ревеле, где местные правые эсеры и меньшевики были весьма популярны и тамошние матросы поддерживали правительство. Впрочем, и в Ревеле в конечном счете все закончилось достаточно мирно и дружелюбно.

Но и правительство не собиралось так легко сдаваться. И ответный ход вскоре последовал. Для приведения в чувство балтийцев

решено было использовать законопослушных черноморцев, среди которых в тот момент преобладали правозсеровские и меньшевистские настроения.

Следующим этапом борьбы за влияние на матросов должен был стать 1-й съезд моряков Балтийского флота. Решение о проведении общевосточного съезда было принято 2 мая 1917 года. Это было инициативой Центробалта. В результате съезда «центробалтовцы» хотели упрочить свои позиции на флоте и стать полноценным руководящим органом флота.

Драка на съезде предстояла нешуточная. Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «На съезде придется выдержать неравный бой: против маленькой группы большевиков будут выступать ревельцы, представители коалиционного правительства, заместитель военного и морского министра ставленник Керенского Лебедев, делегация черноморцев во главе с лейтенантом Вербовым и лжематросом Баткиным, с ними же комиссар Керенского Онипко и враждующие соседи — Гельсингфорсский Совет. Антонов-Овсеенко подбадривает. С ним мы разработали тактику нашей группы во время съезда и мероприятия для обработки делегатов. Решено прибывающих делегатов из Ревеля разместить в общежитии вместе с кронштадтцами и поручить кронштадтцам обработку ревельцев. К выступлению Лебедева пропустить побольше матросов с “Республики” и “Петропавловска” и в нужный момент сорвать его речь. Черноморцам не давать решающего голоса».

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Черноморская делегация произвела на петроградскую буржуазию сильное впечатление. Разбив на четыре группы, ее направили в Кронштадт, Гельсингфорс, Ревель и в воинские части Северного фронта. В Кронштадте и у нас призывы черноморцев не встретили отклика. Член одной из этих групп некий Фельдман (один из вожаков мятежа на броненосце “Потемкин” в 1905 г. — В.Ш.) опубликовал в петроградской буржуазной газете ругательную статью о Балтийском флоте. В ней он доказывал, что на кораблях упала дисциплина, ослабла их

боеспособность. Это печатное выступление вызвало у балтийцев негодование. Делегаты-черноморцы вынуждены были опубликовать в «Волне» (газета большевиков в Гельсингфорсе. — *В.Ш.*) заявление о своем отмежевании от Фельдмана. Но это им уже мало помогло. На митингах их освистывали».

В ответ на приезд черноморской делегации в целях лечения Балтфлота от «анархии и разложения» Центробалт послал приветственную телеграмму в Севастополе с указанием, что они с радостью ждут черноморцев, но просят принять и их ответную делегацию для ознакомления с положением дел в Черноморском флоте под началом анархиста матроса Чугунова.

Приехав в Севастополь, балтийцы начали там действовать весьма энергично и на редкость цинично. Первым делом они пожурили черноморцев за то, что те еще не поубивали своих офицеров, дали практические советы, как это лучше устроить. При этом вели себя в Севастополе посланцы революционной Балтики не как гости, а как хозяева. Они задирали черноморских офицеров, поносили адмиралов, пили и дебоширили. Такая удасть прихлась по вкусу и многим местным матросам. Кому же не понравится такая развеселая жизнь, когда можно безнаказанно хамить начальникам, пренебрегать службой, пить и митинговать!

Павел Дыбенко признает: «Посланные нами представители в Черноморский флот по прибытии на место оказались, с одной стороны, “плохими” дипломатами, а с другой, как говорится, забравшись в чужой огород, начали по-своему хозяйничать. Делегация Балтфлота, прибыв в Севастополь и ознакомившись с настроениями моряков на кораблях, на обширном митинге потребовала убрать адмирала Колчака как самого отъявленного контрреволюционера и предателя революционных моряков. Результатом деятельности делегации Балтфлота и чернофлотцев явилось перерождение чернофлотцев, которые, сорвав шпагу со своего властелина адмирала Колчака (странно, что прослуживший на флоте уже пять лет Дыбенко так и не узнал, что морские офицеры носят кортики, а не шпаги. — *В.Ш.*) и, бросив ее за борт корабля, потребовали от Временного правительства убрать из Черноморского флота Колчака.

Действия нашей делегации не обошлись без “неприятностей” для Центробалта: черноморские комитетчики по телеграфу запросили подтвердить правильность полномочий делегации и в первую очередь — ее председателя товарища Чугунова, угрожая в противном случае арестом делегации. Много потом Центробалту пришлось писать “дипломатических писем”, дабы оградить свою делегацию от возможности ареста на обратном пути в Балтфлот с докладом о своей работе. За “разложение” черноморцев Керенский, еще пуще прежнего, стал метать огненные стрелы против Балтфлота и в первую голову — против Центробалта...»

В целом обмен делегациями между братскими флотами особого удовольствия не доставил ни тем ни другим, но определенные последствия имел.

Из воспоминаний Дыбенко ясно, что «центробалтовцы» к предстоящей схватке за власть готовились основательно, без лишних сантиментов, отбросив в сторону такие понятия, как демократичность, честность и порядочность. Конечная цель, как говорится, оправдывала средства.

1-й съезд Балтийского флота начал свою работу 25 мая в Гельсингфорсе и продолжался в течение двух недель до 15 июня. Съезд должен был решить немало животрепещущих для моряков Балтики вопросов и, в первую очередь, определить статус высшего выборного флотского органа — Центробалта. Всего на съезд собралось 220 делегатов от всех военно-морских баз и корабельных соединений и береговых частей. В советское время писали, что более трети делегатов были большевики и им сочувствующие, около четверти — эсеры, меньшевики и анархиста, а остальные — беспартийные. Однако понятие «сочувствующе» — это большая натяжка. В то время, когда даже членство в партиях матросы меняли по несколько раз в неделю, а порой и по несколько раз в день, после очередного оратора на митинге, серьезно говорить о неких сочувствующих не приходится. Думается, что большевиков на съезде было не больше, чем представителей их конкурентов по политической борьбе.

Как и следовало ожидать, представители всех революционных партий развернули на съезде упорную борьбу за упрочение своих позиций. В результате разногласий президиум так и не выбрали. Против списка Центробалта (куда были включены в большинстве представители Гельсингфорса и Кронштадта) весьма яростно выступили представители Ревеля и других баз южного берега Балтики. В итоге президиум съезда возглавил эсер с крейсера «Адмирал Макаров» Рубанин, а его товарищами (т.е. заместителями) были избраны матросы Дыбенко и Маркин. В первый же день работы съезда возникли и другие разногласия. Ревельцы потребовали доверия Временному правительству и выполнения всех приказов военного и морского министра Керенского. Ревельцев поддерживали представители Петрограда и Або. Однако большинством голосов эти претензии были отклонены. Затем едва не подрались председатель съезда Рубанин со своим замом Дыбенко. Последний в знак протеста покинул президиум, обложив напоследок председателя отборным матом. Следующий день был посвящен отчетам Центробалта за месяц его существования по разным направлениям. Дыбенко выступал с нападками на командующего флотом и его штаб, обвиняя их в игнорировании Центробалта, а также на Гельсингфорсский Совет, проводивший политическую линию меньшевиков.

Затем со своего поста был смещен председатель эсер Рубанин. На его место делегаты избрали командира линкора «Андрей Первозванный» («Республика») капитана 2-го ранга И.И. Лодыжинского, вступившего к этому времени в партию эсеров. И снова «центробалтовцам» пришлось отбивать нападки ревельцев. В конце концов ревельцы отступили, хотя порой перепалки грозили перейти врукопашную.

Камнем преткновения стало выступление матроса-большевика Н.Г. Маркина, который предложил жесткую вертикаль подчинения судовых комитетов Центробалту, предложение Маркина после бурных дебатов так и не утвердили, усмотрев в них угрозу матросской демократии. Снова схватились за грудки Рубанин с Дыбенко. Эсер Рубанин всячески поносил и Центробалт, и лично Дыбенко, обвиняя последнего в любовных шашнях с большевичкой Коллонтай,

и, как следствие этого, в предательстве общематросских интересов в пользу узкобольшевистских. Но драку снова удалось предотвратить. В результате дальнейшего голосования большинством голосов съезд все же высказался за доверие к Центробалту.

Затем обсуждали устав Центробалта. Опять скандалили ревельцы, требуя принятия устава, разработанного штабом флота и комиссарами Временного правительства и ограничивавшего права Центробалта, делая его подчиненным комфлоту. Центробалтовцы, естественно, возражали. После «бурного заседания» (как гласят документы) «центробалтовцам» удалось отстоять свои права, с минимальным преимуществом. В принятом уставе значилось, что «Центробалт есть высшая инстанция для всех флотских комитетов и высший выборный орган» и что «ни один приказ, касающийся жизни флота, исключая чисто оперативной и, связанной с ней технической деятельности, не имеет силы без одобрения ЦКБФ».

Сам же Центробалт стал отныне подотчетен исключительно съезду моряков Балтийского флота. В те дни авторитет Центробалта среди матросов был велик, как никогда. Согласно принятому уставу, Центробалту поручалось контролировать «все приказания, постановления и распоряжения, касающиеся общественной, политической и внутренней жизни флота, откуда бы они ни исходили». Это значило, что отныне без санкции Центробалта ни один приказ, касающийся Балтийского флота, не мог иметь силы. Центробалт, по мнению участников съезда, должен был стать центром, вокруг которого должны были объединяться все революционные элементы флота, боровшиеся за передачу власти Советам.

Естественно, что это сразу же определило неизбежное противостояние как с командованием флота, так и с Временным правительством. Забегая вперед, отметим, что это противостояние завершилось только после октября 1917 года. После съезда Центробалт был увеличен до 63 человек. При этом выборы производились тайным голосованием непосредственно командами кораблей и личным составом частей флота по норме 1 делегат от 1000 человек сроком на 3 месяца.

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «В Центробалте шла усиленная подготовка к I съезду моряков Балтийского

флота. Подбирали докладчиков, редактировали документы, которые должны были представить на утверждение съезда. К съезду готовилось и командование флота, намеревавшееся дать нам бой. Оно надеялось на поддержку представителей Ревельской и некоторых других военно-морских баз. Когда делегаты стали прибывать в Гельсингфорс, мы решили разместить ревельцев вместе с кронштадтцами, чтобы последние повлияли на оборончески настроенных матросов Ревеля. Но, несмотря на эту меру, очень волновались: все-таки эсеров, меньшевиков и беспартийных было больше. Всего в работе съезда участвовало около 250 моряков и 12 офицеров. Заседания проходили в актовом зале женской гимназии на Аркадской улице. Уже в первый день обстановка была напряженная. После вступительного слова П.Е. Дыбенко приступили к выборам президиума. Председателем неожиданно избрали ревизора с крейсера “Адмирал Макаров”, члена Центробалта Л.К. Рубанина — ярко выраженного оборонца, всецело преданного Временному правительству. В ЦКБФ он не пользовался авторитетом. Заместителями Рубанина, или, как тогда говорили, товарищами председателя, стали Дыбенко и кронштадтский матрос большевик Н.Г. Маркин. Затем довольно остро заспорили о порядке дня. Представители командования настаивали, прежде всего, обсудить устав Центробалта. Дыбенко возражал, ссылаясь на то, что еще не приехал помощник Керенского лейтенант Лебедев. Его доводы показались вполне убедительными, поэтому занялись сначала Положением о судовых комитетах, разработанным Центробалтом.

Ревельцы попросили разрешения зачитать съезду наказ своих избирателей. Делегаты согласились заслушать его. Наказ был откровенно верноподданническим. Он призывал делегатов выразить полное доверие Временному правительству, оказать поддержку “Займу свободы”, добиваться тесного единения и политического согласия матросов и офицеров. Слушая это “творение”, большевики Центробалта недоуменно переглядывались. Об оборонческих настроениях ревельцев нам было известно. Но никто не предполагал, что влияние соглашателей на них так велико. Это еще раз подтверждало, что борьба на съезде предстоит нелегкая.

На второй день у Дыбенко не выдержали нервы — он попросил освободить его от обязанностей товарища председателя. Делегаты-большевики не одобрили его поступка, но делать было нечего — съезд уже принял его “отставку”. Вскоре переизбрали и Рубанина. Вместо него выдвинули командира линкора “Андрей Первозванный” И.И. Лодыженского. Для нас это было хуже — Лодыженский куда умнее и дальновиднее Рубанина.

Первый серьезный бой членам Центробалта пришлось выдержать при рассмотрении проекта Положения о судовых комитетах. К счастью, докладывал о нем Николай Маркин — человек, умевший говорить ярко и убедительно. Он доказал, что этот документ необходим. Несмотря на то что проект яростно ругали Рубанин и еще некоторые делегаты, съезд принял его за основу. Представители командования флота по этому вопросу предпочли уступить, чтобы всеми силами навалиться на устав Центробалта. Противников у нас оказалось много. Особенно старались Рубанин, Лодыженский и представители Ревеля. Споры разгорались по каждому пункту. Особенно подвергались критике первые два параграфа, закреплявшие руководящую роль Центробалта на флоте.

В разгар развернувшейся словесной баталии приехал помощник Керенского Лебедев. В партию эсеров этот человек вступил в предреволюционные годы, несколько лет провел в эмиграции. Когда началась война, он пошел добровольцем во французскую армию. Получив весть о свержении в России самодержавия, Лебедев поспешил домой. В Петрограде он появился в форме лейтенанта французской армии. В таком виде выступал на митингах и собраниях. Руководство партии заметило бойкого лейтенанта. Весной 1917 года он уже возглавлял комиссию Петроградского Совета по морским делам, а вскоре стал помощником Керенского. Его избрали почетным председателем I съезда моряков Балтийского флота.

Приехав в Гельсингфорс и узнав, что устав Центробалта хотя и с поправками, но все же пункт за пунктом принимается, Лебедев разъярился. В притихший зал полетели угрозы, одна страшнее другой. От имени своего начальника лейтенант грозился немедленно разогнать Центробалт, если только устав будет принят. В зале возник

шум. Делегаты были возмущены таким тоном и особенно попыткой запугать их. Раздались возгласы, далеко не лестные ни для Лебедева, ни для Керенского. Помощник министра окончательно вышел из себя. Потрясая кулаками, он закричал:

— Матросы! Что вижу я? Это же не организованный Балтийский флот, а анархистская банда!

Наверное, Лебедев потом пожалел об этих словах. В зале поднялась настоящая буря. Был момент, когда мне показалось, что незадачливого лейтенанта сейчас начнут бить. Но обошлось без скандала. Бледный и растерянный, Лебедев чуть ли не бегом покинул трибуну. Он настолько “пересолил”, что делегаты, забыв о разногласиях между собой, дружно утвердили устав, а заодно и исключили Лебедева из почетных председателей съезда. Опростоволосившийся “лейтенант французской армии” немедленно покинул Гельсингфорс. Почуяв, что Центробалт становится грозной силой и способен со временем повести за собой весь флот, перед вооруженной мощью которого Петроград был, в сущности, беззащитен, Временное правительство забеспокоилось. Ополчась против устава Центробалта, оно в конечном счете боролось за то, чтобы пушки Балтфлота в решительный час были направлены в нужную ему сторону».

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «К концу съезда прибыл Лебедев. Вскочив на трибуну, он, что называется, рвал и метал. Он усиленно подчеркивал, что принятие устава в таком виде означает непризнание правительства. Грозил немилостью А.Ф. Керенского и вынужденным роспуском съезда и Центробалта как вредных учреждений. Язык Лебедева оказался его же врагом. Он явно переборщил. Делегаты окрысились, а их еще больше подзадоривают выступавшие один за другим матросы с “Республики” и “Петропавловска”. Как? Нами созванный съезд и избранный Центробалт будет разгонять нами же поставленный у власти министр! Разгонять нас, народных представителей! Нет! Этого моряки не допустят... Рассвирепели матросы. Лебедева исключили из списка почетных председателей съезда. Тут-то мы и перешли в решительное наступление. Предварительно принятый устав был поставлен на оконча-

тельное голосование. Приняли его почти единогласно. С этих пор немилость министра А.Ф. Керенского действительно стала витать над головами центробалтовцев. Но съезд целиком одобрил нашу работу и вынес резолюцию, что права Центробалта, выраженные в постановлениях съезда, моряки будут отстаивать в случае надобности силой оружия».

Лебедеву еще повезло, а то и приколоть штыками могли прямо у трибуны, с них бы случилось! Обратим внимание, что и на съезде в качестве своих боевиков центробалтовцы используют наиболее революционных друзей с «Республики» и «Петропавловска». Но самое любопытное, что, начав с взаимных приветствий, к концу съезда вопрос уже встал о вооруженном мятеже против правительства. При этом матросы об этом открыто заявляют властям, а те в бессилии лишь разводят руками. А что им еще остается делать, когда совладать в открытом противостоянии с Гельсингфорсом и Кронштадтом им не по зубам.

Матрос-большевик Н.Ф. Измайлов в своей книге воспоминаний «Центробалт в дни восстания» пишет следующее: «Я был избран в Центробалт в июне 1917 года в числе 13 человек от матросов Кронштадтской военно-морской базы. В эти выборы от Кронштадта в Центробалт были посланы в большинстве своем члены РСДРП(б): Баранов, Меркулов, Андреев, Гордеев, Никитин, Войцеш, Машкевич, Морейко и другие. В Центробалте я работал бессменным председателем военного отдела».

Любопытно, что от РСДРП(б) на съезд был отправлен мичман-большевик Ф.Ф. Раскольников, но его не пустили на трибуну. Даже спустя годы Ф.Ф. Раскольников вспоминал об этом с нескрываемой обидой: «На этом съезде безраздельной гегемонией пользовались двое морских офицеров: капитан 2-го ранга Ладыженский и капитан 1-го ранга Муравьев, специалист по радиотелеграфному делу. На том заседании, на которое я заглянул, Ладыженский был председателем, а Муравьев выступал докладчиком и энергично участвовал в прениях. Наши партийные моряки во главе с тов. Дыбенко, участвуя в работе съезда, не придавали ему большого значения, и действительно, в истории флота этот съезд не сыграл никакой роли».

... А затем в Гельсингфорс пришло известие о том, что ответная делегация балтийцев на Черноморский флот, посланная в Севастополь для поднятия революционного настроения черноморцев, в полном составе там арестована. Съезд единодушно потребовал немедленного освобождения своих товарищей, грозя мезтью.

В условиях фактического флотского двоевластия Центробалт попытался вмешаться в порядок чинопроизводства. 23 мая 1917 года Центробалт принял постановление, что «воинские чины специалисты» (то есть матросы и унтер-офицеры, закончившие специальные школы), прослужившие не менее трех лет, могут быть произведены в прапорщики или подпоручики по адмиралтейству в соответствии с уровнем их общего образования. С одной стороны, это был хитрый ход — Центробалт вроде бы не претендовал на производство матросов и унтер-офицеров в мичмана военного времени, а лишь в прапорщики или подпоручики, причем не флота, а по адмиралтейству. С другой стороны, в соответствии с приказом от 8 мая прапорщики и подпоручики по адмиралтейству имели право претендовать на переименование в мичмана военного времени. В любом случае постановление Центробалта означало вмешательство в прерогативы высшей власти. Однако отменить это постановление особым приказом руководство морского ведомства не решилось. Таким образом, Центробалт получил возможность формирования собственного офицерского корпуса из преданных делу революции матросов и унтер-офицеров. Ход был достаточно умный и перспективный. Другое дело, что ход дальнейших событий не дал реализоваться задумке Центробалта в полной мере.

В советское время писали, будто деятельностью Центробалта руководили Гельсингфорсский комитет РСДРП(б) и военная организации при ЦК и Петроградском комитете РСДРП(б). Увы, это действительности не соответствовало. На самом деле оба большевистских комитета только сотрудничали с Центробалтом. Более того, чтобы заручиться поддержкой матросов, большевикам приходилось часто идти на компромиссы, в определенной мере

потрефляя матросской вольнице, чтобы обеспечить себе ее поддержку.

Итак, в результате съезда сепаратизм Центробалта и всего Балтийского флота от центральной власти был оформлен юридически. Но матросы не забыли и о правительстве. На съезде была выбрана делегация, которой поручалось заставить Керенского утвердить устав Центробалта. В нее вошли следующие матросы: Маркин, Соловьев и Бурмистров из Кронштадта, Алексеевский (крейсер «Россия»), Коринфский (порт Котка), Штарев (линкор «Севастополь»), Марусев (линкор «Республика») и Олич (линкор «Гангут»).

Само возникновение Центробалта и его диктаторские претензии на единоличное командование флотом и откровенная фронда к Временному правительству, ну, и, наконец, своевольный созыв целого съезда, заставили А.Ф. Керенского и его окружение сделать неожиданный ход. Дело в том, что к июню у военного и морского министра Временного правительства А.И. Гучкова уже не вызывал доверия выбранный матросами командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.С. Максимов. Позднее А.И. Гучков вспоминал: «...стал (А.С. Максимов. — *В.Ш.*) на сторону матросни... в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло кончиться тем, чем это кончилось при большевиках». Фактически Гучков обвинял Максимова в том, что тот мог возглавить свержение Временного правительства.

Поэтому А.Ф. Керенский с А.И. Гучковым, мстя матросам, и решили именно в момент начала работы съезда моряков Балтийского флота наконец избавиться от А.С. Максимова, назначив на это место крупного масона контр-адмирала Д.Н. Вердеревского. 1 июня Д.Н. Вердеревский стал командующим Балтийским флотом.

Снятием Максимова и его новым преемником контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским матросы были недовольны. Едва Вердеревский поднял на штабном судне «Кречет» свой контр-адмиральский флаг, как команда линкора «Петропавловск» демонстративно подняла на своем корабле вице-адмиральский флаг Максимова. Это был

уже открытый демарш! После этого начался неизбежный в таком случае митинг, на котором петропавловцы приняли резолюцию, что коль Максимов избран «братвой», то и сменить его может только «братва». Буза с «Петропавловска» вот-вот могла перекинуться и на другие корабли. Ситуация мгновенно накалилась, и контр-адмирал Вердеревский вполне мог разделить участь вице-адмирала Непенина. Обстановку разрядил вице-адмирала Максимов. Он лично прибыл на «Петропавловск» и не без труда уговорил матросов принять своего сменщика.

Утверждение в должности командующего контр-адмирала Д.Н. Вердеревского стало значительной победой руководства государством над Центробалтом и поддерживающими его матросскими массами. Но это была только тактическая победа. Известие о «самоуправстве» Керенского вызвало вполне понятную ярость у матросов, особенно в Гельсингфорсе. Так команда линкора «Петропавловск» в знак протеста против нарушения матросской воли демонстративно подняла вице-адмиральский флаг Максимова и направила делегатов на штабной «Кречет», где поднял свой контр-адмиральский флаг Вердеревский. Делегаты предъявили ультиматум — Вердеревский должен спустить свой флаг и убраться на все четыре стороны. Все это происходило на фоне съезда и еще больше накалило обстановку.

Поэтому по требованию делегатов на заседание съезда прибыли два командующих: бывший — Максимов и только что назначенный — Вердеревский. Адмиралы с большим трудом успокоили разгневанных матросов, причем Максимов призвал их принять своего сменщика. Однако уже на следующий день Вердеревский наотрез отказался подписать антиправительственный устав Центробалта. Страсти снова накалились. Тогда по предложению Маркина, после бурных дебатов, было решено, что устав вступает в силу и без адмиральского одобрения.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников так писал о новом командующем Балтийским флотом: «Вердеревский тактично избегал осложнения отношений с Центробалтом и командовал флотом лишь постольку, поскольку

ему не мешал Центробалт. Одним словом, в то время Центробалт был все, а командование флотом ничто. Тов. Дыбенко как-то в своем кругу говорил: “Ну, что ж, в случае нужды мы выпустим пару снарядов по «Кречету», и от него ничего не останется”. Вердеревский, вероятно, учитывал эту возможность и как огня боялся конфликтов с Центробалтом. В результате он абсолютно не имел никакого влияния на флот. Мы, приезжие делегаты, чувствовали себя на судах Балтфлота в гораздо большей степени хозяевами, чем командующий флотом адмирал Вердеревский. Все деловые сношения мы поддерживали только с Центробалтом». Что и говорить, мудрым был человеком Вердеревский. Забегая вперед, отметим, что только ему из всей когорты командующих Балтфлотом в годы революции, удалось миновать пули и дожить до старости.

13 июня 1917 года новый командующий флотом Балтийского моря контр-адмирал Д.Н. Вердеревский был вызван на съезд, чтобы разъяснить, почему после Русско-японской войны власти пришли к необходимости назначения самостоятельного командующего флотом с подчиненным ему штабом. Вердеревский пытался убедить членов Центробалта не вмешиваться в решение оперативных вопросов и, таким образом, избавиться от их опеки. Для этого Д.Н. Вердеревский предложил разбить Центробалт на секции применительно к отделам штаба флота. Эти секции, по мысли командующего, могли совместно с отделами штаба вырабатывать решения, а командующий флотом должен был их утверждать. Если командующий флотом принимает другое решение, то проводится в жизнь оно, а Центробалт может апеллировать в «Морской совет» (Центрофлот), решение которого является окончательным. Командующий единолично решает оперативные вопросы и вопросы боевой подготовки. Совместно решаются распорядительные, санитарные, интендантские, юридические и технические вопросы. По мнению Вердеревского Центробалт должен был единолично решать бытовые вопросы, принимать жалобы и заявления, заниматься научно-просветительской деятельностью, расследовать злоупотребления, но не лезть в оперативные вопросы. Предложения Вердеревского,

разумеется, были разумны. Но не для пребывавших в революционной эйфории матросов. Поэтому никакого решения по предложениям командующего ими тогда принято не было.

После 1-го съезда состав Центробалта усилился большевиками и левыми эсерами. Занимавшие до того непримиримую позицию ревельцы, главным образом из-за недружелюбного отношения гельсингфорсцев к командующему флотом адмиралу Д.Н. Вердеревскому (выдвиженец ревельцев), в конце концов подчинились решениям съезда. При этом ревельцы подверглись на съезде интенсивной идеологической обработке. Одновременно несколько групп гельсингфорских матросов были посланы в Ревель, где выступали на митингах, разоблачая Временное правительство и соглашательскую политику местных матросских комитетов. В результате оборончески настроенные ревельцы, по выражению комиссара Временного правительства Онипко, быстро перерождались и обольшевчивались. Что касается Вердеревского, то после решений съезда власть командующего во флоте была фактически сведена на нет. Вердеревский оказался под полным контролем Центробалта.

Впрочем, и осторожный Вердеревский время от времени показывал зубы. Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Постепенно Центробалт все больше расширял сферу своего влияния на флот. Матросы со штабного корабля “Кречет” держали нас в курсе событий, происходящих в штабе. Центробалт знакомился со всеми радиограммами и телеграммами, направляемыми из штаба на корабли. Командование флота не оставляло, однако, попыток подорвать наше влияние, используя для этого малейшую возможность. Серьезный конфликт между штабом и Центробалтом возник из-за плана командования перебазировать некоторые корабли. Штаб подготовил приказ о переводе из Ревеля в Гельсингфорс 1-й бригады крейсеров. Одновременно крейсерам 2-й бригады предписывалось идти в шхеры. Внешне это выглядело как обычная передислокация кораблей. Но на самом деле в приказе таился иной смысл. Дело в том, что команды 1-й бригады в то время всецело находились под влиянием соглашателей, а во 2-й — начали проявляться большевистские настроения. Проводя “перетасовку” кораблей,

контр-адмирал Вердеревский стремился создать в Гельсингфорсе некоторое равновесие политических сил, сколотить более крепкое антибольшевистское ядро. Приказ был подготовлен и направлен по адресам, но Центробалт о нем не уведомили, так как передислокация крейсеров подпадала под рубрику оперативных действий командования, над которыми ЦКБФ формально был не властен. Однако судовые комитеты крейсеров 2-й бригады в действиях командования усмотрели политический характер и немедленно сообщили в Центробалт. Мы решили наложить запрет на приказ командования. Но для этого нужно было заручиться поддержкой широкой матросской общественности. Пригласили представителей 37 судовых комитетов обменяться мнениями. А к Вердеревскому направили нескольких членов Центробалта с просьбой разъяснить смысл отданного приказа».

В целом, несмотря на бушевавшие во время съезда страсти, Центробалту удалось решить все свои вопросы и стать не только рупором, но и фактически руководящим органом Балтийского флота. При этом противоречия между правительством и матросами-балтийцами, которые пытались устранить на съезде, еще больше обострились до уровня открытой конфронтации.

Глава шестая

БАЛТИЙЦЫ ВЫХОДЯТ ИЗ ПОДЧИНЕНИЯ

В июне 1917 года на I Всероссийском съезде Советов был создан высший представительный орган военных моряков — Центральный исполнительный комитет военного флота (Центрофлот) — из делегатов — представителей флотов и флотилий, как высшая инстанция Черноморского и Балтийского флотов, Сибирской и Северной флотилий. При этом по своему политическому влиянию Центральные комитеты Черноморского флота и флотилий не могли идти ни в какое сравнение по своему влиянию и авторитету с Центробалтом. Если на флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот) и в Мурманском отряде судов (Центромур) этой флотилии комитеты

были еще достаточно активны, то на Каспийской военной флотилии (Центрокаспий) или на Черноморском флоте (ЦКЧФ) они проявили себя в 1917 году очень слабо, тем более что ЦКЧФ был создан вообще только 30 августа.

При этом выборы в Центрофлот были проведены так, что в составе Центрофлота преобладали матросы, сторонники левых эсеров и меньшевиков. Поэтому большинство в Центрофлоте получили эсеры и меньшевики, председателем был избран правый эсер М.Н. Абрамов. В Центрофлот попали матросы-большевики Н.Г. Маркин, Н.А. Пожаров, И.Д. Сладков, В.Ф. Полухин, Е.И. Вишневский и А.С. Штарев, однако они имели там минимальное влияние. Вполне естественно, что Центрофлот сразу же начал поддерживать мероприятия Временного правительства и проводить его политику. Заметим, что Центрофлот сразу же «показал зубы» и отказался утвердить устав Центробалта.

Впрочем, Центробалт подчиняться Центрофлоту и не собирался. Из воспоминаний Н.А. Ховрина: «Вскоре нам пришлось столкнуться с новой флотской организацией, возникшей в Петрограде, — с так называемым Центрофлотом. Костяком этой организации послужила морская секция при Петроградском Совете, состоявшая почти целиком из соглашателей. В состав Центрофлота вошли также моряки, избранные от флотов и флотилий на I Всероссийский съезд Советов. Новый орган с самого начала заявил о безоговорочной поддержке Временного правительства. Его линию определяли эсеры и меньшевики. Были в Центрофлоте и несколько большевиков, в частности мой старый товарищ Василий Марусев, кронштадтец Николай Маркин, наш центробалтовец Андрей Штарев. Но они находились в меньшинстве и не могли влиять на решения. Центрофлот с самого начала претендовал на роль руководителя всех флотских организаций, пытался стать чем-то вроде третейского судьи в спорах между матросскими комитетами и представителями командования флотов. Правительство поддерживало Центрофлот, видя в нем верного помощника. Но Центробалт не собирался слепо подчиняться решениям соглашательской организации. В нашем уставе был пункт, позволявший отклонять

антидемократические постановления Центрофлота. В окончательной редакции он выглядел так: “ЦКБФ проводит в жизнь все постановления, приказания и решения, касающиеся жизни флота, которые будут исходить из существующей центральной государственной власти и Центрофлота, согласуясь с положением флота”. Последние три слова и позволяли нам быть хозяевами положения. Такая формулировка давала возможность брать под контроль любое распоряжение властей, принимать или отклонять его. И этим мы пользовались в полной мере».

Созданием лишь Центрофлота Временное правительство не ограничилось. Почти одновременно с проведением 1-го съезда моряков Балтийского флота была образована оппозиционная общественная организация — Союз офицеров, врачей и чиновников (Промор). Возглавили Промор весьма авторитетные на Балтике командир линкора «Севастополь» капитан 1-го ранга фон П.В. Вилькен и капитан 2-го ранга Г.К. Граф. Новый союз сразу нашел полное взаимопонимание с Центрофлотом, и выступил в оппозицию к Центробалту, хотя и с определенной осторожностью. Разумеется, противостояние этим не закончилось.

К июню каждый корабль, каждая береговая часть Балтийского флота фактически превратились в самостоятельные вечевые республики, жившие по своим законам и своим понятиям. При этом на каждом корабле господствовали свои интересы и прерогативы, которые порой буквально противоречили прерогативам команды соседнего корабля. Так, на линкоре «Петропавловск», где преобладали анархисты, в июне вынесли на митинге резолюцию с ультиматумом Временному правительству: «В 24 часа убрать из его состава десять министров-капиталистов». Ни больше и ни меньше! В противном случае матросы грозили подойти к Петрограду и подвергнуть его... обстрелу из орудий главного калибра. При этом «Петропавловск» призывал весь остальной флот последовать его примеру. На линкоре «Слава» в те же дни также произошел инцидент, но совсем иного рода. Команда линкора наотрез отказалась вести корабль в Рижский залив для участия в боевых действиях. Линкоровцы привыкли митинговать и не желали воевать.

Трудно объяснить почему, но в отличие от подавляющего количества матросов и, в первую очередь, от кронштадцев, команда крейсера «Адмирал Макаров» на протяжении всего дооктябрьского периода занимала, в отличие от той же «Славы», последовательную оборонческую позицию и требовала довести войну до победного конца. При этом, сколько к «макаровцам» ни приезжало всевозможных партийных агитаторов, представителей Центробалта и других корабельных комитетов, команда крейсера упорно стояла на своем.

4 июня 1917 года команда крейсера «Адмирал Макаров» приняла фактическую антицентробалтовскую «оборонческую» резолюцию. «Макаровцы» призвали флот к единению, под началом командующего, и прекратить провоцируемый Центробалтом разброд. 21 июня 1917 года команда крейсера снова выступила против Центробалта, потребовав отменить присвоенное им себе право отзыва команд матросов-добровольцев, командированных в части армии. В нем говорилось, в частности: обращаясь к действовавшим на фронте в ударных группах товарищам, команда крейсера призывала их выполнить свой долг перед родиной. «Мы же поддержим вас с моря и работу за вас на корабле выполним сами. «Макаров» всегда будет там, где надо ценой жизни защитить отечество».

А чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что команда крейсера готова защищать Отечество до конца, 21 июня «Адмирал Макаров» был объявлен «кораблем смерти» и помимо Андреевского флага на нем стали поднимать черный флаг с адамовой головой и костями, весьма напоминавший классический пиратский «Веселый Роджер». Так 21 июня команда крейсера «Адмирал Макаров» приняла «оборонческую» резолюцию и объявила крейсер «кораблем смерти». В те же дни был сформирован и знаменитый впоследствии Ревельский батальон смерти. Его организовал и взял под свою команду известный храбрец капитан 2-го ранга П.О. Шишко. Ревельцы, так же как и «макаровцы», единодушно выступали за войну до победного конца и грозились прийти и навести порядок в Центробалте.

В ответ на образование Промора, позицию Центрофлота, команды «Адмирала Макарова» и Ревельского морского батальона смер-

ти, где преобладали оборонческие настроения, Центробалт начал публично отменять распоряжения морского министра А.Ф. Керенского. Это был уже открытый вызов! Поразительно, но во время подготовки летнего наступления на фронте 1917 года, которое должно было стабилизировать фронт и облегчить военную ситуацию, Центробалт занял откровенно пораженческо-предательскую позицию по отношению к своей стране. Центробалтовцы не только заявили, что Балтийский флот в этом наступлении никакого участия принимать не будет, но и заявили об этом в печати. Учитывая, что германская разведка работала весьма профессионально, данный факт ничем иным, как откровенным предательством государственных интересов и своего народа, назвать сложно. Впрочем, Центробалт это особо не волновало, так как они считали себя не только самым революционным «учреждением», но и самым демократическим. Ну а там где полная демократия, там, как известно, разрешено все. Они рулили так, как им хотелось. Например, в июне по настоянию матросских комитетов у офицеров Балтийского флота было изъято личное оружие, включая кортики. Лишение офицеров кортиков не имело никакого практического значения, с таким же успехом можно было изъять с корабельных камбузов столовые ножи. Но кортики являлись для офицеров символом их власти и принадлежности к особой касте. Поэтому, запретив и изъяв кортики, центробалтовцы нанесли серьезный удар по офицерскому самолюбию.

Как известно, намеченную большевиками в соответствии с настроениями масс на 10 июня демонстрацию I съезд Советов отменил, и большевики подчинились этому решению. Но массы так просто не меняют свое настроение, и отмена демонстрации сопровождалась разного рода «коллизиями». Особенно трудно было удержаться от выступления кронштадтцам.

Утром 10 июня до 20 тысяч кронштадтцев собрались на митинг на Якорной площади перед погрузкой на пароходы, отправлявшиеся в Петроград. Здесь они неожиданно для себя вместо призывов к решительным действиям услышали сообщение об отмене demonstra-

ции. Разумеется, поднялся шум и крики. Кронштадцы за последние месяцы отвыкли, чтобы кто-то что-то за них решал.

Сохранились яркие воспоминания члена исполкома Кронштадтского Совета большевика И.П. Флеровского об этом митинге. После выступлений большевиков с разъяснением причин отмены демонстрации «трибуна хаотически бралась с бою». «Кричал каждый, кто оказывался наверху». Обстановкой пытались воспользоваться леваки-провокаторы, стремясь любыми путями вызвать кронштадтцев в Петроград. Исход митинга во многом зависел от позиции анархистов. Предводитель кронштадтских анархистов Х.З. Ярчук, хотя и обрушился с резкой критикой на большевиков за робость и нерешительность, вынужден был заявить: «Без большевиков идти нельзя, без организации, без руководства не победишь». По-другому вели себя на митинге анархисты, прибывшие в Кронштадт из Петрограда. Они пытались спровоцировать матросов, повторяли провокационные заявления, что в Питере «демонстрантов бьют, что Марсово поле усеяно трупами», призывали «на помощь питерцам». Однако в конце концов А.М. Любовичу, И.П. Флеровскому и другим руководителям кронштадтских большевиков с большим трудом, но все же удалось убедить возбужденных матросов, что петроградский гарнизон, фронт, провинция пойти за Кронштадтом в «прямой боевой поход» не готовы. В результате было принято компромиссное решение: послать в Петроград делегацию, чтобы иметь более ясное представление о событиях. В назначенной исполкомом Петроградского Совета демонстрации 18 июня кронштадтцы, обидевшись, приняли очень ограниченное участие. Они недовольны были условиями участия в демонстрации — без оружия и «с согласия начальства», с которым они хотели драться.

Выступил Центробалт и против применения смертной казни за воинские преступления и уголовные преступления. Этим революционны матросы днесли свой существенный вклад в развал армии и флота. Как можно не иметь такого инструмента воздействия, как смертная казнь, в стране, ведущей тяжелейшую и кровопролитнейшую войну? Можно только представить, что произошло, если бы подобное произошло, скажем, в годы Великой Отечественной

войны! Что касается ратований центробалтовцев за отмену смертной казни уголовникам и убийцам, то здесь тоже все логично. Ведь если расстреливать убийц, то, следовательно, надо было дать правовую оценку своим же сотоварищам, убивавшим офицеров в феврале 1917-го и творившим другие беззакония! Пойди на это Центробалт, он сразу же потерял бы доверие уголовной части матросского электората, который был в тот момент весьма значителен. Да и сами центробалтовцы тоже были кое в чем замешаны, так что блюли в данном случае и личную безопасность.

По-прежнему Центробалт боролся и за свое исключительное право контролировать служебную деятельность офицеров, смещать и перемещать их по своему усмотрению, исходя из их политических, но никак не профессиональных качеств, за исключительное право самому выбирать на командные посты понравившихся Центробалту либералов и демократов. Надо ли говорить, что в условиях войны такая кадровая политика была равносильна смерти.

Когда в июне 1917 года Керенский подписал распоряжение Балтийскому флоту сформировать шесть ударных батальонов из добровольцев-матросов для отправки на фронт, Центробалт ответил ему откровенно издевательской резолюцией: «Виду недостатка специалистов на кораблях и угрозы наступления немецкого флота ни один матрос, верный революции, не может покинуть корабль. Излишек офицеров может быть, в порядке приказа, откомандирован на сухопутный фронт. Тот, кто добровольно покинет корабль, исключается из списков флота и считается дезорганизатором последнего».

Кстати, реально на тот момент на флоте действительно имел место переизбыток рядового состава, т.к. учебные отряды и школы работали на полную мощность со все новыми и новыми призывниками — флот готовился принять в свой состав новейшие линейные и легкие крейсера, эсминцы и подводные лодки, и предстояло комплектовать их команды. Кроме этого перекомплект личного состава заранее планировался с учетом возможных потерь в боях. Но новые корабли в строй так и не вошли, а потери почти невоюющий флот нес минимальные. Если в чем и испытывался дефицит, так

это именно в профессиональных офицерских кадрах. Выпускников Морского корпуса катастрофически не хватало. Именно поэтому был в срочном порядке создан Севастопольский морской корпус и курсы т.н. «черных гардемарин» (ускоренные курсы подготовки флотских офицеров), осуществлялся призыв офицеров запаса и назначение на офицерские должности гражданских штурманов и механиков. Так что иначе как откровенным издевательством над здравым смыслом (не говоря уже о гражданской позиции) данную телеграмму Центробалта назвать просто нельзя.

Еще раз повторюсь, что в это время шла не просто война, а война на территории Российского государства, ставшая к этому времени по своей сути уже ВОЙНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ! Поэтому, называя вещи своими именами (а не прикрываясь революционными лозунгами), в тот момент Центробалт выступал исключительно как самый верный союзник германского кайзера Вильгельма.

В целом все резолюции Центробалта время носили ярко выраженный популистский характер, имея лишь одну цель — любой ценой заручиться поддержкой матросских масс. Боятся матросы за свои кровавые дела в феврале — вот вам индульгенция об отмене смертной казни за все ваши преступления. Не желают матросы защищать Отечество и рисковать своими драгоценными жизнями, а желают хорошо спать и сытно кушать в тыловых Гельсингфорсе и Кронштадте — вот вам индульгенция о запрещении воевать на сухопутном фронте.

Дальше — больше. Пытаясь хоть как-то навести порядок против анархии и произвола в государственных масштабах, Временное правительство приняло закон о преступлениях против государственного спокойствия, согласно которому организаторы массовых антигосударственных выступлений наказывались каторгой. С точки зрения любого государства, все, безусловно, правильно, и главное — совершенно законно. Назовите мне хотя бы одно нормальное государство, поощряющее антигосударственную деятельность! Но то, что было нормально для всех, было ненормально для Центробалта. Члены Центробалта сразу же разглядели в данном законе опасность для себя, а разглядев, немедленно отреагировали гневной резолюцией,

указав, что статьи закона «направлены специально против революционного, трудящегося класса и что это есть посягательство Временного правительства на народную свободу, свободу слова, печати...» Помимо этого было постановлено «препятствовать всеми имеющимися у нас средствами проведению в жизнь 129-й и 131-й статей (статьи о наказании за организацию массовых беспорядков. — В.Ш.). Напоминаем коалиционному министерству, что оно обязано исполнять волю народа, а не приказывать ему».

Так-то оно так, написано патетично и красиво, и любое правительство, в идеале, на самом деле обязано выполнять волю народа. Однако оно же обязано и эффективно руководить этим же народом. А еще никто в истории человечества (и Центробалт в том числе) не придумал, как можно руководить государством без законов и приказов, без дисциплины и порядка в стране.

На фоне резкого обострения отношений с государственными властями отношения матросов Балтики с партиями правых эсеров и меньшевиков (поддерживающих эту власть) быстро ухудшились, и авторитет этих партий начал падать. Матросы, по своей обычной привычке, стали массово покидать ряды этих партий и искать для себя другие, более для них привлекательные. Свято место, как известно, пусто не бывает, и образовавшуюся пустоту немедленно заполнили конкуренты — большевики, левые эсеры и анархисты. Все эти три леворадикальные партии были настроены, так же как и Центробалт, агрессивно против Временного правительства, требуя продолжения революции до ее полной победы. Большевики при этом подразумевали диктатуру пролетариата, левые эсеры видели в качестве главного движителя революции не малочисленный российский пролетариат, а многомиллионное трудовое крестьянство. Что касается анархистов, то их просто не устраивал сам институт государства, т.к. он в любом случае являлся, по их мнению, инструментом насилия над народом. В целом идеи леворадикальных партий и балтийской братвы на данном этапе полностью совпадали. При этом обе стороны сейчас еще и весьма нуждались друг в друге. Бал-

тийцам нужна была опора на определенные политические теории, чтобы их беспредел обрел хоть какой-нибудь теоретический базис, леворадикалам же был нужен Центробалт и Балтийский флот, как реальная вооруженная сила, которая обеспечила бы им будущий вход во власть. Начался самый настоящий политический торг, во время которого каждая из сторон преследовала свои личные интересы, рекламировала свой «товар» и интриговала против конкурентов. Центробалт в каком-то смысле уподобился богатой невесте, которой предстояло сделать выбор между искушавшими ее женихами.

В данной ситуации наиболее предпочтительные шансы «пойти под венец» с Центробалтом оказались у большевиков. Причин тому было несколько.

Во-первых, в сравнении с конкурентами РСДРП(б) имела хорошо отработанную внутреннюю организацию, опытных функционеров, строжайшую внутреннюю дисциплину, необходимые финансовые средства и, безусловно, выдающегося руководителя в лице В.И. Ленина. Что касается левых эсеров, то они все еще представляли лишь одну из фракций формально все еще единой эсеровской партии (окончательно левые эсеры порвут со своими правыми коллегами лишь в ноябре — декабре 1917 года), а потому по всем позициям были намного слабее, чем большевики. Об анархистах и говорить нечего, т.к. сами принципы их учения отрицали и жесткую партийную организацию, и дисциплину.

Военная организация при ЦК РСДРП(б) («Военка») создала в начале лета 1917 года Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б). Для руководства работой в армии и флоте конференция избрала Всероссийское бюро военных организаций. Печатным органом этого бюро стала «Солдатская правда». Название газеты для матросов было не самое удачное, поэтому позднее для балтийцев начала издаваться собственная газета с соответствующим названием.

Был и еще один немаловажный фактор — А.М. Коллонтай. Именно в июне 1917 года авторитет большевиков на Балтийском флоте значительно вырос. Но еще раз напомним, что вырос он исключительно по причине взаимной ненависти к Временному пра-

вительству, а не по какой-либо иной. Как известно, ничего лучше не сплачивает, как наличие общего врага. Но что произойдет, когда этот общий враг исчезнет? Тогда этого сказать не мог никто...

Официально «обручение» Центробалта и большевиков произошло на Всероссийской конференции военных фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), проходившей в Питере с 16 по 23 июня 1917 года. Делегатов Балтийского флота там представляли член Центрофлота большевик Н. Маркин, член Центробалта Н. Ховрин, член гельсингфорской делегации большевик М. Афанасьев, лидеры кронштадтских большевиков Е. Зинченко и И. Егоров. Наибольшей активностью из них отличался Н. Маркин, имевший, как сын убитого жандармами революционера, большие связи в большевистской партии. На конференции Маркин озвучил цифру — 4 тысячи членов большевиков среди матросов Балтийского флота, из которых почти полторы тысячи служат на линейных кораблях. Если названные Маркиным цифры были даже завышены, если при этом большая часть данных членов партии вступили в нее какие-то дни назад после выступления понравившегося им оратора, все равно Маркин наглядно продемонстрировал весьма возросшее влияние большевиков на Балтийском флоте. Отметим и сохранившуюся тенденцию — наиболее радикальными (в данном случае пробольшевистски настроенными) по-прежнему оставались команды никогда не воевавших кораблей — прежде всего линкоров. На эсминцах и подводных лодках, а также в Ревеле и Або, влияние большевиков было, как и раньше, не слишком значительным.

После завершения конференции все делегаты отправились в Кронштадт, чтобы продемонстрировать тамошним матросам свою значимость и силу. На Якорной площади был собран 20-тысячный митинг, на котором кронштадцы огласили свое приветствие конференции большевиков. Приезд столь представительной делегации РСДРП(б) и грамотная работа делегатов на кораблях и в частях еще больше упрочила положение большевистской партии в таком стратегически важном для них гарнизоне.

Из Кронштадта часть делегатов, не теряя времени, отправилась дальше в Гельсингфорс. Там тоже прошли демонстрации, а самим

делегатам была организована достойная встреча на «Виоле», с накрытием столов и здравицами в честь Ленина и Центробалта.

Ободренные поддержкой большевиков, «центробалтовцы» решают снова поднять вопрос о выборности командующего флотом. Новая резолюция, по словам члена Центробалта Н. Измайлова, «дышала ненавистью к Временному правительству». Там значилось: «Долой провокационную политику наступления!.. Долой назначенных начальников и комиссаров Временного правительства! Да здравствует выборное начало в армии и на флоте! Да здравствует вооружение всего народа! Всю промышленность — под контроль рабочих, довольно грабить народное достояние!»

Лозунги были, как и обычно, самые популистские, но общий тон стал еще более жестким. В развитие резолюции наиболее радикально настроенная команда линейного корабля «Петропавловск» потребовала убрать из состава правительства десять министров, которые по каким-то причинам не нравились матросам.

Чтобы хотя бы немного утихомирить страсти, командующий флотом Д.Н. Вердеревский встретился с членами Центробалта. Командующему и матросам удалось договориться «не допускать крайних вооруженных мер борьбы против Временного правительства». Фактически Вердеревский уговорил матросов хотя бы временно отказаться от вооруженного мятежа против государственной власти, к чему их откровенно провоцировали большевики. Соглашение, подписанное восьмью «центробалтовцами», вызвало гнев Дыбенко и его группы. Обиженный неуважением к своей особе Дыбенко стал требовать перевыборов Центробалта, чтобы изгнать из него представителей эсеров, меньшевиков и анархистов. 30 июня под нажимом большевиков Центробалт поставил вопрос о сложении своих полномочий. Когда же на «Виолу» прибыли вновь избранные в гарнизонах новые «центробалтовцы», старые отказались покидать уютное судно. Теперь на заседаниях Центробалта рядом заседали представители сразу двух созывов: первого — уже отстраненные от власти, но еще не сдавшие свои полномочия, и новые — уже вступившие во власть, но еще не взявшие фактически бразды правления в свои руки. Так как «старики» наотрез отказались покидать

«Виолу», то новые члены Центробалта перебрались на куда более комфортабельную бывшую императорскую яхту «Полярная звезда», специально переведенную для этой цели из Петрограда в Гельсингфорс. На гафеле яхты подняли флаг Центробалта, но точно такой же флаг реял и над «Виолой», где засели «старые центробалтовцы». Лишь через несколько недель «стариков» удалось отправить по своим частям, очень уж им не хотелось отрываться от сытной кормушки.

Между тем само Временное правительство, понимая, что дальнейшее попустительство смерти подобно, все же начало действовать. На фронте была введена смертная казнь, часть наиболее анархистствующих полков была расформирована, начались аресты наиболее одиозных агитаторов и сторонников поражения России в войне.

Впереди была решительная схватка за власть между руководством страны и левыми политическими партиями, впереди была схватка между Временным правительством и балтийцами. Впереди был июль 1917 года...

«Левая» напряженность на Балтийском флоте достигла своего максимума в 20-х числах июня. Представители буржуазной прессы отмечали в эти дни, что в Кронштадте не только слово «наступление», но даже слово «оборона» нельзя произносить открыто. Это же подтверждали и большевики. «Наступление на фронте 18 июня... — писал в своих воспоминаниях член Кронштадтского Совета большевик П.И. Скворцов, — до того взвинтило массу, что на ежедневно происходящих на Якорной площади митингах только и разговору было о вооруженном выступлении и свержении правительства... Кое-как некоторое время удавалось удерживать массы от организованного выступления, и так продолжалось до 3 июля». Обыватели под впечатлением «Кронштадтского инцидента» предлагали матросам «взять революционную власть в России». Большевистские газеты «Солдатская правда», «Голос правды» в своих статьях, разъясняющих преждевременность выступлений в этот период, пытались нейтрализовать опасное искушение для матросов. Свою роль эта работа большевиков сыграла, но, кроме того, матросы и сами,

видимо, посчитали, что следует ждать более солидного предложения и удобного времени для решительного выступления. И так, проба сил состоялась. Теперь следовало ждать более серьезных действий со стороны матросов. Причем ждать осталось совсем недолго.

В начале июня Кронштадтский Совет решил организовать собственную агитационную поездку по военно-морским базам Балтийского флота, чтобы выяснить реальное настроение матросов и провести с ними революционную агитационную работу. Делегация была намечена в составе 9 человек, и в нее должны были войти три большевика (в т.ч. и Ф.Ф. Раскольников и С.Г. Рошаль), три левых эсера, два беспартийных, но авторитетных матроса и один меньшевик. Первым на пути делегации оказался Гельсингфорс.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников так описал злоключения своей агитационной группы в Гельсингфорсе, с которого они начали объезд флота: «В общем, здесь (в Гельсингфорсе. — *В.Ш.*) царило эсеровское засилье, которое давало себя чувствовать даже на кораблях. Только “Республика” и “Петропавловск” имели репутацию двух цитаделей большевизма. При этом на “Республике” большевизм господствовал безраздельно, вплоть до того, что весь судовой комитет был целиком под влиянием наших партийных товарищей, тогда как на “Петропавловске” наряду с большевистским течением, завоевавшим настроение большинства, еще заметно пробивалась анархическая струя. Наиболее отсталой считалась минная дивизия, где политическая работа велась крайне слабо, а немногочисленный личный состав находился под сугубым, можно сказать, исключительным влиянием офицерства. Эти эсеровски настроенные корабли имели своими представителями в Гельсингфорском Совете преимущественно эсеров мартовского призыва. Правые эсеры составляли тогда большинство как в Совете, так и в его исполнительном органе... После партийного комитета мы посетили Центробалт... Подавляющее большинство Гельсингфорского исполкома состояло из представителей враждебных партий. С особенным азартом против нас вы-

ступал принадлежавший к эсерам прапорщик Кузнецов и какой-то немолодой бородатый матрос, по партийной принадлежности также правый эсер. На него жестоко ополчился один из кронштадтских левых эсеров, который с темпераментом восклицал: “Товарищи, какие они эсеры? Это — мартовские эсеры. Они не эсеры, а серы, товарищи!” Было забавно наблюдать со стороны, с какой страстью левые эсеры ополчались на своих же партийных товарищей. Паровой катер быстро доставил нас на палубу одного из этих бронированных гигантов, на широкой корме которого славянской вязью было написано: “Севастополь”. Этот корабль до недавнего времени считался одним из самых отсталых. Именно “Севастополь” вынес достопамятную резолюцию о всемерной поддержке “войны до конца” и о полном доверии Временному правительству. После нас выступил член областного комитета матрос Антонов, заявивший, что команда “Севастополя” должна дать ясный и определенный ответ: “Как относится она к Временному правительству? Пойдет ли она за кронштадтцами, не доверяющими Временному правительству, или останется на точке незадолго до того принятой резолюции?” Социал-шовинист Антонов позорно провалился. Ответом на его речь были редкие аплодисменты небольшой кучки его приспешников. После Антонова выступил другой матрос, от имени всей команды поблагодаривший нас за приезд и попросивший передать кронштадтцам, что команда “Севастополя” идет вместе с Кронштадтом и всегда готова его поддержать. Под громкие, долго не смолкавшие крики “ура” кронштадтская делегация на легком катере отвалила от дредноута. Мы в полном составе всей делегации объехали остальные линейные корабли. Везде нас ожидал радушный прием. Большинство команд, всецело сочувствуя Кронштадту, выразило готовность поддержать его во всех революционных выступлениях.

Следующим этапом на нашем пути был линкор “Слава”. Он только что вернулся с позиции у острова Эзель. Не упуская момента, мы сели на паровой катер и через несколько минут ошвартовались у его бронированного борта. По общему порядку, мы, прежде всего, прошли в судовой комитет, желая поставить его в известность о созыве общего собрания. Но на этом корабле были какие-то странные

порядки. Нам предложили за разрешением митинга обратиться к командиру корабля Антонову... Все шло хорошо, пока, наконец, я не дошел до вопроса о братании, жгуче волновавшего тогда матросов и солдат. Решительно высказавшись против подготовлявшегося наступления, я противопоставил ему братание на фронте и начал защищать и обосновывать этот лозунг. Но призыв к братанию кое-кому не понравился.

— Мы только что вернулись из-под Цереля, — истерически закричал один из матросов, — там каждый день немецкие аэропланы бросали в нас бомбы, а вы говорите о братании! Вот вас бы в окопы! Братались бы там!

Мне пришлось несколько охладить горячность моряка, очевидно, на позициях расшатавшего свою нервную систему... В общем, настроение корабля было довольно благоприятно, но все же оно значительно уступало другим кораблям, встречавшим наши речи с гораздо большим сочувствием и энтузиазмом».

Какой вывод можно сделать из рассказа Раскольников о посещении Гельсингфорса им и его сотоварищами? Только тот, что в июне 1917 года тамошние матросы были настроены в своем большинстве совсем не в пользу большевиков.

В Ревеле делегацию кронштадтских большевиков ожидал не менее прохладный прием. Ф.Ф. Раскольников вспоминал: «...Мы всей компанией пошли на крейсер “Баян”. Здесь я встретился со своим товарищем по выпуску из гардемаринских классов мичманом Иеллисом. Он пригласил меня в свою каюту и рассказал, что матросы корабля настроены чрезвычайно враждебно к большевикам и даже сговорились выбросить нас за борт.

Собрание проходило на верхней палубе около орудий. Здесь, в самом деле, чувствовалась огромная разница по сравнению с настроением Гельсингфорса. В то время как там моряки понимали нас с полуслова (?!), устраивая нам братские овации, здесь нас приняли с ледяным холодком. Отношения между ораторами и аудиторией все время были натянутые, и когда кто-то из нас резко отозвался о Временном правительстве и попутно высказался против войны, то большинству команды “Баяна” это не понравилось. Стали разда-

ваться угрожающие возгласы, враждебные выкрики... В результате митинга нам все же удалось несколько смягчить настроение, заставить моряков вслушаться в наши слова и хоть немного почувствовать нашу искренность». «Немного почувствовать искренность», как мы понимаем, — это совсем не то, на что рассчитывали кронштадтские агитаторы.

Глава седьмая

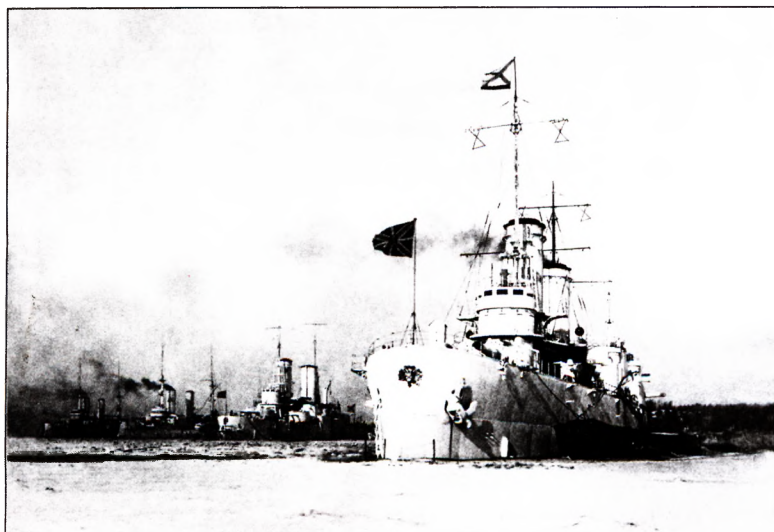
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В АРЬЕРГАРДЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОД ФЛАГОМ КОЛЧАКА

В первые дни Февральской революции, когда волна насилия захлестнула Кронштадт и Гельсингфорс, в главной базе Черноморского флота Севастополе все было на удивление спокойно.

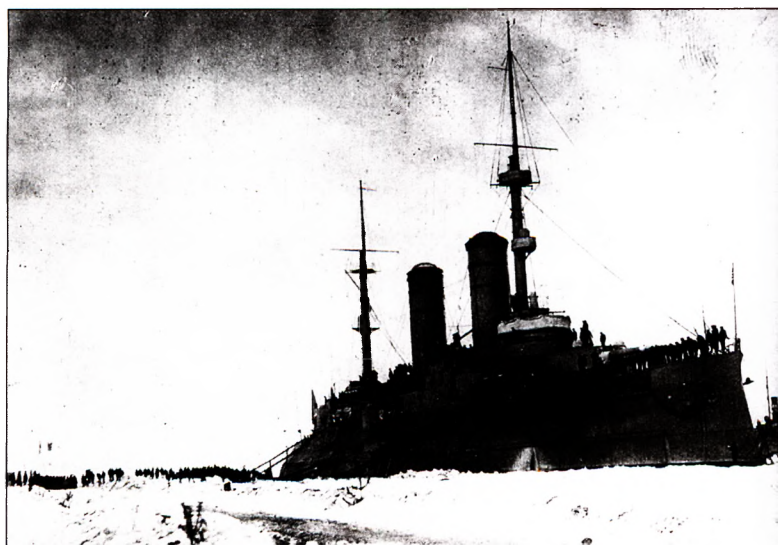
На начало 1917 года личный состав Черноморского флота превышал 45 тысяч человек. Основными военно-морскими базами являлись Севастополь, Одесса и Батум. Почти во всех городах Крыма размещались запасные полки, в которых подготавливалось пополнение для действующей армии. Больше всего военных было сосредоточено в Севастополе, где кроме флота находился гарнизон Севастопольской крепости.

События февраля 1917 года в Петрограде застали командующего Черноморским флотом А.В. Колчака в Батуме. Чтобы предотвратить распространение сведений о происходящем в столице и избежать опасных брожений, Колчак приказал коменданту Севастопольской крепости контр-адмиралу М.М. Веселкину прекратить телеграфное и почтовое сообщение Крыма с материковой Россией. Все поступающие телеграммы должны были направляться в штаб Черноморского флота. Принятая мера показала свою эффективность. Так что даже в штабе крепости не знали, что происходит в столице, и жили первое время слухами.

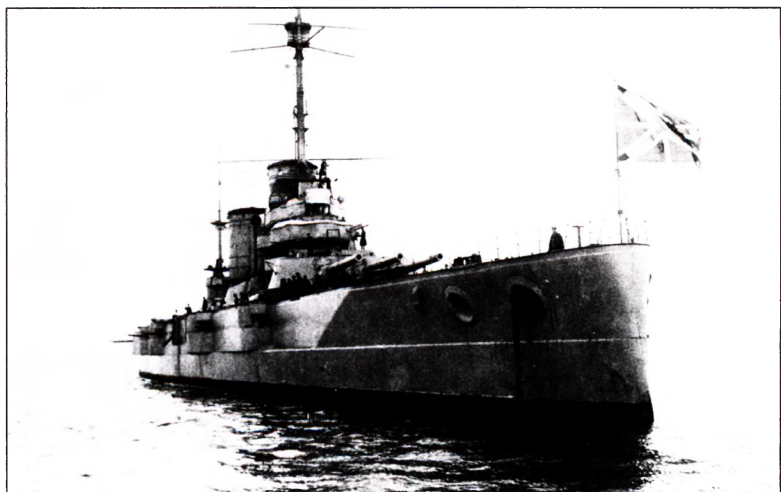
2 марта А.В. Колчаку стало известно об образовании Временного правительства из разосланной им радиотелеграммы. Реакция Колчака на все эти сообщения, телеграммы была неоднозначной.

*2-я бригада линейных кораблей Балтийского флота
на зимовке в Гельсингфорсе*

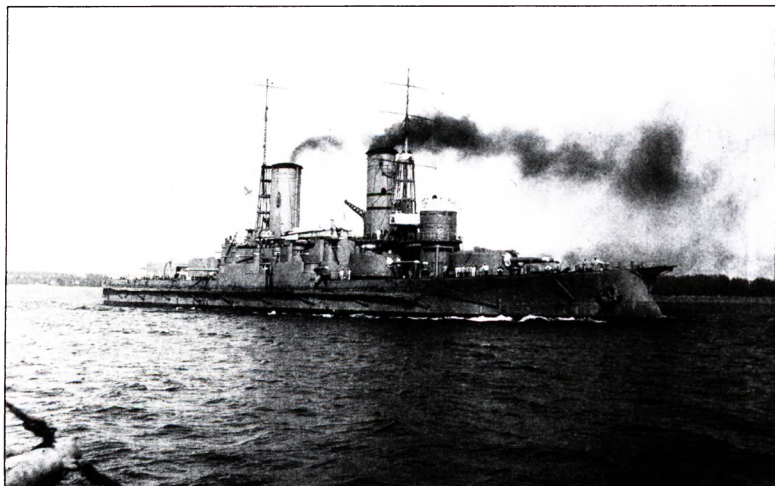
*Линкор «Цесаревич». Гельсингфорс. Февраль 1917 г. Вдали за кораблем видна
демонстрация с плакатами и толпа матросов на борту корабля*

Линкор «Петропавловск»

Матросы линкора «Петропавловск». Гельсингфорс. Март 1917 г.

Линкор «Император Павел Первый». Именно на нем произошли самые массовые убийства офицеров в феврале — марте 1917 г.

Похороны офицера, убитого революционными матросами. Март 1917 г.

Матросы линкора «Император Павел Первый». В центре П.Е. Дыбенко

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин, убитый матросами в марте 1917 г.

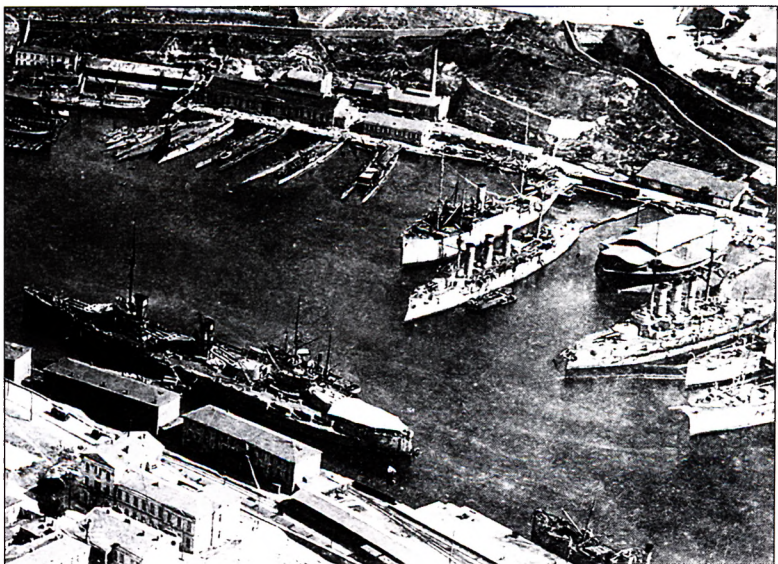
Могила вице-адмирала А.И. Непенина на православном кладбище в Гельсингфорсе, ныне Хельсинки

*Матросы-большевики с линкора «Император Павел Первый»
В.М. Марусев и Н.А. Ховрин*

Матросские и солдатские митинги в Севастополе в 1917 г.

Корабли Черноморского флота в Севастопольской бухте

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак

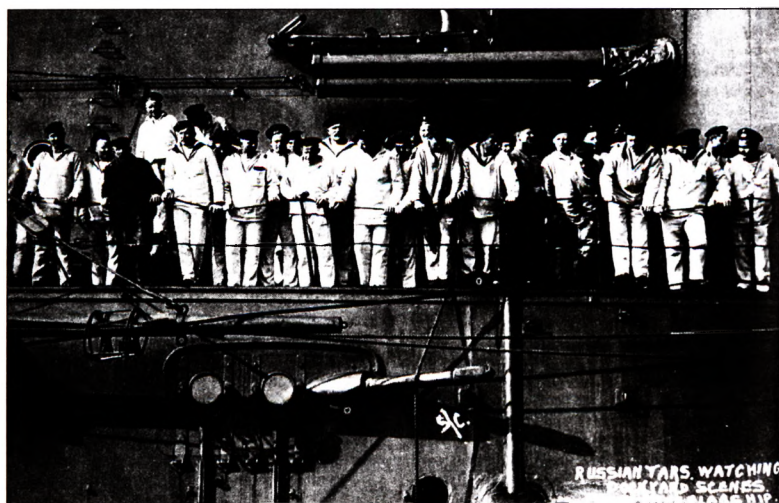
Выступление А.Ф. Керенского на корабле Черноморского флота. 1917 г.

*А.Ф. Керенский и вице-адмирал А.В. Колчак в автомобиле.
Севастополь. 1917 г.*

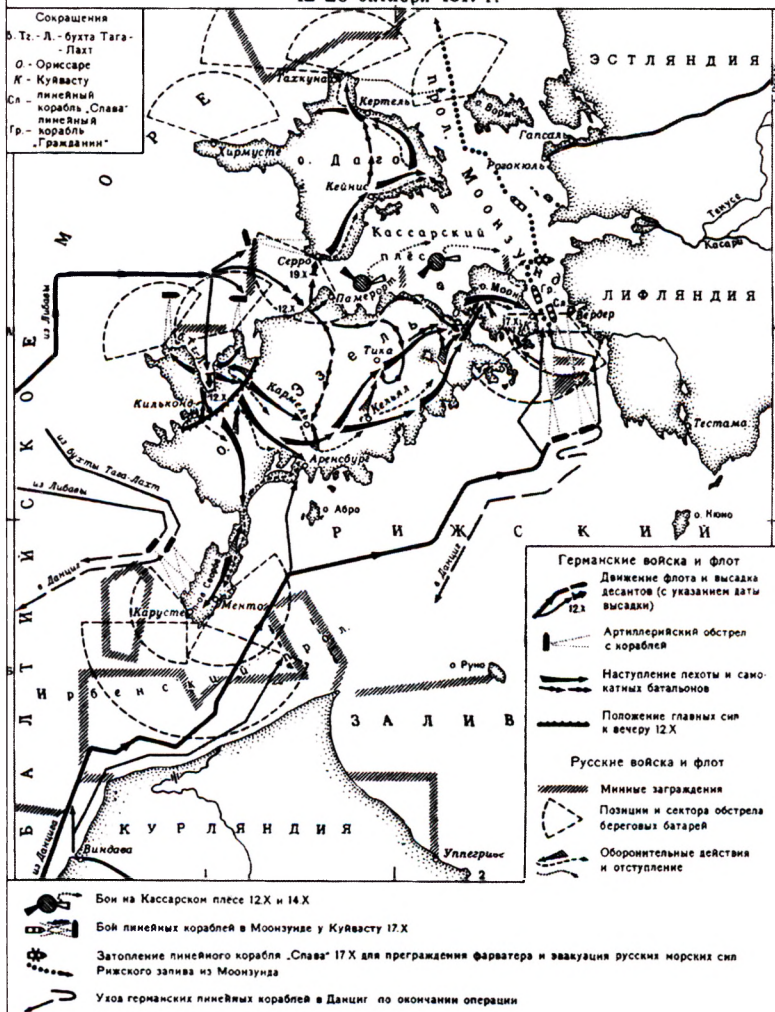

Линкор «Слава»

Команда линкора «Слава»

МООНЗУНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 12-20 октября 1917 г.

Моонзундская операция. Карта-схема

*Член Центробалта
матрос-большевик
Н.Ф. Измайлов*

*Матрос-большевик
И.Д. Сладков*

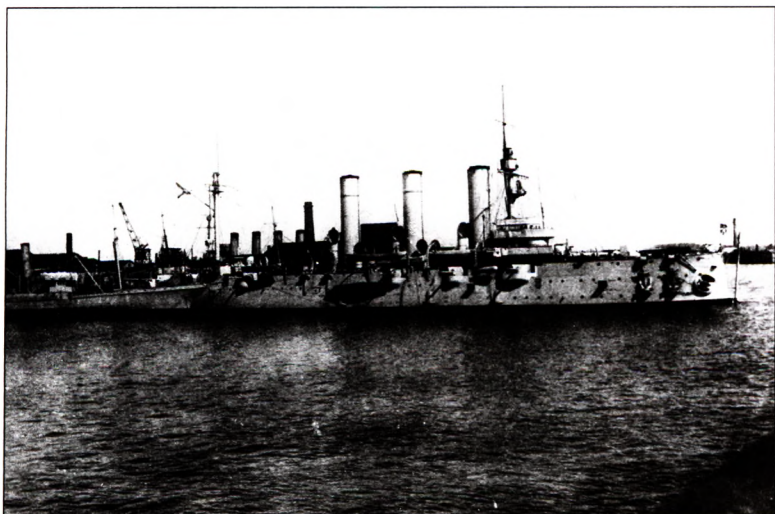
*Матросы идут к дворцу Ксеиинской на встречу с В.И. Лениным.
Июль 1917 г.*

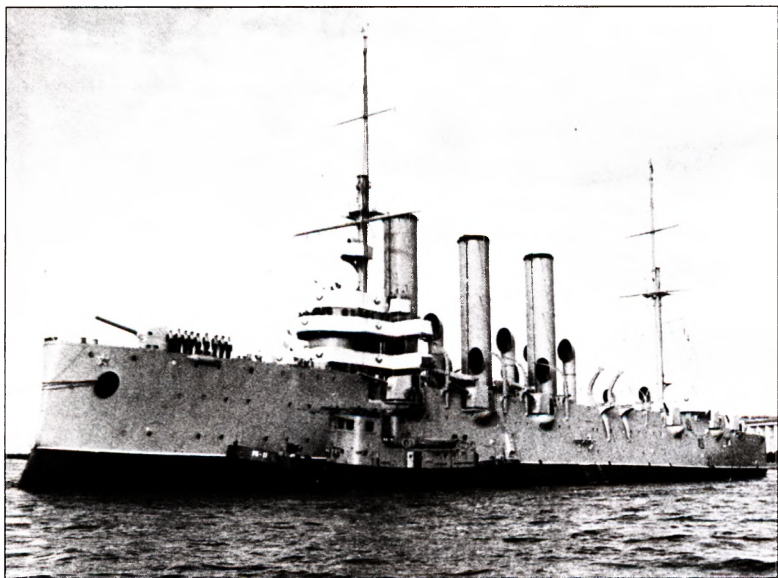
Штурм Зимнего дворца. Эскиз. Художник Р.Р. Франц

Штурм Зимнего дворца. Художник В.С. Сварог

Крейсер «Аврора» в 1917 г.

Крейсер «Аврора» в 1980-е гг.

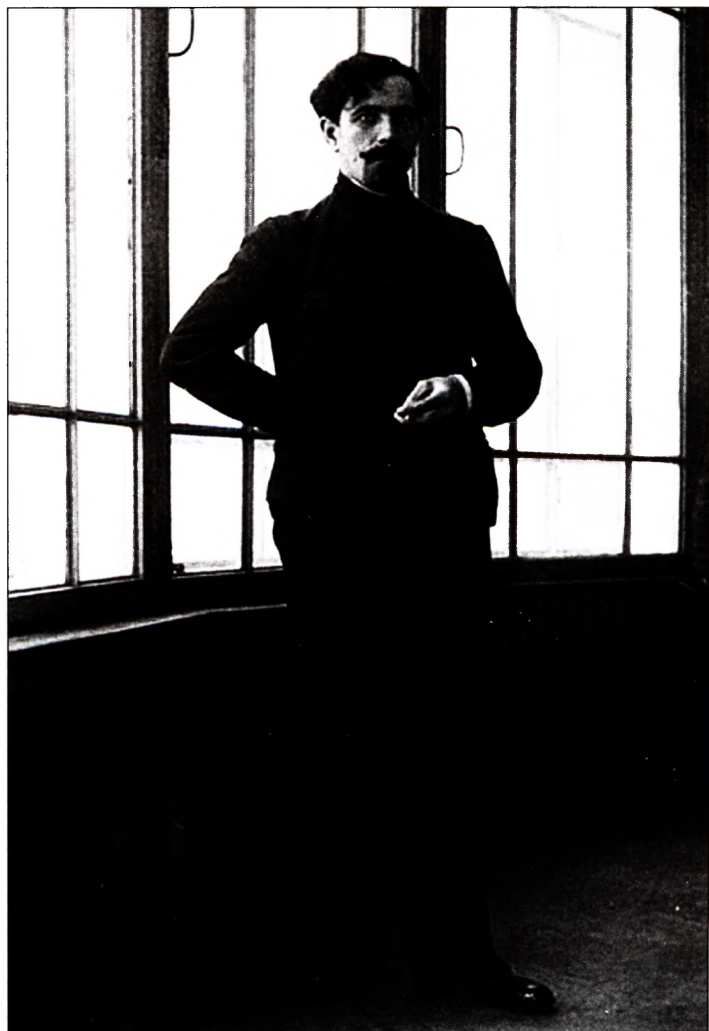
Срезание погон. 1917 г.

*Председатель черноморского Центрофлота
матрос-анархист Ю.Н. Шелестун*

Ф.Ф. Раскольников

П.Е. Дыбенко

Первоначально, до полного выяснения ситуации в центре, он предпринимал меры к нераспространению информации, даже на время прервал телеграфно-почтовую связь. По прибытии в Севастополь Колчак собрал комсостав флота, огласил полученные известия. Выслушав мнение подчиненных, дал распоряжение информировать личный состав флота строго по инстанции, а затем издал приказ с изложением полученных сведений и призывом к флоту, портам и населению районов, подчиненных ему, напрячь все силы для исполнения патриотического долга — успешного завершения войны, соблюдения спокойствия. Реакция же его на радиограмму Временного правительства была такой: он телеграфировал в Ставку, что может дать распоряжение о подчинении флота, частей и районов новому правительству только по получении от штаба Верховного главнокомандующего соответствующего распоряжения, и просил определенных указаний. То есть, говоря военным языком, Колчак соблюдал уставные положения, не опережал решений высшего командования, сохранял субординацию.

Из Ставки поступило и телеграфное разъяснение: «Наштаверх сговаривается с главнокомандующим о том, чтобы от имени армии принять манифест и присягнуть Михаилу Александровичу, с тем, чтобы Михаил Александрович (младший брат императора. — *В.Ш.*) объявил манифест о том, что он, после наступлении спокойствия в стране, созывает Учредительное собрание». Колчак, солидаризируясь со ставкой, издал 2 марта приказ с требованием непоколебимо выполнять свой долг перед монархией. Он приказал привести войска к присяге новому монарху, а потом, по получении новой информации, отменил этот приказ. Опасаясь восстания на судах флота, особенно на тех, которые имели частое общение с берегом, он отдал приказ о выходе в море под предлогом проведения учебной стрельбы 2-й бригады линейных кораблей и дивизиона миноносцев.

Вопреки усилиям Колчака вести о событиях в Петрограде распространялись слухами, проникали и в местную печать, становились достоянием гласности. И далеко не в том виде, как сообщалось командованием флота, кораблей и воинских частей. В Севастополь начали поступать столичные газеты, в том числе социалистические,

с призывами к свержению существующего государственного строя. Брожение среди матросов в связи с приказом о выходе кораблей в море усилилось.

4 марта вице-адмирал А.В. Колчак издал приказ об отречении от престола императора Николая II. В городе и войсковых частях начались первые митинги. Тогда же явочным порядком был сформирован в казармах Севастопольского флотского полуэкипажа временный военный исполнительный комитет, который во избежание эксцессов, Колчак сразу же признал.

В тот же день в центре Севастополя начался массовый митинг. На митинге настроение моряков резко поменялось влево. Они потребовали прибытия Колчака на митинг и его выступления. Игнорировать волю матросской массы командующий флотом не решился. Моряки и солдаты встретили Колчака восторженно, несли на руках, слушали с огромным вниманием. Колчак говорил о необходимости сохранения дисциплины, о продолжении войны до победного конца. Рассказал о ситуации в столице. Успех выступления был полный — речь командующего прерывалась бурными аплодисментами. В ответ на требование участников митинга послать телеграмму приветствия Временному правительству Колчак ответил согласием. Телеграмма была немедленно послана. Таким образом, состоялось де-факто признание и Колчаком, и матросами Черноморского флота Временного правительства, т.к. левые радикалы еще не успели возглавить матросов. На Балтийском флоте такая ситуация была бы просто немыслима! С подачи Колчака, сразу же взявшего «вожжи демократического управления» в свои руки, на том же митинге был избран Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК), позднее слившийся с Советом рабочих депутатов порта. ЦВИК возглавил известный меньшевик, участник восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 году, авторитетный тогда среди моряков, — каторжанин анархист Канторович. С советами, солдатскими и матросскими комитетами А.В. Колчак сразу же постарался не только наладить сотрудничество, но и, по возможности, их контролировать.

5 марта произошел первый случай открытого недовольства матросами своим офицером — командой линкора «Ростислав» в контр-

революционных высказываниях был обвинен мичман С. Мертваго. И хотя никаких реальных последствий данное недовольство не имело, прецедент был создан.

В тот же день А.В. Колчак сделал еще один ход на опережение — он выступил инициатором проведения в Севастополе совместного парада войск гарнизона, морских частей и учащихся в честь победы революции. Перед парадом во Владимирском соборе епископом Сильвестром был отслужен торжественный молебен во здравие Российской державы, Временного правительства, Верховного главнокомандующего и всего российского воинства. Маршируя, матросы кричали «ура» принимавшему парад Колчаку. Несколько позднее состоялся и не менее торжественный церемониал приведения к присяге войск гарнизона на верность Временному правительству.

А демократизация Черноморского флота все набирала обороты. 6 марта в Севастополе был избран городской исполнительный и центральный военно-исполнительный комитеты. Одновременно на кораблях и в частях возникли заводские, судовые, полковые, батальонные и ротные комитеты. Были созданы профсоюзы и союз молодежи. Тогда же на собрании офицеров флота и севастопольского гарнизона был образован офицерский временный исполнительный комитет, утвержденный приказом командующего. Таким образом, Колчак дополнил матросские комитеты командным составом, что, по его мнению, позволяло их лучше контролировать.

7 марта были избраны Совет солдатских депутатов и Совет рабочих депутатов (в июне все Советы объединятся в единый Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов). Председателем Совета солдатских депутатов стал «прикомандированный к 35-му авиационному отряду Севастопольской военно-авиационной школы» старший унтер-офицер эсер К. Сафонов.

Тогда же в Севастополь прибыл назначенный Временным правительством комиссар Черноморского флота, только что вернувшийся из европейской эмиграции бывший участник мятежа на крейсере «Память Азова» эсер И.И. Бунаков-Фундаминский. О данном персонаже российской истории я подробно уже писал в своих книгах «Дело “Памяти Азова”» и «Последняя кровь первой революции».

8 марта 1917 года был образован вполне подконтрольный Колчаку Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК) в составе 54 членов. Поставив своей задачей сохранение боеспособности и безопасности флота и крепости, ЦВИК играл весомую роль в предупреждении конфликтов нижних чинов с офицерами. Свои решения этот орган проводил в жизнь после согласования с командующим флотом. Неприемлемые для Колчака решения он пересматривал вторично, из-за чего матросы тут же прозвали ЦВИК «колчаковской канцелярией». Проведение собраний и митингов также отныне должно было осуществляться только с разрешения командующего и его штаба. Аналогичные отношения были определены между командирами кораблей и судовыми комитетами.

Всеми силами Колчак старался набирать новые очки. Так, по его распоряжению были выпущены из севастопольской тюрьмы все политические заключенные, распущена полиция и начато формирование городской милиции, расформировано и севастопольское жандармское управление. Даже убийственный приказ Петроградского Совета № 1 и приказ военного и морского министра, отменявший звание «нижние чины», титулование офицеров, а также отменявший ограничения гражданских прав солдат и матросов, не возымел сразу же таких тяжелых последствий, как на Балтийском флоте.

Надо сказать, что эти и другие мероприятия позволили Колчаку на данном этапе не только на какое-то время стабилизировать обстановку на Черноморском флоте и в сухопутных частях, подчиненных командующему флотом (побережье от Сулина до Трапезунда), но даже завоевать популярность у своих матросов, как человеку не чуждому демократических преобразований. Как сообщал Колчак в штаб Верховного главнокомандующего, на кораблях и частях вверенного ему флота пока «не было никаких внешних проявлений, только на некоторых кораблях существует движение против офицеров, носящих немецкие фамилии. Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено...»

Старания командования Черноморским флотом не пропали даром. Как вспоминал очевидец, князь В. Оболенский, «после

грязного Петербурга, переполненного разнузданными солдатами, Севастополь нам показался необыкновенно чистым и опрятным. Матросы и солдаты, встречавшиеся на улицах, имели подтянутый молодежавший вид и охотно отдавали честь офицерам, сохранявшим еще погоны, сорванные с офицерских плеч в Петербурге». «Первый бой» Колчак, безусловно, выиграл, но ведь это был всего лишь «первый бой»...

Впрочем, уже тогда не всё на Черноморском флоте было так безоблачно, как казалось из Петрограда. 8 марта солдаты Керченской крепостной артиллерийской роты обвинили в оскорблении Временного правительства своего командира полковника Н.М. Кондратовича и добились отстранения от должности. По требованию городского самоуправления был отстранен от должности комендант крепости и военный губернатор города контр-адмирал М.М. Веселкин, отличавшийся строгостью и нетерпимостью к евреям. Тогда же был уволен за участие в разгроме революционного подполья на флоте в 1912 году начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П.И. Новицкий. Всех троих Колчак вынужден был, по сути, сдать, во имя собственной популярности.

В середине марта А.В. Колчак на линкоре «Императрица Екатерина» лично вывел часть флота в море, к турецким берегам. По его плану это должно было взбодрить команды и отвлечь их от бесконечных митингов.

Тогда же, по указанию Ставки, командование Черноморским флотом развернуло и интенсивную подготовку крупной десантной операции в районе Босфора. Колчаку в его работе в советах, комитетах существенно помогал полковник А.И. Верховский — начальник штаба ударной дивизии, пользовавшийся доверием Временного правительства. Эта дивизия должна была стать передовым отрядом будущего десанта. Начиная с марта 1917 года, эскадренные миноносцы и гидроавиация Черноморского флота начали проводить систематическую разведку побережья в районе намеченной высадки десанта. Однако нараставшее революционное брожение матросов заставило Ставку в скором будущем отказаться от проведения Босфорской десантной операции, намечавшейся на май 1917 года.

Полностью отвлечь боевой работой матросов от их игр в демократию командующему флотом так и не удалось. По-прежнему то там, то здесь матросы требовали смены тех или иных начальников, и Колчак был вынужден исполнять их требования. Так, 17 марта был отстранен от должности и предан суду (по представлению ЦВИК) помощник командира Севастопольского флотского полуэкипажа полковник по адмиралтейству Н.П. Шперлинг (служивший ранее начальником севастопольской военно-исправительной тюрьмы) «за грубое оскорбление матросов, превышение власти и оскорбление Родзянко и Гучкова». Тогда же, по требованию рабочих, был отстранен от должности начальник Сулинского землечерпательного каравана подполковник корпуса гидрографии В.К. Потапов, а команда сетевого заградителя «Аю-Даг» потребовала удаления старшего офицера корабля подпоручика И. Северина, «как вредного элемента для нового строя». Разумеется, что эти единичные увольнения не шли ни в какое сравнение с происходившей в эти же дни антиофицерской вакханалией на Балтике, однако и черноморские матросы все больше входили во вкус вседозволенности.

В том же марте команда эскадренного миноносца «Гневный» впервые отказалась выполнить приказ своего командира. Расследование проводил подконтрольный Колчаку т.н. «летучий отряд ЦВИК», и дело было улажено мирным путем — команда через выборных извинилась перед командующим флотом и командиром «Гневного», попросила командира вернуться, на что тот дал согласие, и на этом инцидент был исчерпан. Но сам открытый отказ исполнять приказ командира на боевом корабле в военное время был весьма тревожным сигналом.

В середине марта военный и морской министр А.И. Гучков попросил вице-адмирала А.В. Колчака прибыть в Петроград, а затем и в Псков на совещание главнокомандующих и командующих армиями для обсуждения общего положения на фронте.

22 марта 1917 года был образован Севастопольский Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов. Вскоре был создан Центральный комитет Черноморского флота. На флоте начинают появляться первые признаки революционной анархии, усугубляе-

мые противоборством Центрофлота с созданным в Симферополе крымско-татарским национальным правительством.

30 марта 1917 года ЦВИК и Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов объединились в Совет депутатов армии, флота и рабочих; в нем, как и в прежнем Совете, доминировали представители умеренных соцпартий. Из 163 депутатов Совета лишь четверо были большевикам.

В конце марта вице-адмирал Колчак подписал приказ о разграничении проступков и соответствующих им наказаний «до установления в законном порядке дисциплинарных взысканий», а в начале апреля утвердил разработанные Центральным исполнительным комитетом Совета депутатов армии, флота и рабочих «Временные правила» о наложении дисциплинарных взысканий.

Чтобы не провоцировать матросов, А.В. Колчак сам поспешил освободить от должностей известных своими монархическими взглядами начальника минной бригады контр-адмирала князя В.В. Трубецкого, начальника штаба флота флигель-адъютанта контр-адмирала С.С. Погуляева, начальника учебного отряда флота контр-адмирала Ф.А. Винтера 1-го. Однако, несмотря на все принимаемые Колчаком меры, вспышки матросского недовольства все же начали проявляться, причем чем дальше, тем больше.

В Одессе после Февральской революции был образован Комитет общественных организаций, который и взял на себя исполнительные функции в городе. В первых числах марта ворота одесской тюрьмы распахнулись для нескольких сотен политических узников. Но уголовники тоже желали вкусить свободы, и 8 марта в Одесской тюрьме вспыхнул бунт заключенных, возглавленный Г.И. Котовским. Результатом бунта стали новые тюремные «революционные» порядки. Газеты тогда сообщали: «Все камеры открыты. Внутри ограды нет ни одного надзирателя. Введено полное самоуправление заключенных... Котовский любезно водит по тюрьме экскурсии». В результате «революционных порядков» уголовники вскоре оказались на свободе, где занялись своим привычным ремеслом, и вскоре всплеск бандитизма стал угрожать существованию новой власти.

В марте 1917 года в Одессе действовало более 20 политических партий. Наибольшую популярность среди крестьянских масс, военных частей и части трудовой интеллигенции снискала, как и в Севастополе, партия эсеров, насчитывавшая в городе более 10 тысяч членов.

Достаточно влиятельной силой стал и объединенный одесский комитет РСДРП (из меньшевиков и большевиков), в руководстве которого оказались одни меньшевики, за которыми тогда шло большинство рабочих. Меньшевики и большевики Одессы находились в одном Объединенном комитете РСДРП до октября 1917 года, хотя с мая большевики имели в комитете свою независимую фракцию. При выходе из подполья большевиков в Одессе насчитывалось не более 50 человек. Показательно, что в состав Одесского Совета было избрано 232 эсера, 194 меньшевика и всего 18 большевиков.

Итак, Черноморский флот понемногу втягивался в революционную анархию, однако втягивался очень медленно и «неохотно». В чем же была причина столь явной революционной нерешительности черноморцев? Думаю, что такое положение дел было вызвано целым комплексом причин. Попробуем их проанализировать.

За влияние на матросские массы в Севастополе весной 1917 года активно боролись партии эсеров, меньшевиков, большевиков, кадетов и анархистов. При этом безусловными лидерами являлись эсеры, в ряды которых записалась почти половина всех матросов. Причем не радикальные, склонные к убийствам и экспроприациям «леваки», а классические умеренные «правые» эсеры. Это объясняется тем, что среди матросов и унтер-офицеров флота было много выходцев из зажиточных и кулацких слоев Малороссии. Матросская масса была неоднородной и по национальному составу.

За эсерами вторыми, по популярности, шли меньшевики, далее анархисты с кадетами. В руководстве Севастопольским Советом военных и рабочих депутатов, в Совете крестьянских депутатов, в Центральном комитете Черноморского флота (Центрофлоте), а также в судовых и солдатских комитетах власть, разумеется, захватили

представители самых популярных партий — эсеры, меньшевики и анархисты. Что касается большевиков, то весной 1917 года они были откровенными аутсайдерами, их насчитывалось не более нескольких десятков человек.

Пропагандируемые большевиками пораженческие идеи весной 1917 года не находили понимания среди черноморцев. Напротив, в первые месяцы после Февральской революции на Черноморском флоте было сильно революционное оборончество — идея продолжения войны «до победного конца», во имя защиты демократии и свободы. В созданных при участии Колчака революционных органах власти преобладали умеренные социалисты. Подобная расстановка политических сил сохранялась некоторое время и в дальнейшем.

Невысокая, по сравнению с Балтикой, активность матросов Черноморского флота в первое время после Февральской революций объяснялась, прежде всего, оторванностью Севастополя от центров революционной борьбы — Петрограда и Москвы, а также от таких крупных промышленных городов и районов Южной России, как Харьков, Екатеринослав и Донбасс. Вследствие этого черноморцы в первое время не испытывали на себе радикального революционного давления, как их коллеги-балтийцы. Взять хотя бы рабочие организации Петрограда, которые оказывали сильное влияние на матросов Балтийского флота. На Черноморском флоте ничего подобного не было. Среди севастопольских рабочих было немало мелких собственников и кустарей, которые пошли работать на предприятия, уклоняясь от призыва в армию, а также демобилизованных матросов-сверхсрочников, зарекомендовавших себя «примерной» службой в царском флоте. Ни о какой революционной пропаганде среди матросов они, разумеется, и не помышляли.

Политическая «отсталость» черноморцев объяснялась также и слабостью революционной работы на Черноморском флоте. Дело в том, что все сколько-нибудь влиятельные революционные матросские организации в Севастополе были разгромлены в 1905—1907 годах и в последующее время уже не были восстановлены на прежнем уровне. Сказывалось отсутствие в Крыму и лидеров революционных партий, которые, как мы уже знаем, очень плотно окормляли Балтику. На Чер-

ном море же действовали партийные деятели и агитаторы «второго эшелона», не обладающие особым талантом, авторитетом и харизмой.

Отрывало матросские массы от участия в активной общественно-политической жизни и активное участие флота в боевых действиях. Следует отметить и личные качества А.В. Колчака, которые также способствовали сохранению вертикали власти на Черноморском флоте. Выступая перед матросами, Колчак силой своего авторитета внушал им необходимость не только сохранения боеспособности, но и еще большей активности флота. Кроме того, в Севастополь новости поступали с опозданием, и А.В. Колчак (в отличие от командующего Балтийским флотом А.И. Непенина) имел время, чтобы сориентироваться и учесть печальный балтийский опыт.

В числе других факторов, препятствующих революционизированию масс, следует также назвать присущий Севастополю режим закрытого города-крепости, а также списание на другие флоты и в действующие армейские части большого количества протестно настроенных черноморских матросов. Так, еще в 1916 году, по распоряжению Колчака, на Сибирскую флотилию было переведено свыше тысячи матросов, из которых не менее 600 были «политически неблагонадежными».

Весной 1917 года офицеры Черноморского флота, в отличие от своих коллег на Балтике, получили значительное влияние на деятельность судовых комитетов, сохраняя полную возможность командования подчиненными. При этом их участие в деятельности судкомов в большинстве случаев являлось как бы продолжением основной служебной деятельности. Мотивы участия офицеров в деятельности органов власти были различны. Часть командиров откликнулись на произошедшие в стране изменения, приняли их и пытались встроиться в новую политическую реальность. Командование и часть офицеров хотели влиять на работу комитетов и Советов изнутри, что позволило бы направить их деятельность в конструктивное русло, бороться с анархистскими тенденциями. Разумеется, имели место карьерные соображения отдельных лиц.

Благодаря активности офицеров весной 1917 года удалось затормозить процесс распада флота, как военной организации, вы-

строить отношения с нижними чинами, ненадолго «окультурить» ход преобразований. Однако матросы, входившие в состав судкомов, постепенно расширяли сферу своей компетенции, постепенно снижая там влияние офицеров. Так, неприятной неожиданностью для офицеров явилось то, что матросы, по примеру Балтики, потребовали ввести выборность комсостава, что и было исполнено. Поэтому, по мере углубления революционного кризиса, результаты деятельности офицеров на Черноморском флоте по стабилизации обстановки в скором времени будут практически аннулированы.

Начали происходить и события другой направленности. 17 марта 1917 года в Киеве была создана Украинская центральная рада, которая провозгласила своей целью образование украинской автономной республики в составе демократической России. Вскоре после этого была создана и Севастопольская украинская рада, которая сразу же выдвинула лозунг «украинизации» Черноморского флота. В марте появляется и первая украинская организация эсеров в Севастополе во главе с К.П. Величко. Костяк организации составили матросы-малоросы. В апреле подобная организация возникла в Феодосии. На Черноморском флоте исподволь началась ползучая украинизация. При этом часть выходцев с малороссийских губерний стала группироваться по национальному признаку.

В апреле 1917 г. А.В. Колчак был вызван военным министром в Петроград, затем в Псков на совещание главнокомандующих и командующих сухопутными и морскими силами. Вице-адмирал встретился с военным министром А.И. Гучковым, А.Ф. Керенским и М.В. Родзянко, получил от них информацию о положении в стране, в правительственных и иных структурах.

Кроме этого, Колчак встретился с лидером правых меньшевиков Г.В. Плехановым, чтобы лучше понять природу и планы революционеров. После этого Колчак присутствовал на совете командующих армиями в Пскове.

По возвращении в Севастополь Колчак решил обратиться с патриотическим призывом к личному составу Черноморского флота.

Речь А.В. Колчака на митинге 25 апреля 1917 года в крупнейшем помещении Севастополя цирке Труцци произвела на офицеров и на матросов большое впечатление. В отличие от Балтики настроение офицеров и матросов здесь в целом было все еще вполне боевое. И офицеры, и матросы желали сражаться до полной победы над врагом.

Штаб флота совместно с оборонцами из Севастопольского Совета составил воззвание к личному составу Черноморского флота. Это воззвание, подписанное от имени команды линейного корабля «Георгий Победоносец», было опубликовано во всех крымских газетах, а также в центральных. Воззвание призывало матросов и солдат к продолжению войны «до победы», осудила агитацию за сепаратный мир, призывало оказать доверие Временному правительству, а кроме этого, выдвинуло требование послать делегацию Черноморского флота в Петроград, Балтийский флот и на фронт для агитации за продолжение войны. Кроме этого было решено выбрать несколько сот делегатов, которых направить на фронт для агитации за продолжение войны и отпора пораженческой большевистской пропаганде. Эту инициативу одобрили и эсеры, и меньшевики.

25 апреля ЦВИК принял (подсказанное и одобренное командующим) решение об организации и посылке делегации Черноморского флота с целью агитации за сохранение боеспособности войск и продолжение войны. В большую делегацию (210 человек, позднее дополненную еще 250 матросами и солдатами) были включены социалисты и беспартийные, придерживавшиеся патриотической ориентации. Костяк делегации составили офицеры — 30 человек, затем унтер-офицеры — 14 человек, в ней были 6 членов исполкома Совета. Абсолютное большинство делегатов составляли эсеры и меньшевики. Помимо того, командование флота направило в распоряжение Ставки до 50 флотских унтер-офицеров в качестве агитаторов-добровольцев для «ударных частей». Деньги на поездку были выделены из личного фонда командующего флотом.

Формально делегация посылалась в Петроград для ознакомления с положением в столице. Истинной же целью ее являлась демонстрация преданности личного состава Черноморского флота Временному

правительству и соответствующая пропаганда и агитация сбившихся с истинного пути балтийских матросов «сплотиться против коварного и грозного врага». Первым делом черноморцы отправились на братскую Балтику, чтобы вразумить, впадшую в левацкую ересь тамошнюю братву. Возглавляли делегацию личности весьма колоритные — подполковник и эсер А.И. Верховский (впоследствии военный министр Временного правительства), эсер Ф.И. Баткин и меньшевик Константин Фельдман. Последний считался старым революционером, т.к. «прославился» в 1905 году, когда с дружкой Березовским (дедушкой будущего олигарха!) возглавил мятеж на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», а потом, бросив на произвол судьбы поверивших ему матросов, веселился в Германии на потемкинские деньги со своей любовницей Розой Люксембург. Федор (Эфроим Ицкович) Баткин был из недоучившихся студентов, наряженный для лучшего имиджа матросом, отличный оратор и агитатор. Любопытно, что вскоре Ф.И. Баткин по силе демагогии стал соперничать с самим А.Ф. Керенским и последний начал его даже побаиваться.

Из книги воспоминаний «На трудном перевале» генерал-майора А.И. Верховского: «На линейном корабле “Георгий Победоносец”, где находился штаб командующего флотом, матросское собрание вынесло резолюцию, кричавшую “колчаковским голосом”. “Георгий Победоносец” обращался ко всем кораблям флота: “Родина в опасности! Не медлить ни часу, ни минуты!.. Катастрофа может уничтожить родину... Нужна одна партия — партия спасения России...” Призыв “Георгия Победоносца” нашел отклик. На линейном корабле “Свободная Россия” собрался митинг представителей 28 крупнейших кораблей флота, который постановил просить командующего флотом послать в армию делегатов, чтобы звать к сохранению боеспособности армии, к миру между офицерами и солдатами и к переходу в наступление на немцев. 28 офицеров, 14 кондукторов сверхсрочной службы, 78 матросов, 41 солдат и 23 рабочих были избраны для того, чтобы ехать в Балтийский флот и армии фронта. Они получили наказ проверить, готовы ли войска к наступлению, каковы отношения солдат и офицеров, как выполняется боевой приказ. Наконец они

должны были требовать... установления твердой власти в стране. “Уши” Колчака явно торчали из этой резолюции...»

Инициатива Колчака была встречена в Петрограде на «ура». Временное правительство устроило пышную встречу делегации. На вокзале в Петрограде делегатов забрасывали цветами представители различных буржуазных организаций и партий. Видя лояльность черноморской делегации Временному правительству, Керенский возложил на нее весьма тяжелую миссию: вылечить Балтфлот от «анархии». Делегация черноморцев была весьма представительной — почти две сотни агитаторов. Черноморцам был оказан торжественный прием в столичном цирке Чинизелли, где выступали бельгийский министр Вандервельде, эсерка Брешко-Брешковская и другие не менее колоритные личности. Присутствовавшие на митинге американский посол Френсис и английский Бьюкенен клятвенно заверили россиян в скорой отправке в Россию новых займов на войну. После митинга приободрившиеся черноморцы разъехались по балтийским военно-морским базам.

Как оказалось, гостей уже ждали и по указанию Центробалта готовили достойный прием. Едва посланцы Черного моря начинали выступать на митингах, как их дружно освистывали, а то и вовсе стаскивали за бушлаты с трибун. Даже вполне лояльный к столице Ревель, и тот не воспринял черноморского ура-патриотизма.

Обиженный на такое неуважение бывший «потемкинец» К.И. Фельдман обрушился с оскорблениями в адрес хозяев на страницах проправительственной газеты «День». В ответ балтийцы пообещали переломать посланцу братского Черноморского флота ноги. В конце концов часть делегатов была распропагандирована балтийцами и заявила, что Фельдман никакой не моряк, а самозванец, и они от него отмежевываются. Но это были частности.

Помимо негостеприимных Гельсингфорса и Кронштадта черноморские делегаты побывали в Москве и Петрограде, где их встретили намного лучше. Затем члены делегации разъехались по фронтам, выступая в действующих частях. Они преследовали главную цель — сохранить боеспособность войск, пресечь в них анархию, большевистское разлагающее влияние. В определенной степени

черноморская делегация, деятельность которой получила широкую известность по всей России, благотворно повлияла на матросов и солдат. На фронте матросы-черноморцы не ограничивались агитацией, но и пытались воодушевить солдат, сами шли в бой, часть из них погибла в боях или была ранена. Черноморцы агитировали солдат в преддверие июньского наступления на фронте. При этом их, как правило, посылали в те полки и дивизии, солдаты которых не желали наступать.

Отсылка делегации имела для Черноморского флота и отрицательные последствия. Дело в том, что уехали наиболее патриотически настроенные матросы и солдаты. В дальнейшем большинство из них вернулись в Севастополь, но далеко не все. Отсутствие авторитетных сторонников продолжения войны и радетелей за укрепление дисциплины вскоре негативно сказалось на настроениях матросов береговых частей и кораблей.

27 апреля 1917 года в Севастополь прибыла посланная по предложению ЦК партии большевиков делегация балтийских моряков, которая должна была стать ответом на антиреволюционную агитацию черноморских делегатов. Ответная делегация была малочисленна, всего 5 человек. Есть мнение, что часть из них были (как и черноморец Ф.И. Баткин) попросту переодетыми в матросскую форму большевистскими партийными функционерами. Но на самом деле это не так. На Черноморский флот были посланы реальные матросы: матросы И. Журавлев и П. Зайцев из кронштадтских флотских экипажей, М. Аркушенко — машинист крейсера «Аврора» и А. Дозмаров из Гельсингфорса. Фамилия пятого делегата от гвардейского флотского экипажа автору неизвестна. Перед отъездом балтийцы были проинструктированы секретарем ЦК Я.М. Свердловым и встретились с В.И. Лениным. Секретарь ЦК Я.М. Свердлов представил моряков Ильичу и сказал, что они едут на Черноморский флот для проведения там революционной работы. Посланцам ставилась конкретная задача помочь товарищам-черноморцам довести революцию до логического конца, как это делается на Балтике.

До Севастополя удалось добраться только М. Аркушенко и А. Дозмарову. И. Журавлев и П. Зайцев были перехвачены в Симферополе по приказу А.В. Колчака.

М. Аркушенко и А. Дозмаров выступали на собраниях команд кораблей, на заседаниях Севастопольского Совета, на делегатских собраниях и многочисленных митингах, где рассказывали о революционных событиях в Петрограде и на Балтике, об отношении балтийских матросов к войне, разоблачали нападки на большевиков. М. Аркушенко с А. Дозмаров, охраняемые черноморцами, разъезжали по кораблям, выступали на улицах, площадях. Очевидцы этих собраний вспоминают, что речи членов балтийской делегации выслушивались матросами и солдатами со вниманием, хотя и без какого-либо одобрения. Однако малочисленность делегации, непривычный еще черноморцам радикализм делегатов и общий настрой на флоте обрек балтийцев на неудачу. После нескольких неудачных митингов они покинули Севастополь. Выступая на 1-м съезде моряков Балтийского флота, один из членов балтийской делегации с горечью констатировал, что «в Севастополе мало видел социалистических газет, большевистских же газет совершенно нет».

Пройдет несколько месяцев, и Центробалт сделает должные выводы из посылки первой делегации. Вторая попытка балтийцев будет иметь куда больший успех и самые трагические последствия для Черноморского флота...

А события на Черноморском флоте между тем шли своим чередом. Демократизация флота продолжилась: было отменено отдание чести вне строя, уволены матросы и солдаты старше 40 лет в отпуск до 20 мая домой, «для полевых работ».

16 апреля Колчак издал приказ о переименовании кораблей Черноморского флота, названных в честь российских царей, хотя это было прерогативой главы государства, но революция диктовала свои законы. В результате этого переименования новейший линкор «Екатерина Великая» был переименован в «Свободную Россию», строящиеся линейные корабли «Император Александр III» — в «Волю», а «Император Николай I» — в «Демократию»; авиатранспорты «Император Александр I» и «Император

Николай I» получили, соответственно, названия «Республиканец» и «Авиатор».

17 апреля по Черноморскому флоту был отдан приказ, с объявлением телеграммы морского министра, об отмене наплечных погон «в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех республиканских стран».

Продолжились в большинстве своем огульные обвинения матросами своих офицеров, все чаще стало проявляться и негативное отношение к офицерам со стороны матросов в целом. Так, 1 мая во время праздничных митингов матросы требовали от офицеров снять погоны.

В течение апреля Черноморский флот продолжал вести боевые действия, срывая морские перевозки противника, осуществляя блокаду Босфора и анатолийского побережья Турции. На коммуникации обычно выходили эсминцы, реже — крупные надводные корабли. Блокада пролива осуществлялась в основном подводными лодками; принимались также меры по постановке и усилению минных заграждений. Наряду с этим корабли Черноморского флота оказывали активную огневую поддержку сухопутным войскам на кавказском и румынском участках фронта. Большое внимание также уделялось защите морских перевозок, которым угрожали эпизодические выходы в Черное море германских крейсеров.

7 мая 1917 года в Могилеве открылся Всероссийский съезд офицеров армии и флота. На нем присутствовали четыре делегата и от черноморского офицерства. На съезде был создан общероссийский Союз офицеров армии и флота. Главный комитет этой организации в итоге занялся подготовкой к установлению военной диктатуры. Союз офицеров армии и флота и Республиканский центр (Петроград) установили контакты с А.В. Колчаком, который рассматривался как потенциальный кандидат на пост диктатора России.

8 мая Колчак организовал настоящее шоу — перезахоронение останков «красного лейтенанта» Шмидта и его троих сподвижников с острова Березань в Севастополе. Все было обставлено по высшему разряду. Доставивший останки вспомогательный крейсер «Принцесса Мария» при входе в Севастопольскую бухту был встречен

орудийными салютами, на берегу и у пристани прибытия корабля ожидали тысячные толпы народа. Затем процессия двинулась от Графской пристани по Нахимовской и Большой Морской улицам к Покровскому собору, где, после совершения всех религиозных обрядов, под орудийные и ружейные залпы останки были помещены в склеп. Палили орудия, гремел оркестр, рядом с гробом шествовал скорбящий Колчак, многие плакали.

Всеобщее одобрение вызвало и решение Колчака присвоить имя Шмидта Морскому собранию офицеров флота в Севастополе.

А затем произошло событие, имевшее весьма серьезные последствия для всего флота. Началось с того, что ЦИК Севастопольского Совета предложил отстранить от должности помощника главного командира Севастопольского порта генерал-майора А.В. Петрова, уличенного якобы в хищении казенного имущества и спекуляции им. Вице-адмирал А.В. Колчак отказался выполнять решения ЦИК, как необоснованное, заявив, что даст санкцию на арест официальному следствию, если оно в процессе расследования дела выявит действительные признаки преступления. Несмотря на это, по решению Совета генерал-майор Петров был арестован, что означало игнорирование мнения командующего. Единственное, что смог сделать в этой ситуации Колчак, — сообщить телеграммой об инциденте Временному правительству.

Из книги воспоминаний «На трудном перевале» генерал-майора А.И. Верховского: «...Вдруг всплыло новое дело. Комендант порта генерал Петров был пойман с поличным. При посредстве одного спекулянта он закупал на севере по казенной цене кожи, которые доставлялись в Севастополь под видом казенного груза и здесь продавались по рыночной цене. Председатель Исполкома Конторович, желая придать делу примирительный характер, предложил обязать Петрова передать кожи в порт. Но генерал Петров, у которого вырывали изо рта жирный кусок, отказался выполнить требование Исполкома. Тогда Совет потребовал от Колчака, чтобы он освободил Петрова от обязанностей командира порта. Колчак сразу встал на дыбы».

Будучи не в силах отстоять генерал-майора Петрова, Колчак пожаловался Временному правительству на неподчинении его приказам Совета депутатов армии, флота и рабочих. 17 мая для улаживания конфликта в Севастополь из Одессы прибыл военный и морской министр А.Ф. Керенский. Обжегшись уже на Центробалте, он решил взять реванш на Черноморском флоте. «Пели горны на тральщиках — и в Севастополе, на рейде, пели горны. Роты строились всюду... с воды тяжело взматывались гидро, громыхали, как ломовики, разбрызгивая в воздухе взрывы красной пыли из бумажных бомб. Флот в порту разноцветно пылал играющей листвой праздничных флагов; все гуще и гуще устраивалась над улицами, над бульварами медленная пыль; цветной народ, в поту, задыхаясь, бежал: Севастополь встречал Керенского», — так описывал прибытие Керенского писатель А.Г. Малышкин в своем знаменитом романе «Севастополь».

А.Ф. Керенский о поездке в Севастополь и А.В. Колчаке впоследствии вспоминал: «...Не смог побывать на самом фронте, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия адмирала с Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном».

Керенский пробыл в Севастополе один день. Он выступил на митинге на дредноуте «Свободная Россия» и госпитальном судне «Петр Великий», в Покровском соборе поклонился праху лейтенанта Шмидта и возложил на склеп... Георгиевский крест. Вечером в зале Морского собрания состоялось делегатское собрание гарнизона, на котором А.Ф. Керенский произнес пламенную речь, славя «Великую революцию, Великую Россию, доблестный Черноморский флот». На матросов выступления Керенского никакого впечатления не произвели. Впрочем, его все же не освистали, как в Гельсингфорсе. 18 мая он покинул Севастополь.

По приказу А.Ф. Керенского была создана специальная комиссия, которая отвергла все обвинения в адрес генерал-майора А.В. Петрова, и тот вернулся к исполнению своей должности.

Казалось, что после представления с перезахоронением «красного лейтенанта» все должно пойти лучше некуда. Но вышло наоборот. В день отъезда Керенского командир эскадренного миноносца «Жаркий» кавалер георгиевского оружия лейтенант Г.М. Веселаго подал жалобу на возмутительное поведение команды. Поводом к такому заявлению послужил инцидент во время одного из съездов на берег командира, когда команда проводила его бранью, смехом и пожеланиями больше не возвращаться. Главной претензией к командиру матросы «Жаркого» считали большую храбрость Г.М. Веселаго, из-за которой он в походах, по мнению матросов, рискует их безопасностью. Поэтому команда решила отказаться выходить в море с Веселаго.

На следующий день ЦИК создал комиссию для расследования на «Жарком». Решение комиссии было не в пользу команды эсминца, но созванное 28 мая делегатское собрание флота отменило постановление Совета по материалам комиссии и приняло компромиссное решение: «Поведение командира, вызвавшего возбуждение команды по отношению к себе, считать нетактичным и просить командующего флотом списать командира с эскадренного миноносца, наложив на него дисциплинарное взыскание; команду же не считать виновной, за исключением членов комитета, которые не предприняли мер для предотвращения этого конфликта: наложить на них дисциплинарное взыскание и списать с судна».

Согласиться с таким решением Колчак не мог, т.к. Веселаго был одним из самых энергичных и храбрых командиров. Поэтому он запросил мнение морского министра. В ответ Керенский прислал телеграмму: «Полагал бы правильным миноносцу “Жаркий” окончить кампанию. Дело передать прокурорскому надзору для выяснения виновных и предания их суду. Решение, в силу представленной Вам власти, как Командующему флотом, предоставляется Вам. Категорическое требование Временного правительства о неуклонном исполнении долга каждым чином во вверенном вам флоте всем должно быть хорошо известно». В результате этого «Жаркий» был поставлен на прикол, а лейтенант Г.М. Веселаго отправлен на два месяца в отпуск «внутри Российского государства по болезни».

Во второй половине апреля солдаты и матросы Севастопольского гарнизона по своей инициативе произвели в Ялте и ее окрестностях аресты лиц, занимавших при царской власти видное положение. Пока это были только аресты. Но, как говорится, лиха беда начало...

Кто же владел думами и сердцами черноморцев весной 1917 года? В мае севастопольская организация эсеров насчитывала 13 тысяч человек. Эсеры были абсолютными победителями в межпартийной борьбе за Черноморский флот и упивались своей властью и влиянием. Ну а что же их менее удачные конкуренты? Что касается меньшевиков, то их к маю 1917 года было чуть больше тысячи.

Что же касается большевиков, то их численность была на уровне среднеарифметической погрешности. Большевики Черноморского флота объединились в собственную единую организацию (в виде фракции Севастопольского Совета), по одной из версий, в середине апреля 1917 года. По другой версии, это произошло лишь в мае. Данные историков на сей счет существенно разнятся. Например, историк П.И. Попов считает, что самостоятельная большевистская организация в Севастополе начала существовать лишь с июля 1917 года, а до этого большевики якобы состояли в одной организации с меньшевиками.

В состав первой большевистской организации вошли матросы С.Г. Сапронов, И.А. Назукин, портовые рабочие И.К. Ржанников и И.Н. Клепиков. Всего... 15 человек. В последующие недели Севастопольский комитет РСДРП(б) пополнился еще... шестью новыми членами. Председателем городского комитета РСДРП (большевиков), как наиболее авторитетный, был избран С.Г. Сапронов. Последний ранее служил на Балтийском флоте, а с началом войны был мобилизован. Так как Сапронов участвовал в 1905 году в Кронштадтском мятеже, среди матросов считался старым и заслуженным революционером.

Члены городского партийного комитета Сапронов, Клепиков, Ржанников, И.А. Назукин и А.И. Калич, являвшиеся депутатами

Севастопольского Совета, в начале мая образовали большевистскую фракцию Совета, председателем которой был избран солдат электротехнической роты Севастопольского крепостного артиллерийского склада А.И. Калич. Матрос И.А. Назукин еще в марте объединил вокруг себя группу из шести левацки настроенных матросов, которая вела большевистскую пораженческую агитацию в Балаклаве. Матрос В. Игнатенко занимался партийной работой среди команды линкора «Свободная Россия». Вокруг А.И. Калича группировались наиболее радикальные элементы из числа солдат севастопольской крепостной артиллерии.

Как признавал один из активных участников севастопольской организации РСДРП(б) А. Платонов, главными программными лозунгами большевиков в этот период были: передача власти Советам, национализация земли, всеобщая трудовая повинность, «долой империалистическую войну, да здравствует война гражданская», отказ от государственных долгов. Ближайшей же задачей севастопольские ленинцы ставили «подрыв доверия массы к Временному правительству и оборонческим партиям».

Чтобы сразу же не согнали с трибуны, большевикам приходилось идти на хитрости. «...Начинаем говорить, не объявляя, кто мы, — писал С.Г. Сапронов. — Сначала излагаем свои мысли завуалированно, потом все яснее, и, пока эсеры спохватываются (надо понимать, выгоняют с трибуны. — *В.Ш.*), мы успеваем сказать уже многое».

Большевики распространяли антивоенные листовки и газеты, которые получали от Екатеринославского большевистского комитета, проводили беседы с матросами и солдатами, разъясняли им буржуазный характер Временного правительства и его политики. Однако в целом положение большевиков в общественно-политической и «народной» среде было незавидным. Большевистская организация по-прежнему оставалась малочисленной и слабо связанной с матросскими массами. Пораженческие листовки и соответствующую литературу большевиков наотрез отказался печатать союз печатников. Черноморский флот большевиков не признавал: дело доходило до разгрома клуба, избиений и сброса большевистских агитаторов

с кораблей за борт, как это было с матросом И. Финогеновым на эсминце «Гневный». Связь севастопольских большевиков с центром была также чисто условной. Среди севастопольских большевиков были сильны объединенческие настроения. Матросы члены РСДРП(б) просто не понимали, почему из Петербурга от них требуют разрыва с такими же матросами — членами РСДРП(м), и не торопились отделяться. Такие же настроения царили в большевистских организациях Симферополя, Евпатории и Ялты.

Помимо всего прочего много лучшего оставлял желать и уровень общей образованности, а также профессиональной подготовленности севастопольских большевиков. Один из них впоследствии вспоминал: «В своем большинстве мы тогда еще были в политическом отношении малограмотны. Самое большое образование у большинства из нас было 4 класса начальной школы. Учащихся средних школ среди нас не было».

Рассматривая причины низкой популярности большевиков на Черноморском флоте, следует иметь в виду, что серьезной работой по наращиванию своего авторитета на Черном море РСДРП(б) не занималась вполне сознательно. В борьбе за власть в стране находившийся на периферии Черноморский флот особого значения не имел. Поэтому большевики, с точки зрения стратегии, поступили совершенно правильно. Они сосредоточили все свои усилия на близком к Петербургу Балтийском флоте, оставив черноморцев практически без внимания. Только этим можно объяснить отсутствие в Севастополе сколько-нибудь серьезных деятелей РСДРП(б). Практически до июня 1917 года ЦК партии Черноморским флотом не занимался, отдав Севастополь на откуп местным полуграмотным выдвиженцам, у которых не имелось ни опыта, ни знаний, ни финансовой подпитки.

В мае Совет матросских и офицерских депутатов был создан и в Одессе. Председателем Совета был избран матрос с воинского транспорта «Руслан» А. Попов. По одним данным, А. Попов являлся анархистом, по другим — большевиком. Скорее всего, верны оба утверждения. Как и большинство его товарищей, Попов просто периодически менял партийную принадлежность. Именно поэтому

в памяти одних он остался анархистом, а в памяти других — большевиком.

Из кораблей и судов Транспортной флотилии одесские большевики пытались наладить наиболее тесные связи, прежде всего, с командой старого линкора «Синоп», который большую часть времени стоял в Одесском порту. В первые месяцы после Февральской революции команда линкора вообще ничего не знала о большевиках. В июне 1917 года на «Синопе» побывали члены первой делегации балтийских моряков. После этого несколько матросов записались в большевики, но в раскладе политических сил на корабле это ничего не изменило, так как подавляющая часть команды «Синопа» находилась в то время под полным влиянием эсеров.

Из всех частей Черноморского флота некоторую склонность к большевизму весной 1917 года проявили мастерские военного порта и эсминец «Капитан Сакен» и в особенности флотский полуэкипаж, куда командование флотом традиционно списывало с кораблей политически неблагонадежных, хулиганствующих и пьющих матросов. Именно здесь в апреле 1917 года возникла одна из первых большевистских партийных ячеек. В мае 1917 года на боевых кораблях, в минной школе и в полуэкипаже Черноморского флота было создано 8 малочисленных, по 2—3 человека, большевистских ячеек. Впоследствии немногочисленные большевистские партийные ячейки возникли на линкорах «Евстафий», «Георгий Победоносец», «Три святителя», «Свободная Россия», на эсминце «Капитан Сакен», в военном порту, в крепости, у подводников, в торговом флоте, в авиационном отряде, в партии траления.

К середине мая 1917 года большевистская партийная организация Севастополя выросла до... 25 человек, а в июне в ее рядах было 50 членов и 100 сочувствующих. Большинство сторонников большевики имели в минной бригаде, в бригадах подводного плавания и траления. В мае 1917 года участник севастопольской организации РСДРП(б) А.И. Калич в составе делегации Черноморского флота побывал в Петрограде. В ЦК РСДРП(б) А.И. Каличем были получены инструкции и практические советы по поводу организации в Севастополе партийной большевистской работы.

Интересно, что тогда же, в мае, на Черноморском флоте прошел слух, что в Севастополь придет агитировать матросов вождь большевиков В.И. Ленин. Вокруг возможного приезда Ленина большой шум подняли как меньшевики, так и эсеры.

Разумеется, что в мае 1917 года В.И. Ленину было совсем не до агитации матросов удаленного от столицы Черноморского флота, ему было важно хотя бы завоевать популярность у куда более важных для большевиков балтийцев. Скорее всего, известие о возможном приезде Ленина в Севастополь было обычным информационным вбросом, которым местные большевики пытались привлечь к себе внимание матросских масс. Увы! Из этой наивной пропагандистской «утки» никакой пользы не получилось.

Во второй половине мая 1917 года севастопольские большевики создали свою фракцию при местном Совете. И хотя фракция в силу своей малочисленности в Совете ничего не решала, сам факт ее образования докладывался севастопольскими большевиками в ЦК, как большая победа.

В конце мая прошли перевыборы Севастопольского Совета. Новый состав отличался широким представительством солдат. Совет вел политику автономной, независимой от командующего флотом деятельности. Офицеры, в свою очередь, ввели практику закрытых собраний. Разлад и взаимное озлобление нарастали.

1 июня командир линкора «Три святителя» капитан 1-го ранга М.М. Римский-Корсаков запретил выступать на корабле представителю Симферопольского Совета, и в тот же день комиссия Севастопольского Совета постановила, чтобы командир извинился перед командой, что он и вынужден был сделать.

Вечером 5 июня наиболее радикально настроенные матросы Черноморского флотского экипажа и Севастопольского полуэкипажа арестовали помощника командира Черноморского флотского экипажа полковника по адмиралтейству Н.К. Грубера. Этой же ночью были арестованы командир Севастопольского полуэкипажа капитан 1-го ранга Е.Е. Гестеско, его адъютант штабс-капитан С.Ф. Кузьмин

и капитан Н.И. Плотников. Все они были обвинены в «провокаторстве, службе в охранке, в хранении разрывных пуль для стрельбы по матросам». На собрании была принята резолюция, требующая произвести немедленно обыск у всех офицеров флота и гарнизона и арестовать политически неблагонадежных.

Любопытно, что при обыске в квартирах у офицеров пропали некоторые вещи; матросы пытались унести и серебряную посуду, так сказать, на память.

6 июня в цирке Труцци состоялось делегатское собрание матросов, солдат, офицеров и рабочих. Собрание вынесло резолюцию об отстранении от должности командующего флотом вице-адмирала А.В. Колчака и начальника штаба флота капитана 1-го ранга М.И. Смирнова. Решено было обыскать и обезоружить всех офицеров армии и флота.

А.В. Колчак подчинился решению собрания и отдал приказ, во избежание возможных эксцессов, офицерам «добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие». Но это ему не помогло. В тот же день члены судового комитета флагманского линкора «Георгий Победоносец» заявили в салон к адмиралу с требованием сдать оружие. Колчак выставил делегацию из салона, затем вышел на палубу, приказал выстроить всю команду во фронт и обратился к ней с речью, в которой назвал поступки матросов гибельными для Родины и оскорбительными для офицеров, и сказал, что «даже враги японцы не отобрали от него Георгиевскую саблю после сдачи Порт-Артура, а они, русские, люди, с которыми он делил все тяготы и опасности войны, нанесли ему такое оскорбление, но он им своего оружия не отдаст, и они его не получают ни с живого, ни с мертвого». Саблю он демонстративно выбросил за борт.

Из книги воспоминаний «На трудном перевале» генерал-майора А.И. Верховского: «Сначала история с Комаровым (еще один неугодный матросам офицер. — *В.Ш.*), которого пришлось снять под угрозой расправы, потом неприятности с “Жарким”, который отказался выйти в море, и, наконец... история — с Петровым. Гневу Колчака не было предела. Он встретил делегацию Совета бранью и даже не захотел ее выслушать. А делегация несла ему вполне приемле-

мое предложение, чтобы он сам расследовал дело и сам отрешил Петрова от должности. Делегация ушла и принесла на заседание Совета резкие слова Колчака. Мокшанчик (матрос-большевик, член Совета. — *В.Ш.*) тут же потребовал, чтобы Петров немедленно был арестован распоряжением Совета. Мало того, так как Колчак грозил взяться за оружие и что-то говорил о расстреле неповинующихся, то долго кипевшее негодование прорвалось, раздались крики:

— Колчака бросить в море, офицеров перебить!

Совет с трудом добился примирительного решения: Петрова арестовать, у офицеров отобрать оружие. Решение Совета облетело корабли и казармы, и тысячи рук бросились немедленно исполнять это решение. И когда на “Георгии” матросы потребовали от Колчака, чтобы он сдал свое оружие в комитет корабля, Колчак сделал красивый жест: он подошел к борту и бросил свой кортик в море. Но это был жест отчаяния. Колчак был побежден...»

Вечером 6 июня М.И. Смирнов телеграфировал в столицу Временному правительству о произошедших событиях. И уже ночью получил ответную депешу, подписанную князем Львовым и Керенским. В ней содержался приказ Колчаку и Смирнову немедленно выехать в Петроград для личного доклада. Временное командование флотом должен был принять контр-адмирал В.К. Лукин. В телеграмме строжайше требовалось возвратить оружие офицерам.

7 июня в Севастополь для изучения постановки минного дела и методов борьбы с подводными лодками на Черноморском флоте прибыла американская военно-морская миссия контр-адмирала Дж.Г. Гленнона. Кэптен А. Бернارد позже вспоминал: «Когда мы поднялись на флагманский корабль, в поле зрения не попало ни одного офицера, а шканцы были довольно плотно заполнены бездельничающими матросами в грязной белой форме, пялившими на нас глаза. Оказалось, что почти все офицеры съехали с корабля еще прошлой ночью, а несколько офицеров заперты в своих каютах. Дверь в кают-компанию открыл с внешней стороны рядовой матрос. Арестованный же офицер сказал, что прощается с жизнью и готовится к смерти каждый раз, когда открывается дверь. Он был... механиком». Гленнон посетил Совет, выступил на делегатском со-

брании матросов, солдат и рабочих порта, призвав их вести войну до победного конца.

Вечером 9 июня американская миссия выехала в Петроград. Этим же поездом, сдав должность контр-адмиралу В.К. Лукину, покинули Севастополь вице-адмирал А.В. Колчак и капитан 1-го ранга М.И. Смирнов. Увы, смена командующих уже не могла приостановить дальнейшее разложение флота, стремительно терявшего боеспособность. Что касается Лукина, то командовать флотом он мог лишь под контролем т.н. выборной «комиссии 10-ти».

Относительно отъезда Колчака и возвращения оружия офицерам на Черноморский флот из Петербурга была направлена комиссия под председательством товарища министра юстиции А.С. Зарудного. Действия матросов признали недопустимыми. Комиссия «сочла возможным возвращение Колчака на пост командующего флотом. На этом ее возможности были исчерпаны... Приказ А.Ф. Керенского по результатам проверки, может служить примером бессилия под личиной великодушия: «...Считаю возможным, ввиду выраженного командами Черноморского флота сожаления о допущении в их среде беспорядков, прекратить следствие об упомянутых делах без каких-либо взысканий в отношении виновных...»

В отличие от Балтийского, Черноморский флот все еще находился в подчинении у правительства. В Севастополе принимали правительственные комиссии, слали доклады и отчеты. Однако сколько времени все это продлится, не знал никто...

Помимо Севастополя на Черном море большое военное значение имела в 1917 году и Одесса. На Одессу в то время базировалась многочисленная Транспортная флотилия Черноморского флота, предназначенная для обеспечения грандиозной Босфорской десантной операции, которую готовил флот. Флотилия насчитывала более 90 судов различного класса и водоизмещения. Командовал Транспортной флотилией Черноморского флота вице-адмирал А.А. Хоменко. Подавляющую массу командного состава и матросов флотилии составляли вчерашние гражданские моряки,

мобилизованные с началом войны на военный флот. Многие из них были достаточно солидного возраста, имели семьи в Одессе и в других приморских городах. Главной мечтой вчерашних торговых моряков было скорейшее завершение войны и возможность вернуться к старой гражданской жизни с безопасными плаваниями и хорошими заработками. Ни о каких социальных революциях они и не помышляли.

Кроме транспортов в состав флотилии были включены и несколько устаревших боевых кораблей, для защиты транспортов на переходах в море, в том числе и устаревший линейный корабль «Синоп». Матросы боевых кораблей изначально были настроены более радикально, чем их более возрастные коллеги с восковых транспортов. Разумеется, что отношение одесских революционеров к командам боевых кораблей, и в первую очередь к линкору «Синоп» (как к наиболее мощной боевой единицы флотилии), было весьма почтительное. Именно поэтому командир «Синопа» капитан 1-го ранга А.В. Зарудный и стал 12 марта первым председателем Совета солдатских и офицерских депутатов. Военным комиссаром Временного правительства в Одессе был избран портовый чиновник Н. Харито, а военно-морским комиссаром — торговый моряк М. Шрейдер.

10 апреля 1917 года, во время приезда военного министра А.И. Гучкова в Одессу, лозунги «оборончества» были поддержаны моряками Транспортной флотилии.

К маю 1917 года заметной силой в Одессе стали анархистские группы. Анархисты приветствовали революцию и создание Советов, но остро критиковали Временное правительство как «оплот буржуазии». Анархисты требовали немедленного продолжения революции, немедленной социализации промышленности и земли, передачи власти Советам, прекращения войны. Особенно анархисты были популярны среди местного люмпена и молодых матросов Транспортной флотилии. Ими был образован собственный «Союз моряков-анархистов».

1 мая в Одессе произошла массовая демонстрация горожан и моряков Транспортной флотилии.

8 мая в Одессе произошли торжества, посвященные памяти «пламенного революционера и жертвы царской деспотии» революционного лейтенанта Шмидта. В Одессу был доставлен прах Шмидта и троих расстрелянных вместе с ним матросов. Панихида по «революционным мученикам» прошла в одесском кафедральном соборе, где еще несколько месяцев тому пели здравицу императору. В почетном карауле перед прахом революционеров встал и командующий Черноморским флотом А.В. Колчак. Из Одессы прах Шмидта и его товарищей был отправлен в Севастополь.

10 мая в Одессе открылся 1-й съезд Советов Румынского фронта, Одесского округа и Черноморского флота, в котором принял участие новый военный и морской министр А.Ф. Керенский и А.В. Колчак. Съезд поддержал политику «оборончества». На съезде был создан «Румчерод» — Исполком съезда Советов Румынского фронта, Черноморского флота, Одесского округа. ЦИК «Румчерода», где главенствовали эсеры и меньшевики, поддержал Временное правительство и продолжение войны.

Февральская революция дала мощный толчок украинскому национализму в Одессе. В апреле в городе был создан местный орган Украинской центральной рады — Одесская Рада. Стал издаваться журнал «Украинское слово», было проведено Вече украинского актива; несмотря на свою малочисленность, украинские партии в Одессе отличались большой активностью. С апреля 1917 года на Одещине стало формироваться движение за украинизацию армии и флота. Дело украинизации начала одесская Украинская военная Рада, созданная из делегатов от солдат Одесского гарнизона и матросов Черноморского флота во главе с И. Луценко. В июне было получено разрешение на создание украинских армейских рот, а в августе — был сформирован Украинский гайдамацкий курень. 7 июля в Одессе прошла манифестация матросов и солдат — украинцев, под лозунгами украинизации армии и автономии Украины. С августа в Одессе стала издаваться украинская газета «Солдатыська думка — Рідний Курень».

В целом к концу июля 1917 года ситуация на Черноморском флоте с каждым днем становилась все противоречивей и напря-

женней. Во что все это выльется в самом ближайшем будущем, не мог сказать никто...

Глава восьмая ИЮЛЬСКИЙ ПУТЧ

Еще с апреля на Балтийском флоте ходили слухи о готовящемся грандиозном наступлении силами нескольких фронтов, которое должно полностью изменить стратегическую ситуацию на фронте. Слухи горячо обсуждались на кораблях Балтийского флота и в береговых частях. И Центробалт, и большинство судовых комитетов по-прежнему были против наступления.

Вот, к примеру, весьма типичная резолюция митинга команды учебного судна «Африка» от 29 июня 1917 года, опубликованная в большевистской газете «Волна»: «Мы, матросы учебного судна “Африка”, в количестве 345 человек, обсудив вопрос о наступлении, начатом русскими войсками по настоянию англо-франко-американской и русской буржуазии, находим это наступление вредным для дела революции... Мы категорически протестуем против такого наступления и выносим строжайшее порицание всем этим кроважидным и ненасытным народной кровью — министрам-капиталистам и вместе с тем министрам-социалистам, идущим против демократической программы, по тем же грабительским договорам, заключенным Николаем Кровавым... Мы полагаем, что один только единственный выход из этой кровопролитной войны — необходимость перехода всей власти в руки трудящегося народа и немедленного предложения справедливого мира всем народам... Председатель собрания Измайлов, секретарь Лазуткин».

Резолюция в самом деле самая что ни на есть грозная, но помимо этого и прелюбопытная. Во-первых, что это за такая «Африка», команда которой решает столь стратегические вопросы, как целесообразность фронтовых наступлений? Учебное судно «Африка» было в 1917 году уже столь старой и проржавевшей лоханью, что ее уже боялись выпускать даже за пределы аванпорта. Спущенная на воду

ровно сорок лет назад, в США, как гражданский пароход, она была в 1878 году куплена нашим правительством, как вспомогательный крейсер, но для реальной боевой службы так и не пригодилась. При парадном ходе в 12 узлов ожидать от этого кургузого «купца» каких-либо подвигов было вообще нереально. С началом войны «Африка» встала на мертвый якорь в Кронштадтской гавани, и лишь дно вокруг нее все больше заполнялось выброшенным за борт мусором. Не найдя для ветерана лучшего применения, его приспособили для обучения водолазов. Будущих водолазов спускали за борт, и они рыскали по дну, среди мусора, учась правильно дышать, дергать за фалинь и находить нужные предметы.

Итак, «африканцы», ни разу в жизни не видевшие не то, что живого немецкого солдата, но не слышавшие даже отдаленных оружейных залпов, собравшись скопом, толкуют «на майдане», как следует вести войну мирового масштаба, в ходе которого находят принятое высшим командованием решение на активизацию боевых действий вредным и выносят им свое строжайшее порицание. При этом при штатной команде в полторы сотни человек резолюцию митинга подписывает почему-то вдвое большее количество людей. Что же это за люди? Или в России в 1917 году был такой избыток людских ресурсов, что даже такие старые и ненужные лохани, как «Африка», комплектовали двойным числом людей? Возможно, что «лишние матросы» являлись молодыми призывниками — будущими водолазами. Возможно, что это были случайные матросы, заглянувшие на «Африку» послушать очередного оратора. В таком случае так и надо было подписывать принятую резолюцию, а не зачислять всех скопом в «африканцы». То, что команда «Африки» на самом деле занималась словоблудием, а не боевой подготовкой, говорит тот факт, что уже в следующем году пароход оказался в столь плачевном состоянии, что был списан в плавучий склад, а потом и вовсе порезан на иголки.

Обращают на себя внимание и ругательства в адрес министров Временного правительства. Отметим, что их совсем не случайно поносят и как капиталистов и как социалистов. Почему? Да потому, что в правительстве более удачливые конкуренты большевиков —

эсеры и меньшевики. И те и другие, разумеется, социалисты. Но если их обозвать капиталистами, т.е. грабителями собственного народа, то, глядишь, авторитета у них и поубавится. Такая вот межпартийная война пиаров. Подписывают резолюцию соответственно матросы-большевики Измайлов и Лазуткин. Именно поэтому данную «правильную» резолюцию печатает и большевистская газета. Однако митинг есть митинг. На следующий день на проржавевшую «Африку» приедут агитаторы-анархисты, соберут все и тех же «африканцев», и те столь же легко проголосуют за резолюцию анархистов-коммунистов, которая будет не менее революционной, чем нынешняя, но продемонстрирует всем, что на «Африке» все почитают не Маркса с Лениным, а Кропоткина с Бакуниным. Ну а послезавтра на «Африке» объявятся и припоздавшие левые эсеры, и все повторится снова.

Делая вывод из вышеизложенного, скажем, что все партийные агитаторы, навязывая матросам свои резолюции, решали при этом свои исключительно узкопартийные интересы. Что касается матросов, то их интересовало только одно — чтобы их не послали на фронт. Отсюда и отношение к стратегическому наступлению — а вдруг будут большие потери и тогда начнут снимать лишних людей с кораблей и отправлять в окопы? Ну а кого еще снимать, как не лишних ртов с никому не нужной «Африки»? А потому, «африканцы» голосовали дружно и однозначно, голосовали не из-за переживаний за все человечество («справедливый мир всем народам»), голосовали за спасение собственных жизней...

Разумеется, резолюция какой-то ржавой «Африки» — это капля в море, но дело в том, что таких «капель» было очень много. А потому результат июньского стратегического наступления, которое должно было ускорить окончание войны (причем окончание победное, а не позорное), был предсказуем.

Приказ и призыв Керенского об июньском стратегическом наступлении на фронте, а также посылка им на флот агитаторов за наступление, вытянули всю матросскую массу и солдат местных пехотных полков на Сенатскую площадь Гельсингфорса. Сенатская площадь в течение двух недель являлась ареной политической бит-

вы: с одной стороны, меньшевики и правые эсеры, призывавшие последовать призыву Керенского, с другой — большевики, левые эсеры и анархисты. В результате этой длительной тяжбы матросы почти единогласно вынесли резолюцию недоверия Временному правительству и Керенскому. Центробалт выпустил воззвание против наступления и требовал смены правительства. Атмосфера во флоте к моменту июльских событий была настолько напряженной, что достаточно было малейшего необдуманного шага со стороны Временного правительства, чтобы матросы подняли вооруженный мятеж.

Сегодня историки доказали, что наступление июня 1917 года было блестяще подготовлено командованием, но провалилось из-за катастрофического падения дисциплины в русских войсках. В первые дни действительно был достигнут серьезный успех, но развить его не удалось. Отборные ударные части, начинавшие наступление, к этому моменту были в основном выбиты. Обычные пехотные части отказывались наступать. Войска стали обсуждать приказы в «комитетах» и митинговать, теряя время, или вовсе отказывались продолжать воевать под самыми разнообразными предложениями — вплоть до того, что «своя артиллерия так хорошо поработала, что на захваченных позициях противника ночевать негде».

Потери были невелики, но в данном случае имели катастрофические последствия, так как они пришлись, прежде всего, на отборные, «ударные» части. С выбытием из армий всего «здорового» элемента оставшаяся солдатская масса окончательно потеряла военный облик и превратилась в совершенно неуправляемую вооруженную толпу, готовую бежать от малейшего нажима неприятеля.

Из хроники событий: «Армия настолько утратила боеспособность, что атака 3-х немецких рот опрокинула и обратила в бегство две русские стрелковые дивизии: 126-ю и 2-ю финляндскую. Противника пытались сдерживать более дисциплинированные кавалерийские части, офицеры-пехотинцы и одиночные рядовые. Вся остальная пехота бежала, заполнив своими толпами все дороги и, как описал это генерал Головин, “производя ... величайшие зверства”: расстреливая попадавшихся к ним на пути офицеров, грабя и убивая

местных жителей, без различия сословия и достатка, под внушенный им большевиками лозунг “режь буржуа!”, насилюя женщин и детей. О том, какого масштаба достигло в армии дезертирство, можно судить по такому факту: один ударный батальон, присланный в тыл 11-й армии в качестве заградотряда, в район местечка Волочиск, задержал 12 000 дезертиров за одну ночь».

Как это ни покажется странным, но на Северном фронте лучше всех дрались как раз моряки-балтийцы. В отличие от гельсингфорцев и кронштадцев, матросы Ревеля имели на ход войны свое отличное мнение. Большинство из них, в отличие от представителей тыловых баз, уже участвовали в боях и знали, почем фунт лиха. Вот из таких матросов и был в начале 1917 года сформирован в Ревеле морской батальон, который в дань моде того времени называли «Ревельским батальоном смерти». В этом наступлении прославился незадолго до того сформированный из моряков-добровольцев Ревельской морской базы Ревельский ударный батальон смерти.

Батальон был сформирован из числа отличившихся в боевой обстановке унтер-офицеров и нижних чинов Ревельской морской базы, ремонтируемых кораблей и учебных частей флота, пополненных 78 амнистированными уголовниками из Орла, а также нижними чинами и офицерами армейских полков, создан Ревельский морской батальон смерти в количестве 620 человек.

10 июля 1917 года батальон атаковал позиции противника под Ригой, прорвал три линии немецких траншей, продержался почти три часа, но вынужден был отступить, не получив поддержки. При отступлении был обстрелян своими. По выходе из боя лишь 113 человек из батальона остались невредимыми, еще 70 получили ранения. Из 26 офицеров погибло 15, в том числе командир батальона, штабс-капитан Можайского полка Егоров, получивший 13 ран, командиры рот мичман Орлов и штабс-капитан Андреев. Четыре человека застрелились, не желая отступать. Плохо обученные сухопутным приемам боя, моряки-ударники понесли гигантские потери, но с честью выполнили поставленную боевую задачу. При этом большинство потерь моряки несли только из-за того, что соседние части их совершенно не поддерживали. После этого боя Ревельский

морской батальон смерти был отведен для отдыха и пополнения в Ревель. Георгиевские кресты получили все уцелевшие в бою матросы батальона. Вскоре в Ревеле произошло кровавое столкновение между солдатами Ревельского морского батальона смерти и латышскими стрелками. Поводом к столкновению послужил сорванный латышами предвыборный плакат, что вызвало протест матросов ударного батальона. Возникшая на этой почве ссора скоро перешла в драку. Командир роты латышского полка вызвал взвод для поддержания порядка, среди возбужденных ударников раздались крики, что их хотят расстреливать, слышались угрозы в адрес латышских стрелков. Из Вяземских казарм стали выбегать вооруженные ударники. Началась стрельба из окон, оттуда же бросались ручные гранаты. В результате два ударника было убито, а еще 16 — ранено. Потери латышей неизвестны. Конфликт с трудом был прекращен вмешательством солдатского комитета 12-й армии.

Наряду с героизмом происходили и вопиющие по своему разгильдяйству случаи. Так, 30 июля на батарее острова Оланд на Балтийском флоте, куда прибыли управляющий Морским министерством и командующий Балтийским флотом, батарея была завалена мусором и камнями, мешающими стрельбе орудий, приказ сыграть боевую тревогу выполнен не был, так как «с ними предварительно никто не переговорил». Через час на mine, поставленной немцами в районе, который должна охранять батарея, подорвался эскадренный миноносец «Лейтенант Бураков» и затонул. Погибло 22 матроса и офицер.

Тем временем в Петрограде набирали обороты серьезные события. Военно-морской историк М. А. Елизаров пишет: «Как известно, толчком к нарастанию вооруженного восстания в 1917 г. в Петрограде явились события 3—4 июля. Эти события, подобно Октябрьской революции, вызывают самые разные оценки. В советской печати их считали стихийной демонстрацией, начатой по инициативе 1-го пулеметного полка, которую большевики решили возглавить, придав ей возможно более мирный организованный характер. Временное

правительство расстреляло мирную демонстрацию. Но в 20-е гг. были и другие оценки. В основном она называлась «пробой сил». Л.Д. Троцкий считал демонстрацию «глубокой разведкой» большевиков. Были авторы (в частности П.Е. Дыбенко), которые прямо называли ее восстанием большевиков. Подобные оценки имеют место и в современных российских публикациях, только с обратной целью — обвинить большевиков в экстремизме. Гораздо более близкой к истине представляется оценка демонстрации В.И. Лениным (которая замалчивалась в доперестроечной литературе), как «...начатка гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка...»

Участие матросов в демонстрации (в том числе кронштадтцев как главной их части) освещалось в историографии достаточно полно, но — в основном в описательном плане с концентрацией внимания на второстепенных деталях без должного анализа принципиальных моментов этого участия, таких как контакты кронштадтцев с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, И.В. Сталиным и др. При этом априорно признавалось подчиненное положение матросов по отношению к руководящим большевистским органам. Это, с одной стороны, умаляло сдерживающую роль большевиков в июльских событиях. С другой — умаляло значение кронштадтцев как выразителей настроений народных низов в 1917 г., не позволяло адекватно оценивать их роль в июльской демонстрации. Матросы же в июльских событиях, по мнению П.Н. Милюкова, были «зачинщиками движения», по мнению В.И. Ленина — наряду с казаками «две главные и особенно ясные группы», по мнению Н.Н. Суханова — «главной — не только технической, но, можно сказать, политической силой».

Итак, в конце июня 1917 года, когда до Петрограда дошли известия о провале наступления, там начались волнения. Что касается военного министра Временного правительства Керенского, то он как раз перед начавшимися событиями выехал на фронт.

Первым взбунтовались солдаты 1-го пулеметного полка, не желавшие своей отправки на фронт, а желавшие оставаться в тыловом Питере. На самом деле «полк» насчитывал более одиннадцати тысяч

солдат, и являлся учебным депо по формированию маршевых рот и пулеметных команд для фронта. Однако начиная с февраля никто из солдат идти на фронт не желал, поэтому численность полка постепенно достигла 12 тысяч человек, проводящих время в безделье, пьянках и слушании бесконечных агитаторов. К большевикам «пулеметчики» относились нейтрально, так как вообще особо в революцию не лезли, желая лишь отсидеться в теплых казармах до окончания войны. В реальности пулеметный полк представлял собой огромную вооруженную банду, которая являлась для правительства такой же головной болью, как и Центробалт. Усугубляло ситуацию и то, что квартировал полк на Выборгской стороне, где располагались заводы и рабочие районы. К июлю месяцу Выборгская сторона, по примеру Кронштадта, стала почти суверенной республикой, не подчиняющейся центральному правительству. Представители власти туда старались лишний раз не показываться.

Одновременно с анархизирующими «пулеметчиками» начались волнения и на заводах, где рабочие под влиянием большевиков и левых эсеров выдвинули уже политические требования немедленной отставки Временного правительства, передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира. Выступления рабочих были, разумеется, немедленно поддержан всегда враждебным правительству Центробалтом.

Тем временем левые партии усиленно раскачивали ситуацию, стремясь к ее дестабилизации. Конкретных планов, что делать дальше, у них пока не было. Именно в это время В.И. Ленин сказал свою крылатую фразу о том, что главное — ввязаться в драку, а там уже по ходу дела разберемся, что к чему. Так как большевики были еще крайне слабы для самостоятельного выступления, поэтому пока они решили объединить под антиправительственными лозунгами всех недовольных и посмотреть, что из этого может получиться. Именно этим и объясняется двойственная позиция РСДРП(б) в июле 1917 года. Что же касается левых эсеров, то в тот момент они все еще занимались внутрипартийной борьбой со своими пришедшими во власть правыми коллегами и только-только вырабатывали самостоятельную политическую программу. Не дремали и анархисты,

организовавшие штаб на даче Дурново, вблизи металлического завода и завода Промет. Помимо старых идейных анархистов там крутилось большое количество и новообращенных, среди которых преобладали матросы.

Между большевиками, левыми эсерами и анархистами шла настоящая драка за воинские части Питера. Однако никто из них серьезного перевеса над конкурентами так и не добился.

ЦК партии большевиков считал, что настала пора напомнить обществу о своем существовании, т.к. авторитет их среди народных масс оставлял желать лучшего. Так, на состоявшемся в июне I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов подавляющее большинство получили эсеры и меньшевики, а большевики потеряли даже то влияние, которое имели до съезда. Более того, делегаты дружно отвергли курс большевиков на прекращение войны и уничтожение системы «двоевластия» (правительство — Советы). Отказался съезд проводить и массовую антиправительственную демонстрацию, которую пытался организовать В.И. Ленин. Обозленный Ильич в злости обозвал делегатов «соглашателями»; впрочем, что ему еще оставалось...

Наряду с борьбой за «пулеметчиков» борьба шла и за недалекий Кронштадт, который также мог оказать реальное влияние на расклад сил в случае вооруженного противостояния. К июлю в Кронштадте первенствовали анархисты. Большевики занимали вторую позицию по популярности, но в затылок им уже горячо дышали левые эсеры. Большевиков в Кронштадте представляли Ф.Ф. Раскольников и С.Г. Рошаль. Выбор этот был, прямо скажем, не слишком удачным, так как первый был недоучившимся мичманом, и матросы относились к нему с подозрением, а второй был вообще случайным недоучившимся студентом, да к тому же еще и евреем. Но других кадров в это время у Ленина просто не было. Единственным более-менее авторитетом для матросов на тот момент являлась Александра Коллонтай, но она, «приручив» Дыбенко, окучивала Гельсингфорс и Центробалт, и на Кронштадт просто не могла разорваться.

Именно тогда состоялась и первая встреча П.Е. Дыбенко с В.И. Лениным. Вот как описал ее сам Дыбенко: «Пробираюсь из

комнаты в комнату (речь идет об особняке Кшесинской. — В.Ш.), спрашиваю, можно ли Ленина видеть.

— А вы кто такой? — Я председатель Центробалта!

Стою, расспрашиваю. Из соседней комнаты выходит человек средних лет, среднего роста, внимательные, с усмешкой глаза.

— Это Ленин.

Подхожу к нему.

— Разрешите получить от вас кое-какие указания и информацию для нашей работы, а то много ходят слухов о готовящемся вооруженном выступлении.

Говорю, кто я; деловито, коротко обмениваемся парой фраз. От Ленина узнал, что никакого выступления не готовится, предполагается демонстрация.

— Уж тут следите сами, — сказал Ленин. — Но, смотрите, не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Как бы чего не вышло...»

Если верить Павлу Ефимовичу на слово, то с Лениным он разговаривает на равных («...деловито, коротко обмениваемся парой фраз...»). По существу, Дыбенко интересовался у Ленина, не пора ли братья за оружие и убивать министров-капиталистов. Ленин просит его этого не делать, причем просит ласково и даже несколько заискивающе («...не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите...»). Финал беседы Дыбенко с Лениным вообще потрясающе неуважением председателя Центробалта к лидеру большевиков. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что фраза «как бы чего не вышло», — это слова учителя Беликова из рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре», которые обычно цитируются, как определение трусости и паникерства. Вот так, не больше и не меньше! И дело даже не в том, говорил или не говорил эту фразу Ленин в действительности. Дело в том, как ее подал в своих мемуарах Павел Ефимович. Из-за этой финальной фразы Ленин в воспоминаниях Дыбенко однозначно предстает трусоватым слабаком, сам же он — мужественным и решительным революционером.

Тем временем в Петрограде, вопреки решениям съезда Советов, прошли массовые демонстрации, возглавляемые обиженными

на власть анархистами и большевиками под лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!»).

Один из редакторов «Солдатской правды», А.Ф. Ильин (Женевский), вспоминал, что в Кронштадте на митингах, предшествовавших июльским событиям, не раз раздавались упреки в том, что «большевицкие вожди» трусят и не хотят свергать Временное правительство. Ф.Ф. Раскольников в воспоминаниях приводит слова члена ЦК Каменева, скептически настроенного тогда по отношению к восстанию: «От Петербургского гарнизона трудно ожидать боевой решимости и готовности победить или умереть. При первых критических обстоятельствах солдаты нас бросят и разбегутся».

3 июля в Кронштадтский Совет прибыли представители от пулеметчиков и моряков столицы. Возглавляла делегацию известная анархистка М.Г. Никифорова. Еще в дни «Кронштадтского инцидента», 28 мая, в знак солидарности с кронштадтцами полк в полном составе прошел по улицам столицы. В Кронштадт делегаты пулеметчиков прибыли вечером 3 июля. Не найдя поддержки в Кронштадтском Совете, они явились на проходившую в это время лекцию Х.З. Ярчука в Сухопутном манеже. Там им сравнительно легко удалось «зажечь» матросскую аудиторию, в результате чего был создан митинг кронштадтцев на Якорной площади. На митинг на Якорной площади собрались тысячи вооруженных матросов, солдат и рабочих. Рассказав о положении в Петрограде, они призвали кронштадтцев выступить вместе с ними с оружием в руках против Временного правительства. Руководители Совета ответили, что будут ждать указаний Центрального Комитета партии. Неудовлетворенные ответом, представители обратились непосредственно к матросам, собравшимся в Манеже на лекцию. Они просили оказать помощь будто бы уже выступившим питерским рабочим. Это сообщение быстро разнеслось по Кронштадту. Собравшийся митинг продолжался несколько часов. Всюду слышались возгласы: «К оружию!», «В Петроград!», «На помощь

питерским рабочим!». Несмотря на все попытки членов исполкома Кронштадтского Совета удержать массы от выступления, митинг единодушно принял решение поддержать братьев-пулеметчиков. Решающую роль сыграли доводы делегата 1-го пулеметного полка о том, что «кронштадтцы постоянно шли в авангарде революции и постоянно были первыми...», а также матроса Машинной школы большевика Ф. Громова о том, что «иначе нас могут принять за изменников». То, что Ф. Громов числился большевиком, а выступал за анархистов, было обычным делом, так как некоторые матросы записывались сразу в несколько партий. На основании поступивших от ЦК партии указаний исполком Совета решил принять участие в мирной демонстрации в столице.

С большим трудом Ф. Раскольникову, бывшему тогда зампредела Совета, и другим исполкомовцам удалось уговорить собравшихся подождать хотя бы до утра и вначале не ломиться в столицу толпой, а отправить делегацию для выяснения обстановки. При этом следует учитывать, что в своих воспоминаниях Ф.Ф. Раскольников стремился преуменьшить свою роль в провоцировании выступления кронштадтцев и преувеличить свою сдерживающую роль.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Когда Семен (С.Г. Рошаль. — *В.Ш.*) со свойственной ему резкостью и прямоотой высказался против демонстрации по причинам ее несвоевременности и стал горячо призывать к воздержанию от участия в ней, то тысячи голосов закричали “долой” и подняли такой шум и свист, что моему бедному другу пришлось сойти с трибуны, даже не закончив своей речи... Брушвит (левый эсер) поднялся на трибуну, чтобы развить ту самую точку зрения, которой придерживались и мы. Он тоже был против демонстрации. Но едва аудитория поняла его намерения, как она тотчас устроила ему такую же неприязненную демонстрацию, как тов. Рошалю, и буквально не дала говорить. После него выступали какие-то неведомые товарищи, никогда прежде не бравшие слова. Они произносили зажигательные речи и предлагали немедленно отправиться в казармы, захватить оружие и затем идти на пристань, овладеть всеми наличными пароходами и двинуться в Питер. “Время

не терпит», — настаивали они. Атмосфера Якорной площади накалялась все больше и больше...»

Ф.Ф. Раскольников, как он пишет, позвонил Г.Е. Зиновьеву в Таврический дворец, заявив, что «вопрос стоит не так: выступать, или не выступать, а в другой плоскости: будет ли проведено выступление под нашим руководством или оно разыграется без участия нашей партии — стихийно и неорганизованно». Г.Е. Зиновьев попросил подождать несколько минут. Во дворце Кшесинской лихорадочно совещались что делать. Но выбор был невелик. Затем Зиновьев сообщил, что «ЦК решил принять участие в завтрашнем выступлении и превратить его в мирную организованную демонстрацию». После этого и неформальный лидер левых эсеров в Кронштадте матрос Б. Донской, позвонив своим партийным лидерам в Таврический дворец. Подумав, ЦК партии левых эсеров также принял решение об участии в демонстрации.

Свидетельство Ф.Ф. Раскольникова о том, что ЦК большевиков принял решение об участии в выступлении под влиянием решения кронштадтцев, лишней раз говорит о матросах как о самостоятельной политической силе. Хотя, очевидно, к этому моменту и сам большевистский ЦК уже в значительной степени «созрел» для такого решения из-за давления рабочих депутатий и сепаратных действий в этом направлении своей Военной организации во дворце Кшесинской.

В Кронштадте была создана организационная комиссия по руководству демонстрацией. Чтобы не остаться вне процесса, Раскольникову и Рошалю пришлось войти в ее состав. Остальные семь членов комиссии были эсерами и анархистами.

Одновременно в Питере Зиновьев требовал от Петроградского Совета взять всю полноту власти в свои руки, стремясь столкнуть, таким образом, Совет с правительством. Члены Совета были тоже не лыком шиты и в ответ потребовали от большевиков, чтобы те помогли остановить «бузу» пулеметного полка. Окончательно разругавшись, стороны так ни к чему и не пришли. Тогда большевики, уединившись, наскоро избрали некое «Бюро рабочей секции», от имени которого объявили, что Временное правительство

должно быть свергнуто. Решено было перехватить инициативу у конкурентов-анархистов, для чего на следующий день самим поднять вооруженный мятеж, двинуть на Таврический дворец и разогнать упрямцев из Петроградского Совета, доизбрать новых членов, после чего уже от их имени объявить о передаче верховной власти Советам и назначении нового правительства.

Однако сохранить в тайне свои планы большевикам не удалось, и командующий войсками округа генерал П.А. Половцов вызвал к штабу округа и Зимнему дворцу казаков и верные правительству пехотные части.

Между тем большевики собрали совещание ЦК. Известие о введении в столицу верных правительству войск сразу поубавило их пыл. В результате чего большинством голосов было решено отказать от вооруженной демонстрации. Впоследствии на это ссылались советские историки, как на доказательство непричастности партии ко всем последующим событиям. Однако решение решением, а машина мятежа была уже запущена.

Первыми, как и следовало ожидать, поднялись «пулеметчики». Вечером они были уже у дворца Кшесинской. Около 11 часов вечера, когда «пулеметчики» проходили мимо Гостиного двора, впереди раздался взрыв гранаты и началась стрельба. Солдаты открыли ответный огонь. Появились убитые и раненые. К полуночи возглавляемые анархистами толпы заполнили улицы вокруг Таврического дворца. Петроградский Совет был взят в осаду. Теперь, если бы большевики решились на столь явный захват Совета, то Совет совместно с правительством вполне легитимно могли арестовать большевиков, как врагов революционного государства. С другой стороны, если бы народ вышел на улицы и был бы подкреплён солдатами и матросами, появился бы шанс на самостоятельный захват власти.

Большевики все время лихорадочно совещались, решая, как выйти с наименьшими потерями из создавшейся ситуации. После полуночи у Таврического дворца было уже более 30 тысяч человек. А позвонивший из Кронштадта Раскольников сообщил, что вооруженные матросы во главе с анархистами уже грузятся на плавсредства и к утру тоже будут в столице. Только после этого ЦК решился

на участие в «вооруженной демонстрации». По существу, это было решением о вооруженном захвате власти. Одновременно был отправлен посланец за В.И. Лениным в Финляндию, где тот прятался от властей.

Из набора газеты «Правды» было срочно изъято обращение ЦК с призывом к сдерживанию масс, и на следующее утро газета вышла с белой «дырой» в тексте. Сам В.И. Ленин позднее объяснял, что решение принять участие в вооруженной демонстрации было сделано исключительно «для того, чтобы придать ему мирный и организованный характер». Но поверить в это сложно.

Утром 4 июля около десяти тысяч вооруженных кронштадтцев, пройдя на вспомогательных судах Морским каналом и устьем Невы, высадились на пристани Васильевского острова и Английской набережной. С этого момента уже именно матросы начали играть ведущую роль во всех происходящих в столице событиях.

Матросы действительно горели желанием драться за власть, но им нужны были политические руководители. Поэтому матросская колонна, направляясь к Таврическому дворцу, двинулась сначала к зданию ЦК РСДРП(б), располагавшегося во дворце Кшесинской. Для большевиков настал момент истины: подтвердить свои прежние призывы на право являться политическим руководителем кронштадтцев и возглавить матросское восстание или же «уйти в тину». Что касается В.И. Ленина, то он, понимая всю импровизацию происходящего, был против мятежа матросов. По этой причине никакого желания встречаться с кронштадтцами у него не было. Матросы же, наоборот, жаждали услышать от главного большевика «самую» революционную речь и призывы к немедленному захвату власти. Многим было просто интересно посмотреть на живого Ленина, который, в отличие от всех других партийных лидеров, так ни разу и не удосужился побывать в «российской революционной Мекке» — Кронштадте.

Между тем стройными рядами, в организованном порядке, под звуки военного оркестра тысячи кронштадтцев уже шли по

набережной Невы. По воспоминаниям Ф.Ф. Раскольников, к нему подбежал большевик матрос Флеровский и сообщил маршрут дальнейшего шествия матросов. «Мы, прежде всего, должны были идти к дому Кшесинской, где тогда сосредотачивались все наши партийные учреждения». Пройдя по университетской набережной, Биржевому мосту, матросы перешли на Петербургскую сторону и, миновав Александровский парк, прибыли к большевистскому штабу в особняке Кшесинской. С балкона особняка Кшесинской перед демонстрантами выступали большевистские ораторы, в том числе Я.М. Свердлов и А.В. Луначарский. Свердлов призывал демонстрантов требовать «изгнания министров-капиталистов из правительства» и передачи власти Советам, т.е. фактически призывал к свержению власти. Одновременно в городе начались грабежи и погромы.

Под анархистскими лозунгами «Долой Временное правительство!», «Безвластие и самоустройство» «вооруженная демонстрация» (численностью, по разным оценкам, от нескольких десятков до пятисот тысяч человек) двинулась к Таврическому дворцу. Во главе ее шли матросы с винтовками. «Красный мичман» Ф.Ф. Раскольников впоследствии заявил на допросе следователю Временного правительства, что оружие было взято демонстрантами «для защиты от контрреволюции». Однако по пути к Таврическому дворцу матросы решили завернуть к дворцу Кшесинской и послушать лидера большевиков В.И. Ленина, о котором много слышали.

Оповещенный о приближении огромной толпы возбужденных и вооруженных матросов, и не видя иного выхода для себя, в сложившейся ситуации, Ильич решил от греха подальше ...просто спрятаться. Но отсидеться в темном углу не получилось. Группа матросов разыскала Ленина во дворце и, несмотря на все его доводы о «болезни», фактически силой вытащила на балкон дворца. В своей путаной и скомканной речи В.И. Ленин сказал то, что только и можно было сказать в данной обстановке. Вначале он патетически поприветствовал матросов, потом выразил уверенность в том, что «наш лозунг “вся власть Советам”» рано или поздно победит, и, наконец, призвал матросов к выдержке, стойкости и бдительности. Последние слова Ленина потонули в свисте и площадной ругани.

Матросы кричали: «Довольно, товарищ, кормить нас одними только словами...», «Не то говоришь, старик!», «Давай, лысый, уходи на пенсию, без тебя разберемся!» Долгожданная первая встреча большевистского вождя с революционными матросами явно была сорвана. Думается, что вид полупьяной взбудораженной матросской массы произвел на Ленина неизгладимое впечатление. Более того, отныне до конца своих дней Ленин будет бояться матросской стихии, а потому будет предпринимать все силы для ее обуздания, когда в этом у большевиков будет острая нужда, и предпринимать все для ее уничтожения, когда у большевиков нужды в матросах не будет.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников, максимально смягчая ситуацию, писал: «Хотя кронштадтцы спешили к Таврическому дворцу, но, узнав, что здесь находится тов. Ленин, они стали настойчиво требовать его появления. Вместе с группой товарищей я отправился внутрь дома Кшесинской. Разыскав Владимира Ильича, мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье (?!), но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице (!!), он уступил и согласился».

Историк М.А. Елизаров пишет: «Долгожданная первая встреча вождя со своим стратегическим союзником по революции, кронштадтцами, стала далекой от взаимных восторгов. Но ценой испорченных отношений пыл кронштадтцев был остужен».

...Освистав Ленина, разобиженные матросы двинулись дальше к Таврическому дворцу. Сразу же в колонне начались разборки между участвовавшими в демонстрации большевиками и левыми эсерами. Последние обвинили большевиков в предательстве и покинули колонну. Потихоньку начали отставать и большевики. После этого матросскую колонну под черным знаменем возглавили вооруженные с ног до головы матросы-анархисты, которые прибыли из Кронштадта на отдельном буксире.

Назвать демонстрацию матросов и примкнувших к ним солдат и рабочих мирной было достаточно сложно, так как сторонники

левых партий вышли на нее вооруженными. Это была самая настоящая демонстрация силы и явная провокация по отношению к властям. Особенно воинственно вели себя анархисты.

Когда колонна двинулась по Литейному проспекту, раздались провокационные выстрелы. Три матроса были убиты, десяток ранен. В ответ матросы начали беспорядочно стрелять во все стороны. До сих пор остается тайной, кто первым пролил кровь. По словам историка В. Родионова, столкновения были спровоцированы большевиками, рассадившими на крышах своих стрелков, начавших пальбу из пулеметов по демонстрантам, при этом наибольший урон пулеметчики большевиков нанесли как казакам, так и демонстрантам. Историк А.Е. Рабинович же считает, что, скорее всего, в вооруженном столкновении в равной мере повинны «все — воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха». Думается, что второе мнение все же ближе к истине. После этого до дворца демонстранты дошли уже без всякого порядка «озлобленной, нервной толпой». Любопытно, что именно в это время кто-то атаковал здание контрразведки на Воскресенской набережной. В итоге здание было разгромлено, уничтожены многие досье. Случайностью это, разумеется, быть не могло. Выстрелы вызвали панику, началась бессмысленная пальба, в результате которой было убито и ранено несколько человек.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Равновесие толпы было нарушено. Всюду казался притаившийся враг. Одни продолжали идти по мостовой, другие перешли на тротуар. Винтовки уже не покоились мирно на левом плече, а были взяты наизготовку. Когда у открытых окон или на балконах появлялись группы людей, то туда тотчас же наводилось несколько дул с недвусмысленным приказанием “закрывать окна”. Буржуазно-обывательские квартиранты Литейного спешили убраться внутрь своих помещений и торопливо запирали двери и окна. Взволнованность и нервная настороженность массы не миновали даже тогда, когда мы свернули на тихую Фурштадтскую улицу. И здесь кронштадтцы продолжали требовать от любопытных, пачками высыпавших к окнам, тех же гарантий против нового напа-

дения». Если верить Раскольникову, то матросы-демонстранты шли по Петрограду, как по вражескому городу, держа наготове винтовки и ожидая нападения в любую минуту.

До Таврического дворца матросы дошли уже без всякого порядка «озлобленной, нервной толпой». Таврический дворец сразу же был фактически взят кронштадтцами в осаду, а вышедший к ним с призывами к выдержке «крестьянский министр» эсер В.М. Чернов был тут же арестован и едва не убит. Пытавшихся заступиться за министра членов ВЦИК били ногами.

При этом собравшаяся толпа никем не управлялась. Большевики, нагнав такое количество людей, просто не справились с их управлением. Организовать толпу пытался Троцкий, который кричал: «Товарищи кронштадтцы, краса и гордость русской революции!» Однако ситуация уже вышла из-под контроля, и его никто не слушал. Не смогли что-то реальное сделать и воинственные анархисты.

Появившемуся Л.Д. Троцкому каким-то образом удалось убедить матросов отпустить В.М. Чернова. Позднее очевидцы будут утверждать, что в те минуты Троцкий легко «мог бы стать во главе кронштадтцев и в пять минут, при их полном восторге, ликвидировать ВЦИК...»

Но долго оставаться в центре внимания матросов Троцкому и его ближайшему единомышленнику мичману Ф.Ф. Раскольникову не удалось. Появлением социалистов возмутились кронштадтские анархисты, которые призывали кронштадтцев идти освобождать находившегося в тюрьме популярного матроса-анархиста А.Г. Железнякова и громить редакции буржуазных газет. После этого матросская толпа начала дробиться. Часть матросов двинулась к «Крестам» освобождать Железнякова, часть осталась у Таврического дворца, часть вообще разошлась по центру Петрограда в поисках выпивки и легкой поживы. Вскоре матросы, во главе с анархистами, ворвались в тюрьму «Кресты», где освободили десяток своих сторонников, а заодно выпустили на свободу и несколько сотен уголовников, как «близких по духу». Те из матросов, кто предпочел заняться грабежами, позднее хвалились, что только за полдня успели ограбить в Петрограде до трехсот «буржуев».

Узнав по телефону о бесчинствах матросов в Таврическом дворце и в городе, командующий войсками военного округа генерал Половцов решил, что пора переходить к активным действиям.

Вскоре к Таврическому дворцу был подтянут верный правительству лейб-гвардии Волынский полк. Начались переговоры. Демонстранты выделили делегатов для переговоров с ВЦИКом. Рабочие требовали, чтобы ВЦИК немедленно взял всю власть в свои руки. Лидеры меньшевиков и эсеров пообещали через две недели созвать новый Всероссийский съезд Советов и передать всю власть ему.

Преподавательства закончились несколькими холостыми орудийными выстрелами. Этого оказалось достаточно, чтобы вся огромная толпа бросилась бежать в разные стороны. Матросы тоже не стали исключением. Большая часть из них, собравшись у своих плавсредств, решила, что на этом их революционная миссия в Петрограде закончена и пора возвращаться обратно в Кронштадт. Но покинули столицу далеко не все.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Наши оппоненты недоумевали: как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть. Возражали исключительно анархисты и беспартийные».

Еще с июня 1917 года популярность у матросов начали быстро набирать анархисты. Уже в первый день июльского путча отряд вооруженных анархистов в количестве 50 человек (большую часть которых составляли матросы) во главе с секретарем Федерации петроградских анархистов И.С. Блейхманом занял помещение редакции газеты «Русская воля», поставив у ворот караулы и пулемет. При этом редактор газеты И.С. Блейхман заявил, что отряд будет занимать помещение редакции до тех пор, пока «представители социалистических партий не выскажутся о дальнейшей судьбе этого предприятия». Анархисты отпечатали в типографии воззвание к рабочим Петрограда, в котором заявили, что «решили вернуть народу его достояние и поэтому конфисковали типографию “Русской воли” для нужд социализма, анархии и революции». Министр юстиции

Временного правительства П.Н. Переверзев отдал приказ об их аресте. Во главе с командиром Петроградского военного округа генерал-лейтенантом П.А. Половцовым к типографии были посланы войска. На переговоры с анархистами приехали члены Исполкома Петроградского Совета Гоц, Анисимов, Каменев. В результате переговоров анархисты согласились освободить помещение и сдать оружие, если им будет обеспечена личная неприкосновенность. После этого анархисты покинули редакцию газеты.

В ответ на эту провокацию Временное правительство решило выселить анархистов с дачи бывшего генерала Дурново (на Выборгской набережной), где они организовали свою штаб-квартиру. При этом власти не учли, что помимо анархистов дачу занимали различные рабочие организации. К тому же сад при даче являлся местом отдыха населения Выборгской стороны, поэтому первая попытка выселить анархистов с дачи была встречена в штыки рабочими района. 8 июня забастовали 28 заводов с 15 тысячами рабочих. Политическая ситуация в Петрограде накалилась до предела.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией в своих интересах, анархисты 9 июня организовали на даче Дурново конференцию представителей 95 заводов и воинских частей. 10 июня анархистский «Временный революционный комитет» сумел привлечь на свои совещания делегатов уже от 150 заводов и воинских частей. Не сумев провести самостоятельно демонстрацию, анархисты Выборгской стороны приняли участие в 500-тысячной демонстрации, состоявшейся в столице и прошедшей в основном под большевистскими лозунгами. В колонне населения Выборгской стороны анархисты несли свое традиционное черное знамя с надписью «Смерть тиранам!» К тому же в период проведения демонстрации группа анархистов во главе с Блейхманом, Асиным и Жуком ворвались в тюрьму «Кресты» и освободил из тюрьмы семь арестованных анархистов. После этого Временное правительство перешло к решительным действиям.

На дачу Дурново прибыл министр юстиции Временного правительства П.Н. Переверзев и командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцов, в сопровождении сотни казаков,

батальона пехоты и броневика с требованием о выдаче освобожденных из тюрьмы. Среди окруженных на даче Дурново анархистов оказался известный на Балтике матрос-анархист А.Г. Железняков с отрядом матросов, дожидаясь утреннего катера в Кронштадт. После получения отказа о сдаче дача была взята штурмом. Один из анархистов (вор-рецидивист Аснин) был убит, а 59 человек (в том числе и все матросы) были арестованы. Из воспоминаний очевидца: «Один из солдат приоткрыл дверь в комнату, где находились Железняков и Аснин, и, просунув в образовавшееся отверстие винтовку, стал требовать сдачи. Железняков схватил одной рукой дуло винтовки, а другой начал бросать через дверь бомбы, которые, однако, не разрывались. Железняков, схватившись за дуло винтовки, потянул ее к себе. Случился выстрел. Пуля попала в Аснина, который упал, убитый наповал... Фотографии с трупа Аснина производят гнетущее впечатление. На спине имеется татуировка такого циничного свойства, что криминалисты говорят о полной вероятности того, что убитый долго жил в среде уголовных преступников». Естественно, что не все из их числа были анархистами. Действия министра юстиции Временного правительства вызвали в Петрограде и его пригородах серию акций протеста и демонстраций. В результате этого спустя всего два дня дача Дурново снова была занята анархистами. Теперь ее охранял довольно большой отряд матросов, вооруженных не только стрелковым оружием, но и пулеметами. Что касается убитого уголовника-анархиста Аснина, то матросы-кронштадтцы устроили «борцу за идею» помпезные похороны с красными флагами, оркестрами и пламенными речами. Питерские рабочие поддержали «мучеников дачи Дурново» забастовками.

Бросавшего бомбы в казаков А.Г. Железняка арестовали и осудили на четырнадцать лет каторжных работ. Но на каторгу Железняков не пошел. Просидев месяца полтора в тюрьме, он бежал оттуда вместе с товарищем по заключению. Побег был совершен среди бела дня с неслыханной дерзостью. Петроградские газеты взхлеб писали об этом. Пока А.Г. Железняка разыскивали по

всем углам столицы, он перебрался в недостижимый для Временного правительства Кронштадт, достал себе подложные документы на имя матроса Викторского с корабля «Нарова» и отправился к соратникам-анархистам в Гельсингфорс. В те дни на Балтике не было человека популярнее, чем бомбист-анархист Железняков, тут же прозванный матросами Железняком.

Анархисты вообще были героями дня. Своей храбростью и бесшабашностью теперь именно они завоевывали все больше матросских сердец, что вызывало праведное негодование их конкурентов. На фоне противостояния с правительством росло и противостояние революционных партий в борьбе за авторитет среди матросов. Можно с полным основанием говорить, что именно действия анархистов и находившихся под их влиянием солдат и матросов Петроградского гарнизона и Кронштадта в июльские дни 1917 года стали первой попыткой революционных сил захватить власть в городе, свергнув Временное правительство.

Несколько утихомирив анархистов, правительство взялось и за большевиков, которые, как мы уже знаем, к этому времени захватили под свою резиденцию дворец балерины Кшесинской. Однако выгнать большевиков из апартаментов знаменитой балерины не удалось, они там засели намертво. Выбить можно было только штурмом, но на него у правительства сил в столице не имелось. Одновременно кто-то распустил слух, что Временное правительство якобы вызывает с фронта 20 тысяч казаков для наведения порядка в столице. Этим воспользовались матросы-анархисты, которые бросились к «пулеметчикам» с криком, что казаки идут в Питер, для того, чтобы заставить «пулеметчиков» ехать на фронт. «Пулеметчикам» такая перспектива не улыбалась, и они заволновались. Буквально на следующий день анархисты уже фактически контролировали пулеметный полк. В данном случае большевики оказались не на высоте, так как конкретные призывы анархистов пришлись солдатам по душе больше, чем теоретические рассуждения с солдатами о будущей земле и мире.

Почувствовав поддержку ВЦИК, Временное правительство потребовало от командующего Балтийским флотом не допустить прихода революционных кораблей в Петроград, вплоть до потопления их подводными лодками, а также вызвать надежные миноносцы для действий против кронштадтцев.

3 июня помощник военного министра капитан 1-го ранга Дудоров прислал на имя командующего Балтийским флотом телеграмму следующего содержания: «Временное правительство по соглашению с Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог идти в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременную позицию».

По воспоминаниям П.Е. Дыбенко, помимо этой телеграммы, на имя командующего флотом и состоявшего при нем комиссара Временного правительства Оникко был получен ряд секретных распоряжений и инструкций в зашифрованном виде, которые в первый момент были скрыты от Центробалта. Он пишет: «Права Центробалта были нарушены, и Центробалт... 3 июля арестовал комиссара Оникко и назначил при командующем флотом, в связь, минную оборону и на отряд подводных лодок своих комиссаров». Фактически это был политический переворот, так как отныне вся деятельность командующего уже не декларированно, а фактически находилась под контролем Центробалта.

Вслед за первой телеграммой Дудорова в Гельсингфорсе была получена и другая: «С. Секретно. Комфлоту Вердеревскому. Временное правительство по соглашению с Исполнительным комитетом приказывает немедленно прислать “Победитель”, “Забияку”, “Гром”, “Орфей” (эсминцы Балтийского флота. — В.Ш.) в Петроград, где им войти в Неву. Идти полным ходом. Посылку пока держать в секрете. Если кто из миноносцев не может быстро выйти, не задерживать других. Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне. Временно возлагает... и если потребуется противодействие прибы-

вающим кронштадтцам. Если, по вашим соображениям, указанные миноносцы прислать невозможно совершенно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным».

В тот же день Д.Н. Вердеревский обсудил создавшееся положение с членами Центробалта Н.А. Ховриным и А.С. Штаревым, причем командующий настаивал на том, чтобы секретные телеграммы не оглашать, но сообщить об их содержании. Н.А. Ховрин и А.С. Штарев утверждали, что матросы очень волнуются по поводу любых зашифрованных телеграмм, поэтому их следует огласить, что и было сделано.

Распоряжение Временного правительства резко взвинтило и без того накаленную обстановку в Гельсингфорсе. Еще бы, ведь даже куда более «лояльные» распоряжения Временного правительства встречались матросами с протестами, доходящими до анархических действий. А тут министры-капиталисты призывают к убийству братьев-кронштадтцев!

Временное правительство не зря рассчитывало на команды эсминцев, которые традиционно отличались более правыми настроениями, чем экипажи линейных кораблей и береговых команд. Из воспоминаний капитана 1-го ранга Г.К. Графа: «На 1-м съезде Балтийского флота (25 мая — 15 июня 1917 г.) представители Кронштадта требовали введения мер демократизации, самочинно проведенных ими в Кронштадте: уничтожения кают-компаний и передачи их в пользование матросов, уничтожения чинов и, наконец, уничтожения должности командующего флотом. Только благодаря представителям Минной дивизии, бригады крейсеров и влиянию самого командующего флотом удалось отклонить эти пожелания». Большевик Ф.Ф. Раскольников полностью солидаризовался с монархистом Г.К. Графом в оценке политического состояния Минной дивизии: «Наиболее отсталой считалась минная дивизия, где политическая работа велась крайне слабо, а немногочисленный личный состав находился под сугубым, можно сказать, исключительным влиянием офицерства».

На экстренном заседании Центробалта было решено созвать пленарное заседание совместно с судовыми комитетами, объявить

всему флоту о провокации Временного правительства, поставить вопрос о немедленной передаче власти Советам, а также о посылке делегации от кораблей с требованием ареста Дудорова и Лебедева.

Боясь повторения самосудов над офицерами, контр-адмирал Д.Н. Вердеревский принял решение не исполнять указаний правительства, о чем и сообщил на заседании Центробалта тем же вечером 4 июля. Д.Н. Вердеревский телеграфировал в Петроград: «Приказания исполнить не могу. Если настаиваете, укажите, кому сдать флот». Но, несмотря на заявление Д.Н. Вердеревского, обстановка на заседании сразу накалилась. От представителей судовых комитетов, присутствовавших на заседании, выдвигалось предложение двинуть на Петроград сразу весь флот и разогнать Временное правительство ко всем чертям. По мере того, как страсти немного поутихли, по решению Центробалта и исполкома Гельсингфорского Совета совместно с представителями судовых комитетов было решено на эсминце «Орфей» отправить в Петроград флотскую делегацию для предъявления в ЦИК политических требований матросов.

П.Е. Дыбенко вспоминал: «Гельсингфорский Совет 4 июля с утра до позднего вечера искал формулы компромиссного решения об отношении к Временному правительству. Перед ним стояла неразрешимая задача: меньшевистское и эсеровское болото, составлявшее большинство совета, обязано было, с одной стороны, настаивать на вынесении решения полного доверия и поддержки Временному правительству, а с другой стороны — вся матросская и солдатская масса требовала передачи полноты власти Советам. К вечеру незначительным большинством Совета была принята резолюция, порицавшая тех, кто выступит для участия в демонстрации с оружием в руках. Такое решение вызвало возмущение присутствовавших членов Центробалта и представителей судовых комитетов. Представители Центробалта заявили, что они решили послать корабли в Петроград, не только не по приказу Временного правительства — для борьбы с кронштадтцами, а для поддержки последних, причем было заявлено, что решение о посылке судов принято на дневном заседании Центробалта. Заявление членов Центробалта произвело

ошеломляющее впечатление на всех присутствовавших меньшевиков и эсеров. Дальнейшее заседание Гельсингфорского Совета было прервано, и все присутствующие на заседании направились на «Полярную звезду» для участия в открывающемся заседании Центробалта совместно с судовыми комитетами. В течение 4 июля вследствие нерешительности и растерянности местных гражданских властей в городе царило полное безвластие. Центробалт вынужден был во избежание эксцессов выслать вооруженные патрули. К вечеру на всех судах и в пехотных частях царило весьма возбужденное настроение: требовали посылки в Петроград на помощь петроградским рабочим и кронштадтцам кораблей в целях предъявления требований о передаче власти Всероссийскому Съезду Советов, а также ареста Лебедева и Дудорова. В 19 часов 30 минут на «Полярной звезде» Центробалт открывает пленарное заседание совместно с судовыми комитетами и представителями от всех воинских частей и Гельсингфорского Совета. Большевики пытались вести перед заседанием агитацию среди собравшихся матросов, но тут же были удалены самими матросами. Исход заседания был предreshен. На повестке дня стоял один вопрос: о передаче власти Советам. На заседание был приглашен командующий Балтийским флотом, которому перед основным докладом было предоставлено слово для оглашения полученных телеграмм и распоряжений за подписью Дудорова и Лебедева. После оглашения телеграмм и отказа командующего выполнить распоряжения Временного правительства собранием была принята единогласно при одном воздержавшемся резолюция Центробалта. На этом же собрании была избрана делегация, которая, получив резолюцию и наказ, отправилась на четырех миноносцах в Петроград».

Утром 5 июля к «Полярной звезде» подошли «Победитель», «Забияка», «Гром» и «Орфей». На них пересела делегация во главе с матросами Н.А. Ховриным и Н.Ф. Измайловым. Именно они должны были возглавить всех матросов в Петрограде и вершить дела так, как желал Центробалт, игнорируя представителей всех партий. С развешиваемися красными знаменами миноносцы вышли из гавани. С кораблей их провожали криками «ура». Все были уверены в пол-

ном успехе предприятия. В течение суток все в Гельсингфорсе с напряжением ждали ответа от посланной делегации. Поздно вечером были получены разноречивые сведения, которые поставили в тупик Центробалт. Стало известно о демонстрации и перестрелках с казаками и юнкерами, а также о возвращении всех кронштадтцев обратно к себе на остров. Поэтому через день в Петроград для выяснения политической ситуации в столице и руководства оставшимися в Питере матросами из Гельсингфорса отправилась и вторая делегация на эсминце «Громящем» во главе с матросом П.Е. Дыбенко. Требования, выработанные на объединенных заседаниях Центробалта совместно с судовыми комитетами, содержали следующие требования: немедленную передачу власти Советам, арест помощника морского министра Б.П. Дудорова (санкционировавшего приказ об использовании подводных лодок против кронштадцев), постановление комиссару Временного правительства в Гельсингфорсе немедленно покинуть свой пост и т.п. По воспоминаниям члена Центробалта матроса П.Д. Чудакова, требования отправляемых из Гельсингфорса делегаций подкреплялись следующего содержания: «Если что, то будут разговаривать пушки». И хотя по прибытии делегаций в Петроград обнаружилось, что обстановка в столице к этому времени полностью изменилась в пользу Временного правительства, все же вечером 5 июля на объединенном заседании ВЦИК и исполкома Совета крестьянских депутатов (совместно с представителями кронштадтцев, прибывших для согласования условий эвакуации оставшихся матросов из столицы) руководители делегации, прибывшей на «Орфее», полностью зачитали требования матросов. На следующий же день, 6 июля, члены обеих делегации были арестованы Временным правительством в полном составе.

Тем временем в Петрограде после завершения июльской демонстрации у кронштадтцев произошел сбой. Значительная часть из них не понимала, что определившийся перевес сил на стороне правительства требует отступления для сохранения революционного потенциала. Вечером 4 июля и в первой половине дня 5 июля не-

которые группы из оставшихся кронштадтцев участвовали в перестрелках с казаками и юнкерами. Когда днем 5 июля было принято решение о возвращении всех кронштадтцев, основная масса моряков подчинилась этому решению.

Из тех матросов, что остались в Петрограде, наиболее серьезной силой являлся двухтысячный отряд, оставленный для охраны дворца Кшесинской (комендантом дворца был назначен Ф.Ф. Раскольников, считавший, что сложившиеся условия позволяют вести вооруженную борьбу с «контрреволюцией»). На самом деле большевики упростили матросов прикрыть их от возможной атаки правительственных войск. На самом деле правительство вовсе не собиралось атаковать дворец, а матросы, как сразу же выяснилось, вовсе не горели желанием проливать кровь за большевиков. К этому времени все находившиеся в столице кронштадтские плавсредства ушли и матросы оказались в западне. Поэтому, боясь за свои жизни, разоружаться и сдаваться они тоже боялись. Чтобы убедить отряд безоговорочно капитулировать и сдать оружие, в район дворца Кшесинской были направлены войска Временного правительства. Кронштадтцы (около двух тысяч человек), бросив большевиков на произвол судьбы, перебрались из дворца в Петропавловскую крепость, намереваясь держать там оборону, и категорически отвергли предъявленные им ультиматумы о сдаче. Вместе с матросами в крепости собралась и часть солдат 1-го пулеметного полка. Кроме того, как вспоминает рабочий Выборгского района А.Д. Метелев, красногвардейцы и рабочие Выборгского района группами и в одиночку переправлялись на Петроградскую сторону с целью оказать вооруженную поддержку кронштадтцам.

К этому моменту стало понятно, что Временное правительство не собирается обстреливать из орудий и атаковать дворец Кшесинской, а лишь пытается выдворить из столицы матросов. Теперь и большевики были заинтересованы поскорее избавиться от соседства с непредсказуемыми и озлобленными матросами.

Уговорить кронштадтцев отказаться от вооруженного сопротивления удалось после прибытия к ним 6 июля представителя ВЦИК Б.О. Богданова и представителя ЦК РСДРП(б) И.В. Ста-

лина, которые дали матросам гарантии безопасности. Матросы были крайне озлоблены, но решили подчиниться. Жизни делегатов угрожала реальная опасность, и им пришлось проявить большое личное мужество. Однако эта важная страница жизни И.В. Сталина, так же как и выступление В.И. Ленина перед кронштадтцами 4 июля, по причине расхождения их речей с настроениями масс, замалчивались в последующем их биографами и мемуаристами.

Тем временем в Петроград на эскадренном миноносце «Орфей» прибыла делегация Центробалта во главе с матросами Н.А. Ховриным и Н.Ф. Измайловым. Они пытались успеть к решающим событиям, чтобы возглавить кронштадцев, но опоздали. Большая часть кронштадцев к этому времени уже покинула столицу, а последние вели переговоры о сдаче в Петропавловской крепости.

Разгневанные руководители Центробалта направились прямо в Таврический дворец с требованием созыва экстренного внеочередного заседания ВЦИК Советов. В случае отказа они пригрозили расправой. Ослушаться матросов никто не решился. Депутатов, однако, собрали лишь к вечеру, вел заседание меньшевик Н.С. Чхеидзе. Сразу же началась словесная перепалка. Меньшевик В.С. Войтинский обвинял матросов в измене Родине, те в ответ обвиняли его в измене делу революции. Н.А. Ховрин требовал от имени Центробалта и Гельсингфорсского Совета передать всю власть в стране Советам и немедленно арестовать помощника морского министра Дудорова, на которого у матросов «имелся большой зуб». Его выступление было освистано меньшевиками и эсерами. На этом Чхеидзе и закрыл заседание. Делегаты Центробалта остались ни с чем. Матросы вернулись на стоявший у Николаевского моста эсминец «Орфей». Но пока они думали, что же им делать дальше, утром были по решению правительства арестованы и отправлены в тюрьму «Кресты». Для привыкших к вседозволенности членов Центробалта это стало настоящим ударом.

Что касается большевиков, то они решили, что оставаться во дворце Кшесинской опасно, и сдались без единого выстрела. Большинство руководителей успели сбежать, но несколько были все

же арестованы. Что касается В.И. Ленина, то он, сменив к этому времени пять конспиративных квартир, вместе с Г.Е. Зиновьевым бежал в деревню Разлив в Финляндии. Из Разлива Ленин прислал указание снять лозунг «Вся власть Советам», т.к. те к этому времени полностью вышли из-под влияния большевиков.

В 15 часов 5 июля в Гельсингфорсе была получена еще одна телеграмма: «Временное правительство и Исполнительный Комитет указывают на недопустимое поведение частей Балтийского флота в лице береговых и судовых команд Кронштадта, арестовавших министра-социалиста Чернова, освобожденного только после настоячивых уговоров, исходивших от Троцкого, и выступивших против распоряжений органов всероссийской демократии, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, угрожая своими действиями революции и действуя против верных революции войск, чем был вызван ряд кровавых столкновений на улицах Петрограда. Дудоров».

Телеграмма первого помощника морского министра, а также отсутствие всяких известий от делегации Н.А. Ховрина взвинтило и без того накаленную до предела обстановку в Гельсингфорсе. Все обсуждали приказ первого помощника морского министра капитана 1-го ранга Б.П. Дудорова, вспомнили и о его предыдущей телеграмме, приказывающей торпедировать в случае необходимости революционные корабли подводными лодками. Даже куда более «лояльные» приказы Временного правительства встречались матросами с протестами, доходящими до анархических действий. Теперь же на руках у Центробалта имелись доказательства, что Временное правительство действительно замыслило уничтожить революционных моряков. Боясь повторения самосудов, подобных случившимся во время Февральской революции в Гельсингфорсе, контр-адмирал Д.Н. Вердеревский принял решение не исполнять указания Дудорова, о чем сообщил на заседании Центробалта. Но, несмотря на заявление Вердеревского, обстановка на заседании сразу накалилась. От представителей судовых комитетов, присутствовавших на заседании, выдвигались предложения: весь флот двинуть на Петроград и разогнать Временное правительство.

Телеграмма капитана 1-го ранга Б.П. Дудорова вызвала новый взрыв возмущения среди матросов. Пришло и известие и о том, что вместо ожидавшегося ареста помощника морского министра Б.П. Дудорова и только что назначенного управляющим Морским министерством России эсера В.И. Лебедева за провокацию против флота арестована первая посланная делегация. Гневу матросов не было предела. Самые горячие головы требовали немедленно двинуться всеми силами на Петроград и под угрозой открытия огня заставить правительство капитулировать.

В 5 часов вечера 5 июля судовые комитеты вновь потребовали созвать пленарное заседание совместно с Центробалтом. На этом заседании была принята следующая резолюция: «Центральный комитет Балтийского флота, собравшись 5 июля 1917 г. совместно с судовыми комитетами... постановил: вторично довести до сведения Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что нами будет признана только власть, выдвинутая из состава Всероссийского Съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поворота к прежнему быть не может. Мы напоминаем, что всякое промедление смерти подобно. Каждая минута безвластия наносит удар революции». Требования, выработанные на объединенных заседаниях Центробалта совместно с судовыми комитетами, содержали крайне радикальные требования: немедленную передачу власти Советам, арест капитана 1-го ранга Б.П. Дудорова, постановление комиссару Временного правительства в Гельсингфорсе немедленно покинуть свой пост и т.п. Это были минимальные требования, которые удовлетворяли матросов. Резолюция принята единогласно против одного. Голосовало «за» 246 человек.

По воспоминаниям члена Центробалта матроса П. Чудакова, требования отправляемых из Гельсингфорса делегаций подкреплялись телеграммами в Петроград такого примерно содержания: «Если что, то будут разговаривать пушки». Это был уже настоящий ультиматум. Впрочем, в Гельсингфорсе еще не знали, что ситуация в столице серьезно изменилась и ни о каких ультиматумах уже не может быть и речи.

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «После принятия этой резолюции в Центробалте решено было послать новую делегацию с двумя миноносцами. 6 июля на рассвете вышли еще два миноносца. Около 10 часов вечера мы проходили Кронштадт, а к 12 часам вошли в Неву. На прибывших за сутки до нас миноносцах в Петроград из команды никого не было. Точных сведений получить было неоткуда. Едва успели мы выйти на берег, чтобы направиться в Центрофлот для получения справок о местонахождении нашей первой делегации, нас плотным кольцом окружили юнкера, арестовали и повезли на грузовом автомобиле в Зимний дворец. Юнкера далеко не гуманно обошлись с нами при аресте: некоторых избивали прикладами, в том числе автора этих строк, угрожая тут же расстрелять как зачинщиков восстания во флоте. Около Зимнего дворца юнкера снова принялись избивать нас прикладами. В этот момент проходил министр “социалист” Церетели, к которому я обратился с вопросом:

— Что, господин министр, это по-демократически? Так народные министры расправляются с революционными моряками?

Церетели прошел мимо, не удостоив ответом, хотя лично знал меня. Вечером 6 июля я встретил многих знакомых моряков, но уже не в Центробалте, а в казематах “Крестов”».

Избитый юнкерами Дыбенко сорок пять дней после этого, до начала сентября, просидел 45 суток в петроградской тюрьме «Кресты».

Вслед за арестом обеих делегаций балтийцев, за невыполнение приказа был арестован командующий Балтийским флотом контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. 7 июля 1917 года А.Ф. Керенский издал «разгромный» приказ по армии и флоту, в котором обвинял Кронштадт, революционные корабли Балтийского флота в измене и предательстве, объявил о роспуске Центробалта и немедленном его переизбрании. Основанием для таких решительных мер в основном было воспрепятствование «изменниками» при посредстве Центробалта посылке «верных революции кораблей» для прекращения «предательских беспорядков кронштадтцев». На заседании Центробалта

совместно с представителями судовых комитетов этот приказ был расценен как попрание элементарных прав, как провокационный акт, такой же, как и вышеупомянутые телеграммы Б.П. Дудорова. Но собравшиеся решили учесть уроки предыдущей провокации. Они правомерно посчитали, что дать волю эмоциям неустойчивой части матросов — значит поддаться на провокацию, а это приведет к дополнительным арестам. На заседании некоторые представители судовых комитетов говорили: «...Если мы опубликуем этот приказ, то этот приказ приведет к гибели». По предложению большевиков заседание приняло решение: «...Принять меры немедленно к выяснению приказа... приказ ввиду его серьезности не опубликовывать».

Центробалт решил выполнить приказ А.Ф. Керенского о своем роспуске, о чем известил флот. В извещении о сложении полномочий говорилось: «Центральный Комитет просит всех сохранять спокойствие и никаких выступлений не делать, а приступить спокойно к выборам нового состава членов в ЦКБФ на прежних началах в срочном порядке». Левонастроенные члены Центробалта, в том числе и большевики, считали, что в условиях разгула «реакции» идти на открытое столкновение с Временным правительством не следует. Это могло привести к роспуску демократической организации моряков-балтийцев вообще. В сложившейся обстановке Центробалт нового созыва первоначально стоял на «соглашательских» позициях, был послушен командованию. Однако вскоре из-за неудач на фронте, экономических трудностей обстановка вновь, как известно, стала меняться в пользу большевиков. Они стали возвращать прежние позиции на флоте. Этому немало способствовало само Временное правительство по логике, подобной февральско-мартовским самосудам: начав судебное преследование большевиков за «мятеж 3—4 июля», оно, таким образом, убеждало матросов, что большевики в этих событиях были с ними. В результате под влиянием оставшейся в Центробалте, хотя и немногочисленной, но крепкой группы большевиков, входившей в прежний его состав, Центробалт начал заметно леветь и к периоду корниловщины в значительной степени отражал большевистскую политическую линию.

Примерно так же развивались события в Кронштадте.

Военно-морской историк Б. Назаренко пишет: «Временное правительство ставило задачу полностью разоружить Кронштадт, сделать из него, как признавал А.Ф. Керенский, просто “базу снабжения, место для разных складов и т.д.” 13 июля с намерением “ликвидировать Кронштадт в ближайшие дни” был назначен новый “решительный” комендант крепости. Для “поддержки” его распоряжений были отданы приказы занять форты Красная Горка и Ино для создания угрозы бомбардировки Кронштадта, а также прислан в город отряд самокатчиков с двумя броневиками и взводом кавалерии. Кронштадтцы, уступая силе, старались не обострять положение». Предъявленные к ним требования (прекращение издания «Голоса правды», освобождение арестованных офицеров и др.) были частично выполнены. Самокатчиков встретили спокойно и разъяснили им, что происходит в Кронштадте. Подобная тактика сдерживания быстро принесла успех. Распропагандированные самокатчики вскоре возвратились в Петроград.

Одновременный арест сразу двух делегаций Балтийского флота вызвал вполне ожидаемую реакцию матросов. Возмущению братвы не было предела. Впрочем, Керенский до конца идти все же не решился. Через три дня он распорядился выпустить арестованных делегатов, кроме членов Центробалта. В отношении Дыбенко, Ховрина, Измайлова, Лооса, Крючкова, Разина и Берга было решено передать их «на рассмотрение судебной власти для формулирования обвинения». Это весьма любопытно, что государство арестовало матросов до официального предъявления им какого-либо обвинения. Впрочем, за обвинением дело не стало, и уже спустя пять дней военно-морской следователь подполковник Шубин закончил следствие и вынес постановление о передаче дела центробалтовцев в военный суд. Обвинения им было предъявлены весьма серьезные. Члены Центробалта обвинялись в государственной измене, которая выразилась в их противодействии отправке вооруженной силы в Петроград по требованию правительства и ВЦИК Советов и в самочинном приводе кораблей с боевых позиций в тот же Пе-

троград, а также в шпионаже в пользу германского Генерального штаба. Обвиняемым грозила реальная смертная казнь.

7 июля Керенский, стремясь сохранить за собой инициативу, издал приказ по армии и флоту, в котором обвинил балтийцев в измене Отчеству. Персонально обвинялся Кронштадт, линкоры «Республика» и «Петропавловск». Одновременно приказ требовал распустить Центробалт и немедленно его переизбрать. Также Керенский требовал немедленного ареста и препровождения в столицу главных смутьянов с «Республики» и «Петропавловска».

Власти, пользуясь моментом, перешли в решительное наступление. Немедленно было запрещено распространение в действующей армии большевистских газет. Первый пулеметный полк был расформирован и отправлен на фронт, а его полковой комитет арестован. При этом часть солдат, разумеется, дезертировала.

Июльские события на какое-то время фактически привели к сворачиванию режима «двоевластия»: благодаря своим жестким методам в июле Временному правительству удалось на несколько месяцев оттеснить Совет. Что касается эсеро-меньшевистского Петросовета, то он сразу же признал новый состав Временного правительства «правительством спасения революции».

В результате июльского кризиса было сформировано второе коалиционное правительство, возглавляемое А. Керенским, который при этом сохранил посты военного и морского министров. Состав правительства стал преимущественно социалистическим, в него вошли эсеры, меньшевики и радикальные демократы.

Что касается матросов, то, по мнению лидера партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, именно матросы в июльских событиях были «зачинщиками движения». По мнению В.И. Ленина, наряду с казаками они — «две главные и особенно ясные группы». По мнению меньшевика Н.Н. Суханова, именно матросы были «главной — не только технической, но, можно сказать, политической силой».

Уже 6 июля Временным правительством была создана особая следственная комиссия для расследования восстания и привлечения виновных к ответственности. Согласно приказу Временного

правительства, аресту подлежали: Ленин, Луначарский, Зиновьев, Коллонтай, Семашко, Парвус, Ганецкий и другие. Сам В.И. Ленин в это время прятался вначале под Сестрорецком, а потом в Финляндии неподалеку от Гельсингфорса.

Вслед за арестом делегаций балтийцев последовал арест и контр-адмирала Вердеревского за невыполнение приказа министра. 7 июля 1917 года Керенский издал «разгромный» приказ по армии и флоту, в котором обвинял Кронштадт, корабли Балтийского флота в измене и предательстве, объявил о роспуске Центробалта и немедленном его переизбрании. Основанием для таких решительных мер в основном было воспрепятствование «изменниками» при посредстве Центробалта посылке «верных революции кораблей» для прекращения «предательских беспорядков кронштадтцев».

В ответ на этот приказ в Гельсингфорсе было немедленно собрано заседание Центробалта, в составе членов первого и второго созывов под председательством матроса-большевика А. Баранова. Оглашение приказа Керенского было встречено свистом, топотом ног и отборным матом. Разумеется, что ни о каком выполнении требований Керенского не могло быть и речи. Особенно возмутило матросов обвинение их в шпионстве на Германию. Вышедшая на следующий день гельсингфорская газета «Волна» опубликовала передовицу по этому поводу: «Против наших идей окажутся бессильными все ваши каторжные законы. С полной и твердой верой в свою правоту и конечную победу мы повторяем: «“Нас не запугаете!”» Прокатились митинги и по кораблям, где возмущенные «самоуправством» Керенского команды заявили, что никогда изменниками они не были, и по-прежнему будут защищать свои политические требования и полностью поддерживать Центробалт. Но дальше лозунгов у матросов на этот раз дело не пошло. Были закрыты флотские газеты: в Гельсингфорсе «Волна», в Кронштадте «Голос правды» и в Ревеле «Утро правды» и «Кийр». По воспоминаниям матроса-большевика В.Н. Залезского, в Гельсингфорсе из активных большевиков остался лишь он и агитатор Б.А. Жемчужин.

На заседании самого Центробалта совместно с представителями судовых комитетов приказ Керенского был расценен как попрание

матросских прав и провокация. Однако дерзить в этот момент Керенскому было опасно...

Примерно так же развивались события в Кронштадте. Временное правительство ставило задачу полностью разоружить Кронштадт, сделать из него, как признавал Керенский, просто «базу снабжения, место для разных складов и т.д.». 13 июля с намерением «ликвидировать Кронштадт в ближайшие дни» был назначен новый «решительный» комендант крепости. Правительство потребовало от кронштадтцев выдачи и местных большевистских лидеров.

Вначале Кронштадтский совет в ответ на требование Керенского о выдаче «контрреволюционных подстрекателей» заявил, что о таковых ему «ничего не известно». Но после угрозы подвергнуть Кронштадт блокаде и бомбардировке матросы «попросили» Ф.Ф. Раскольникова сдаться властям. Отказаться от такой «просьбы» он не смог. Фактически Раскольников был выдан матросами. Вскоре матросы уже под вооруженным конвоем передали властям недоучившегося студента С.М. Рошала, главного специалиста РСДРП(б) по Балтийскому флоту В.А. Антонова-Овсеенко и редактора газеты «Волна» Л.Н. Старка (непутевого сына генерала-майора по адмиралтейству Н.Н. Старка).

Тем временем для «поддержки» распоряжений правительства были отданы приказы занять форты Красная Горка и Ино для создания угрозы бомбардировки Кронштадта, а также прислан в город отряд самокатчиков с двумя броневиками и взводом кавалерии. Кронштадтцы, уступая силе, пошли на попятную и притихли. Они сами закрыли газету «Голос правды», освободили ранее арестованных офицеров. Кронштадтцы продемонстрировали свою лояльность, а в ответ Керенский отозвал из Кронштадта самокатчиков и комиссию, присланную для расследования бесчинств матросов в Питере. Наступило некоторое затишье. Победители укрепляли вертикаль власти, проигравшие анализировали причины неудачи июльского путча.

В целом попытка большевиков в июле 1917 года на волне стихии толпы захватить власть полностью провалилась. В результате подавления анархо-большевистского выступления в июле произошел

резкий крен общественного мнения вправо, вплоть до неприязни к Советам и вообще ко всем социалистам, включая умеренных эсеров и меньшевиков. Однако Временному правительству, одержав временную политическую победу над большевиками, так и не удалось исправить стремительно ухудшающееся экономическое положение и выправить положение на фронтах. Время явно работало против него.

Июль 1917 года стал одним из самых больших просчетов в жизни В.И. Ленина, который чуть было ни привел к уничтожению всей большевистской партии. Июльские события коренным образом изменили обстановку в стране, двоевластие кончилось, власть полностью перешла в руки Временного правительства. Правительственными войсками были заняты особняк Кшесинской и Петропавловская крепость. Большевистские газеты, их типографии разгромлены. На фронте, а затем и на флоте была введена смертная казнь. Начались репрессии и на Балтике. Власти арестовали В.А. Антонова-Овсеенко, Я.Я. Анвельта, Л.Н. Старка и других.

Арестам подверглись многие матросы-активисты. Отметим, что большевистские лидеры, оказавшиеся вместе с группой матросов в тюрьме за июльские события, как и сами арестованные матросы, мгновенно стали очень популярны в Гельсингфорсе и Кронштадте, как «мученики революции».

Были закрыты газеты моряков «Волна», «Голос правды», «Утро правды». На кораблях красные флаги заменили царскими. Для расследования участия моряков в июльских событиях создали правительственную комиссию. Она потребовала ареста активных участников выступления на флоте. В ответ кронштадтские моряки заявили: «Никаких зачинщиков в своей среде и вообще в Кронштадте мы не знаем, а потому никаких арестов производить не можем». Команды кораблей «Слава», «Петропавловск», «Республика» ответили, что в случае арестов они окажут сопротивление, и их оставили в покое.

7 июля Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина и ряда видных большевиков по обвинению в государственной измене и организации вооруженного восстания. В.И. Ленин вновь

ушел в подполье. Согласно официальной биографии, в Петрограде ему пришлось сменить 17 конспиративных квартир, после чего до 8 августа он вместе с Г.Е. Зиновьевым скрывался недалеко от Петрограда — в шалаше на озере Разлив. В августе на паровозе В.И. Ленин скрылся на территории Финляндии.

В книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников писал: «Изменническая и предательская деятельность ряда лиц вынудила Временное правительство сделать распоряжение о немедленном аресте их вожаков, в том числе Временное правительство постановило арестовать прибывшую в Петроград делегацию Балтфлота. Ввиду сказанного выше приказываю: 1) Центральный комитет Балтийского флота немедленно распустить, переизбрав его вновь. 2) Объявить всем судам и командам Балтийского флота, что я приказываю немедленно изъять из своей среды подозрительных лиц, призывавших к неповиновению Временному правительству и агитирующих против наступления, предоставив их для следствия и суда в Петроград. 3) Командам Кронштадта и линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава», имена коих запятнаны контрреволюционной деятельностью и резолюциями, приказываю в 24 часа арестовать зачинщиков и прислать их для следствия и суда в Петроград, а также принести заверения в полном подчинении Временному правительству. Объявляю командам Кронштадта и этих кораблей, что, в случае неисполнения настоящего моего приказа, они будут изменниками родины и революции, и против них будут приняты самые решительные меры. Товарищи, родина стоит на краю гибели из-за предательства и измены, ее свободе и завоеваниям революции грозит смертельная опасность. Германская армия уже начала наступление на нашем фронте, каждый час можно ожидать решительных действий неприятельского флота, могущего воспользоваться временной разрухой. Требуются решительные и твердые меры к устранению ее в корне. Армия их приняла, флот должен идти с нею нога в ногу. Во имя родины, революции, свободы, во имя блага трудящихся масс, призываю вас сплотиться вокруг Временного правительства и всероссийских органов демократии и грудью отразить тяжелые удары внешнего врага, охраняя тыл от

предательских ударов изменников. Военный и морской министр А. Керенский». Телеграмма была помечена 7 июля.

Среди всех арестов особняком стоял арест в июле 1917 года Л.Д. Троцкого, на тот момент формально еще не вошедшего в состав РСДРП(б). В знак своей солидарности с большевиками Троцкий сам потребовал себя арестовать, после чего оказался в «Крестах». Троцкий стал одним из немногих небольшевиков, выступивших в их защиту. Непосредственно перед арестом он обсуждал перспективы своего выступления в качестве адвоката мичмана-большевика Ф.Ф. Раскольников. Они вместе были с толпой матросов у Таврического дворца, когда едва не убили министра Чернова, и пытались возглавить толпу матросов. При этом Троцкий кричал: «Товарищи кронштадтцы, краса и гордость русской революции!» Матросы Троцкого проигнорировали, а брошенную в матросскую толпу хлесткую фразу Троцкий будет еще не раз использовать на митингах в дальнейшем.

Отметим, что если до июля 1917 года Временное правительство никого принципиально не производило в адмиральские чины, то 18 июля 1917 года контр-адмиралом стал сразу 21 человек, а 28 июля — 12, еще 14 человек стали генерал-майорами флота. В тот же день, 28 июля 1917 года, в чин капитана 1-го ранга были произведены сразу 42 человека. Временное правительство в авральном порядке начало изменять в свою пользу состав высшего командного состава флота. Впрочем, толку от этого было немного. Новые адмиралы и новые генералы не могли изменить ситуацию на Балтийском флоте. Несмотря на разгром левых партий в столице на Гельсингфорс и Кронштадт власть Временного правительства, по-прежнему, в отличие от всей остальной России, не распространялась. Там митинговали и делали что хотели. Так, в кронштадтской газете «Пролетарское дело», даже после разгрома большевистских редакций в столице, открыто печатались статьи В.И. Ленина, материалы большевиков, левых эсеров и анархистов.

С 26 июля по 3 августа 1917 года в Петрограде полулегально прошел VI съезд РСДРП(б). Делегаты констатировали, что тактика

большевиков, рассчитанная на завоевание власти путем большевизации Советов, с треском провалилась. В связи с этим В.И. Ленин рекомендовал временно снять лозунг «Вся власть Советам!» как лозунг мирного развития революции, и взять курс на подготовку вооруженного восстания. VI съезд РСДРП(б) одобрил новый курс, как единственно возможное средство захвата власти в создавшихся условиях. Съезд уделил особое внимание деятельности военных партийных организаций (в особенности на Балтийском флоте). Положение в Кронштадте и Гельсингфорсе охарактеризовали выступавшие на съезде И.П. Флеровский и В.Н. Залежский. Оба заявили, что в Кронштадте и Гельсингфорсе новый курс партии резко увеличит популярность большевиков, т.к. матросы только и ждут начала вооруженного восстания, чтобы принять в нем самое активное участие. Выступающие выделили как наиболее «большеvistские корабли» команды линкоров «Гангут», «Севастополь», крейсеров «Рюрик», «Громобой». Залежский отмечал: «...События 3—5 июля многому научили матросов, показали, что одного настроения еще не достаточно для достижения цели». Флеровский, вторя ему, подчеркивал: «К активности должна прибавиться революционная осторожность». Н.И. Подвойский отметил, что матросы уже, независимо от партии большевиков, ведут собственную работу по подготовке к восстанию.

Тем временем в Гельсингфорсе шли нешуточные дебаты относительно перевыборов членов Центробалта, в соответствии с распоряжением А.Ф. Керенского. Учитывая непростую политическую ситуацию, Центробалт решил выполнить приказ А.Ф. Керенского о своем роспуске, о чем известил флот. В извещении о сложении полномочий говорилось: «Центральный Комитет просит всех сохранять спокойствие и никаких выступлений не делать, а приступить спокойно к выборам нового состава членов в ЦКБФ на прежних началах в срочном порядке». Левонастроенные члены Центробалта, в том числе и большевики, считали, что в условиях разгула «реакции» идти на открытое столкновение с Временным правительством

не следует. Это могло привести к роспуску демократической организации моряков-балтийцев вообще.

Вопреки ожиданиям большевиков в новом (втором составе Центробалта) им не удалось не только набрать подавляющего большинства, но даже повторить успех прошлых выборов. Из 53 новоизбранных членов, по данным советских историков, «большевиками и им сочувствующим» значилось всего 20 человек. В состав Центробалта второго созыва из твердых большевиков входили: Ф.С. Аверичкин, А.В. Баранов, А.В. Бельшев, П.Д. Мальков, Э.А. Берг, М. Меркулов, А. Лоос, А. Кабанов, Н. Разин, П.Е. Дыбенко и Н.А. Ховрин. Мы уже выше говорили, что понятие «сочувствующий» относилось к беспартийным матросам, которые время от времени голосовали за программы самых различных партий, которым они в данный момент «сочувствовали». Поэтому прибавление категории «сочувствующих» к членам РСДРП(б) делалось историками по единственной причине — показать потомкам авторитет большевиков.

В ответ на приказ Керенского распустить второй состав Центробалта центробалтовцы ему вначале ответили через Центрофлот, что Центробалт только приступил к исполнению своих обязанностей, а члены первого созыва только сложили свои полномочия. Этим матросы пытались показать, что никаких реальных оснований для еще одного переизбрания их выборного комитета не имеется. Но центральная власть шутить на сей раз не собиралась. Уже на следующий день новый командующий Балтийским флотом капитан 1-го ранга А.В. Развозов дал распоряжение Центробалту немедленно сложить свои полномочия.

А.В. Развозов, сразу же вступив открытую конфронтацию с Центробалтом, конечно, рисковал. «Дело привычное, только бы опять флот не взорвали п. (вероятно, правительство. — *В.Ш.*) или социалисты», — такие строчки оставил он в своем в дневнике.

Что касается центробалтовцев, то они, посоветовавшись, решили на сей раз не вступать в конфронтацию, а уступить требованиям Петрограда, надеясь, что новый состав Центробалта будет столь же оппозиционен власти, как и предыдущие. Об этом центробалтовцы и известили флот. Левацки настроенные члены Центробалта (в том

числе и большевики) считали, что в условиях победы «реакции» идти на открытое столкновение с Временным правительством опасно. Это могло привести к разгону демократической организации моряков-балтийцев вообще.

В извещении о сложении полномочий говорилось: «Центральный Комитет просит всех сохранять спокойствие и никаких выступлений не делать, а приступить спокойно к выборам нового состава членов в ЦКБФ на прежних началах в срочном порядке».

Поняв хитрость матросов, Керенский 12 июля потребовал от нового командующего Балтийским флотом капитана 1-го ранга (в контр-адмиралы его произведут через шесть дней) А.В. Развозова и генерального комиссара Балтийского флота Ф.М. Оникко, чтобы они обеспечили выборы Центробалта и туда пришли новые, более лояльные правительству люди, чем прежде. Одновременно Керенский отменил устав Центробалта. Но одно дело приказать, а как данный приказ выполнить, когда выбирать членов комитета будут те же матросы, которые выбирали и два предыдущих состава?

В тот же день А.В. Развозов приказом № 6 объявил о роспуске Центробалта и предложил приступить к новым выборам. При этом он открыто предложил «произвести, где будет признано необходимым, изъятие из среды чинов флота, подозрительных лиц, призывающих к неповиновению Временному правительству и агитирующих против наступления». На новые выборы флотского комитета отводилось 10 дней. Одновременно в Центробалт прибыла специальная ликвидационная комиссия, которая приняла дела от членов комитета.

К указанному сроку матросам удалось выбрать всего 35 членов нового Центробалта, которые и собрались 25 июля на «Полярной звезде». Почувствовав за собой поддержку центральной власти, А.В. Развозов сразу заговорил с новым Центробалтом совсем по-иному, чем раньше. На первом же заседании он обратился к избранникам с речью, в которой рекомендовал им поменьше заниматься политикой, сплотиться вокруг законного правительства и беспрекословно выполнять все их распоряжения. По его мнению, отныне Центробалт должен был заниматься исключительно внутренними

делами — проверять мандаты прибывающих на флот, решать вопросы быта, распорядка на кораблях и т.п.

Советские историки признают, что во второй половине июля 1917 года влияние большевиков на кораблях и в частях Балтийского флота значительно ослабло. В этом они винят прежде всего, «разгул реакции и лживой агитации эсеров и меньшевиков». На самом деле, думается, все обстояло несколько иначе. В июле большевики потерпели поражение, а побежденные, как известно, ни у кого не вызывают особой симпатии. Массам нравятся только победители. Именно поэтому третий состав Центробалта в начальный период своей деятельности оказался почти вне большевистского влияния. Центробалт нового созыва первоначально занял «соглашательскую» позицию и стал демонстративно послушен командованию. Впрочем, это не помешало новым членам комитета сразу же вступить в новую конфронтацию с властью по той лишь причине, что матросам к этому времени не нравилась вообще никакая власть над ними. Уже на первых десяти заседаниях, вопреки пожеланиям Развозова, центробалтовцы занялись решением столь любимых ими политических вопросов. И хотя пока они голосовали по большей мере в духе Временного правительства, в целом тенденция была для власти опасная. При этом наряду с членами комитета третьего созыва с «Полярной звезды» никуда не делись и члены Центробалта первого и второго созыва. Им так понравилось командовать флотом, что они не имели ни малейшего желания возвращаться на свои корабли и части. «Старые центробалтовцы» сидели на заседаниях, выступали, внося неразбериху в работу флотского комитета.

Разумеется, что одним из первых вопросов, который был поднят новым Центробалтом, стал вопрос освобождения своих арестованных в Петрограде предшественников. С этой целью в Петроград были отправлены матросы Д. Морейко и Ф. Кузьмин. Тогда же флотские комитетчики решили снова поднять над «Полярной звездой» собственный никем не учрежденный флаг Центробалта. Этот, казалось бы, второстепенный вопрос вызвал больше волнение на флоте. Когда Центрофлот отказал Центробалту в собственном флаге, что было вполне законно, то матросы 1-й бригады линко-

ров (по наущению центробалтовцев) послали еще одну делегацию в Питер. Не дожидаясь ее возвращения, над «Полярной звездой» был поднят собственный флаг Центробалта.

В сложившейся обстановке Центробалт нового созыва первоначально стоял на «соглашательских» позициях, был более-менее послушен командованию. Однако вскоре из-за неудач на фронте, экономических трудностей обстановка вновь, как известно, стала меняться в пользу большевиков. Они стали возвращать прежние позиции на флоте. Этому немало способствовало само Временное правительство по логике, подобной февральско-мартовским самосудам: начав судебное преследование большевиков за «мятеж 3—4 июля», оно, таким образом, убеждало матросов, что большевики в этих событиях были с ними. В результате под влиянием оставшейся в Центробалте, хотя и немногочисленной, но крепкой группы большевиков, входившей в прежний его состав, Центробалт начал быстро леветь, переходя на позиции большевизма..

А затем Центробалт перешел в наступление. Уже 31 июля он вынес решение, в котором говорилось, что «ни один приказ, касающийся жизни Балтийского флота, не должен быть опубликован без рассмотрения его Центробалтом, если таковой не касается оперативной или навигационной части». Другими словами, матросов интересовали, прежде всего, вопросы политические, в которых они считали себя специалистами, а не оперативные и навигационные, на знание которых они пока не претендовали.

С первых чисел августа политическая обстановка на флоте стала понемногу меняться. В Центробалт все чаще с кораблей и береговых частей начали поступать резолюции судкомов с выражением недоверия Временному правительству. Одновременно стал расти и авторитет большевиков, как партии, столь же откровенно ненавидевшей правительство, как и сами матросы.

Это позволило большевикам при довыборах в члены Центробалта провести некоторое количество своих сторонников. Отныне позиции РСДРП(б) там стали достаточно прочными. Этот факт не остался без внимания руководства Морского министерства. Поэтому управляющий министерства Лебедев выступил с заявлением о том,

что «безответственная часть Центробалта снова вносит смуту во флоте», и потребовал от Временного правительства не оставить это безнаказанным.

Центробалт в долгу не остался и принял собственную резолюцию, в которой назвал заявление Лебедева гнусной провокацией против дела революции. Однако боязнь Лебедева относительно радикализма Центробалта была излишней. Уже на следующий день после грозной отповеди ему тот же Центробалт опротестовал выступление против правительства сразу нескольких кораблей и береговых частей. Дело дошло до драки между представителями противоборствующих партий. В результате рукопашного противостояния был переизбран президиум комитета. Власть в нем захватили на этот раз большевики. Однако общий расклад сил в Центробалте пока был не в их пользу. Из 78 членов комитета всего лишь 15 являлись последовательными большевиками. 8 были эсерами, а 18 — меньшевиками. Остальные 27 членов комитета являлись беспартийными и при голосовании весьма часто меняли свои взгляды. Поэтому в большинстве случаев эсеро-меньшевистская группировка одерживала верх.

Н.Ф. Измайлов в своих воспоминаниях «Центробалт в дни восстания» писал: «В Центробалт третьего созыва попала значительная часть эсеров, меньшевиков и анархистов, которые плелись в хвосте за Керенским. Поэтому Центробалт терял всякий авторитет в матросских массах. В Центробалт третьего созыва моряки демонстративно избрали от Кронштадта старых делегатов-большевиков, в том числе и меня. Когда мы возвратились из тюрьмы, то вместе с большевиками из других баз стали решительно перестраивать работу Центробалта на большевистский лад, и авторитет его в широких матросских массах к концу сентября 1917 года стал быстро возрастать».

Надо признать, что большевики в Центробалте работали на опережение. Вначале им удалось добиться решения о расширении состава комитета еще на семь человек. Когда же начались сами довыборы, матросы-большевики занялись этим вопросом вплотную, в отличие от своих конкурентов, пустивших довыборы на самотек.

В результате все семеро довыбранных оказались большевиками. Это вызвало скандал в Центробалте, но эсеры с меньшевиками ничего изменить не смогли, так как формально вся процедура выборов была соблюдена. Таким образом большевистская фракция составила уже 22 человека. Помимо этого, большевики привлекли к себе и 8 человек из состава беспартийных, которые теперь в большинстве случаев стали их поддерживать.

А вскоре на кораблях и в частях уже обсуждали статью В.И. Ленина «К лозунгам», в которой вождь большевиков предлагал снять лозунг «Вся власть Советам» и готовиться к вооруженному мятежу. Статья пришлась матросам по вкусу — это было именно то, что они желали в июле — вооруженный мятеж и захват в свои руки всей власти в стране. В бесхребетных Советах матросы и сами уже давно разочаровались, как и в демократическом правительстве, а вооруженная буза была им по вкусу. Авторитет большевиков сразу резко пошел вверх. Во-первых, они, так же как и матросы, больше всех пострадали от карательных санкций Временного правительства. Во-вторых, они тоже теперь желали получить все и сразу с помощью оружия.

Что касается самой РСДРП(б), то она готовила свой VI съезд. Важную роль в подготовке и организации съезда должны были сыграть Кронштадт и Гельсингфорс, где матросы-большевики имели доступ к типографиям для издания партийной литературы и возможности для ее распространения. Матросы еще раз продемонстрировали большевикам свою незаменимость. От Кронштадта на съезд были избраны И. Флеровский, И. Колбин, А. Любович, И. Смилга и И. Егоров. От Гельсингфорса были избраны В. Залежский, Ф. Дмитриев, А. Долгушин, Я. Жигур и Михайлин. Ревель представляли матросы И. Рабочинский и Ковви.

Съезд собрался в Петрограде 26 июля. В историю VI съезд РСДРП(б) вошел как съезд, взявший курс на вооруженное восстание. Разумеется, что вопрос о как можно более тесном союзе с матросами Балтики был одним из самых важных. Именно от надежности этого союза зависело, решатся большевики на вооруженный мятеж или нет. В своих выступлениях представители флота заверяли де-

легатов, что ненависть матросов Балтики к правительству столь сильна, что им достаточно просто бросить клич к выступлению. При этом матрос В. Залежский пояснил, что самыми революционными по-прежнему являются команды линкоров и крейсеров, тогда как команды миноносцев и подводных лодок занимают оборонческие позиции.

После июльских событий маятник симпатии балтийцев действительно качнулся в сторону большевиков и анархистов, как последовательных противников Временного правительства, а следовательно, союзников матросов. Числившиеся ранее в эсерах и меньшевиках матросы начали дружно переписываться из «плохих» партий в «хорошие». Впервые с февраля месяца образовались большевистские организации на линкорах «Гангут», Севастополь», «Андрей Первозванный», броненосных крейсерах «Рюрик», «Россия», «Громобой», крейсере «Диана».

В этой связи, несмотря в целом на поражение во время июльских событий 1917 года, большевикам удалось завоевать серьезный авторитет среди матросов. Разумеется, лидеры большевиков прекрасно понимали, что, являясь малоуправляемой и капризной массой, балтийцы не могут долго поддерживать РСДРП(б).

Рано или поздно их пути должны были обязательно разойтись. Во-первых, лозунги и задачи, решаемые большевиками, не всегда соответствовали желаниям и капризам матросов. Во-вторых, соперники большевиков по политической борьбе, хотя и потеряли определенную часть своей паствы, но были полны желания взять реванш и также стать любимцами матросских ватаг.

К тому же влияние большевиков, несмотря на их возросшую популярность среди матросов, не было абсолютным. К примеру, в столь авторитетном органе, как Кронштадтский совет, они так и не получили большинства. Да и сам Кронштадт все еще оставался в большей степени вотчиной эсеров и меньшевиков. Именно поэтому сразу же после окончания съезда 3 августа было решено привезти в Кронштадт «на экскурсию» делегатов съезда с пробольшевистски настроенными рабочими Петрограда. Возглавил «экскурсию» член ЦК РСДРП(б) Алеша Джапаридзе. Разумеется, что «экскурсия»

в реальности вылилась в серию митингов и активную агитацию большевиками кронштадтцев. Последние встретили прибывших дружелюбно. Они внимательно слушали их на митингах, но особого прорыва в настроении Кронштадта большевикам добиться так и не удалось.

Но большевики не отчаивались. 18 августа Н. Ховрин и другие большевики-центробалтовцы выступили с предложением снова принять первый устав комитета, что давало большинству в Центробалте карт-бланш в решении наиболее важных вопросов. Однако полной власти над Центробалтом у большевиков все еще не было. Между тем ЦК РСДРП(б) постоянно требовал от своих партийцев на флоте любой ценой подчинить себе Центробалт. Это было важнейшим условием победы в затеваемом вооруженном перевороте, к подготовке которого приступил В.И. Ленин.

Интриги большевиков членов комитета не остались без внимания их соперников. Межпартийная ситуация внутри Центробалта обострилась до крайности, и большевики намеревались решить ее путем созыва общевалтийского съезда, который, по их мнению, должен был нанести удар по политическим соперникам и обеспечить полную гегемонию их партии на флоте. Своих намерений большевики не скрывали. Из выступления матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Надо действовать решительно и осмотрительно и даже кой-кому объявить войну, а не стоять щитом у одних и быть в недоверии у других... ЦКБФ теряет связь не только с массами, но и с Советом депутатов Гельсингфорса, и авторитет его с каждым днем падает. Чтобы не прикончить своей деятельности, ЦКБФ должен созвать Общефлотский съезд».

Несмотря на серьезное поражение большевиков в июльских столкновениях в Петрограде, эти события показали слабость и непоследовательность Временного правительства. Июльский путч оказался той точкой невозврата, после которой для неустойчивой власти все стало неотвратимо скатываться к финальной катастрофической развязке. События 3—4 июля 1917 года в трактовке Временного пра-

вительства и в советской историографии существенно различались. В июле 1917 года Временное правительство и верные ему партии называли выступления, требовавшие передать всю власть Советам, контрреволюцией, а советские историки впоследствии считали, что власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционного Временного правительства, т.е. двоевластие закончилось. Советы с их эсеро-меньшевицким руководством превратились в придаток правительства. Именно поэтому лозунг «Вся власть Советам» после июльских дней был временно снят большевиками.

Почему-то традиционно считается, что матросы вели себя в июле 1917 года подчиненно по отношению к большевикам. Такая трактовка, с одной стороны, принижает сдерживающую роль большевиков в июльских событиях, а с другой стороны — принижает и значение матросов, как главной тогдашней политической и военной силы. Кстати, П.Н. Милюков «зачинщиками движения» в июле считал вовсе не большевиков, а именно матросов. В этом с ним был согласен и В.И. Ленин, полагавший, что именно матросы наряду с казаками были в июле 1917 года «две главные и особенно ясные группы».

Ошибки Временного правительства были впоследствии достаточно полно сформулированы советскими историками: антинародная политика, нерешительность в аграрном вопросе, непризнание официально 8-часового рабочего дня, эмиссия бумажных денег, иностранные займы (долг 14,8 млрд руб.) и инфляция. Внутренняя и внешняя политика Временного правительства однозначно вела Россию к национальной катастрофе, к разрухе, голоду, потере национальной независимости. Продолжение империалистической войны и подавление стачечного и революционного протеста гарантировали в недалеком будущем массовые выступления и гражданскую войну. Разумеется, в данной ситуации матросские массы были настроены резко против правительства и проводимой им политики. Что касается революционных партий, то матросам ближе были, прежде всего, те, кто так же, как и они, ненавидел Временное правительство. Таких партий было две — жестко структурированная и прекрасно организованная партия большевиков и слабо организованные, но

разухабистые анархистские группировки. В стане еще вчера всемогущих эсеров после июльских событий наметился полный разлад. Левое крыло партии фактически проводило собственную левацкую политику, поэтому левых эсеров матросы также уважали, в отличие от эсеров правых. Что касается скучных меньшевиков, то эти говорливые рафинированные интеллигенты матросам никогда не были по душе.

Как это ни странно, но июльское поражение большевиков и их временный разгром вызвали самое живое сочувствие и участие матросов Балтийского флота. Вначале матросы отошли от большевиков в сторону, чтобы лучше осмотреться и оценить ситуацию. К их удивлению, большевики вовсе не пали духом после поражения, а с новыми силами снова начали активную агитацию и пропаганду в свою пользу. Такая политическая стойкость пришлось матросам по вкусу. Кроме этого, после июля большевики стали главными страдальцами за революционную идею. Это так же не могло не вызвать у матросов уважения. Ведь страдальцев на Руси всегда жалели, ну а страдальцев за революцию — тройне! Кривая популярности РСДРП(б) резко поползла вверх. Теперь большевикам надо было только не пропустить момент, дожидаться, когда их популярность среди матросов достигнет своего максимума, и снова попытаться вступить в схватку за власть в стране, опираясь на десятки тысяч вооруженных матросов и орудия их кораблей. Неизвестно когда бы сложилась такая ситуация, но развитие событий ускорили события, вошедшие в историю как Корниловский мятеж.

Глава девятая

ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

К июлю 1917 года военно-политическая ситуация в России стала критической. Дезертирство из армии, достигшее, по официальным данным, 1,5 миллионов, не прекращалось; по стране бродили десятки тысяч вооруженных людей. Не дождавшиеся декрета о земле, крестьяне начали самовольно захватывать земли, тем более что

многие из них оставались незасеянными; конфликты в деревне все чаще принимали вооруженный характер, а подавлять локальные восстания оказывалось некому: присланные для усмирения солдаты, в большинстве своем крестьяне, точно так же жаждавшие земли, все чаще переходили на сторону повстанцев. Если в первые месяцы после революции Советы еще могли навести порядок «одним росчерком пера» (как Петроградский Совет в дни апрельского кризиса), то к середине лета и их авторитет был подорван. В стране нарастала анархия. Ухудшалось и положение на фронте: германские войска успешно продолжали наступление, начатое еще в июле, и в ночь на 21 августа (3 сентября) 12-я армия, рискуя оказаться в окружении, оставила Ригу и Усть-Двинск и отошла к Вендену; не помогли ни введенные правительством 12 июля смертная казнь на фронте и «военно-революционные суды» при дивизиях, ни заградительные отряды генерала Л.Г. Корнилова.

19 июля 1917 года Верховным главнокомандующим вместо политически инертного генерала А.А. Брусилова был назначен генерал Л.Г. Корнилов. Это назначение было встречено большой радостью в среде офицеров и консервативной публики — появился лидер, в котором видели надежду на спасение армии и России. Заметим, что на роль диктатора Верховный главнокомандующий войск генерал Л.Г. Корнилов был выдвинут, прежде всего, с одобрения представителей союзных стран. В это время все крупные российские буржуазные партии, используя политическую ситуацию, вели линию на сворачивание революционных процессов и установлении, если не военной диктатуры, то по крайней мере достаточно сильной власти, для успешного завершения мировой войны.

Л.Г. Корнилов был человеком решительным и бескомпромиссным. Для восстановления дисциплины в армии по его требованию Временное правительство ввело смертную казнь. Энергичными и суровыми методами, с применением в исключительных случаях расстрелов дезертиров, Корнилов начал возвращать армии боеспособность и восстанавливать фронт. В этот момент генерал Корнилов в глазах многих становится народным героем, на него стали возлагаться большие надежды, и от него стали ждать спасения

страны. Энергичная деятельность Корнилова на посту Верховного главнокомандующего даже за короткий срок позволила достичь определенных результатов: утихла разнузданность солдатских масс, офицерам стало удаваться поддерживать дисциплину. Однако, несмотря на успех подобных мер в смысле обеспечения некоторого порядка, меры Верховного командования не могли повлиять на усиливающийся поток пораженческой пропаганды законспирированных большевистских агитаторов в армии и представителей правительства, пытавшихся заигрывать с низами армии во время своих коротких поездок на фронт. А.Ф. Керенский в целом был согласен со многими взглядами Л.Г. Корнилова на положение в стране и пути выхода из него. Не секрет, что сообщая с главой Временного правительства А.Ф. Керенским он наметил план разгрома революционного движения. Заговорщики решили направить войска с фронта на Петроград. До сих пор не все понятно со сдачей немцам Риги. Намечалось переброска в Петроград войск из Финляндии и казаков с Дона. Они должны были занять Петроград, обезоружить Красную гвардию и привести в чувство Балтийский флот. Предусматривался запрет левых политических партий, митингов, собраний и демонстраций.

Но А.Ф. Керенский оказался слишком слаб для принятия столь серьезного решения и в самый последний момент отказался от силового решения вопроса. Этим он весьма напоминает другого российского «демократа от политики» более позднего времени — М.С. Горбачева, который во имя бредовых «общечеловеческих ценностей» развалил СССР. Что касается Л.Г. Корнилова, то его в данном случае можно отождествить (правда, в ухудшенном варианте) с коллективным ГКЧП...

Введение военной диктатуры и разгон Совета делало лишним самого Керенского и ставило под угрозу его политическое выживание, из-за возникшей вскоре личной антипатии между ним и Корниловым. 26 августа 1917 года Л.Г. Корнилов предъявил Керенскому ультиматум, известный как «Корниловская военная программа»: поддержать его или немедленно уйти в отставку и передать ему, Корнилову, всю военную и гражданскую власть в России. Керенский не

ожидал такой развязки заговора. Он откровенно струсил и поспешил отмежеваться от Корнилова, объявив его... мятежником. Между тем корниловские войска начали движение на столицу, правительство же, во главе с Керенским, пребывало в ступоре. По-разному повели себя и руководители революционных партий. Эсеры и меньшевики поспешили изобразить, что войска Корнилова идут свергать исключительно Временное правительство, не покушаясь на завоевание Февральской революции. Большевики в данном случае поступили более дальновидно и начали организовывать отпор корниловцам. В.И. Ленин и весь ЦК РСДРП(б) прекрасно понимали, что первыми, с кем расправится Л.Г. Корнилов, — это именно большевики, как последовательные оппозиционеры тогдашнего государственного устройства и сторонники прекращения войны. Борьба с Корниловым была для большевиков вопросом жизни и смерти, ибо в условиях военной диктатуры никаких шансов на политическую деятельность у них не было. В то же время в случае победы над Корниловым у большевиков появлялся шанс не только продолжить свою деятельность, но и резко повысить свой рейтинг после июльского фиаско и последовавшего за ним резкого падения популярности.

13—15 августа на Государственном совещании в Москве Л.Г. Корнилов указал на катастрофическое положение на фронте, на губительное действие на солдатские массы законодательных мер, предпринимаемых Временным правительством, на продолжающуюся разрушительную пропаганду, сеющую в армии и стране анархию. Видя всю пагубность политической ситуации в стране, генерал Корнилов потребовал упразднить «все комитеты и Советы» и установить в стране сильную и авторитетную власть.

Бездействие власти в конечном счете парализовало все немногие благие начинания Корнилова. В армии и на флоте все оставалось неизменным, пока Временное правительство не сочло популярность в армии самого Корнилова слишком опасной для «революции».

Между тем деморализованная политиками армия не могла даже держать фронт. 5 августа назначенный Керенским управляющий Морского министерства, бывший политэмигрант В.И. Лебедев приказом по флоту № 504 должен был констатировать факт полного

разложения команды батареи острова Оланд, которая прибывшим для смотра управляющему и командующему флотом явила себя, как следовало из содержания приказа, скопищем бродяг, а не воинской частью.

21 августа морской министр А.Ф. Керенский, стремясь хоть как-то продемонстрировать свою власть, издал приказ, что право на производство матросов в офицеры за боевые заслуги повсеместно извращается. «Наблюдается, что представления матросов унтер-офицерского звания в офицеры часто делаются без достаточных указаний на действительные “боевые отличия или особые заслуги”, причем, представляющие в таких случаях делают просто характеристику “усердной и исправной службы” представляемого, в других же случаях встречаются представления с описанием заслуг, каковые вовсе не под силу одному представляемому, а являются результатом самоотверженной деятельности целого флота в лице всех его офицеров и матросов». Приказ А.Ф. Керенского стал его ответом на июньское постановление Центробалта о новых правилах чиновпроизводства на Балтийском флоте. Керенского понять можно. Центробалт сам производил в офицеры всех, кого желали его члены. При этом в награждении чинами центробалтовцы особо не заморачивались — могли и в прапорщики произвести, а могли и в поручики! Само собой понятно, что Центробалт приказ морского министра проигнорировал, а Керенский смог еще раз убедиться, что не имеет ни малейшей власти над Балтийским флотом, который превращался в самостоятельное минигосударство.

В тот же день, 21 августа, пала Рига, а 25 августа Корнилов потребовал от Керенского объявить Петроград на военном положении на том основании, что большевики готовят вооруженный мятеж, в чем, собственно говоря, он был абсолютно прав. Потребовал Корнилов и наделения его как главнокомандующего русской армией самыми широкими полномочиями.

28 августа 1917 года генерал Л.Г. Корнилов отказал А.Ф. Керенскому в остановке продвижения на Петроград 3-го кавалерийского корпуса под командованием генерала А.М. Крымова, которое проводилось по требованию Временного правительства и было санк-

ционировано Керенским. Этот корпус был направлен в столицу Временным правительством с целью окончательно (после подавления июльского мятежа) покончить с большевиками и взять под контроль ситуацию в столице. Одновременно было решено двинуть с севера на Петроград и 1-й Кавказский конный корпус из Финляндии, на Москву — 7-й Оренбургский казачий полк.

Антиправительственное выступление только что назначенного верховным главнокомандующим генерала Л.Г. Корнилова произошло на фоне острого общественно-политического кризиса в России и падения авторитета Временного правительства. В этих условиях Л.Г. Корнилов потребовал отставки правительства и предоставления ему чрезвычайных полномочий. Он выдвинул программу «спасения Родины»: доведение войны до победного конца, реформирование армии, ликвидация революционно-демократических организаций, введение смертной казни и т.д.

26 августа представитель правительства князь Г.Е. Львов встретился с Корниловым, который передал через него свои условия Керенскому. Условия были решительные и жесткие: объявить Петроград на военном положении, передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего, а также отставка всех министров, не исключая самого Керенского. При этом Корнилов отправил Керенскому телеграмму с сообщением, что корпус Крымова будет в Петрограде 28 августа, и просьбой ввести в столице военное положение.

Вечером 26 августа в Кронштадте стало известно, что Корнилов направил пехотную бригаду с артиллерией на Ораниенбаум. Пехотинцы должны были предъявить кронштадтцам ультиматум о разоружении крепости и переходе всех матросов и солдат на материк. Любопытно, что данное решение своего врага Корнилова с радостью санкционировал Керенский, наконец-то решивший, таким образом, чужими руками разделаться с ненавистным ему флотским гарнизоном.

Разумеется, разоружаться и покидать свои насиженные места кронштадтцы не пожелали. Кронштадтский Совет решил послать один отряд моряков для усиления форта Красная Горка и второй для

противодействия войскам Корнилова в Ораниенбаум. Кронштадт был приведен в состояние полной боевой готовности, и у посланной в Ораниенбаум пехотной бригады не было никаких шансов принудить к капитуляции эту морскую крепость.

Одновременно началась деятельная работа Центробалта по мобилизации матросов на борьбу с поднявшей голову контрреволюцией. Балтийцы Корнилова ненавидели, так как видели в нем опасность возрождения власти генералов и адмиралов. На совместном заседании Гельсингфорского Совета и Центробалта было решено «считать Корнилова, и примкнувших к нему изменниками революции и страны и стоящими вне закона». Было решено создать «из своей среды ответственный перед указанными организациями (Гельсингфоргским Советом и Центробалтом. — В.Ш.) революционный комитет». По существу, это был первый ревком в России. От Центробалта в состав первого ревкома вошли Н.Ф. Измайлов, А.В. Баранов, П. Гордеев, М. Торнин-Митрофанов. Одновременно было решено на все корабли и в береговые части назначить комиссаров. Отныне предполагалось не выполнять ни одного из приказов командования, не подтвержденных соответствующими комиссарами. По мнению гельсингфоргцев, это исключало контрреволюционные мятежи на кораблях и в частях.

Как раз накануне этих событий состоялись очередные выборы Кронштадтского Совета, в котором большевикам удалось захватить большинство мест (98 большевиков, 70 левых эсеров, 12 меньшевиков, 7 анархистов и 96 беспартийных при председательстве меньшевика Л. Брегмана).

Вечером 26 августа на заседании правительства Керенский квалифицировал действия Верховного главнокомандующего как «мятеж». Была спешно составлена телеграмма, посланная в Ставку за подписью Керенского, в которой Корнилову было предложено сдать должность генералу А.С. Лукомскому и немедленно выехать в столицу.

Ответом Корнилова на заявления Керенского было формальное объявление войны Временному правительству. Л.Г. Корнилов категорически отказался сдать должность главнокомандующего,

а генерал А.С. Лукомский — принять ее. На требование остановить движение Крымова последний телеграфировал Керенскому: «Остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно». Отказался остановить эшелоны и командующий Северным фронтом генерал В.Н. Клембовский.

28 августа последовал указ правительствующему сенату, объявляющий Корнилова мятежником и изменником. Со своей стороны, Корнилов заявил, что принимает на себя всю полноту власти. При этом Корнилов обещал «спасти Великую Россию» и «довести народ путем победы до созыва Учредительного собрания», заявлял о сговоре правительства, большевиков и Германии. Командующие четырьмя фронтами объявили о своей солидарности с Верховным главнокомандующим.

Во время Корниловского мятежа был освобожден из-под ареста командующий Балтийским флотом контр-адмирал Вердеревский, причем не только освобожден, но и назначен 30 августа морским министром и членом Директории, что было одним из проявлений политического маневра А.Ф. Керенского влево. Заметим, что контр-адмирал Д.Н. Вердеревский сохранит пост морского министра и в последнем Временном правительстве. Будучи человеком неглупым и с большими связями среди масонов, он стремился маневрировать, не конфликтуя, по возможности, ни с кем. При этом в отношении матросов Д.Н. Вердеревский выступал за т.н. «добровольную дисциплину», а в политике — за выход России из войны. Этим он устраивал в определенной мере и матросов, и большевиков.

Не сидел сложа руки и Центробалт. Отряды матросов и красногвардейцев Ревельского Совета задерживали проходящие с фронта воинские эшелоны. В Кронштадте при исполкоме Совета была образована специальная военно-техническая комиссия, была создана собственная Красная гвардия. В Петроград, Ораниенбаум, Петергоф были высланы вооруженные отряды матросов, усилена оборона фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Матросы несли охрану почти всех важных объектов столицы. В наступавшую на город «Дикую дивизию» было решено направить делегацию матросов-балтийцев, ранее воевавших в ее составе и знакомых с бытом горцев.

Между тем корпус генерала А.М. Крымова продолжал движение на Петроград. 28 августа войска генерала Крымова заняли Лугу, разоружив местный гарнизон. У станции Антропшино корниловская Туземная дивизия вступила в перестрелку с солдатами Петроградского гарнизона. В условиях угрозы власти правительства Керенский ищет возможности для переговоров, но его отговаривают ехать в Ставку из-за опасности расправы — ходят слухи, что Керенскому в войсках вынесен смертный приговор. Помощь в подавлении выступления правительству предложили Советы. Из левых партий наибольшую активность демонстрировали большевики, рассматривавшие отпор Корнилову как репетицию будущего собственного военного переворота.

Временное правительство было вынуждено прибегнуть к услугам большевистских агитаторов для контакта с восставшими частями и раздать оружие петроградским рабочим, начавшим формировать отряды собственного ополчения — Красной гвардии. Керенский издал указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и его старших сподвижников.

Наиболее опасными для матросов были казаки, подходившие к Петрограду. Распропагандировать казаков 5-й казачьей дивизии был послан член Центробалта Н.Ф. Измайлов и член ревкома матрос П.Н. Гордеев. Решено было действовать хитростью. Делегаты направились в казармы к казакам, не без труда собрали митинг, где предложили казакам избрать двух человек в ревком. Когда выборы состоялись, Измайлов с Гордеевым предупредили командира дивизии, что отныне он обязан беспрекословно исполнять все распоряжения ревкома и его комиссаров, в противном случае он будет арестован как пособник Корнилова.

В дни Корниловского мятежа Центробалт заседал ежедневно. 29 августа для ликвидации мятежа из Гельсингфорса были направлены четыре эсминца, затем еще два — «Разящий» и «Боевой». Помимо этого, из Кронштадта на пароходах в столицу были переброшены около четырех тысяч вооруженных матросов.

Разумеется, что реальная боевая мощь матросов минной и артиллерийских школ была почти нулевая. Однако опоясанные пулеметными лентами, с гранатами за поясом, тысячи матросов внушали уважение. Впрочем, и прибыли кронштадтцы в столицу вовсе не для того, чтобы участвовать в реальных боевых действиях, а для того, чтобы продемонстрировать свою революционную непреклонность и решимость и Корнилову, и правительству. Из газеты «Рабочий» от 30 августа: «Вчера прибыли из Кронштадта отряды товарищей матросов. Отрадно было смотреть, как эти верные сыны революции, вооруженные с ног до головы, стройными рядами шествовали по Невскому проспекту, вызывая бодрящее настроение у рабочих и явно неприязненное отношение у обычной буржуазной публики, слоняющейся по этой людной улице нашего города».

Пока кронштадтцы демонстрировали петроградцам свою решимость умереть за революцию, матросы расквартированных в Петрограде гвардейского и 2-го флотского экипажей начали обыски и аресты казавшихся им подозрительными офицеров. Разумеется, не обошлось без грабежа и пьянок. В результате несколько десятков случайных офицеров были брошены в застенки. Одновременно матросы самостоятельно взяли под охрану телефонную станцию, почтамт, Смольный и Таврический дворец. По существу, власть в столице фактически сама собой перешла в руки матросов. Правительству оставалось лишь ждать, чем все закончится. Победит ли Корнилов или матросы, и какова будет их собственная дальнейшая судьба.

Затем отличился член Центробалта матрос Ф. Кузьмин. Узнав, что в составе 2-го флотского экипажа имеется рота, которая в прошлом году воевала на фронте совместно с ингушами Кавказской туземной дивизии, он во главе этой роты выехал навстречу подходящей к столице дивизии. Официально считается, что в результате этих переговоров ингуши и матросы заключили перемирие. Дивизия остановилась, а затем и вовсе отказалась идти на Петроград. По другой версии, одновременно с матросами к ингушам выехали представители правительства, которые выложили перед сынами гор немалую сумму, после чего те и потеряли всякий интерес к проис-

ходящему. Последнее кажется автору более правдоподобным, так как те же ингуши-«текинцы» в скором времени показали себя как самые преданные соратники Корнилова (наплевав на всякую революционную пропаганду), готовые идти с ним до конца.

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Член Центробалта Николай Измайлов в эти дни был комиссаром ревкома в казачьей дивизии, расквартированной в Гельсингфорсе. Корнилов возлагал особые надежды на расположенные в Финляндии конные части. По разработанному плану мятежа они должны были наступать на Петроград с севера. Однако ревком и Центробалт сорвали этот план. Измайлов вместе с другими товарищами выступал на казачьих митингах, разоблачал контрреволюционные замыслы мятежных генералов. Командиры казачьих частей были предупреждены ревкомом, что в случае, если они вздумают грузить войска в железнодорожные составы и отправлять в Петроград, пушки кораблей вдребезги разнесут поезд. Все это подействовало. Ни один эшелон с казаками не вышел из Гельсингфорса».

Как бы то ни было, но продвижение корниловских войск было остановлено 29 августа на участке Вырица — Павловск, где противники Корнилова разобрали железнодорожное полотно. Благодаря агитаторам, посланным для контактов с восставшими частями, удалось добиться того, что те сложили оружие. Генерал Крымов после встречи с Керенским застрелился.

А большевики уже перешли в наступление. 31 августа пленарное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов впервые одобрило политическую резолюцию «О власти», внесенную большевиками. Пытаясь помешать большевизации Совета, его эсеро-меньшевистский президиум вскоре подал в отставку. На новом собрании Совета большинство вновь голосовало за большевистскую резолюцию, а председателем Петроградского Совета был избран Л.Д. Троцкий.

Что касается Л.Г. Корнилова, то он отказался от предложений покинуть Ставку и «бежать», и был там же, в Могилеве, арестован. Вместе с ним были арестованы командующий Юго-Западным фронтом генерал А.И. Деникин, генерал С.Л. Марков, генерал И.Г. Эрде-

ли и другие. После этого А.Ф. Керенский объявил себя Верховным главнокомандующим.

Провал корниловского выступления имел своим последствием именно то, чего так стремились избежать и Корнилов, и Керенский, — приход к власти большевиков. Если большевики и Советы в августовские дни выступили в глазах масс как спасители революционной демократии, то Временное правительство и лично Керенский серьезно дискредитировали себя, продемонстрировав беспомощность и готовность к сговору с «контрреволюцией». Историк русской революции С.П. Мельгунов отмечал повсеместное развитие большевистских ячеек после неудачи августовского выступления, и развязали руки «безответственным демагогам» из лагеря большевиков, призванных Керенским для борьбы против Корнилова.

Правый политический фланг был разгромлен организационно и дискредитирован морально — для Керенского это означало, в частности, то, что он более не может проводить прежнюю политику и отныне зависит от поддержки Советов. Но сами Советы все более и более переходили в руки большевиков, которые благодаря активной организации сопротивления Корнилову не только полностью оправались и реабилитировали себя в глазах масс после июльской катастрофы, но и перешли в активное наступление.

Вскоре Керенский вынужден был освободить из тюрем арестованных большевиков, а также прекратить гонения на ушедших в подполье. При этом большевикам была предоставлена возможность совершенно легально вооружаться и создавать боевые структуры, чем они и воспользовались, сформировав отряды Красной гвардии. Ликвидация Корниловского мятежа ускорила большевизацию Советов. Снятый после июльских событий лозунг «Вся власть Советам!» был выдвинут вновь. Он стал теперь лозунгом вооруженного восстания. В.И. Ленин достаточно высокопарно отмечал, что восстание Корнилова открыло массам народа глаза на ту истину, которая прикрывалась соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы.

Помимо большевиков наибольшие политические дивиденды получили в результате разгрома Корниловского мятежа и балтийские матросы. Именно они были в первых рядах переговорщиков с корниловцами, именно они в основном и распропагандировали их. При этом общая борьба с контрреволюционерами еще больше сблизила матросов с большевиками. Данный союз обещал России скорые социальные потрясения.

А 31 августа произошло новое противостояние на заседании Центробалта. Да какое! Скандал был вызван желание большевистской фракции установить контроль над оперативной деятельностью штаба флота. Эсеры С. Магницкий, И. Байшев, К. Гржибовский и В. Дебельман, меньшевики И. Ершов, В. Иконников, М. Носов и К. Рожков, анархисты П. Скальберг, М. Талапин и Т. Щука выступили единым фронтом против своих идейных противников. Дело дошло до рукопашной.

В ходе корниловщины произошел новый сильный всплеск левацких проявлений на флоте. Они выразились в основном в самосудах и попытках их осуществления над офицерами, подозреваемыми в связях с корниловцами.

Центробалт, притихший после июля, с началом мятежа Корнилова весьма своеобразно напомнил о себе, постановив собрать с офицеров «расписки об их верности Временному правительству и об их готовности бороться с генералом Корниловым». После этого А.В. Развозов дает категорическую телеграмму Керенскому: «Считаю отобрание подобных бумаг с офицеров... недопустимым. Флоту этим выражается недоверие накануне нового германского похода». Комиссар Временного правительства делает на телеграмме приписку: «Полностью согласен». Министр-председатель дает в тот же вечер ответ А.В. Развозову: «Расписки... это недоверие, я же офицерам флота доверяю». Но это уже не помогло — судовые комитеты уже окунулись в привычные для себя разборки.

Поняв распоряжение Центробалта как руководство к действию, на кораблях братва решила еще разок пустить кровь офицерам, при-

чем без всякого на то повода, а просто так, для профилактики. Началось с того, что команда линкора «Петропавловск» приняла на митинге резолюцию с осуждением действий Л.Г. Корнилова. Однако четыре офицера линейного корабля отказались подписаться под этой резолюцией, мотивируя свой отказ, что они не в курсе всех деталей происходящего. Отказ офицеров был расценен матросами как открытая контрреволюция. При этом среди неподписантов были совсем молодые офицеры, не занимавшие сколько-нибудь значительных должностей, — лейтенант Тизенко и три выпускника Морского корпуса 1917 года — 19-летние мальчишки-мичманы Кандыба, Кондратьев и Михайлов, только несколько дней назад прибывшие на корабль.

Вначале судовой комитет решил четырех молодых офицеров арестовать и во избежание самосуда отправить на берег, в Центробалт. Когда для зачтения протокола собралась вся команда, среди нее стали раздаваться голоса, требовавшие немедленного самосуда. Председательствовавший матрос Дючков предложил голосовать. Более умеренные матросы стали возражать, но Дючков, не обращая на них внимания, все-таки поставил на голосование вопрос — «отправлять ли их в революционный комитет или немедленно убить». За второе предложение было всего 30 человек, а присутствовало — 800.

В это время на корабль приехали два представителя Центробалта, до которого дошел слух о готовящемся самосуде. Они потребовали, чтобы им были выданы офицеры, но судовой комитет отказал, говоря, что нет никакого основания, опасаться самосуда и что вечером арестованных офицеров отправят в распоряжение революционного комитета.

Вечером, перед отправкой офицеров на берег, состоялся митинг, но не на верхней палубе, как обыкновенно, а в нижнем помещении. На нем было постановлено расстрелять арестованных офицеров. О постановлении команды судовой комитет ничего не сказал офицерам и даже скрыл факт самого митинга.

После этого был подан катер и туда посажены арестованные под конвоем шестнадцати матросов, выбранных комитетом. Часть из

них была вооружена винтовками, а другая — револьверами. Председатель матрос Дючков заявил для успокоения, что, кроме того, поедут члены комитета — гальванер Климентьев и комендор Кокин. В конвой входили гальванер Мамонов (бывший сельский учитель) и матрос Гилев. Арестованных следовало доставить на Эспланадную пристань, что напротив Мариинского дворца, где их должны были ждать представители Центробалта. Однако вместо того, чтобы идти туда, катер направился на Елизаветинскую пристань, в сторону от центра города. Увидев это, офицеры стали требовать, чтобы их везли именно на Эспланадную пристань, но конвой объявил офицерам, что они приговорены к смерти и сейчас будут расстреляны.

На подходе к пристани мичман Кондратьев, обладавший большой физической силой, прыгнул с чемоданчиком через головы матросов в воду и стал кричать о помощи, в надежде обратить внимание рядом стоящих частных судов. Действительно, его крик был услышан, но, боясь вооруженных матросов, никто не решился оказать помощи. Матросы на катере стали ловить Кондратьева. Он был отличный пловец, и им было очень трудно его поймать; тогда они ударили его веслом или прикладом и сломали левую руку, между локтем и плечом. Затем Кондратьев был вытасчен на катер, где матросы принялись бить его прикладами и ногами.

Когда офицеры были высажены, их выстроили спиной к морю, в двадцати шагах от углового дома; один из матросов отправился за автомобилем.

Им предложили проститься. Они только молча пожали друг другу руки. Раздался залп, и мичманы Кандыба и Кондратьев упали, а лейтенант Тизенко и мичман Михайлов остались еще стоять. Они были все в крови.

Лейтенант Тизенко вскрикнул: «Что вы, негодяи, делаете?!», а у Михайлова вырвался возглас: «Добивайте, мерзавцы, меня до конца...»

После этого матросы бросились на офицеров, стали их расстреливать в упор из револьверов, колотить штыками и бить прикладами. В результате вся грудь у них была изрешечена пулями, каждый имел не менее шестнадцати ран. Удары наносились в головы, от чего ока-

зались пробиты черепа и выбиты зубы. Лейтенант Тизенко долго не умирал и просил его скорее добить. Несколько матросов прикладами выбили ему зубы, сломали нос и исковеркали все лицо. Членам Центробалта матрос Дючков лаконично заявил, что офицеров убил конвой по приговору команды.

3 сентября при огромном стечении народа состоялись их похороны. Это убийство глубоко возмутило в Гельсингфорсе не только русских, но и финнов. Отдать последний долг погибшим явилось много совершенно посторонних флоту лиц.

За отказ дать требуемую подписку был также расстрелян начальник воздушной станции в Або. В тыловой морской базе Выборге солдаты 42-го армейского корпуса убили не менее 11 своих офицеров, отказавшихся признать прибывшего комиссара ревкома кораблей и частей Гельсингфорса, созданных матросами для борьбы с корниловщиной. Убитые в основном были затоплены в заливе. Когда семьи погибших обратились с просьбой позволить им достать тела погибших, то солдаты, по словам корреспондентов кадетской газеты «Речь», в ответ глумились: «пускай теперь плавают», «теперь они командуют флотом».

Центробалт заносил доклады «с мест» в особый журнал: «При приведении отбирания расписок с офицеров на линкоре “Петропавловск” на требование суд. комитета 4 офицера отказались дать такие расписки, за что по постановлению общего собрания команды были расстреляны... На этой же почве на Абосской авиационной части убит один офицер...»

Жуткая и бессмысленная казнь товарищей вызвала понятное возмущение офицеров Гельсингфорса. Центробалту пришлось начать расследование. На «Петропавловск» была направлена делегация под началом матроса-большевика Н.А. Ховрина. Казалось бы, дело было совершенно ясным — на борту «Петропавловска» совершено уголовное преступление, виновные в котором должны быть наказаны как уголовные преступники. Но не тут-то было! Из воспоминаний члена Центробалта Н.Ф. Измайлова: «Расследование показало, что самосуд на “Петропавловске” явление не случайное, а следствие обострения классово-борьбы на флоте,

результат безрассудной политики Временного правительства во главе с Керенским, обрушившего репрессии на революционно настроенные команды флота, в том числе на команду «Петропавловска».

Ряд попыток самосудов представителям демократических организаций флота удалось предотвратить. Так, в Ревеле 30 августа комиссар ЦКБФ В.Л. Машкевич предотвратил самосуд над одним из видных участников корниловского заговора генералом Долгоруковым. Самосуд над ним мог серьезно нарушить достигнутую высокую организованность демократических сил в Ревеле для отпора Л.Г. Корнилову. Направленный Центробалтом на линейный корабль «Полтава» Н.А. Ховрин предотвратил самосуд над офицером, подозреваемым в симпатиях к Л.Г. Корнилову. В дни корниловщины Центробалту и Гельсингфорсскому Совету на нескольких заседаниях пришлось обсуждать вопрос о предотвращении самосуда над группой из 10 бывших царских приближенных (А.А. Вырубовой, И.Ф. Манусевичем-Мануйловым, П.А. Бадмаевым и др.), отпущенных А.Ф. Керенским за границу и задержанных по требованию матросов. Пока задержанные в течение 7—10 дней находились под арестом в Гельсингфорсе, в адрес центральных флотских демократических организаций постоянно поступали сообщения об угрозах расправиться с контрреволюционерами. Призывы повесить без суда, утопить, приговорить к смертной казни произносились и самими членами Центробалта и Гельсингфорского Совета. В конце концов, эта группа во избежание эксцессов была отправлена в Петроград.

Итог работы большевика Н.А. Ховрина был следующий: матросы в совершенном убийстве совершенно невиновны, так как они расстреливали офицеров не по личным мотивам, а исключительно из-за своей повышенной революционности и классовой ненависти к господствующим классам. Что касается революционности, и классовой ненависти, то они поселились в матросских сердцах из-за преступных деяний Временного правительства и мятежных генералов. А потому в расстреле офицеров виноваты исключительно Керенский и Корнилов.

В целях расследования убийства офицеров на «Петропавловске» Временное правительство направило на линкор комиссию для ареста убийц. Но комиссию на дредноут даже не пустили. Матросы заявили, что среди них никаких убийц нет, и комиссия уехала ни с чем. Вслед за этой комиссией в Гельсингфорс прибыла новая комиссия во главе с членом исполкома Петроградского Совета юристом меньшевиком Н. Соколовым. Задача перед Соколовым стояла почти неразрешимая, помимо ареста убийц добиться от Центробалта и Гельсингфорского Совета резолюции о доверии Временному правительству.

В Центробалте Соколова встретили насмешками. Ему предложили расследовать дело в течение пяти минут, а потом покинуть «Петропавловск». Иначе как издевательством назвать такое отношение к реальной уголовщине назвать сложно. Впоследствии в своих мемуарах Н.Ф. Измайлов, участник этих событий, напишет об этом не без циничного ехидства: «Комиссия направилась в Гельсингфорский Совет искать у него поддержки. Однако все ее попытки разбились о неприступную твердыню не только матросов, но и гельсингфорских солдат и рабочих... Боевые настроения охватывали все более широкие массы моряков Балтики». Напомним, что речь в данном случае идет о зверском убийстве четырех безвинных русских офицеров, трем из которых было всего по девятнадцать лет.

Вслед убывшей комиссии Соколова полетела резолюция с новым выражением недоверия Временному правительству. В данном случае пребывавших «в боевом настроении» матросов взбесило желание законного правительства провести законное расследование относительно совершенного ими преступления. Здесь, как говорится, ехать больше некуда...

Петроградский Центрофлот все же вынес резолюцию, осуждавшую самосуд на «Петропавловске», и потребовал привлечения виновников к самому строгому наказанию. Эта резолюция стала предметом долгих дебатов в Центробалте. Эсеры и меньшевики настаивали на наказании виновных, большевики с анархистами во

всем обвиняли только государственную власть. После этого меньшевики обвинили большевиков в заигрывании с преступным элементом среди матросов. Дело опять едва не дошло до драки, после чего председатель Центробалта меньшевик С. Магницкий заявил о сложении с себя обязанностей председателя. Для большевиков демарш противников стал настоящим подарком, т.к. теперь у них появилась реальная возможность протолкнуть в председательское кресло своего представителя.

Военно-морской историк М.А. Елизаров пишет: «Демократические организации флота приложили большие усилия для гласного обсуждения проблемы, чреватой срывом достигнутых завоеваний. Гельсингфорский ревком в начале сентября издал специальное постановление, категорически запрещающее какие-либо самосуды. 31 августа и 3 сентября Центробалт в результате бурных обсуждений также осудил самосуды. Петроградский Совет в связи с самосудами 11 сентября по предложению большевистской фракции принял специальную резолюцию. В ней говорилось, что самосуды “омрачали картину беспримерной революционной бдительности матросов и солдат в дни корниловского восстания”. Но главная тяжесть ответственности за трагические случаи самосудов падает на то правительство, которое корниловскими средствами пыталось ввести в революционной армии корниловские порядки».

31 августа и 3 сентября Центробалт в результате бурных обсуждений также осудил самосуды. Петроградский Совет в связи с самосудами 11 сентября по предложению большевистской фракции принял специальную резолюцию. В ней говорилось, что самосуды «омрачали картину беспримерной революционной бдительности матросов и солдат в дни корниловского восстания». Но «главная тяжесть ответственности за трагические случаи самосудов падает на то правительство, которое корниловскими средствами пыталось ввести в революционной армии корниловские порядки».

Большевики и левые эсеры в августе — сентябре 1917 года действительно боролись с матросскими самосудами, но боролись

лишь в той степени, в которой это было выгодно для назревавшего свержения Временного правительства. Дальше этого рубежа деятельность их не простиралась. Почувствовав, что критика самосудов начинает затрагивать интересы матросов, которые могли обидеться и отшатнуться от РСДРП(б), большевики стали усиливать акцент на разоблачения буржуазной клеветы по этому поводу. Тем более что правая печать в этом плане действительно не стеснялась. Буржуазно-либеральная пресса руководствовалась также сугубо политическими целями, не учитывая, в частности, того, что в силу бессилия властей самосуды, как форма борьбы с уголовниками, стали распространяться в стране еще с мая 1917 года.

Поэтому центральный орган большевиков, газета «Рабочий путь», опубликовав указанную резолюцию Петроградского Совета от 11 сентября, поместила сразу после нее заметку с разоблачением «оголтелой клеветы» буржуазной газеты «День» на матросов линейного корабля «Петропавловск», обвинявшихся в полном разложении, пьянстве, воровстве, невыполнении боевых приказаний и т.п. 24 сентября газета «Рабочий путь» вновь опубликовала заметку на ту же тему. Большевистская газета «Солдат» в связи с опубликованием «Новой жизнью» статьи «Убийство или суд?», выражавшей «негодование» по поводу «зверства» и «дикости» матросов «Петропавловска», раскритиковала попытки взять под защиту корниловцев, маскируясь мещанской моралью. Газета доказывала, что не нравоучениями нужно бороться с самосудами, а выявлением перед массами их ошибок, чтобы указать им верный путь борьбы с контрреволюцией. Флотские советские и большевистские газеты Гельсингфорса, Кронштадта, Ревеля также опубликовали ряд статей, которые, осуждая самосуды, в то же время разоблачали попытки контрреволюции фальсифицировать «истинные причины» стихийных эксцессов. Одновременно большевики и флотские демократические организации принимали на кораблях и в частях меры, чтобы не допускать самосудов впредь. Однако «истинные причины» самосудов не называли и большевики. А в основе их было то, что не были найдены и не искали виновники

февральско-мартовских самосудов. Эти самосуды продолжали замалчивать. Большевики не поднимали этот вопрос не потому, что чувствовали себя в какой-то степени виновными, а потому, что в условиях жесткого политического противоборства не видели какой-либо возможности объективного разбирательства, подобно известному случаю «явки В.И. Ленина на суд» по итогам июльских событий. Малейшие попытки в этом направлении обернулись бы обвинениями матросской массы в целом. Тем более на повестке дня уже стоял вопрос не просто политического, а вооруженного столкновения с Временным правительством. Собственно, это и обостряло оставшиеся прежними причины. На самосуды на флоте влияло и общее усиление анархических настроений в стране. Здесь происходило взаимовлияние.

В это время начались выборы во Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов. И здесь не обошлось без матросов. От Балтийского флота были избраны большевики матросы Н. Флеровский и И. Рыбаков, меньшевик И. Куканов, эсер А. Руднев, беспартийные П. Вербитский и Н. Веселков. На этом, собственно говоря, борьба балтийцев против Корнилова и закончилась.

Ликвидация мятежа Корнилова оживила пропагандистскую работу и на флотилии Северного Ледовитого океана. Местные большевики во главе с матросами В.Ф. Полухиным в Мурманске и с К.И. Пронским в Архангельске начали открытую агитацию за поражение в войне и за завоевание большинства в Советах. На флотилиях Дальнего Востока, Амурской и Сибирской влияние большевиков также выросло.

Активность большевиков в противостоянии попытке захвата власти Корниловым, способствовала резкому росту их популярности не только в Петрограде, но и на Балтийском флоте.

По настоянию большевиков — членов Центрофлота и Гельсингфорского матросского депутатского собрания П.Е. Дыбенко

и остальные делегаты были 5 сентября освобождены из «Крестов» с запретом выезжать в Гельсингфорс. Но через несколько дней все они уже вернулись туда и включились в работу Центробалта и подготовку созыва 2-го съезда Балтийского флота.

С середины сентября 1917 года большевики могли уже контролировать работу Гельсингфорсского Совета, хотя не полностью. При перевыборах руководящего состава Центробалта тайным голосованием новым председателем был избран Ф. Аверичкин, замами А. Баранов и А. Романдин, секретарями — Н. Бурмистров, Ф. Петрушев и А. Солонский. Теперь в составе президиума преобладали большевики и переметнувшиеся к ним беспартийные.

После освобождения П.Е. Дыбенко доизбрали, как «страдальца за дело революции» в новый состав Центробалта, хотя уже и не его председателем. Однако тот факт, что через А. Коллонтай Дыбенко имел прямой выход на первых лиц партии большевиков, сделал его весьма влиятельной фигурой как в Центробалте, так и в среде матросов-большевиков в целом. Поэтому неофициально вся фракция большевиков в Центробалте замыкалась не на Ф. Аверочкина, а на П. Дыбенко.

Вообще, создается впечатление, что любое распоряжение правительства вызывало недовольство матросов. Наверное, если бы даже Временное правительство было самым революционным, то оно все равно бы раздражало балтийских матросов просто самим фактом своего существования. Поэтому неудивительно, что когда в начале сентября правительство опубликовало новый декрет о создании «Российской республики», это сразу же вызвало бурю негодования среди революционных матросов. Они заявили, что это «поход против выборных революционно-демократических организаций на флоте». Честно говоря, читая декрет, трудно понять, в чем его контрреволюционность. Матросы считали, что в том, что в названии нового государственного устройства отсутствует слово «демократичная». Но это не всё: матросы требовали, чтобы полное наименование будущего российского государства было следующее — Российская Федеративная Демократическая Республика. Таким образом, ма-

тросская братва требовала пересмотра основополагающего принципа создания и построения Российского государства — перехода от унитарного устройства к федеративному, когда регионы получали политическую самостоятельность. Чем это грозило при отсутствии сильной и авторитетной центральной власти, говорить не приходится. Требуя федеративности России, матросы фактически требовали ее расчленения, а в перспективе и неизбежного распада и самоуничтожения. Было ли это проявление собственной глупости и упрямства, исполнением чьей-то чужой злой воли, нам неизвестно. Однако жесткость и своевременность постановки вопроса навевает мысль о неслучайности такого демарша.

Разумеется, что эсеры и меньшевики были против федеративности, тогда как большевики приветствовали демарш, стараясь хоть мытьем, хоть катаньем, но загнать Временное правительство в угол. Что касается анархистов, то, будучи вообще убежденными противниками всякого государства, они конечно же были и за расчленение и за самоуничтожение России, видя в этом высшую революционность.

В знак протеста судкомы кораблей, базирующихся в Гельсингфорсе, решили поднять красные боевые флаги и не спускать их до тех пор, пока правительство не утвердит вместо Российской республики Российскую демократическую республику. Как всегда в последнее время, первым поднял красные стеньговые флаги «Петропавловск». Это был очевидный шантаж, понятный даже членам Центробалта. Поэтому на очередном заседании комитета там разгорелись горячие дебаты.

От «Петропавловска» выступал матрос Хайминов: «Мы являемся инициаторами подъема флагов... Мы подняли флаги с тем, чтобы ни один контрреволюционер не посмел поднять восстание во флоте. Они будут висеть, пока не будут удовлетворены наши требования об установлении настоящей, демократической республики. Не имеет смысла давать доверие Временному правительству, так как нам до сих пор не дали земли и ничего другого. Мы по первому зову пойдем за вами. Смелее действуйте!»

В результате долгих споров тридцатью голосами против десяти Центробалт принял резолюцию, в которой предлагал в 8 утра 8 сентября «поднять на стенах всех судов Балтийского флота, а также и береговых частях красные флаги и не спускать таковые до установления Федеративной демократической республики».

В ответ Временное правительство отреагировало не лучшим образом. В Гельсингфорс был отправлен карательный отряд в составе резервного Преображенского полка и бронедивизиона. Но отряд до Гельсингфорса так и не дошел, так как его командир генерал Полковников просто не представлял, как ему штурмовать дредноуты. После столь беспомощной попытки навести порядок на флоте, матросы еще больше уверились в своей всесильности.

Спустя некоторое время красные флаги все же спустили. Эсеры и меньшевики дали бой большевикам в Центробалте и добились своего. Сохраняя лицо, центробалтовцы объявили, что «поднятие красных флагов было всего лишь смотром революционных сил флота, продемонстрировавшее его революционное единение».

Временное правительство, обеспокоенное настроением на Балтийском флоте, устроенным там демаршем, который произвел большое впечатление на всю Россию, решилось на проведение Демократического совещания, в ходе которого представители всех партий и общественных организаций, профсоюзов, земств, представителей воинских частей России обсудили бы будущее устройство государства.

Казалось, что мера эта правильная и действительно весьма демократичная. В.И. Ленин, однако, увидел в самой идее совещания серьезную опасность для своей партии, так как в случае выработки принципиального решения о будущем устройстве России и поддержки такого решения всеми слоями общества идея вооруженного переворота становилась нереальной. Поэтому вождь РСДРП(б) объявил намечаемое совещание «ловушкой со стороны эсеров и меньшевиков». Одновременно большевики отказались в нем участвовать.

Разумеется, вопрос о том, «как нам обустроить Россию», обсуждался и на Центробалте. Как всегда, споры были жаркими с переходом на личности. После долгих дебатов матросы большинством голосов решили, что власть в стране должна быть передана Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. О демократичности и федерализации России в пылу споров как-то позабыли.

Между тем недавний авторитет большевиков в Центробалте снова стал падать. Это признает член Центробалта матрос-большевик Н.Ф. Измайлов, впоследствии вспоминая о сентябрьских днях 1917 года: «При каждой своей неудаче эсеро-меньшевистская часть Центробалта обвиняла большевистскую часть его, создавая у масс впечатление о неурядицах в этом революционно-демократическом учреждении флота. Это, конечно, не могло не сказаться на авторитете Центробалта».

Между тем матросская масса требовала все новых и новых шагов в сторону углубления и расширения революции в стране. Воистину в те дни девизом балтийских матросов могли бы стать строки «Есть у революции начало, нет у революции конца...»

Понятно, что по-настоящему политизированной была лишь небольшая часть матросов. Остальные исходили из того, что гораздо лучше митинговать на площадях и ходить с транспарантами по улицам, чем воевать с немцами, подвергая свои драгоценные жизни смертельной опасности.

14 сентября В.И. Ленин решил, что пора начинать новую схватку за власть. В опубликованной 14 сентября его статье «Большевики должны взять власть» он писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки».

Новая атака на правительство было хорошо спланирована. Уже на следующий день матросы Кронштадта на 15-тысячном митинге на Якорной площади вынесли пробольшевистскую резолюцию с требованием немедленного созыва II Всероссийского съезда Со-

ветов. В телеграмме правительству было и требование освободить из тюрем всех большевиков. Тогда же кронштадтцы вынесли и резолюцию о недоверии Центробалту с требованием немедленного созыва съезда моряков Балтийского флота. В резолюциях Якорной площади легко угадывается попытка большевиков не только спровоцировать правительство на ответные действия, но и произвести кардинальную перетряску Центробалта, без которой нельзя было рассчитывать на поддержку матросов в готовящемся вооруженном перевороте.

19 сентября объединенное заседание Центробалта, судовых комитетов и матросской секции Гельсингфорсского Совета РСД под председательством П.Е. Дыбенко приняло резолюцию, в которой заявляло, что Центробалт не признает власти Временного правительства.

Таким образом, «мосты были сожжены». Назад дороги Центробалту не было. Подобные решения принимали и другие демократические организации флота. С этого момента Балтийский флот полностью вышел из подчинения Временному правительству, и в управление им фактически вступил Центробалт.

Глава десятая

ВТОРОЙ СЪЕЗД БАЛТФЛОТА — КУРС НА ВОССТАНИЕ!

Между тем на собрании демократических организаций Гельсингфорса, где также обсуждался вопрос о вооруженном свержении Временного правительства, эсеры и меньшевики выступили против переворота, как несвоевременного в условиях войны. Взобравшись на трибуну, Дыбенко, по своему обыкновению, обматерил соглашателей и заявил, что Центробалт никаких компромиссов не признает и берет всю ответственность на себя. После этого левые эсеры единогласно поддержали председателя Центробалта. Дыбенко

и Измайлову удалось вернуть власть в Центробалте. В тот же день в Гельсингфорсе были арестованы все представители Временного правительства. Пока в Петрограде большевики еще решали, выступать им или нет, Гельсингфорс фактически объявил войну существующей власти. Обратного хода уже не было.

В это время в Гельсингфорсе обострились отношения между большевистской и анархистской матросскими группировками. Анархисты попытались было отбить у большевиков матросский клуб, но сами были избиты активистами с линкора «Республика». Большевики явно приобретали все больший авторитет.

9 сентября в Гельсингфорсе открылся третий областной съезд депутатов армии, флота и рабочих Финляндии. Съезд был созван областным комитетом депутатов. Под давлением большевиков на съезде был избран новый областной комитет депутатов армии, флота и рабочих Финляндии. В него вошли 37 большевиков, 26 левых эсеров и 2 меньшевика-интернационалиста. Председателем областного комитета был избран представитель большевиков. Таким образом, вполне легитимным путем большевики фактически взяли власть в свои руки в Финляндии. Надо ли говорить, что новый состав комитета сразу же начал самое тесное сотрудничество с Центробалтом. Это был серьезный успех для тех, кто готовил государственный переворот в Петрограде.

Впрочем, на этот раз большевики не торопились с выступлением, а готовились и ждали своего часа. Мичман-большевик Ф.Ф. Раскольников позднее отмечал: «Нашей партии в это время, т.е. в августе 1917 г., приходилось уже сдерживать рабочие массы, а отнюдь не вызывать их на преждевременные выступления плохо обдуманной тюремными демонстрациями». В соответствии с тактикой, одобренной VI съездом, большевики на каждом новом повороте развития политических событий на страницах своего центрального органа обращались к массам с предупреждением против преждевременных выступлений. Так было в связи с созывом 12 августа Московского государственного совещания, корниловским заговором в конце августа, созывом Демократического совещания в сентябре».

Но не все шло гладко, большевикам так и не удалось увеличить свое влияние в Центрофлоте. Несмотря на очевидную большевизацию матросской массы, к сентябрю 1917 года политический расклад в Центрофлоте не поменялся. Для того, что сместить старых членов, нужны были сложные перевыборы, т.к. выбранные Всероссийским съездом Советов могли быть переизбраны только на следующем съезде. Но очень скоро ситуация кардинально изменилась.

Началось с того, что Временное правительство неожиданно для всех решило распустить Центрофлот, как орган, который оказался не слишком дееспособным. Напомним, что у Центробалта с Центрофлотом никогда не было нормальных отношений, а конфронтация между этими двумя организациями практически не прекращалась никогда. В Центрофлоте находились матросы-большевики Н. Маркин, Н. Пожаров, И. Сладков В. Полухин, Е. Вишневский и А. Штарев, однако они имели там минимальное влияние. Однако когда началась ликвидация Петросовета, его вечный противник Центробалт неожиданно для всех объявил это «новым наступлением контрреволюции на демократические права военных моряков». На самом деле дело здесь было вовсе не в Центрофлоте, от ликвидации которого для балтийцев ничего не менялось. Дело было в том, что нашелся новый повод подразнить центральное правительство и вызвать его на конфронтацию.

Повод для конфронтации нашелся, и 19 сентября Центробалт совместно с Гельсингфорским Советом и местными судками приняли решение больше вообще не подчиняться Временному правительству. Решение гласило: «Флот распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает». На кораблях были подняты красные флаги вместо Андреевских. Балтийский флот стал настоящей крепостью революции. Вслед за пролетариатом столицы балтийцы начали непосредственную подготовку к вооруженному восстанию.

По сути дела, это был уже самый настоящий мятеж, помноженный на государственную измену. Еще бы — во время тяжелейшей

и кровопролитнейшей войны в истории России целое стратегическое объединение, прикрывающее от врага столицу страны, объявляет о своей полной независимости от центрального правительства.

На волне этой истерии больше всех выиграли большевики, которые теперь выглядели как самые последовательные и непримиримые враги властных структур. Поэтому в связи с роспуском Центрофлота в тот же день было проведено заседание Центробалта с участием представителей 80 кораблей и матросской фракции Гельсингфорского Совета. По предложению представителей РСДРП(б) председательствующим на этом заседании был избран П. Дыбенко.

Днем ранее подготовительной комиссии по созыву 2-го Балтийского съезда моряков П. Дыбенко, не являвшийся на тот момент даже членом Центробалта, был кооптирован в эту комиссию по настоянию представительницы ЦК РСДРП(б) А.М. Коллонтай. Влюбленная женщина начала работу по возвращению своего возлюбленного в верхи матросской власти.

Ставленник большевистской элиты Дыбенко старался теперь доказать свою нужность партии. Поэтому нет ничего удивительного, что именно Дыбенко вынес на обсуждение резолюцию о том, что моряки Балтики «больше распоряжений Временного правительства не исполняют и власти его не признают».

К резолюции Гельсингфорса присоединились Кронштадт и Ревель, а также корабли на боевых позициях в Рижском заливе. Фактически отныне вся реальная власть на Балтике перешла в руки Центробалта.

25 сентября 1917 года Центробалт созвал 2-й съезд моряков — представителей Балтийского флота. Съезд открылся в Гельсингфорсе на яхте «Полярная звезда». 121 его делегат представляли 60 тысяч революционных балтийцев. Тон на съезде задавали большевики. Поэтому председательствовать на съезде поручили П.Е. Дыбенко. От того, как справится он со своими обязанностями, зависела вся его дальнейшая карьера. По воспоминаниям участников событий, все делегаты съезда, за исключением одиночек, были настроены

крайне революционно, учитывая создавшуюся обстановку в стране и огромный подъем революционных настроений моряков Балтийского флота. Заслушав доклад члена Центробалта А.В. Баранова о только что закончившемся демократическом совещании, делегаты съезда приняли резолюцию, предлагавшую Петроградскому Совету взять на себя инициативу созыва Всероссийского съезда Советов, которому и надлежало взять всю власть в свои руки.

С докладом по текущему моменту на съезде выступил представитель ЦК и Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) В.А. Антонов-Овсеенко (который фактически и «дирижировал» всем съездом). Поприветствовав матросов от имени большевистской партии, он отметил, что «своей резолюцией, вынесенной в первый день заседания, и в телеграмме всем флотам, революционной армии и демократии съезд занял правильную позицию борьбы за освобождение угнетенных и обездоленных классов» и заявил о приближении часа пролетарского восстания.

На съезде отметился анархист матрос А.Г. Железняков, призвавшего к немедленному свержению правительства, расторжению политических договоров с союзниками, за захват заводов рабочими, созыв Всероссийского съезда Советов и взятие им власти в свои руки. Вообще, все делегаты съезда, за исключением отдельных одинок, были настроены крайне революционно.

Что касается П.Е. Дыбенко, то он озвучивал написанные ему тезисы А.М. Коллонтай о том, что партия большевиков должна поставить на очередь вооруженное восстание, и клялся от имени всего флота в верности Ленину, а затем сделал доклад о новом уставе Центробалта. П.Е. Дыбенко заявил: «Мы внесем уточнение в новый устав Центробалта и не поедем просить министра поставить свою подпись под ним. Сами устав обсудим и сами его утвердим».

После утверждения устава съездом были проведены пере выборы членов Центробалта. В новый (4-й по счету) состав Центробалта вошли: П.Е. Дыбенко (председатель), В.П. Евдокимов, С.Н. Баранов, Н.А. Ховрин, Ф.С. Аверичкин, П.Д. Мальков, Г.А. Светличный, Н.Ф. Измайлов и другие. Центробалт взял на себя руководство сохранением боеспособности флота и обороной Петрограда.

Съезд потребовал от ВЦИК немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов, который должен взять власть в стране в свои руки. Тогда же матросы избрали и 14 своих делегатов на этот съезд: П.Е. Дыбенко, Н.А. Ховрина, А.Г. Железнякова, И.И. Вахрамеева, А.В. Баранова, Ф.В. Олича, М.А. Афанасьева-Невского, В.П. Евдокимова, И.П. Сапожникова, В.С. Мясникова, Н.М. Неверовского и других. Из них — 11 большевиков и им сочувствующих.

2-й съезд разработал конкретную программу для всей деятельности Центробалта, основной задачей в которой была подготовка матросов к предстоящему вооруженному восстанию. Съезд констатировал, что фактическая власть в Финляндии и на Балтийском флоте уже принадлежала областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии, Гельсингфорсскому Совету и Центробалту.

Делегаты съезда утвердили «Инструкцию для комиссаров», предусматривавшую контроль матросских комитетов над командованием, и потребовали от Временного правительства освобождения арестованных участников июльских событий. Экземпляры этой инструкции разослали по кораблям и береговым частям флота. Отныне на всех кораблях, в частях и штабах Балтийского флота вводился институт комиссаров. Они должны были отныне следить за оперативной частью и секретной перепиской командования флотом. Как и следовало ожидать, решение съезда о назначении комиссаров вызвало смятение среди командования флотом. С подачи морского министра Д.Н. Вердеревского правительство потребовало немедленной отмены решения о контроле командования. Матросы демонстративно отказались даже обсуждать эту телеграмму. Но и это не всё!

По предложению Н.А. Ховрина отныне отменялись все назначения на командные должности, начальников и командиров могла избрать только сама команда. Помимо всего прочего, съезд распорядился прекратить производство в чинах, награждение орденами, а сами ордена упразднить.

Съезд принял обращение к матросам других флотов. В нем выдвигались требования передачи земли крестьянам, демократического мира, рабочего контроля над производством и созыва Всероссийского съезда Советов.

Тогда же на объединенном заседании пленума Центробалта, судовых комитетов и матросской секции Гельсингфорского совета, под председательством П.Е. Дыбенко, была принята резолюция о непризнании власти Временного правительства и невыполнении его распоряжений. Фактически этой резолюцией Центробалт объявил Временному правительству войну.

Н.Ф. Измайлов в своей книге воспоминаний «Центробалт в дни восстания» пишет следующее: «...Со 2-го съезда представителей Балтийского флота... большинство революционных матросов Балтийского флота шло за лозунгами большевиков...»

Решением съезда на кораблях и в частях утверждались комиссары Центробалта, которые должны были отныне следить за оперативной частью и секретной перепиской командования флотом.

Как и следовало ожидать, решение съезда о назначении комиссаров вызвало смятение среди командования флотом. С подачи морского министра Вердеревского правительство потребовало немедленной отмены решения о контроле командования. Матросы демонстративно отказались даже обсуждать эту телеграмму. Но и это не всё: по предложению Н.А. Ховрина отныне отменялись все назначения на командные должности, начальников и командиров могли избрать только сама команда. Наконец дошла на съезде очередь и до Керенского. Ему послали следующее послание: «Тебе же, предавшему революцию, Бонапарту-Керенскому, шлем проклятья в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах морских...» Тогда же состоялось избрание делегатов на II Всероссийский съезд Советов. В число делегатов вошли Н.А. Ховрин, В. Мясников, И. Вахрамеев, А. Железняков, А. Баранов и другие. Разумеется, что там нашлось место и для большевистского фаворита Павла Дыбенко.

Закрывая съезд, П.Е. Дыбенко назвал ЦК партии большевиков истинными матросскими вождями и призвал всех по первому призыву новых вождей «выступить на баррикады, чтобы дать открытый бой вечным угнетателям».

Наверное, съезд продолжился бы и далее, но 29 сентября поступили известия о входе германской эскадры в Ирбенский пролив.

В тот же день съезд обсудил приказ-воззвание А.Ф. Керенского к матросам Балтийского флота. В нем Керенский, не без оснований, обвинял балтийцев в недисциплинированности, анархии и разложении флота во время начавшегося сражения за Моонзунд. Делегаты съезда, возмущенные поведением Временного правительства, приняли резолюцию, в которой потребовали немедленной отставки «авантюриста Керенского». После этого П.Е. Дыбенко зачитал заранее подготовленную телеграмму в адрес А.Ф. Керенского: «Требовать от Всероссийского комитета Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства... авантюриста Керенского как лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею и весь революционный народ. Тебе же, предавшему революцию, Бонапарту-Керенскому, шлем проклятья в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами, и тонут в волнах морских...»

Позднее П.Е. Дыбенко напишет об этом дне так: «Бессильные и злобные угрозы Керенского не смущают съезд. Керенские для флота не существуют...»

Любопытно, что в течение всего съезда высшие флотские чины (штабное судно «Кречет» стояло рядом со «Звездой») предусмотрительно не появлялись на причале, чтобы случайно не стать объектом для оскорбительных «дискуссий».

На заключительном заседании 2-й съезд Балтийского флота принял патетическое воззвание «К угнетенным народам всех стран». В этом воззвании, написанном В.А. Антоновым-Овсеенко, говорилось: «...Оклеветанный, заклеянный флот исполняет свой долг перед Великой Революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками... Мы верим, мы дышим верою в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполняют до

конца на баррикадах последнего боя... Мы знаем, что близок этот решительный бой... Мы принимаем последний горячий призыв к вам, угнетенные всего мира: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Поднимайте знамя восстания!.. Да здравствует социализм!”»

Закрывая съезд, председатель Центробалта П.Е. Дыбенко назвал ЦК партии большевиков истинными матросскими вождями и призвал всех по первому призыву новых вождей «выступить на баррикады, чтобы дать открытый бой вечным угнетателям».

Ввиду чрезвычайного осложнения обстановки у Моонзундских островов съезд прервал свою работу. В район начавшихся боев выехала часть делегатов съезда и несколько членов Центробалта.

В целом 2-й съезд моряков Балтийского флота серьезно сплотил и организовал матросские массы Балтики. После 2-го съезда Балтийский флот фактически уже не подчинялся ни командующему флотом, ни Временному правительству. Всю полноту власти взял на себя большевистский Центробалт, в котором теперь значительно преобладало большевистское влияние. Принятые решения съезда были выдержаны в большевистском духе и направлены на свержение Временного правительства. Недаром матросы гордо именовали свое собрание съездом вооруженного восстания против правительства Керенского.

Балтийский флот полностью вышел из подчинения Временному правительству, и в управление им фактически вступил Центробалт. В конце сентября В.А. Антонов-Овсеенко, принимавший участие в работе 2-го Балтийского съезда, писал в ЦК: «Масса идет через нашу голову — на съезде балтийцев оборонцами не пахнет, но есть — небывалое у нас явление — 6 анархов. В провинции и того хуже — бурлят, невтерпеж. Надо спешить с организацией». Съезд, как отмечал в своих воспоминаниях П.Е. Дыбенко, бесповоротно решил: «...Если все откажутся, флот выступит самостоятельно, один».

Вообще, если последняя фраза, которую привел в своих воспоминаниях П.Е. Дыбенко, действительно была произнесена, то она имело огромное значение. Думаю, что услышавшему ее В.А. Антонову-Овсеенко эта фраза не пришлась по душе, более

того, услышав ее, он был просто обязан как можно скорее передать ее членам ЦК РСДРП(б), т.к. сказанное председателем Центробалта являлось фактическим заявлением о том, что матросы объявляют себя не только самостоятельной. Но уже и самостоятельной политической силой, а потому намерены, в случае трусости союзников (большевиков и левых эсеров) начать вооруженное восстание в одиночку. При этом Антонов-Овсеенко и остальные большевики не могли не понимать, что, разогнав Временное правительство (а что это балтийцам под силу, в этом сомнений не было), матросы установят в Петрограде собственную матросскую диктатуру, после чего всякая надобность у них в бывших союзниках просто отпадет. Вырвать же власть из крепких матросских рук большевикам будет уже не под силу.

Впрочем, в данный момент интересы матросов и большевиков совпали, как никогда раньше. Наступал именно тот момент, о котором давно мечтал вождь большевиков В.И. Ленин, — авторитет его партии достиг у матросов максимума. И это просто необходимо надо было использовать! Именно после 2-го съезда моряков Балтийского флота, еще раз убедившись в том, что матросы Балтики «созрели» и в ответственную минуту не подведут, В.И. Ленин начинает прилагать все возможные усилия для того, чтобы окончательно «развернуть» Балтийский флот в сторону Петрограда. Без многотысячной вооруженной матросской массы рассчитывать на успех задуманного он просто не мог. В своем письме, адресованном «к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», В.И. Ленин в те дни исчерпывающе определил роль Балтийского флота и финляндских войск в вооруженном восстании: «Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть. Промедление смерти подобно».

Итак, решение о курсе на совместное вооруженное восстание большевиками и революционными матросами было принято окончательно.

Между тем матросы развлекаются, зля Временное правительство и получая от этого несомненное удовольствие. Из воспоминаний матроса линкора «Гангут» Д.И. Иванова: «Временное правительство выпустило декрет о создании Российской республики.

— Почему не демократическая, а просто республика? — шутили матросы.

На яхте “Полярная звезда” прошло собрание представителей всех судовых команд, на котором было принято предложение матросов “Петропавловска” — поднять над кораблями красные флаги и не спускать их до тех пор, пока не будет установлена демократическая республика. 8 сентября подъем красных флагов состоялся. Это был выразительный протест матросов против Временного правительства и вместе с тем их демонстрация преданности революции, партии большевиков. Из Брунс-парка, расположенного на горе, куда мы любили ходить на прогулки, особенно хорошо просматривается Финский залив. Дух захватывает зрелище: флаги революции колышутся на мачтах кораблей!»

Чтобы ни делало Временное правительство, матросам все абсолютно не нравилось. Особого значения, как именовать республику, демократической, или какой-либо еще, как мы понимаем, разницы нет. Но для матросов это был лишний повод выразить свое «фэ» министрам-капиталистам. Что же касается поднятия красных флагов, то это вообще ни в какие ворота не лезет! Корабельные флаги, как известно, символизируют государственную принадлежность корабля, со всеми вытекающими из этого последствиями. За каждым флагом всегда стоит государство. А здесь на митинге матросы «Петропавловска» вдруг решают сменить флаг, а вслед за ними меняют флаги и соседние корабли. В чем же смысл такой смены флагов? Ведь в реальности с самодельными флагами нельзя даже выйти в море, т.к. они никем не признаны. Идти в море под неучрежденными красными флагами — это почти пиратство. Впрочем, никто из матросов «Петропавловска» и других линкоров выходить в море и не собирался. Впрочем, цель поднятия красных флагов, как мы понимаем, совсем иная — заставить лишний раз понервничать не-

навистное правительство. Оговоримся, что красные флаги подняли только стоящие безвылазно в Гельсингфорсе линкоры. Корабли, сражавшиеся в те дни с немцами на подходах к Моонзундскому проливу, остались под боевыми Андреевскими флагами.

Учитывая создавшуюся обстановку в стране и огромный подъем революционных настроений моряков Балтийского флота, В.И. Ленин 27 сентября 1917 года прислал письмо на имя председателя областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии — Смильги. В этом письме В.И. Ленин на очередь дня выдвинул вооруженное восстание и поставил перед финляндскими войсками и Балтийским флотом совместно с петроградским пролетариатом и революционными частями петроградского гарнизона задачу свержения Временного правительства. В.И. Ленин требовал максимальное внимание уделить военной подготовке войск, расположенных в Финляндии, и моряков Балтийского флота, ни в коем случае не допустить увода войск из Финляндии, создать тайный комитет из надежнейших военных для учета всех войск под Питером, в Питере, в Финляндии и всего флота.

Заметим, что в сентябре 1917 года В.И. Ленин находился в подполье. Согласно официальной версии, он жил под Сестрорецком на берегу озера Разлив в шалаше. Однако, по мнению историка А.А. Арутюнова, Ленин в это время скрывался вопреки утверждениям официальных биографов, сочинивших «миф» об идиллическом шалаше в Разливе, на кораблях в Кронштадте. При этом Арутюнов в основном ссылается на устный рассказ известной большевички М.В. Фофановой и на свидетельство ряда авторитетных большевистских руководителей, содержащееся в «Известиях ВЦИК» за 16 сентября 1922 года, которое, кстати, там так и не обнаружено. Несмотря на это, информация Арутюнова вполне может быть правдивой. На самом деле, где еще Ленин мог находиться в лучшей безопасности, чем в Кронштадте. Скрытое проживание на кораблях скрывающихся от властей личностей, а также моряков, оставшихся на берегу после нередких внеплановых выходов своих кораблей

в море по разным причинам, матросов, прибывших не к сроку из разного рода «полуофициальных» командированных имело многолетние традиции, и механизм их скрытного пребывания в командах был отработан. Принимая же во внимание упадок дисциплины в первые месяцы революции, отстранение офицеров от руководства внутренним порядком на кораблях, В.И. Ленин мог чувствовать себя в Кронштадте вполне комфортно. Даже в случае его раскрытия арестовать большевистского вождя полиции было бы весьма непросто, так как появление «чужих» в Кронштадте сразу бы вызвало самую негативную реакцию кронштадтцев. Объективно за спиной толпы революционных матросов Ильичу было бы куда более спокойно, чем в забытом богом шалаше. Впрочем, вполне возможно, что слухи о нахождении Ленина в Кронштадте специально распространялись в Петрограде, чтобы скрыть пребывание большевистского вождя в Разливе. Но факт остается фактом — именно в то время газеты писали о том, что В.И. Ленин «днюет и ночует» в Кронштадте. Из-за этих слухов, а также из-за посещения Кронштадта почти всеми видными политическими фигурами 1917 года, впоследствии находилось немало матросов, которые искренне считали, что они слышали и видели выступление Ленина на Якорной площади Кронштадта. Однако если бы столь важное событие действительно имело место, оно не могло бы не быть по достоинству оценено советской историографией, как пример особой любви вождя революции к революционным морякам. Однако согласимся и с тем, что если ты прячешься в подполье у приютивших тебя матросов, то это совсем не значит, что тебе следует выступать на многотысячных митингах. Скорее наоборот, надо сидеть тихо, как мышь, и писать очередные «апрельские тезисы».

Что же касается популярности истории о тайном пребывании Ленина в Кронштадте, то она имеет свои объективные истоки. Если вождь новой революции в самые трудные для себя дни нашел убежище за спинами кронштадтских матросов, это значило, что именно эти матросы и есть самая преданная и надежная сила новой революции. Это значило, что именно они, а ни кто-нибудь другой, должны быть во главе нового революционного процесса. Это

значило, что именно они должны были воспользоваться и плодами будущей победы — престижными должностями, всевозможными привилегиями и, конечно же, славой главных героев революции. На самом деле сказать сегодня однозначно, был или не был В.И. Ленин в 1917 году в Кронштадте, затруднительно, однако даже слух о возможности такого пребывания пришелся кронштадцам по душе, став для них еще одним фактором собственной революционной исключительности.

Сразу же после окончания 2-го съезда Центробалт начал целенаправленную подготовку к вооруженному восстанию. На кораблях были созданы боевые взводы и роты, приняты неотложные меры по обеспечению оружием и боеприпасами, были избраны комиссары из надежных, проверенных матросов.

12 октября П.Е. Дыбенко с трибуны Северного областного съезда Советов заявил: «Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению».

Вскоре после 2-го съезда моряков прошли выборы в Учредительное собрание. Разумеется, что Центробалт принимал самое активное участие в этой важной политической кампании.

Гельсингфорсский комитет РСДРП(б) выдвинул в Учредительное собрание от Балтийского флота В.И. Ленина и П.Е. Дыбенко. Матросы Балтики поддержали обе кандидатуры, которые и были внесены в большевистский список № 2. За список большевистской партии проголосовало свыше 80 % избирателей Балтийско-флотского избирательного округа.

Начиная с 15 октября 1917 года, Центробалт в ускоренном темпе занялся подготовкой матросов Балтийского флота к вооруженному восстанию, к свержению Временного правительства и к захвату власти в стране большевизированными Советами. Так как в Гельсингфорсе и в Кронштадте власть и так принадлежала матросам, свергать правительство уже изначально предполагалось в столице. Но в Петрограде сил у Центробалта было не так много — Гвардейский и 2-й Балтийский экипажи. Для противодействия верным правительству гарнизону и войскам, которые правительство могло

подтянуть к Петрограду, этого было явно недостаточно. Выход был один — перебросить в Петроград необходимое количество матросов. При этом переброска их из Кронштадта была предпочтительнее, так как тот находился значительно ближе к столице, чем Гельсингфорс. Однако решено было готовить отряды все же в обеих военноморских базах.

Подготовка матросов включала политическую и психологическую обработку, обеспечение их стрелковым вооружением, боеприпасами и питанием, а также решение других многочисленных проблем, которые неизбежно возникают при перемещении больших воинских масс из одного пункта в другой. Были прекращены отпуска матросов-большевиков. На каждом корабле, в каждой части в срочном порядке началась организация боевых отрядов, во главе отрядов назначались надежные, проверенные командиры и комиссары. Ответственность за формирование, укомплектование и подготовку отрядов возлагалась на судовые комитеты. В частности, председатель военного отдела Центробалта Н.Ф. Измайлов был откомандирован в Петроград, в Морской Генеральный штаб, для получения оружия. Сделано это было под легендой обеспечения десантных отрядов матросов Балтийского флота, которых мы якобы отправляли на Або-Оландские острова, в связи с готовящимся немецким нападением. Неизвестно, поверили ли в Морском Генеральном штабе, Измайлову или просто сделали вид, что поверили, но распоряжение об отпуске оружия было получено. В своих воспоминаниях Н. Измайлов пишет, что начальник МГШ граф Капнист заявил ему: «Наконец-то Центробалт взялся за здоровое дело — за защиту Родины, а то все время Временное правительство клеймило Центробалт позором и обвиняло весь Балтийский флот в измене и предательстве». Авантюра матроса Измайлова полностью удалась, и он получил три тысячи винтовок, пять тысяч гранат, полный комплект боезапаса (патроны) и сто револьверов системы «Кольт». Все это оружие было привезено в Гельсингфорс и сдано на яхту «Полярная звезда», где размещался тогда Центробалт. Матросам десантных отрядов были розданы винтовки, а комиссарам и членам Центробалта — револьверы. Тогда же для того, чтобы быстро

реагировать на быстро меняющуюся обстановку и лучше подготовиться к вооруженному восстанию, Центробалт утвердил тройку с неограниченными полномочиями: П.Е. Дыбенко, Н.Ф. Измайлов и Ф.С. Аверочкин. Кандидатуры предлагал В.А. Антонов-Овсеенко. Пока комиссары Центробалта готовили корабли и команды для похода в Петроград и участия в государственном перевороте, Дыбенко требовал от идущих на кораблях заготавливать красные полотнища с надписью «Вся власть Советам».

Демонстративным выражением особого доверия к балтийским морякам стало решение ЦК РСДРП(б) от 29 сентября 1917 года о выдвижении В.И. Ленина кандидатом в депутаты в Учредительное собрание по Балтийскому избирательному округу. Образованная Центробалтом избирательная комиссия зарегистрировала кандидатами в депутаты от большевиков В.И. Ленина и П.Е. Дыбенко. Матросы и солдаты активно включились в избирательную кампанию.

Глава одиннадцатая

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ. В КИЛЬВАТЕРЕ БАЛТИЙЦЕВ

Неудачная попытка июльского государственного переворота в Петрограде и последовавшие за этим гонения на партию большевиков в первые дни после переворота сказались на положении РСДРП(б) в Севастополе. Июльские выступления большевиков в Петрограде не получили поддержки в Севастополе, партии и местные органы управления почти все признали это «ударом в спину революции».

16 июля прошли выборы в Севастопольскую городскую думу. Накануне же эсеры отметили день своей партии. Севастопольские эсеры организовали праздник на широкую ногу. По бухте прошли катера со знаменами, лозунгами и оркестром. Затем были устроены манифестация по центру города и массовый митинг на Историческом бульваре. Вечером в театрах, кинематографах и в парках были устроены концерты и митинги. Неудивительно, что после такого шоу

эсеры получили 56 мест из 71, далеко обойдя всех конкурентов. Так, меньшевики «взяли» всего 15 мест, кадеты и украинские эсеры — по 3 места, а большевики и прочие — всего по одному. В Совете военных и рабочих депутатов из 245 человек было только 11 большевиков. Поэтому, как и прежде, заметной роли на Черноморском флоте большевики не играли. Из воспоминаний матроса-черноморца Г. Матвеева: «Чего греха таить — весной 1917 г. севастопольцы, в своем большинстве, еще очень плохо разбирались в политике. Бывало, начнется митинг. Вылезет на трибуну кадет и вопит: “Война до победного конца”, “Без Дарданелл нам жить нельзя”, — хлопают ладонями. Кадета сменяет эсер или меньшевик, — “За революционную войну против кайзера!”, “Большевики — предатели” — тоже хлопают. Взойдет на трибуну большевик — “Война войне!”, “Вся власть Советам!”, “Мир хижинам, война дворцам” — и опять хлопают. Вот такой политической малограмотностью и пользовались меньшевики и эсеры. В своем большинстве мы тогда еще были в политическом отношении малограмотны».

Так, конце июня 1917 года, когда ЦК РСДРП(б) наконец-то зарегистрировала севастопольскую организацию, в ней числилось всего полсотни человек членов и сотня сочувствующих. И это на фоне 30 тысяч у эсеров и тысячи у меньшевиков! Эсеры с меньшевиками печатали свои газеты и активно влияли на все стороны жизни и Черноморского флота и Севастополя.

Когда до Севастополя дошли подробности июльских событий в Петрограде, первыми бурно отреагировали на это матросы, до полусмерти избив своего коллегу большевика Михайлова и несколько других агитаторов, пытавшихся призывать их к одностороннему выходу России из войны с Германией. Были попытки матросов расправиться и с членом городского комитета РСДРП(б) А.И. Каличем. 10 июля толпа матросов, подстрекаемая лидерами конкурентов (эсерами и меньшевиками), вообще разгромила клуб организации РСДРП(б). Большевик С.Г. Сапронов впоследствии вспоминал: «Мы приняли меры предосторожности: удалили через черный ход штатских членов комитета, сдали им кассу, печать, бланки для партбилетов, книгу учета членов партии. Лекцию читал Куценко,

когда банда хулиганов ворвалась в зал, стала ломать скамьи, рвать и жечь наши плакаты. Членов комитета вывели на балкон, начали бомбардировать вопросами: за что мы стоим? чего хотим, как относимся к войне? На балконе появился лидер эсеров доктор (так у Сапронова) Бируля, когда он говорил, ему аплодировали, а нам не давали сказать». В конце концов севастопольские большевики были вынуждены спасаться бегством от разъяренных матросов и прятаться на явочных квартирах.

В начале июля А.Ф. Керенский из Петербурга разразился в адрес черноморцев очередным приказом: «...Действия матросов и их выборных собраний совершенно недопустимыми и разрушающими боевую мощь флота, в высшей степени в настоящее время необходимую, но по ходатайству вновь назначенного Командующего Черноморским флотом, считаю возможным, в виду выраженного командами Черноморского флота сожаления о допущении в их среде беспорядков, прекратить следствие об упомянутых делах без каких-либо взысканий в отношении виновных...»

Но на приказы Керенского уже никто не обращал внимания. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» демонстративно отказалась выполнять приказы командира корабля, 29 июля так же поступила команда эсминца «Поспешный». Робкая попытка контр-адмирала В.К. Лукина восстановить власть командиров провалилась. Победа осталась за матросами.

9 июля в Севастополе было проведено делегатское собрание Черноморского флота. На собрании безраздельно доминировали эсеры с меньшевиками. Большевикам же на нем не дали даже говорить и не подпустили к трибуне. Делегатское собрание постановило признать объективным расследование, проведенное комиссией Временного правительства по «делу генерал-майора Петрова» и ряду других дел. На этом же собрании представители Временного правительства сделали сообщение о начавшемся наступлении на фронте, после чего делегаты приняли резолюцию о поддержке Временного правительства.

Собрание констатировало, что среди рабочих, матросов и солдат Севастопольского гарнизона преобладают оборонческие настро-

ния. Подавляющее большинство черноморских матросов считало, что война после Февральской революции продолжается по необходимости, для защиты государства и новых революционных завоеваний.

14 июля был издан приказ о введении в армии смертной казни, который, вполне ожидаемо, вызвал очень бурную негативную реакцию на флоте. Надо ли говорить, что данный приказ, применительно к Черноморскому флоту, никто исполнять не собирался.

А Черноморский флот продолжал разлагаться. Матросы съезжали на берег в грязной одежде, сплошь и рядом допускали смешение формы и штатского платья, злоупотребляли спиртным, несмотря на «сухой закон». Дошло до того, что команды открыто отказывались выполнять приказы своих командиров. 7 июля это произошло на крейсере «Память Меркурия» и других кораблях. А ведь война все еще продолжалась!

Помимо этого, Черноморский флот охватила настоящая эпидемия спекуляции. Матросы, как одержимые, воровали и продавали все, что попадалось им под руку. На вырученные деньги закупался самогон, после чего происходили драки и дебоши. Так, 27 июля в Севастополь, с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами, табаком, вернулся эсmineц «Гневный». Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала товары на городском базаре. После этого «Гневный» в течение нескольких суток был абсолютно небоеспособен из-за повального пьянства матросов. Часто дело доходило и до открытого мародерства.

В результате всей этой вакханалии военная комиссия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов вынуждена была выпустить воззвание: «В Военную комиссию поступают неоднократно мольбы от арендаторов имений, садов, виноградников и от целых селений о защите их от анархистских выступлений матросов и солдат, целыми толпами громящих сады, огороды и виноградники. Военная комиссия, негодуя на таковые выступления темных элементов армии и флота, требует прекращения подобного рода разгромов и расхищения народного достояния, и более сознательных

товарищей просит удерживать эти элементы, т.к. все такие действия ведут только к контрреволюции».

Увы, все призывы оставались на бумаге, и в реальности виновные не несли никакого наказания ни за вышеуказанные проступки, ни за такие «мелочи», как расхлябанный внешний вид.

31 июля 1917 года в должность командующего флотом вступил известный флотский либерал контр-адмирал А.В. Немитц. Это был человек, разбирающийся в политике и способный к компромиссам, имевший большие связи в масонских и еврейских кругах. Понимая ситуацию, А.В. Немитц старался лишней раз не злить ни местных революционеров, ни собственных матросов. При его откровенном попустительстве органы революционной власти быстро поставили под свой контроль командование флотом. В итоге штаб Черноморского флота и должность командующего флота были де-юре ликвидированы, а сам штаб был включен... в структуру Центрального комитета Черноморского флота. Такого полного уничтожения командной вертикали не было даже на куда более леворадикальном Балтийском флоте!

Во второй половине августа, в связи с мятежом генерала Л.Г. Корнилова, ситуация на Черноморском флоте в очередной раз обострилась. Офицеры оставались лояльны к Временному правительству, а осторожный А.В. Немитц заявил, что он выполняет исключительно распоряжения правительства и работает в полном контакте с Советом военных и рабочих депутатов. 27 августа он издал приказ, в котором объявлялось, что «Черноморский флот был и остается верным Временному правительству — единственной верховной власти в России». Однако ни заверения командующего флотом о лояльности Временному правительству, ни заверения самих офицеров, что они к Корниловскому мятежу никакого отношения не имеют, не помогли. Недоверие и недоброжелательность матросов к ним усилилась еще больше. Хотя Корнилова на Черном море не поддержал никто, левозэкстремистские тенденции на флоте после неудачи мятежа начали проявляться значительно сильнее. Вче-

рашние крестьяне требовали передачи помещичьих, монастырских и кабинетных земель крестьянским или волостным комитетам. А так как Временное правительство откладывало решение земельного вопроса, то авторитет и правительства, и поддерживавших его партий быстро падал. Среди призывов ораторов наиболее частыми были требования ареста и суда над генералом и другими руководителями путча, разгона Государственной Думы, отмены смертной казни, закрытия «буржуазных» и открытия левых газет.

С августа начала терять свой прежний, «народный» ореол среди черноморцев партия эсеров, ее ряды несколько поредели, однако, несмотря на это, эсеры все еще продолжали лидировать, благодаря если не активности, то численности.

Что касается главных оппонентов эсеров — большевиков, то в августе они, наоборот, несколько улучшили свои позиции. Весомую роль в процессе большевизации Черноморского флота сыграло прибытие в Севастополь в начале августа 1917 года Н.И. Островской (партийная кличка — «Нина»), по распоряжению ЦК РСДРП(б) направленной в Крым для ведения агитационной работы. Первым делом Н.И. Островская установила систематическую связь между местным комитетом РСДРП(б) и ЦК. Из Петрограда в Севастополь стали приходить подробные письменные советы и указания о дальнейшем улучшении организационной и агитационной работы. Со своей стороны, «Нина» информировала центр «о текущем моменте».

Опытный оратор, она сумела быстро расположить к себе матросские массы. Позиция большевиков матросам была теперь ближе, и некоторые из них стали переписываться из меньшевиков в большевики. В те дни Н.И. Островская писала в ЦК РСДРП(б), что после провала корниловского выступления большевизм в Севастополе «растет... не по дням, а по часам» и массы «точно приливом неуклонно катятся к нам». Желание послушать речи «настоящей большевички из центра» высказывали даже те экипажи, где раньше преобладало враждебное отношение к программе РСДРП(б).

18 августа матросы эскадренного миноносца «Гаджибей», без участия большевиков, приняли резолюцию, осуждающую пар-

тию эсеров за поддержку контрреволюции. Этот прискорбный факт признала и газета социалистов-революционеров «Революционный Севастополь».

Тогда же в Севастополе начался раздел партии эсеров на правых и левых. И если правые эсеры теперь воспринимались матросами исключительно как приложение к Временному правительству, то левые, декларирующие старые народовольческие лозунги, пришлись матросам по душе. Однако вследствие раздела партии и неизбежных при этом скандалов и взаимных обвинений авторитет и влияние эсеров значительно уменьшились. Образовавшийся политический вакуум немедленно заняли большевики, выступавшие за низвержение никчемного правительства и выборы новой, более революционной власти, которая принесет матросам и ъмир, землю и прочие преференции.

24 августа комиссар Черноморского флота меньшевик Н.А. Борисов телеграфировал в Петроград: «За короткое время моего отсутствия Севастополь стал городом большевиков. Большое возбуждение, непрерывные митинги, на которых дают говорить только большевикам...»

Матросы на митингах требовали передачи власти Советам депутатов. Эсеры же, поддерживая правительство, выступали против. Эсеровская газета «Революционный Севастополь» была вынуждена признать, что на собраниях и митингах, созываемых эсерами в Севастополе, «везде шум, недовольство, крик, призывы к бунту».

К началу сентября 1917 года влияние севастопольских большевиков существенно выросло. После прибытия Н.И. Островской местная организация РСДРП(б) усилила антивоенную агитацию, и эти призывы стали находить отклик у матросов. Н.И. Островская окончательно порвала все отношения с меньшевиками, а также возглавила движение за отзыв депутатов городского Совета, «не оправдавших доверия масс». На место отозванных эсеров и меньшевиков выдвигались большевики и им сочувствующие. Впрочем, собственных сил для серьезной борьбы за власть на Черноморском флоте в Севастополе у большевиков было еще недостаточно. 6 ав-

густа севастопольская большевистская партийная организация насчитывала только 150 членов.

30 августа в Севастополе состоялось первое заседание Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ), созданного по образу и подобию Центробалта. Первым председателем ЦК Черноморского флота был избран председатель судового комитета линкора «Воля» анархист электрик Е.Н. Шелестун. Так как глава Черноморского Совета был не большевиком (как глава Центробалта П.Е. Дыбенко), а анархистом, данных о жизненном пути Е.Н. Шелестуна практически нет.

Любопытно, что в 2017 году в украинской печати промелькнуло сообщение, что Е.Н. Шелестун на самом деле был не кем иным... как будущим командующим Черноморским флотом в годы Великой Отечественной войны адмиралом Ф.С. Октябрьским.

Особой роли в работе ЦК ЧФ Е.Н. Шелестун не сыграл. Есть упоминание, что Шелестун был весьма лоялен к большевикам и во многом разделял их взгляды, что вполне согласуется с тогдашней позицией партии анархистов-коммунистов, в которой Шелестун состоял.

В целом, несмотря на то что его состав ЦК ЧФ был эсеро-меньшевистским, по ряду вопросов члены Комитета занимали весьма радикальные позиции.

В это время новым поветрием на кораблях Черноморского флота стал захват матросами офицерских кают и кают-компаний. Матросы просто вышвыривали оттуда офицеров и переселялись в захваченные каюты, а столоваться желали отныне в кают-компаниях, так сказать, за барским столом.

В августе часть личного состава Черноморского флота поддержала политику Центральной рады, ее универсал об автономии Украины. Например, 8 августа собрание украинцев — солдат, матросов, офицеров и рабочих высказало возмущение инструкцией Временного правительства Центральной раде, в которой говорилось, что «в случае какого-либо насилия над Центральной Радой они все, как один человек, с оружием в руках выступят на ее защиту». Собрание потребовало учредить при штабе командующе-

го Черноморским флотом должность генерального комиссара по украинским делам. В конце августа комитет партии украинских социал-революционеров, Черноморская украинская рада приступили к объединению движений национальных меньшинств Севастополя и создали делегатский съезд национальных организаций и обществ, на котором был сформирован Совет представителей народов, куда вошли, помимо украинцев, представители крымских татар и армяне.

К этому времени Черноморский флот уже практически не выходил в море на боевые операции. В то же время, самовольно покидая корабли, матросы громили сады, огороды и виноградники. Многие ударились в открытую анархию, беспробудно пьянствуя и дебоширя. Между делом матросы продолжали изгонять офицеров, которые оказывались им неугодными. Так, были отстранены от должности комендант Очаковских укреплений полковник Романиус, начальник баржевого отряда Дунайской флотилии старший лейтенант Бонди, начальник службы связи Черного моря капитан 1-го ранга В.Н. Кедрин и другие.

В начале августа в Одессе, вняв многочисленным революционным ораторам, несколько тысяч матросов Транспортной флотилии явились на Таможенную площадь, потребовав, чтобы к ним немедленно прибыли «на разборки» командующий флотилией вице-адмирал А.А. Хоменко и начальник штаба флотилии капитан 1-го ранга В.Ф. Волькенау. Оба идти на митинг отказались, вследствие чего матросы принял резолюцию: «Выразить адмиралу Хоменко недоверие и потребовать его немедленного удаления с поста».

Повсеместное полевение настроений матросов и солдат Черноморского флота происходило все быстрее. Матросы хотели решения близких им государственных проблем в кратчайшее время. Крестьяне, одетые во флотскую форму, требовали передачи помещичьих, монастырских и кабинетных земель крестьянским или волостным комитетам, однако коалиционное Временное правительство и ЦК партии эсеров откладывало решение земельного вопроса до Учредительного собрания, затягивая одновременно и его выборы. Это вызывало раздражение, непонимание и недоверие.

Двойственная и нерешительная политика Временного правительства, откровенное уклонение от своих обязанностей нового командующего Черноморским флотом А.В. Немитца не способствовали стабилизации обстановки на флоте. Черноморский флот вступал в период разброда и шатания.

В сентябре 1917 года продолжалась ползучая украинизация частей Черноморского флота. Центральная рада имела свои далеко идущие планы. Тем не менее, Временное правительство вело двойственную политику в вопросе формирования украинских частей. 2 сентября штаб командующего Черноморским флотом получил телеграмму дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. В телеграмме рекомендовалось «производить постепенно обмен офицеров, переводя в украинизированные части офицеров украинцев из прочих частей с заменой их офицерами не украинцами». С этого времени на судах флота, под влиянием агитации украинских общественных организаций, городской организации партии украинских эсеров, началась агитация за поднятие украинских флагов.

В этот период в Севастопольском Совете образовались новые фракции — левых эсеров и украинских эсеров. Еще вчера единая партия эсеров фактически распалась на два враждебных крыла — правых и левых эсеров, объявивших себя самостоятельными партиями с собственной политической программой. И все же авторитет эсеров на Черноморском флоте пока оставался достаточно велик. Заметим, что если в Учредительное собрание балтийцы избрали В.И. Ульянова-Ленина, то черноморцы — правого эсера И.И. Бунакова.

Несмотря на это, авторитет эсеров, как и меньшевиков, продолжал падать. Однако на фоне падения авторитета старых конкурентов у большевиков на Черноморском флоте возникла новая проблема. Дело в том, что матросы «левели», но основная их масса «левела» не к большевикам, а к анархистам, лозунги которых были ближе и понятней, а сами анархисты были ребята веселые и удалые. Группы анархистов действовали в Севастополе, Феодосии,

Ялте и других городах Юга России. Наиболее известная фигура среди них — черноморский матрос А.В. Мокроусов. Лишним доказательством авторитета анархистов служит факт избрания председателем Центрального комитета Черноморского флота анархиста Е.Н. Шелестуна.

7 сентября Севастопольский Совет принял резолюцию, поддерживающую политику Временного правительства. В ответ на эти действия Совета на митинге матросов и солдат севастопольского гарнизона 12 сентября была принята резолюция протеста против контрреволюционных действий исполкома Севастопольского Совета. Накануне и ЦК Черноморского флота принял резолюцию с требованием передачи власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эсеровская газета «Революционный Севастополь» была вынуждена признать, что на собраниях и митингах, созываемых эсерами в Севастополе, «везде шум, недовольство, крик, призывы к бунту». Чуть позднее, на прошедших в начале октября в Севастополе выборах в Совет, эсеры хотя и сохраняют большинство, но потеряют 63 мандата, а количество членов партии у них сократится вдвое.

16 сентября встревоженная Н.И. Островская писала в ЦК РСДРП(б): «... За последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений их принимают за нас... Если не пришлете двух работников, то разовьется начинающийся здесь уклон к анархизму, так как эсеры и меньшевики без авторитета».

Несколько позднее она докладывала в ЦК уже в более резкой форме: «...Итак, берите на себя всю ответственность: или двух работников и Черное море — большевистское и богатое, или опять ваше равнодушие и молчание — и тогда здесь керенщина и анархизм (который пойдет на наш счет), ибо считать, на основании последнего времени, что влияние наше, а анархисты выступают инкогнито, иной раз говоря с трибуны, что большевики и анархисты на все смотрят одинаково».

Большевистский ЦК, вняв просьбам Н.И. Островской, наконец обратил внимание на Черноморский флот, направив туда профессионального революционера Ю.П. Гавена (Даумана) и кронштадтского

матроса-большевика Н.А. Пожарова, которым Я.М. Свердлов давал следующее недвусмысленное напутствие: «Севастополь должен стать Кронштадтом юга».

Прибыв в Севастополь, посланцы Свердлова, во главе с Н.И. Островской, отодвинули в сторону местных самостоятельных большевиков и взялись за агитацию весьма профессионально. Н.А. Пожарова сразу избрали в исполком Севастопольского Совета и секретарем Севастопольского комитета РСДРП(б), а Ю.П. Гавен вошел в состав городского и губернского партийных комитетов. При участии большевистских эмиссаров были созданы новые ячейки РСДРП(б) на предприятиях Севастополя и на кораблях Черноморского флота, увеличилось поступление в Севастополь большевистской литературы. На митингах они открыто призывали не только к неповиновению, но и к физической расправе над офицерством. Н. Пожаров со знанием дела рассказывал черноморцам, как лихо расправились их коллеги с офицерами в Кронштадте. Как отмечал капитан 1-го ранга М.И. Смирнов, «арестовать этих агитаторов не было сил. Их речи имели большое влияние на некультурные массы матросов, солдат и рабочих. Влияние офицеров быстро падало».

15 сентября 1917 года по распоряжению ЦК ЧФ на военных кораблях была проведена политическая акция — подняты красные флаги и сигнал «Да здравствует российская революция». Однако после завершения акции некоторые команды отказались красные флаги спускать...

В сентябре в Одесский Совет стали поступать многочисленные жалобы окрестных помещиков на бесчинства крестьян. По поручению Совета в Балтский уезд выехала делегация моряков во главе с матросом-анархистом с линкора «Синоп» В. Солохиным, которые вместо того, чтобы прекратить творимое беззаконие, сами стали призывать крестьян громить помещичьи усадьбы. На просьбы властей не провоцировать погромы В. Солохин заявил, что разгром помещичьих усадеб является законным революционным правом крестьян.

16 сентября в Одессу прибыл вспомогательный крейсер «Алмаз», ставший флагманским кораблем Транспортной флотилии Чер-

ного моря. Команда «Алмаза» была настроена весьма радикально и больше тяготела к большевикам и анархистам, чем к эсерам и меньшевикам. Через небольшой промежуток времени «алмазовцы» в революционной активности оставили позади себя матросов «Синопа» и «Ростислава». Именно команде «Алмаза» придется сыграть ведущую роль в советизации Одессы в следующем — 1918 году.

В сентябре на Черноморском флоте продолжалось отстранение отдельных офицеров от должностей и их аресты. Помимо этого, к середине октября начались и первые избиения офицеров на улицах. Помимо этого, среди матросов все чаще стали возникать разговоры о том, что хорошо было бы поквитаться с теми из офицеров, кто принимал участие в подавлении матросских мятежей в 1905 году и участвовал в судебных процессах над их участниками.

8 октября 1917 года в Севастополе на площади адмирала Нахимова, вопреки постановлению исполкома Совета, состоялся многочисленный митинг матросов, солдат и рабочих. Ораторы утверждали, что «причиной всех проблем является война, вызванная капиталистами воюющих стран и поддерживаемая ими с целью подавить нашу революцию и интернационал, а также для того, чтобы на развалинах побежденного врага закрепить могущество своего милитаризма». Митинг постановил: «Немедленно приступить к переизбранию Советов военных, рабочих и крестьянских депутатов, Всероссийский съезд которых, назначенный на 21 сего октября, должен взять управление революцией в свои руки и прекратить эту кровавую свадьбу разнузданного империализма».

15 октября в цирке Труцци прошло первое заседание Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов нового созыва, на котором обсуждали наказ делегатам от города на II Всероссийский съезд Советов. По предложению Н.И. Островской, на этом же заседании председатель от имени Совета приветствовал кандидата Н.А. Пожарова как представителя Балтийского флота.

17 октября на заседании Севастопольского Совета по настоянию большевиков обсуждался вопрос о политической власти в стране.

Большевистская фракция требовала передачи власти в руки Советов. Однако большинством депутатов-эсеров предложение было отклонено. Резолюция большевиков на этом заседании собрала лишь 120 голосов из 300. Впрочем, на этом же заседании большевики добились избрания делегатом на II Всероссийский съезд Советов солдата-большевика А.И. Калича. Вторым делегатом был избран представитель эсеров. А на митингах матросы уже сгоняли с трибун обронцев-эсеров, кричали «ура» пораженцам-большевикам, пили водку с анархистами и требовали передачи всей власти в руки Советов. В частности, такие решения были вынесены командами эсминцев «Керчь», «Капитан Сакен», линейных кораблей «Свободная Россия» и «Иоанн Златоуст», некоторых других кораблей и частей. Проведенные в октябре выборы депутатов Совета дали большевикам 58 мандатов вместо 10, которые они имели ранее.

Постепенное возрастание роли большевиков в политической жизни Черноморского флота отмечали даже их политические противники. На состоявшихся осенью выборах в Учредительное собрание члены РСДРП(б) собрали 31 612 голосов. Одновременно происходило стремительное сокращение численности и резкий отток членов из рядов конкурирующих партий. Многие матросы, формально состоявшие в умеренных социалистических партиях, на деле поддерживали большевистскую линию, голосуя на собраниях и митингах за резолюции, которые предлагались большевиками.

К этому времени Черноморский флот практически вышел из-под контроля командования. 19 октября произошел доселе небывалый случай, когда команда линкора «Свободная Россия» отказалась идти к болгарским берегам на перехват германского крейсера «Бреслау» и заставила офицеров вернуться в Севастополь. По возвращении эскадры контр-адмирал А.В. Немитц возбудил вопрос о немедленном суде над командой линкора, но, натолкнувшись на резкий протест матросов, как всегда, отступил.

25 октября 1917 года произошли два события, которые стали поворотным в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А.М. Каледина, а вечером

в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть.

На флоте вновь сразу же прокатилась волна недовольства политикой организаций эсеров и меньшевиков, Севастопольского Совета, где они имели подавляющее большинство, которые, в отличие от матросских масс, были против перехода власти к Советам. Находившийся на более левых позициях Черноморский Центрофлот, выражая волю матросов, выступил с воззванием в поддержку Советской власти. Был отстранен от должности главного комиссара флота правый эсер И.И. Бунаков-Фундаминский, а на митингах принимались резолюции с требованием удалить «соглашателей» и «объединенцев» из состава Севастопольского Совета. Выступая на собрании линкора «Воля», один из лидеров анархистов А.В. Мокроусов грозил «штыками разобрать Совет, если таковой не примет анархистскую резолюцию», на что команда линкора выразила протест.

24 октября по согласованию с Украинским войсковым генеральным комитетом Центральной рады при Штабе флота был официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара Центральной рады капитана 2-го ранга Е.Н. Акимов.

Вопиющий случай неподчинения командованию произошел в последнем походе Черноморского флота «демократической» России. 19 октября 12 кораблей вышли к Босфору, где, по имеющимся сведениям, находился крейсер «Бреслау». Не встретив неприятеля, большая часть флота оставалась у турецких берегов еще несколько дней, осуществляя сложное маневрирование. А линкор «Свободная Россия» с двумя эсминцами был отправлен к болгарскому побережью. В виду берега, в районе минных полей, команда предложила командиру линкора прекратить крейсерство и идти в Севастополь. Матросы заявили, что они не желают рисковать своими жизнями ради буржуев и по возвращении в Севастополь еще разберутся, кто и для чего послал корабли к Босфору. Когда командир отказался удовлетворить требования команды, матросы связали его и старшего офицера и привели линкор в Севастополь. Командующий флотом поднял вопрос о немедленном суде над командой «Свободной Рос-

сии», однако натолкнулся на резкий протест матросов и отступил. На флоте нарушался ранее незыблемый принцип единоначалия. Теперь матросы могли себе позволить пьянствовать не только будучи в увольнении на берегу, но и прямо на кораблях. Уже в октябре Совет вынужден был принять специальное постановление по этому поводу: «Лица, замеченные в продаже спиртных напитков, арестовываются революционным порядком на три месяца с посылкой на принудительные общественные работы».

К осени 1917 года на Черном море остро встал и национальный вопрос, который практически не проявился на Балтике. Начался флажный беспредел. Если еще совсем недавно корабельный флаг считался неприкосновенной святыней, то теперь на кораблях Черноморского флота вывешивали все, что кому заблагорассудится. Очевидец вспоминал: «Одни корабли еще стояли под Андреевскими флагами, другие под красными, третьи подняли “жовто-блакитные” самостийной Украины, четвертые — черные знамена анархистов». Исполком Севастопольского Совета 17 октября выпустил резолюцию, в которой высказался за спуск на судах украинских флагов и заявил, что, «только сплывавшись под красным флагом революции, в полном единении революционной демократии всех национальностей, направленном на расширение и углубление революции, можно достичь полного самоопределения народностей».

Начинались попытки «украинизации» отдельных кораблей. Так, 12 октября неожиданно для всех «украинизировался» строившийся в Николаеве крейсер «Светлана», на котором были подняты украинские стеньговые флаги. Толку от этого не было никакого, т.к. степень готовности крейсера была крайне мала, да и штатной команды на нем также не было. Флаги подняла группа приехавших националистов. Но шума по этому поводу было много. Несколько позднее неприятный инцидент произошел на миноносце «Завидный», команда которого самовольно подняла вместо Андреевского флага украинский и постановила не спускать его до созыва Учредительного собрания. 17 октября в Севастополе объявилась местная украинская рада, объявившая, что она подчиняется Центральной раде в Киеве. Уполномоченным от нее при штабе Черноморского

флота был назначен капитан 2-го ранга С.С. Акимов. Предпринял попытку закрепиться на Черноморском флоте татарский курултай. Возник и совсем уж опереточный «Союз молдаванских воинов».

Под влиянием националистов украинские флаги временно принимали эскадренный миноносец «Завидный», крейсер «Память Меркурия» и линкор «Воля». Правда, на последнем этот флаг почти сразу спустили, после того как линкор в знак протеста покинули 700 матросов-малоросов. По этому же поводу была получена и телеграмма морского министра: «Черноморский флот есть флот Российской Республики, содержащийся за счет государственного казначейства, а потому не может носить никакого иного флага, кроме русского военного знамени».

Черноморский флот, ослабленный пораженческой агитацией, нерешительностью командования, частичной демобилизацией и самовольным оставлением кораблей матросами и офицерами, а также непрекращающееся острой политической и даже вооруженной борьбой, стремительно приходил в упадок.

Глава двенадцатая

БИТВА ЗА МООНЗУНД

В конце сентября — начале октября Балтийский флот был вынужден на некоторое время отвлечься от революционной горячки. Первая мировая война снова напомнила о себе, и как! Впервые за все годы войны, на подступах к Финскому заливу появились линейные силы германского флота. До этого германские линкоры не покидали просторов Северного моря, где не слишком успешно противостояли англичанам.

В сентябре же 1917 года германское командование решило воспользоваться революционным беспределом на Балтике и нанести решающий удар в районе Моонзундских островов, который привел бы к разгрому ослабленного Балтийского флота, а если повезет, то и к последующему падению Петрограда, а значит, и выводу из войны всей России.

Председателем Предпарламента был избран правый эсер Н.Д. Авксентьев; подготавливая общественное мнение к возможному падению столицы, в газете «Утро России» он написал: «Со взятием Петрограда, флот все равно погибнет, но жалеть не приходится: там есть суда совершенно разращенные».

Ставки в предстоящем сражении действительно были очень высоки, и немцы поэтому готовились к нему основательно.

Для этого в Балтийском море было сосредоточено 10 линкоров-дредноутов, 10 крейсеров, еще почти 300 кораблей и вспомогательных судов других классов, 100 аэропланов и 25-тысячный десантный корпус. Этой армаде Балтийский флот мог противопоставить только два старых линкора додредноутного типа, три таких же старых крейсера, около 100 кораблей и судов других классов, 30 аэропланов, 16 береговых батарей и 12-тысячный гарнизон Моонзундских островов. Положение усугублялось германским шпионажем, принявшим широкие размеры, а также царившими среди определенной части матросов революционно-пораженческими настроениями.

Русские войска на суше были представлены несколькими полуразложившимися пехотными полками, охваченными волнениями, а так же морскими командами береговых артиллерийских батарей. На батареях матросы-артиллеристы не горели особым желанием идти в бой. Флотское прикрытие островов было также весьма слабым, так как даже после углубления дна на фарватере в восточной части архипелага в Рижский залив могли войти только легкие силы, подлодки и устаревшие броненосцы. Единственным преимуществом оборонявшихся были минные заграждения в заливе, прикрывавшие проливы между островами и основные фарватеры, где было выставлено около одиннадцати тысяч мин.

Битва за Моонзунд в октябре 1917 года в военно-морской истории России стоит особняком. Дело в том, что это последнее морское сражение, которым командовали царские адмиралы, и первое сражение, в котором командовали матросские комиссары и судовые комитеты кораблей и воинских частей. Разумеется, что такое разделение власти предопределило как ход самого сражения, так и его исход.

Своеобразным прологом к будущему сражению стал, казалось бы, заурядный по своим масштабам эпизод. 13 сентября 1917 года в Ирбенском проливе подорвался на mine посланный на разведку эскадренный миноносец «Охотник». Командир, офицеры, унтер-офицеры и матросы георгиевские кавалеры не пожелали оставить эсминец и вместе с кораблем пошли ко дну, предоставив свои места в шлюпках молодым матросам. Вместе с офицерами погибли матросы-большевики, матросы-эсеры и матросы-анархисты. Погибли так, как погибали их деды и прадеды, смело глядя смерти в глаза. Геройская гибель команды «Охотника» произвела большое впечатление на офицеров и матросов Балтийского флота. Казалось, что не было этих страшных последних революционных месяцев и моряки Балтики снова вместе сражаются против общего врага....

Однако революция все же давала себя знать. Практически одновременно с подвигом «Охотника» матросы новейшей подводной лодки «Кугуар» отказались выходить на боевые позиции, сославшись на неисправности. Команда готовящейся к боевому походу канонерской лодки «Хивинец» фактически бойкотировала судовые работы. По этой причине небольшой ремонт, который раньше проводился силами команды, пришлось передавать мастерским.

Если матросы почти откровенно своевольничали, невзирая на боевую обстановку, и могли не выполнить приказов своих офицеров, у командиров кораблей была другая проблема — судкомы то и дело вмешивались в вопросы командования кораблями. Что касается адмиральского звена, то в их оперативные распоряжения вмешивались уже представители Центробалта.

Кроме этого, к осени 1917 года резко упал уровень профессиональной подготовки всех категорий личного состава. Командиры кораблей единодушно отмечали, что к осени 1917 года на кораблях Балтийского флота были практически уничтожены высокопрофессиональные кадры кондукторов и сверхсрочнослужащих, а заменившая их молодежь имела недостаточную подготовку. А офицеры и адмиралы отдавали приказы с оглядкой на судкомы и Центробалт — события февраля 1917 года были еще слишком свежи в их памяти.

В советской литературе, даже в энциклопедиях, утверждалось, будто Балтийским флотом в Моонзундском сражении командовал некий мифический «большевистский комитет». Это, разумеется, глупость и неправда. Даже дюжина матросов не сможет командовать в бою крейсером, не имея соответствующего образования и опыта. В ряде случаев члены комитетов в чем-то помогали офицерам, в других случаях, наоборот, только мешали. В конечном счете это во многом определялось личностными качествами конкретных членов судовых комитетов. Если там оказывались нормальные, адекватные матросы, то они стремились сделать все возможное для общей победы. Если же в судком входили левацки настроенные люмпены, ждать от них помощи не приходилось. Председатель Центробалта П.Е. Дыбенко в те дни писал о деятельности судовых комитетов кораблей на Моонзундской позиции так: «В комитетах собрался народ хороший, стойкий, но ведь утопят корабли». Как здесь не вспомнить августовскую телеграмму Центробалта: «Ссылки офицеров на скорые бои с немцами считаются попытками уйти от ответственности за события вокруг Петрограда». Тогда центробалтовцам казалось, что петух их не клюнет, но он клюнул!

Корабли, все время находившиеся на передовых позициях в районе Моонзунда, считались не слишком надежными в революционном отношении, а потому для приведения их в должный вид туда была послана известная левая эсерка Мария Спиридонова. Настроена М.А. Спиридонова была решительно. Выступая на кораблях, она вещала: «Товарищи, не верьте вашим офицерам, следите за ними и если заметите что-нибудь, уничтожайте их».

Свою «ложку дегтя» в ход событий внес и председатель Центробалта П.Е. Дыбенко. В «Записках последнего морского министра» контр-адмирал Д.Н. Вердеревский пишет: «О подготовке операции по захвату островов знали заранее. Получили необходимые данные и от британского Адмиралтейства. Несколько раз встречался с Развозовым, приезжал ко мне и Черемисов (генерал-лейтенант В.А. Черемисов — главнокомандующий армиями Северного фронта. — *В.Ш.*), но они уже не обладали всей властью, хотя некоторые действия по защите островов провели. Две дивизии, расквартиро-

ванные на Эзеле и Даго, не спеша возводили новые укрепления, а флот даже не успел выставить минные заграждения на угрожаемых участках. Балтийский комитет, где опять заправлял Дыбенко, запретил выпускать любые суда без приказа комитета». Разумеется, что когда всерьез запахло порохом, Дыбенко предпочел уйти в тень и о своем идиотском запрете уже помалкивал, но дело свое он сделал и судкомы уже вовсю в боевой обстановке «качали права» перед командирами кораблей.

В реальности всей Моонзундской операцией от начала и до конца руководил штаб Балтийского флота, во главе с командующим флотом контр-адмиралом А.А. Развозовым и командующим морскими силами Рижского залива вице-адмиралом М.К. Бахиревым. На своих местах находились и все офицеры.

В Комитете морских сил Рижского залива большевики решающего влияния вообще не имели. Наибольшим влиянием в комитете пользовались левые эсеры, за ними шли анархисты. Большевики занимали лишь третью позицию, наиболее популярным из них был член Центробалта А. Тупиков. Сам комитет располагался на линейном корабле «Слава».

Вообще, в расстановке политических сил в матросских комитетах Балтийского флота в тот период наблюдалась весьма любопытная тенденция. В боевых, реально воюющих соединениях кораблей и в боевых береговых частях большевики, как правило, никакого влияния не имели. Зато их влияние резко возрастало по мере отдаленности от линии фронта. Это объясняется, прежде всего, пораженческой позицией РСДРП(б). Для реально воюющих матросов такая позиция была неприемлема, как откровенно трусливая, но для их собратьев в тылу она, наоборот, была удобна, т.к. оправдывала их нежелание воевать. Такая расстановка политических приоритетов сохранится на Балтике до самой Октябрьской революции.

В контексте нашей темы необходимо еще раз вернуться ко 2-му съезду Балтийского флота, начавшему работу 25 сентября в Гельсингфорсе на яхте «Полярная звезда». На четвертый день съезда, когда проголосовали почти все резолюции, в президиум передали записку о наступлении немцев на Моонзунд. Заседание прервали

«ввиду уяснения угрозы», а П.Е. Дыбенко «пожелал видеть на съезде» командующего Развозова.

Из воспоминаний А.В. Развозова: «Мне донесли, что среди делегатов прошел слух: Гутье пойдет после островов на Петроград. И первый вопрос, услышанный на съезде, — о том, прорвутся ли немцы в Финский залив. Толпа, которая еще вчера могла разорвать, притихла. Я спокойно ответил: главные силы готовы к развертыванию у передовой позиции (минные заграждения между Даго и финским берегом. — *В.Ш.*), чтобы остановить неприятеля, которого пока сдерживают суда Рижского залива, но нужно выполнить все мои приказы без обсуждений и резолюций... Требование мое, как ни странно, приняли. Но тут зачитали телеграмму главковерха, что флот в бою должен искупить свое предательство перед революцией. Я впервые о ней слышал. Кажется, ее доставили со штабного «Кречета» на «Полярную звезду», даже не известив штаб. Поднялся шум, затопали ногами. В довольно грубой форме задавались вопросы... Не перейдут ли офицеры на сторону германских империалистов? У меня ответ тот же: нужно выполнять приказы, никаких толкований их. Выручил Дыбенко, твердо заявив, что вопрос решенный, он согласен, только есть сомнение, не предаст ли Бахирев — фигура сомнительная... Но он в бою ничем себя не запятнал».

Для Центробалта М.К. Бахирев действительно являлся фигурой сомнительной, т.к. в августе поддержал выступление генерала Корнилова. Поэтому согласились с половинчатым решением: послать делегатов в Моонзунд в качестве комиссаров и уполномоченных. Призывая к отпору врагу, 2-й съезд Балтийского флота заявил: «Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполняем свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу... Мы исполняем верховные веления нашего революционного сознания». Команды линкора «Андрей Первозванный», крейсеров «Рюрик», «Богатырь», «Олег» заверили Центробалт короткой телеграммой: «Умрем, но не уступим врагу, посягнувшему на революцию».

В воспоминаниях Н.Ф. Измайлова есть любопытный момент, относящийся к работе 2-го съезда: «...При закрытых дверях съезд

заслушивал представителя штаба флота старшего лейтенанта В.Н. Демчинского о военных операциях на море. Многие делегаты вносили весьма ценные предложения о более эффективном использовании боевых сил и просили Центробалт следить за претворением их в жизнь. Большое внимание съезд уделил вопросу о контроле за деятельностью командного состава».

А буквально перед самым сражением разразился конфликт между командой эскадренного миноносца «Победитель» и командующим морскими силами Рижского залива вице-адмиралом М.К. Бахиревым. Суть конфликта состояла в том, что матросы «Победителя» посчитали, что вице-адмирал не ответил должным образом на приветствие команды, когда эсминец проходил мимо флагмана. На самом деле Бахирев в это время сидел в каюте за картами предстоящего сражения, а стоявшие на вахте такие же матросы, что и на «Победителе», не посчитали нужным ответить на приветствие своих сотоварищей. «Оскорбленные» матросы «Победителя» оповестили сигналом весь Балтийский флот, что «начальник минной обороны страдает от качки». Взбешенный вице-адмирал М.К. Бахирев и контр-адмирал Г.К. Старк немедленно подали в отставку. Тут уж и Центробалт понял, что матросы «перегнули палку». Остаться без профессионального руководства перед самым вторжением германской эскадры в Рижский залив было равносильно самоубийству. На этот раз представителям Центробалта пришлось отчитать матросов за неуважение к адмиральским седидам, а перед Бахиревым и Старком извиниться. Посчитав себя удовлетворенными, оба адмирала забрали рапорты об отставке. Впрочем, история с «Победителем» имела и положительную сторону. После нее центробалтовцы сделали правильные выводы и в период всего Моонзундского сражения активно занимались защитой адмиралов и офицеров от наиболее радикальных сотоварищей.

Сосредоточив серьезные военно-морские силы, германский флот начал наступление на Моонзундские острова: Эзель (Сааремаа), Моон (Муху), Даго (Хиума) и Вормс. Чтобы прорваться в Риж-

ский залив, немцам следовало расчистить проход через Ирбенский пролив. Тральщики начали работу 11 октября. Первая попытка вступить в артиллерийский бой с береговыми батареями на полуострове Сырве для немцев была плачевной. В результате артиллерийского боя немцы опасались береговых батарей, в особенности 305-мм батареи № 43 на мысе Церель, поэтому 12 октября направили для их обстрела линкоры «Кениг Альберт» и «Фридрих дер Гроссе». Часть матросов-артиллеристов во время боя бежала, бросив орудия, зато на батарее появилась пьяная толпа с соседней батареи № 44, которая в бою с германскими линкорами вообще не участвовала. 14 октября на помощь прибыл адмирал В. Сушон на своем флагмане «Фридрих дер Гроссе». Начался обстрел батареи. Кроме этого, батарея была атакована аэропланами. В результате одного из налетов произошел взрыв в пороховом погребе, в результате чего погибли 121 человек. Командир батареи был ранен. Это окончательно деморализовало оставшихся в живых матросов-артиллеристов. Утром 15 октября на помощь батарее был направлен линкор «Цесаревич», в сопровождении трех эсминцев. Однако батарея к этому времени была брошена революционными солдатами и на огонь немецких линкоров уже не отвечала. Вечером того же дня, после недолгих переговоров, оставшиеся еще в расположении батареи матросы сдались. Капитуляция произошла по требованию комитета матросских депутатов.

12 октября 1917 года германский флот подошел к острову Эзель (Сааремаа) и начал высадку десанта. При этом на подходе к берегу подорвались на минах линкоры «Байерн» и «Гроссер Курфюрст». После этого немцы попытались прорваться легкими силами на Кассарский плес, но в результате морского боя были отогнаны.

14 октября при попытке атаковать силы Балтийского флота немцы потеряли 4 эсминец, один из которых сел на мель, а три других вышли из строя, коснувшись винтами грунта. Эсминец «Победитель» артиллерийским огнем вывел из строя германский эсминец G-103. В ходе боя с превосходящими силами немцев героически погиб эсминец «Гром».

С гибелью «Грома» связана самая популярная легенда Моонзундского сражения. Когда «Храбрый» отходил от борта эсминца, на палубу «Грома», согласно легенде, перепрыгнул старшина Федор Самончук. Смелый моряк решил торпедировать подходящий миноносец противника, а затем взорвать свой корабль, чтобы тот не достался врагу. Увидев приближающийся германский миноносец, он дождался, пока тот подойдет вплотную, и торпедировал его с небольшой дистанции. После этого, чтобы корабль не достался врагу, Самончук бросил в артиллерийский погреб «Грома» горящий факел. Раздался взрыв, и «Гром» медленно погрузился в воду. Взрывной волной Самончука сбросило за борт, и долгое время его считали погибшим, тогда как он попал в плен, из которого он дважды бежал, и вернулся на родину лишь спустя несколько лет. В 1955 году пионеры разыскали старика Ф.Е. Самончука, который был награжден орденом Красного Знамени. В 1957 году режиссером Я. Фридом был снят фильм «Балтийская слава», включая эпизоды Моонзундского сражения. Прототипом главного героя фильма Федора Лютова стал Федор Самончук, правда, по сюжету, взорвав эсминец «Гром» вместе с собой, он погибает. Подвиг Ф.Е. Самончука описан в художественном романе В.С. Пикуля «Моонзунд». В романе Ф.Е. Самончук представлен старшиной Трофимом Семенчуком. Но вот что странно: никто, нигде и никогда не приводил названия потопленного германского эсминца. Увы, как это ни грустно, но никто никакого германского миноносца героически не топил, да и «Гром» факелом не взрывал. В реальности все было совершенно иначе. 14 октября 1917 года «Гром», находящийся в составе дозора на Кассарском плесе, попал под залп германского линкора-дредноута «Кайзер», открывшего огонь по кораблям дозора. Снаряд попал в машинное отделение эсминца, но не взорвался. Из строя были выведены две турбины, «Гром» получил крен на левый борт. Когда в пролив Созлозунд вошли германские корабли, «Гром» получил еще несколько попаданий, и на нем начался пожар. Команда и офицеры в панике покинули корабль, перебравшись на подошедшую канонерскую лодку «Храбрый», бросив на борту секретные документы, в том числе шифрокоды и карты минных заграждений. Подошедший к брошен-

ному командой «Грому», германский эсминец В-98 высадил на него офицера и пятерых матросов. Над «Громом» был поднят германский флаг. Немцы попытались буксировать захваченный «Гром». Однако эсминец уже тонул. Убедившись, что увести «Гром» не получится, немцы покинули захваченный эсминец. Вскоре «Гром» затонул.

В Ирбенском проливе 305-мм береговая батарея на мысе Церель отогнала огнем германские крейсера и тральщики. Подтянув линкоры, немцы начали бомбардировку береговой батареи. Вице-адмирал М.К. Бахирев, решив заблокировать для прохода германских кораблей проход Созлозунд, в ночь с 12 на 13 октября направил туда пароход «Латвия» и минный заградитель «Припять». Эта ночь была отмечена настолько позорными событиями, что им нет аналога в истории российского флота. Транспорт «Латвия» был посажен своей командой на мель, и снять его не удалось.

Еще более гнусным было поведение команды «Припяти». Ее судовой комитет отказался выходить на операцию, так как мины ставить пришлось бы в пределах дальности действия корабельной артиллерии противника. Отказ экипажа минного заградителя «Припять» выставить заграждение у входа в Малый Зунд привел к прорыву легких сил немецкого флота на тыловую позицию балтийского флота и сделал оборону острова Моон практически невозможной. В ночь с 14 на 15 октября команда заградителя «Припять», после долгих уговоров и нескольких митингов, все же согласилась-таки принять участие в бою и поставила заграждение, но было уже поздно.

Раздосадованный ситуацией с «Припятью» А.В. Развозов при первой же встрече с Дыбенко заявил, что центробалтовцы продолжают огульно упрекать офицеров в мнимой контрреволюции, а тем временем судовые комитеты, несмотря на боевую обстановку, не выполняют распоряжения командования. Случай «представился вопиющий». Команда заградителя «Припять» отказалась ставить мины в Созлозунде, ссылаясь на... дождь. Дыбенко, как вспоминал А.В. Развозов, пришел в ярость: «Разогнать губителей революции!» Анархистски настроенную команду «Припяти», как бы сейчас сказали, укрепили моряками с других миноносцев, а судовой

комитет сразу, как только прибыл комиссар из Гельсингфорса, переизбрали.

15 октября немцы потеряли на минах и в результате навигационных аварий еще три эсминца. Высадившись на острове Эзель, немцы обошли батарею на мысе Церель с тыла. Большинство личного состава батареи бросили орудия, подорвать их не удалось. В пехотных полках, расположенных на острове, началась паника, и они вышли из подчинения. Единственной боеспособной частью оказался Ревельский матросский батальон смерти под командованием капитана 2-го ранга П.О. Шишко и комиссара матроса-большевика с минзага «Амур» Е.И. Вишневого. Матросы Ревельского ударного батальона, численностью более 600 человек, обороняли Ориссарскую дамбу между островами Эзель и Моон, прибыв из Ревеля на позицию уже в ходе боев. Причем оборона дамбы держалась только на ударниках, так как пехота при первых же выстрелах противника бросила свои позиции. Бой за дамбу стал самым напряженным эпизодом Моонзундской операции для германского десанта. При этом матросы Ревельского ударного батальона, не ограничиваясь пассивной обороной, невзирая на сильный артиллерийский огонь немцев, неоднократно контратаковали. В одной из таких отчаянных контратак матросы-ревельцы даже успешно форсировали дамбу и отбили небольшой плацдарм на Эзеле. Но, не поддержанные пехотой и попав под огонь германских эсминцев, были вынуждены вновь отойти на Моон. Что же касается германских миноносцев, обстреливавших Ревельский батальон, то они вышли на позицию обстрела исключительно благодаря предательству команды минного заградителя «Припять»...

Так как на ревельцев легла главная тяжесть этих боев, они понесли большие потери. Для спасения Ревельского батальона была проведена эвакуационная операция. Причем, даже окруженный многократно превосходящими силами противника, батальон из последних сил продолжал удерживать позицию у моонской пристани. При эвакуации офицеры и матросы уступали друг другу место в шлюпках, стремились в первую очередь эвакуировать раненых. Командир батальона капитан 2-го ранга П.О. Шишко, решив оставить

остров последним, отказался сесть в присланную за ним шлюпку. В итоге после пяти ранений он попал в плен. Что касается комиссара Е.И. Вишневого, то он был ранен, но продолжал руководить обороной и лишь в последний момент на шлюпке переправился на материк.

16 октября произошел морской бой в проливе Моонзунд. Германские тральщики завершили расчистку фарватера в Рижском заливе, куда вошла германская эскадра в составе двух линкоров-дредноутов, трех крейсеров, большого количества эсминцев и тральщиков.

17 октября на рейде Куйвасту произошел морской бой. Русские корабли открыли интенсивную стрельбу по тральщикам. Чтобы укрыться от огня русской корабельной артиллерии, немецкие корабли ставили дымовые завесы. Германские дредноуты, следуя за тральщиками, перешли на восточный фарватер. После этого дредноут «Кениг» открыл огонь по линкору «Слава», а дредноут «Кронпринц Вильгельм» — по линкору «Гражданин» (бывший «Цесаревич»). В ходе боя у «Славы» вышли из строя орудия носовой башни главного калибра, и командир корабля, капитан 1-го ранга В.Г. Антонов, принял решение развернуть корабль кормой вперед, чтобы ввести в бой орудия кормовой башни главного калибра. В ходе дальнейшего боя броненосец «Слава» получил три попадания ниже ватерлинии и принял в себя 1130 тонн воды. Из-за серьезных повреждений «Слава» приобрела большую осадку, исключаящую ее проход фарватером пролива Моонзунд. Начальник Морских сил Рижского залива, принимая решение отступить на север, приказал взорвать «Славу», затопив ее на фарватере в качестве заграждения, и направил эсминцы для снятия экипажа. Однако судовой комитет заявил, что оставаться на корабле опасно и необходимо его срочно покинуть. Члены комитета, вопреки приказу командира корабля, приказали машинистам и кочегарам покинуть машинное отделение из-за угрозы затопления; вскоре корабль лег на подводные камни к юго-востоку от входа в пролив, так его и не перекрыв. При оставлении корабля возникла паника среди молодых матросов, которые в беспорядке бросились на подошедшие для эвакуации суда.

Вот как это описывает вице-адмирал М.К. Бахирев: «Матросы бросались в беспорядке на миноносцы. Командир пытался хотя бы задержать машинную команду, чтобы поставить судно точно в канал, но все, кроме офицеров, покинули свои посты, комитет не смог или не пытался собрать машинистов. Поэтому линкор сел на мель раньше, чем вошел в канал... Раненых из операционных мест выносили только врачи и офицеры».

Есть об этом и строки у тогдашнего морского министра Д.Н. Вердеревского: «Да, поднялась паника. Поэтому Керенский просил не оглашать фактов, особенно для газет, о последствиях в душах людей после объявления эвакуации со “Славы”, чтобы не портить отношений с Балтийским советом».

Наряду с паникой большинства команды, офицеры и старослужащие матросы, наоборот, проявили хладнокровие и выдержку. Для того, чтобы немцы не смогли поднять и восстановить затопленный на мелководье линкор, «Слава» была добита торпедами с подошедших эсминцев. При этом из шести торпед, выпущенных в упор по предназначенному к взрыву и лишенному хода линейному кораблю, взорвалась... лишь одна. Причина — небрежное хранение революционными матросами торпед и отсутствие должного ухода за ними. Впоследствии стала широко известна история о котенке с линкора «Слава», которого в спешке при эвакуации бросили на корабле. Когда же о котенке вспомнили, матросы настояли, чтобы за ним выслали катер, и любимца команды забрали. Впоследствии этот факт использовал в своем стихотворении «Ода революции» В.В. Маяковский:

«СЛАВА»

Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушено тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый мяукал котенок.
А после!

Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.

В стихотворении В.В. Маяковского все перевернуто с ног на голову, т.к. «пьяная толпа гнала прикладами седых адмиралов вниз головой с моста» в марте, а спасали котенка со «Славы» лишь в октябре того же 1917 года. Но поэзия есть поэзия, и поэт оперирует возникшими в его голове образами, а не конкретными фактами.

Решением Центробалта каждый из матросов «Славы» получил годовой оклад жалованья, трехмесячный отпуск и полный комплект нового обмундирования. Из протокола Центробалта: «...считаясь с заслугой товарищей со “Славы” перед родиной и революцией». Об офицерах, разумеется, никто не вспомнил...

После затопления на фарватере пролива Моонзунд «Славы» и нескольких старых транспортов, русская эскадра ушла на север. Немецкий флот не смог ее преследовать. На минах подрвался немецкий эсминец.

В ночь на 18 октября на Кассарском плесе русскими были выставлены новые минные заграждения, на которых немцы потеряли еще один эсминец погибшим и один сильно поврежденным. Попытка контратаковать легкими кораблями по приказу вице-адмирала Бахирева сорвалась из-за отказов экипажей идти в бой. 18 октября немцы овладели островом Моон (Муху), а 20 октября — островом Даго (Хииумаа).

В те дни В.И. Ленин, прочитав обычную газетную «утку» о... бегстве двух адмиралов с боевых позиций, патетически написал: «Воюют геройские матросы, но это не помешало двум адмиралам скрыться перед взятием Эзеля! Это факт. Факты — упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы способны предавать не хуже Корнилова». Увы, на самом деле все было, разумеется, не так! Никуда и ни от кого русские адмиралы не убежали. Чтобы не быть голословным, послушаем непосредственного участника

Моонзундского сражения контр-адмирала В.А. Белли, который впоследствии писал в своих мемуарах: «... Ленин в одной из своих работ написал о побеге двух адмиралов, имелось в виду начальника Моонзундской позиции контр-адмирала Свешникова и начальника дивизии подводных лодок контр-адмирала П.П. Владиславлева. Очевидно, Ленин был кем-то неправильно информирован, вследствие чего и произошла эта ошибка. На самом деле контр-адмирал Д.А. Свешников получил разрешение начальника Морских сил Рижского залива перебраться со Штабом из Аренсбурга в Гапсаль ввиду остроты положения на острове Эзель. Что же касается контр-адмирала Владиславлева, то он на штабном корабле “Тосно” находился в Гангэ и никакого отношения к Моонзундской операции не имел. Вопрос же об его исчезновении появился потому, что его действительно не видели в это время в Штабе, а позднее нашли его труп в воде. Свалился ли он с пирса в воду в темноте или его столкнули, осталось, конечно, неизвестно. Я счел своим долгом об этом написать потому, что хотел восстановить истину. Естественно, что современные авторы не могли об этом писать в печати, ибо это пошло бы вразрез с написанным Лениным, а это, понятно, было бы невозможно...» Сегодня большинство историков склоняется к тому, что контр-адмирал П.П. Владиславлев был подло убит матросами-анархистами.

В целом немцам удалось выполнить первоначальную задачу по захвату Моонзундского архипелага и прорваться в Рижский залив, упрочив положение своих сухопутных сил против русского Северного фронта. Однако их флот понес ощутимые потери, зачастую даже не боевые. Главным источником германских потерь стали грамотно поставленные в предыдущие годы минные заграждения. Немцы лишились 4 эсминцев, 2 тральщиков, 4 патрульных судов. Повреждения различной степени тяжести, вплоть до длительного ремонта, получили 5 линкоров, крейсер, 6 эсминцев и несколько транспортов. В боях за острова погибло 386 немецких солдат, было сбито 5 самолетов.

Не удалось немцам также уничтожить те малые силы русского флота, что действовали в проливах между островами, хотя ядро составляли устаревшие корабли.

Русская сторона потеряла имевшие важное стратегическое значение Моонзундские острова. Падение морального духа из-за продолжавшейся войны и перед лицом сильного противника оказалось столь значительным, что в плен сдалось более 20 тысяч солдат и матросов (практически весь гарнизон острова Эзель), были потеряны 141 орудие, 130 пулеметов и 40 аэропланов. Флот потерял линкор «Слава», эсминец «Гром» и несколько транспортов. Еще несколько кораблей получили различной тяжести повреждения. Не слишком сильные позиции Временного правительства после проигранной битвы за Моонзунд ослабили до предела.

Петроград и Гельсингфорс охватила паника скорого немецкого вторжения, что лишь усилило предреволюционную ситуацию. Это окончательно убедило Центробалт, что единственный выход в сложившейся военно-политической обстановке — свержение Временного правительства.

В целом Моонзундское сражение, с одной стороны, было первым революционно-патриотическим актом военной защиты революции в 1917 году, и потому сопровождалось энтузиазмом, героизмом и готовностью к самопожертвованию значительной части как офицеров-контрреволюционеров, так и матросов-революционеров.

Любопытно, что сразу же после окончания битвы за Моонзунд П.Е. Дыбенко, от имени Центробалта, прислал на имя вице-адмирала М.К. Бахирева следующую радиограмму: «Благодарю вас и всех офицеров за стойкость духа, за готовность защитить революцию. Дыбенко». В послереволюционных исследованиях эта телеграмма ни разу не упоминалась. Впрочем, в них и сам М.К. Бахирев получил псевдоним — просто «начальник сил Рижского залива». Дело в том, что в 1919 году М.К. Бахирева расстреляют чекисты за участие «в монархическом заговоре».

Наряду с героизмом офицеров и части матросов анархические настроения, бегство с позиций и дезертирство также были массовыми. При этом следует отметить, что это относилось в большей

мере не к командам и частям Балтийского флота, а к армейским подразделениям. Из резюме совета флагманов Балтийского флота: «Обстоятельства взятия немцами Моонзундской позиции показывают, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника. От начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту обезумевших от страха людей».

На итогах Моонзундского сражения в полной мере сказались все левацкие издержки революционной демократии, к которым можно отнести, с одной стороны, «шапкозакидательство» — стремление с помощью одного революционного энтузиазма решить не только тактические, но и оперативные вопросы, с другой — анархическую недисциплинированность, прикрываемую левацкой фразеологией, с обвинениями в контрреволюционной направленности всех получаемых свыше приказов, а также в распространении слухов о поголовной измене революции офицерства.

При этом если в начале битвы за Моонзунд левые радикалы проявляли запредельный революционный патриотизм, рвя на груди тельняшки и клянясь, что они как один готовы умереть за революцию, то по мере ухудшения ситуации и нарастания ожесточенности боевых действий левый энтузиазм быстро выветрился, сменившись анархическими действиями и паникой. В определенной мере паническим настроениям способствовали и очевидные промахи высшего командования, которых во время сражения за Моонзунд тоже хватало.

Невзирая на случаи неповиновения и паники, в целом моряки Балтики с честью исполнили свой долг. Да, немцы захватили Моонзундский архипелаг, но, понеся понесли тяжелые потери, не рискнули прорываться далее, через минные поля и береговые батареи Финского залива к Петрограду.

Любопытно, что одной из немаловажных причин, почему германское командование затеяло атаку на Моонзунд, были причины, связанные с внутренними проблемами германского флота. Согласно воспоминаниям начальника Германского генерального штаба Э. Людендорфа, к осени 1917 года на германском флоте из-за «длительного

бездействия» и «постоянного соприкосновения с родиной» начались волнения среди матросов. Фактически у немцев повторялось то, что происходило на российском Балтийском флоте, но с опозданием на девять месяцев. Испуганное революционным запалом российских матросов, германское командование хотело боевым столкновением флотов предотвратить распространение российской «заразы» на своих матросов. Моонзундская операция этой цели действительно поспособствовала, т.к., если братание в окопах — дело весьма реальное, то братание в море просто невозможно. Однако, несмотря на определенный оперативный успех, в конечном итоге, пребывание на Балтике и если не личное, но опосредованное знакомство с тем, что сотворили русские матросы, произвело на их немецких коллег большое впечатление. После этого революционизация германского флота пошла с утроенной силой, и в ноябре 1918 года именно они явились детонатором, а затем и авангардной силой революции в Германии.

Все повторилось почти до деталей!

Итак, Моонзундское сражение стало достоянием истории. Избитые волнами и изрешеченные вражескими снарядами корабли Балтийского флота вернулись в свои базы. И сразу же все вернулось на круги своя. Матросы снова кинулись в революцию, и офицеры снова стали для них не боевыми соратниками, а ретроградскими контрреволюционерами. Словно не было их единения перед внешним врагом. Словно они еще несколько дней назад не стояли вместе на продуваемых ветрами палубах под вражеским огнем. Увы, революционная ненависть оказалась матросам ближе, чем боевое братство.

Глава тринадцатая

ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ В ПЕТРОГРАДЕ

Итак, партия большевиков решила на вооруженное восстание в Петрограде. Знаменитая фраза В.И. Ленина «Вчера было рано, а завтра будет уже поздно» относится как раз к последним дням

октября 1917 года. Но сил у самих большевиков было в столице негусто. Солдаты гарнизона были ненадежны, особо драться за кого-то не желали, соблюдали нейтралитет и мечтали вернуться по домам. Отряды красногвардейцев были немногочисленны, к тому же не имели никакого боевого опыта и в военном отношении так же стоили немного. С казаками, юнкерами тягаться было им не под силу. Единственной силой, которая могла переломить ситуацию, были матросы. В.И. Ленин, не скрывая этого, открыто говорил: «Восстание невозможно без мощи Балтийского флота».

Радикальность Балтийского флота в данной ситуации не очень беспокоила большевистские верхи, поскольку она вписывалась в назревавшее вооруженное столкновение. Например, в статье «Советы постороннего», написанной 8 октября, В.И. Ленин выделял матросов в число «самых решительных элементов» и намечал их для «занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях...» Но «левизна» матросов в виде анархичности, вероятность ненужных жертв, самосудов, исходящих от них, все-таки волновала В.И. Ленина. Об этом писали В.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вахрамеев и некоторые другие его соратники. Большевистские верхи видели, что матросы идут к революции самостоятельно, мало зависят и от них, и от других политических партий. Поэтому основная задача большевиков на этом этапе состояла в том, чтобы направлять революционную решимость матросских масс по возможности в свою сторону, что большевикам вполне в октябре 1917 года и удалось.

В отличие от других членов своего ЦК В.И. Ленин, прибыв в Смольный, где большевики разместили свой новый штаб, действовал решительно. Первым делом он связался по телеграфу с председателем Совета солдатских, матросских и рабочих депутатов Гельсингфорса А.Л. Шейнманом и приказал тому немедленно захватить корабли и подлодки, дислоцированные в Петрограде. В ответ А.Л. Шейнман заявил, что ему придется вызвать Дыбенку на прсвод, поскольку приказ Ленина — это военно-морская задача. Однако Ленин по какой-то причине обращаться напрямую к П.Е. Дыбенко не захотел и продолжил убеждать А.Л. Шейнмана лично по-

мочь большевикам. Но тот отказался. Тогда В.И. Ленин вышел на связь с заместителем председателя Центробалта Н.Ф. Измайловым (опять же почему-то минуя Дыбенко!), призывая послать в Петроград линкоры-дредноуты. Измайлову пришлось объяснять Ленину, что дредноуты имеют слишком большую осадку и не смогут даже бросить якоря в Корабельном канале. Когда же Ленин утомил его уговорами, матрос Измайлов завершил разговор довольно грубо:

— Короче, пусть с этим разберутся матросы и их командиры.

Переговоры Ленина с Шейнманом и с Измайловым показали, что матросы отнюдь не являются частью большевистской партии, а потому могут в любой момент перевернуться на сторону эсеров или анархистов. Думаю, что для Ленина уже было очевидно, что матросы уже в самом ближайшем будущем станут для большевиков серьезной политической проблемой и с ними надо держать ухо востро.

Но почему Ленин не обратился напрямую к Дыбенко? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. Возможно, что Ильич знал реальную расстановку сил в Центробалте и то, что Дыбенко там не в особом авторитете, а в авторитете его зам кронштадтский матрос Н.Ф. Измайлов. Возможно, что уже тогда Ленин не особо доверял «протеже» Коллонтай.

Из воспоминаний П.Е. Дыбенко: «Наш сигнал о выступлении — телеграмма на мое имя из Петрограда за подписью Антонова-Овсеенко: “Выслать устав”. Это значит — выслать в Петроград миноносцы и десант в 5 тысяч человек. В секрете держу пароль. Планомерно, без излишней суеты, ведем подготовку. Времени осталось немного. Через несколько дней — съезд Советов. День открытия его — роковой момент. Постепенно, один за другим, в Петроград направляем для ремонта вышедшие из строя в последних боях корабли. Наивный Вердеревский, уже не говоря о Керенском, не совсем понимал, почему вопреки его воле посылаются корабли в Петроград. Тревога за “Аврору”... Крейсер “Аврора” спешно заканчивал ремонт и предназначался к отправке в Гельсингфорс на присоединение к своей бригаде. Необходимо его как можно дольше задержать в Петрограде, передаю от имени Центробалта председа-

телю судового комитета “Авроры” матросу П.И. Куркову: “Не выполнять распоряжения Временного правительства, если последует приказ о выходе «Авроры» на рейд. Ждать санкции Центробалта. Распоряжения Центробалта будут адресованы на ваше имя”. Установили условные переговоры.

В Петрограде один только флотский гвардейский экипаж да оборончески настроенный Центрофлот еще дышат керенщиной. Направляем и туда наших преданных и стойких товарищей.

За два дня перед открытием съезда еще раз проверили: все ли на местах. Где может быть задержка? Все как будто в порядке. Несколько тревожил вопрос своевременного окончания ремонта миноносцев, предназначенных для похода в Петроград. Чтобы не ослабить защиты подступов с моря, боеспособные корабли должны остаться на своих местах. Они должны еще более зорко следить за внешним врагом.

Наступали последние дни. Все ждали развязки. В ночь на 22 октября телеграмма с “Авроры”: “Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?”

Центробалт отвечает: «“Авроре” произвести пробу 25 октября». Несмотря на угрозы и посылку к ней броневиков с юнкерами, «Аврора», получив в подтверждение распоряжения Центробалта приказ Петроградского революционного комитета, категорически отказалась выполнить приказ Временного правительства. Верный часовой остался на своем посту.

17 октября. На повестке заседания Центробалта пункт № 3 — об образовании постоянных боевых взводов (доклад Дыбенко) и пункт № 6 — об аресте комиссара Временного правительства Франкфурта.

После доклада о необходимости организации боевых взводов и сводного батальона с непосредственным подчинением Центробалту принимается единогласно следующее постановление: “Центральный комитет Балтийского флота поручает судовым комитетам линейных кораблей и крейсеров, а также береговых частей, имеющих команды более 200 человек, срочно организовать постоянные боевые взводы, которые по первому требованию поступают

в распоряжение Центробалта. О сформировании взводов срочно сообщить Центробалту, указав взводных командиров. Техническая сторона — постановка и сформирование таковых — поручается военному отделу Центробалта. Примечание. О тех кораблях и частях, где не имеется вооружения, срочно сообщить Центробалту”.

Об аресте Франкфурта принято постановление: “Как представителя Временного правительства, ведущего разлагающую и провокационную во флоте агитацию, арестовать”.

На этом же заседании Центробалта, вопреки приказу правительства, было принято постановление об образовании комиссии, по расследованию сдачи церельских позиций, следующего содержания: “Заслушав доклад представителя Центрофлота и Центробалта о назначении следственной комиссии для производства расследования над оперативными действиями Рижского архипелага и принимая во внимание, что, с одной стороны, комфлот и Временное правительство поручают вести следствие только в отношении команды церельских позиций, с другой Центробалт усматривает в сдаче церельских позиций и всего Рижского архипелага явное попустительство как в отношении укрепления самих позиций и подступов к ним, так и несвоевременного ухода с позиций высшего командного состава, каковое явление способствовало отступлению находившегося там гарнизона, съезд постановляет: образовать следственную комиссию в составе одного представителя от Центрофлота, одного — от комфлота, одного — от команды Рижского архипелага и одного — от Революционного комитета Северной области, каковой комиссии дается право кооптации по ее усмотрению” (протокол № 100 от 19 октября; протокол Центробалта за № 102 под председательством Дыбенко).

Затем состоялись дополнительные выборы делегатов на Всероссийский съезд Советов. Революционный матрос Н.Ф. Измайлов в своей книге воспоминаний «Центробалт в дни восстания» пишет следующее: «В двадцатых числах октября 1917 года, заслушав доклад делегатов, прибывших из Петрограда со съезда Советов Северной области, Центробалт доизбрал из своего состава нескольких делегатов на 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих

и солдатских депутатов. Были избраны 17 делегатов, в том числе большевики: А.В. Баранов, И.И. Вахрамеев, В.П. Евдокимов, П.Д. Мальков, В.С. Мясников, Ф.В. Олич, П.Я. Ряммо, И.П. Сапожников, Н.А. Ховрин и другие. Центробалт дал указания всем судовым и береговым комитетам и комиссарам на каждом корабле, в каждой части в срочном порядке организовать боевые отряды и взводы, обеспечив их новым вооружением и боеприпасами (патроны, гранаты), а также назначить надежных, проверенных командиров. Одновременно Центробалт командировал меня, как заместителя председателя Центробалта и как председателя военного отдела, в Петроград, в Морской Генеральный штаб для получения оружия — под видом обеспечения десантных отрядов моряков Балтийского флота, которых мы якобы отправляли на Або-Аландские острова в связи с готовящимся немецким нападением на наши укрепленные позиции.

Морской Генеральный штаб дал распоряжение об отпуске оружия. Больше того, начальник штаба граф Капнист заявил мне: «Наконец-то Центробалт. взялся за здоровое дело — за защиту родины, а то все время Временное правительство клеймило Центробалт позором и обвиняло весь Балтийский флот в измене и предательстве». Мне удалось получить три тысячи винтовок, пять тысяч гранат, полный комплект боеприпаса (патроны) и сто револьверов системы «Кольт». Все это оружие было привезено в Гельсингфорс и сдано на яхту «Полярная звезда», где помещался тогда Центробалт».

Центробалтом был и выработан и весьма пространный наказ делегатам, едущим на съезд: «Центральный комитет Балтийского флота отправляет на Всероссийский съезд Советов своих делегатов и представителей флота, выражающих чаяние, дело и волю всего Балтийского флота. Как это было засвидетельствовано представителями 2-го Балтийского съезда в дни мировой бойни, в дни борьбы за свободу и революцию, в дни борьбы пролетариата, съезд обратился с воззванием к угнетенным всех стран, призывая поднять знамя восстания. Так и теперь представители Центрального комитета Балтийского флота, представители измученных мировой

бойней товарищей-моряков, находящихся на стальных кораблях, на островах и в других местах, полуголодных, разутых и раздетых, шлют своих товарищей сказать не слова, а совершить великое дело освобождения труда от капитала. Вместе со своими товарищами-черноморцами, видя, что кормило правления революционной страны падает все ниже и ниже, видя, что правительство предателя и кровожадного хищника Керенского ведет страну к гибели, видя приближающийся крах революции и свободы, Балтийский флот, глубоко страдая от оскорблений желтой прессы, от клеветы, извергаемой реакционерами с Милюковым во главе, требует от сознательного пролетариата поддержки для уничтожения этой прессы и превращения ее в лучи пропаганды за социализм. Получая за свой тяжелый труд “валюту Керенского”, которая бойкотируется даже всеми спекулянтами, с тоской в душе видим, как с помощью обнаглевшего коалиционного министерства переодетые в камилавки отставные реакционные генералы получают по пять миллионов золотом на продолжение “поместного сбора”, который ставит своей главной задачей, как и всегда, уничтожение и затемнение народного сознания и устройство пагубных пут для крестьян, толкая их в пропасть монархизма. Принимая все меры для достижения полного единения между офицерами и матросами, с горечью для себя видим, как министр-председатель Керенский в минуты неравного боя балтийских кораблей с титанами Вильгельма издает позорные приказы на всю Россию и тем самым вносит раздор и дезорганизацию в среду дружных рядов Балтийского флота. Мы требуем немедленного уничтожения продажного правительства коалиции, которое, эвакуируя балтийское побережье и Петроград, имеет главной задачей продать балтийские корабли и вместе с тем ликвидировать революцию. Мы поручаем вам, представители Балтики, совместно с представителями Черного моря и представителями трудового пролетариата, собравшимися на настоящем съезде, взять власть и передать ее в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Помните, товарищи, мы — ваша поддержка... За вами — наша сила, наша мощь и наше оружие. Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

8 октября в письме питерским большевикам «Советы постороннего» В.И. Ленин писал: «Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части...» Отметим, что флот упоминается в первую очередь, именно как главная ударная сила восстания.

На заседании ЦК 10 октября после обсуждения доклада В.И. Ленина о текущем моменте была принята предложенная докладчиком резолюция: «...вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...» На этом заседании И.В. Сталин, характеризуя положение в Балтийском флоте, как гарантию победы в готовящемся восстании, заявил: «Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского».

Тогда же было создано Политическое бюро ЦК во главе с В.И. Лениным. Важным практическим шагом в осуществлении принятой резолюции было создание 12 октября Военно-революционного комитета (ВРК) при Петроградском Совете. Он формировался из представителей Петербургского комитета РСДРП(б), Военной организации, Петроградского Совета, Кронштадтского Совета, Финляндского областного комитета армии, флота и рабочих, Центробалта, фабрично-заводских комитетов и других организаций. Военно-революционный комитет стал легальным штабом сил революции. Он обосновался в Смольном. Одним из его организаторов был Н.И. Подвойский. От моряков в ВРК вошли П.Е. Дыбенко, И.Д. Сладков, И.П. Флеровский. Подготовку восстания на флоте осуществляла специально созданная тройка Центробалта в составе П.Е. Дыбенко, Н.Ф. Измайлова, Ф.С. Аверичкина. Через них осуществлялось руководство флотом. Сигналом для выступления матросов должна была послужить телеграмма из ВРК на имя председателя Центробалта.

По свидетельству Н.И. Подвойского, В.И. Ленин многократно запрашивал его о ходе подготовки флотских экипажей и военных кораблей к выступлению. Этот вопрос не раз обсуждался в ЦК партии. Это и понятно, без матросов об успехе переворота можно было и не мечтать.

В ночь на 18 октября В.И. Ленин специально совещался с руководителями, ответственными за подготовку восстания на флоте.

В Гельсингфорс для выяснения готовности балтийцев был отправлен представитель ЦК РСДРП(б) В.И. Невский. Не удовлетворившись этим, В.А. Антонов-Овсеенко срочно послал в Центробалт одного из членов Гельсингфорсского Совета с поручением проверить готовность выступления флота. Тот доложил, что Центробалт полностью контролирует обстановку, после чего Антонов-Овсеенко заверил нервничавшего вождя революции, что «моряки готовы к выступлению. Они могут прибыть в Петроград по железной дороге, а в крайнем случае и подойти к городу с моря».

Об активности балтийцев можно судить по таким фактам: из 600 комиссаров ВРК Петроградского Совета было 167 матросов, а из 649 делегатов II Всероссийского съезда Советов от флота был 91 матрос, из которых 47 были большевиками.

Прибывающие в Петроград матросы — делегаты флота направлялись для революционной агитации на фабриках и заводах города. На Путиловском заводе, например, выступал матрос И.И. Вахрамеев, на фабрике «Леферм» — матрос В.В. Ковальский, в Народном доме — матрос А.В. Баранов.

Любопытно, что Центробалт, несмотря на огромную загруженность, не забывал и о других, казалось бы, достаточно отвлеченных вопросах. Так? 19 октября 1917 года Центробалт продолжил свое наступление на офицерство, причем уже... в масштабах всей России. «Стремясь к скорейшему воссозданию флота на новых демократических началах, усматривая в различных чинах и орденах главный фактор разъединения в военной среде флота (Центробалт. — *В.Ш.*), постановил: производства и награды прекратить, чины и ордена упразднить. Распространить это в общегосударственном масштабе. Все вознаграждения за военный труд должны платиться за занимаемую должность, а не за чины. За увечье же и потерю здоровья платить пожизненное пособие во избежание нищенского существования». Центробалтовцы уже реально считали себя вершителями судеб не только Балтийского флота, но и всей России. То, что у них нет на решение вопросов отмены системы наград никаких полномочий, членов Центробалта ничуть не смущало. Они пребывали уже в уверенности, что матросская

диктатура Балтийского флота вот-вот превратится в матросскую диктатуру России.

Наказ Центробалта делегатам съезда Советов, принятый 19 октября 1917 года, носил не только решительный, но и наступательный характер. В нем говорилось: «Представители Центрального комитета Балтийского флота, представители измученных мировой бойней товарищей, находящихся в стальных коробках, на островах и в других местах, полуголодных, разутых и раздетых, шлют своих товарищей сказать не слова, а совершить великое дело — освобождение труда. Вместе со всеми товарищами-черноморцами, видя, что кормило правления свободной родины падает все ниже и ниже, видя, что правительство предателя и кровожадного хищника революции Керенского ведет страну к гибели, видя приближающийся крах революции и свободы, Балтийский флот, страдая болью от оскорблений желтой прессы, извергаемых на свет божий реакционерами Милюковыми, требует от сознательного пролетариата поддержки для ее уничтожения и превращения в лучи социализма. Получая за свой тяжелый труд “валюту Керенского”, которая бойкотируется всеми спекулянтами, с тоскою в душе видим, как с помощью коалиционно-обнаглевшего министерства переодетые в камилавки отставные реакционные генералы получают по пять миллионов золотом на продолжение поместного собора, который ставит своей главной задачей, как и всегда, уничтожение народного сознания и устройство пагубных путей для крестьян в пропасть монархизма. Принимая все меры для достижения полного единения между офицерами и матросами, с горечью для себя видим, как министр-председатель Керенский в минуты неравного боя балтийских кораблей с титанами Вильгельма издает позорные приказы на всю Россию и тем самым вносит раздор и дезорганизацию в среду дружных рядов Балтийского флота. Мы требуем немедленно уничтожить продажное правительство коалиции, которое, эвакуируя Балтийское побережье и Петроград, имеет главной задачей продать балтийские корабли и вместе с ними ликвидировать революцию. Мы поручаем вам, представители Балтики, совместно с представителями Черного моря и представителями трудового пролетариата, выражающимся в на-

стоящем съезде, взять власть в свои руки, руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Помимо всего прочего в наказе Центробалта впервые прозвучала фраза об изменниках, которые готовы предать Балтийский флот и продать боевые корабли. Отныне озабоченность, а временами даже страх, что правительство примет решение пожертвовать флотом и тот падет жертвой политических интриг, будет преследовать матросов не только в 1917, но и в 1918 году. В этом однозначно проявился массовый патриотизм революционных матросов.

Заметим, что если в октябре 1917 года в Центробалте большевики обладали большинством голосов, то в Кронштадте пик их популярности к этому времени прошел. Там уже верховодили левые эсеры и отчасти анархисты. В своей книге воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году» Ф.Ф. Раскольников пишет, что в октябре 1917 года он «в Кронштадтском Совете нашел засилье левых эсеров». Впрочем, и левые эсеры, и анархисты желали свержения Временного правительства не меньше большевиков, поэтому особых разногласий ни между их партийными лидерами, ни тем более между поддерживавшими эти партии матросов, не было.

20 и 21 октября в Гельсингфорсе и Кронштадте проверяли боевые взводы и назначенный командный состав. Подвозили необходимый запас продовольствия и вооружения для подготавливаемых к отправке в Петроград отрядов. Одновременно ремонтировали предназначенные к походу миноносцы. В срочном порядке начинается и ремонт снятого с мели линкора-дредноута «Петропавловск».

23 октября. С утра ведутся переговоры с левыми эсерами о совместном вооруженном выступлении. Прошьян и Устинов дают уклончивые ответы. Они не уверены в успехе и предлагают вести переговоры с меньшевиками. С ними соглашается председатель Гельсингфорского совета Шейнман (большевик).

Колебания Шейнмана не обещали создания в городе твердой власти в момент самого переворота. К вечеру созывается общее собрание Совета, судовых и полковых комитетов. Собрание одушевлено «одним желанием» немедленного свержения коалиционного правительства. Меньшевики и правые эсеры пытаются на собрании протестовать,

вносят свои предложения, предостерегают от «анархии» и «погромов». Выступают матросы, которые с негодованием заявляют, что это старая песня провокации гробовщиков революции. Левые эсеры, уверяющие, что за ними «половина» флота и стоящей в Финляндии армии, предлагают компромиссные решения. Резко против всяких компромиссов выступают Смилга и Дыбенко. К концу заседания оглашается резолюция Центробалта; в ней говорится, что никаких отступлений от решения съезда Балтийского флота, никаких компромиссов флот не признает. Если даже собрание вынесет обратное решение, фракция большевиков Совета и Центробалт берут на себя ответственность за выступление. Члены Центробалта — левые эсеры — единогласно голосуют за резолюцию Центробалта. Резолюция проходит.

На этом же заседании для руководства и координирования действий избирается тройка в составе Смилги и Дыбенко (большевики) и Шишко (левый эсер). Тройка снабжается неограниченными полномочиями. Ведем переговоры с финскими коммунистами о перевороте в Финляндии и захвате ими власти. Финские товарищи колеблются. Заявляем:

— Если вы откажетесь нас поддержать, мы сами совершим переворот, тогда вы вынуждены будете взять власть в свои руки после совершившегося факта.

После долгих переговоров финны соглашаются.

Важная роль в предстоящем восстании отводилась крейсеру «Аврора». 23 октября председатель судового комитета и член Центробалта А.В. Бельшев и член судового комитета Н. Лукичев были вызваны в Смольный Я.М. Свердловым. Расспросив матросов о настроении команды, Свердлов назначил Бельшева комиссаром крейсера, дав ему самые широкие полномочия. Вернувшись на корабль, А.В. Бельшев созвал заседание судового комитета с присутствием офицеров и предупредил, что все распоряжения ВРК будут им проводиться в жизнь, не считаясь с мнением командира и офицеров. 24 октября по приказу комиссара крейсер был приведен в боевую готовность, установлена связь со Смольным.

На крейсере «Аврора» и во 2-м Балтийском флотском экипаже были организованы вспомогательные командные пункты. В Пе-

трограде кроме крейсера «Аврора» находились семь строившихся и ремонтирующихся эсминцев и миноносцев, две подводные лодки, четыре посыльных судна, два тральщика, четыре яхты, и несколько транспортов. Команды этих кораблей и судов также выделили десантные отряды.

В ночь на 24 октября в Гельсингфорсе царили спокойствие и тишина. Сопротивляться матросам было некому, за исключением анархистов, которые пытались захватить здание матросского клуба, но вызванными с линкора «Республика» патрулями были частью арестованы, остальные же просто разошлись. Город охранялся усиленными патрулями матросов и солдат. Центробалт обязал своих комиссаров присутствовать при расшифровке всех телеграмм и отдаваемых приказаний. В ночь на 24 октября в Гельсингфорсе были произведены аресты оставшихся представителей Временного правительства. Вся связь с Петроградом осуществлялась под контролем Центробалта. На кораблях, предназначенных для отправки в Петроград, спешно заканчивался ремонт. Команды кораблей «Забияка», «Страшный», «Меткий», «Деятельный» и других работали днем и ночью. Моряки горели неукротимым желанием быстрее идти на помощь рабочим столицы.

24 октября Центробалт особой резолюцией подтвердил наказ, данный делегатам съезда. Она призвала «твердо стоять на тех передовых позициях, занятых Балтийским флотом, на защиту интересов демократических организаций. По первому зову Центробалта идти победить или умереть. Во всяком случае, смерть лучше позора... Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на защиту которой мы все единодушно и по первому зову пойдем, и будем верить в полную победу над капиталом и в освобождение поработанных народов».

Вечером 24 октября состоялось совместное заседание Центробалта, Гельсингфорсского Совета, областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Стоял один вопрос: о положении Петрограда в связи с выступлением контрреволюционных за-

говорщиков. После зачитания телеграмм из Кронштадта, Петрограда, Ревеля выступивший с речью председатель Центробалта П.Е. Дыбенко патетически заявил: «Настала пора доказать, как надо умирать за революцию!» В решении заседания указывалось, что оно полностью стоит на точке зрения Петроградского Совета и Военно-революционного комитета и поддержит всеми средствами борьбу за власть Советов.

На совещании 24 октября Центробалт объявил об открытии в Петрограде II съезда Советов, тогда же было принято решение, что Балтийский флот «поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами». Комиссару эсминца «Самсон» матросу Г. Борисову было поручено доставить решение Центробалта на съезд. Ночью в Петроград ушло несколько эшелонов, заполненных вооруженными матросами. Чтобы командующий флотом Развозов не противодействовал действиям Центробалта, ему и всем офицерам штаба флота было объявлено, что если определенные Центробалтом эсминцы не выйдут вовремя в Петроград, они будут расстреляны. Утром четыре эскадренных миноносца — «Меткий», «Забияка», «Самсон» и «Деятельный», а так же посыльное судно «Ястреб», вышли курсом в устье Невы. Уходящих провожали оркестром и криками «ура».

Нельзя сказать, что Временное правительство ничего не знало о большевистской затее и о том, какая роль в намеченном перевороте отведена балтийским матросам. Еще в конце сентября А.Ф. Керенским был отдан приказ о выводе войск из Финляндии, но объединенное заседание областного комитета, Центробалта и судовых и ротных комитетов постановило исполнять приказы, исходящие только от областного комитета. Попытка командующего флотом убрать из Петрограда крейсер «Аврора», под предлогом опробования машин после капитального ремонта, пресек Центробалт, постановивший — приказа не выполнять и «Авроре» столицу не покидать. Временное правительство пыталось защищаться. С этой целью утром 24 октября были закрыты редакции большевистских газет, заняты и разведены мосты через Неву, был отдан приказ о стягивании к Зимнему

дворцу юнкеров и женского батальона. Но все это были полумеры, которые уже ничего изменить не могли.

В ответ на попытку Временного правительства хоть как-то себя защитить ВРК Петроградского Совета разослал своим комиссарам предписание о приведении революционных отрядов в боевую готовность. Через радиостанцию «Авроры» было передано обращение к солдатам и рабочим поддержать готовых к свержению правительства революционных матросов, выступить на защиту революции, установить тесный контакт с ВРК и не допустить движения контрреволюционных частей на Петроград. Это было фактическим сигналом к началу вооруженного восстания.

По воспоминаниям П.Е. Дыбенко, в Гельсингфорсе с получением условной телеграммы: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов» — в столицу были направлены революционные отряды и корабли. Был сформирован сводный отряд из матросов линейных кораблей «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», крейсера «Баян», эсминца «Азард» и других кораблей. Морем вышли эсминцы «Самсон», «Забияка», «Деятельный», «Меткий» и сторожевой корабль «Ястреб». Из Ревеля в столицу отбыл отряд матросов и красногвардейцев под командованием комиссара А. Воробьева.

Тем временем, с полудня 24 октября, в Петрограде начался захват важнейших объектов столицы: правительственных учреждений, вокзалов, мостов, почты, телеграфа. Матросы и рабочие брали под охрану предприятия, устанавливали патрулирование в своих районах, высылали боевые отряды в распоряжение ВРК. Солдаты повсеместно отказывались выполнять распоряжения Керенского.

Вечером 24 октября В.И. Ленин пишет письмо членам ЦК РСДРП(б) с требованием немедленного свержения Временного правительства: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все». После этого он нелегально прибывает в Смольный и берет руководство восстанием в свои руки.

После этого А.В. Бельшев решил вывести крейсер от стенки завода на середину реки и стать на якорь перед мостом. Однако командир, ссылаясь на малые глубины реки, отказался выполнить решение. Тогда группа моряков на шлюпке промерила ручным лотом глубины реки, которые оказались достаточными. Крейсер был направлен на боевую позицию. В 3 часа 30 минут 25 октября «Аврора» встала на середине Невы, ниже Николаевского моста.

Поэт Владимир Маяковский об этом историческом моменте написал так:

А из-за Николаевского
чугунного моста,
Как смерть,
глядит неласковая
Аврорьих
башен сталь...

По Петрограду в те дни ходили слухи, что «Аврору» не зря вывели из завода и поставили посреди Невы, ибо когда в столицу войдут войска Керенского, большевики сядут на «Аврору» и уплывут в Кронштадт... Кстати, при всей кажущейся абсурдности данного слуха, рациональное зерно в нем все же было. Где, как не в верном в то время большевикам Кронштадте им и прятаться, в случае неудачи задуманного госпереворота? Кстати, случись такое, то Кронштадт, я уверен, беглецов бы принял и защитил. Увы, политики добра не помнят. Пройдет всего несколько лет, и те же самые большевики, которые могли искать спасения у кронштадцев, сделают все возможное, чтобы уничтожить своих бывших потенциальных спасителей...

Одновременно с выходом на боевую позицию «Авроры» стали подходить и швартоваться к набережной транспорты с кронштадцами. Всего из Кронштадта прибыло около десяти тысяч вооруженных матросов. Противостоять такой огромной силе Временному правительству было просто нечем.

Этот момент также описан Владимиром Маяковским в поэме «Хорошо»:

Под мостом
Нева-река,
По Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
Скоро
Зимнему шататься...

Матрос Н.Ф. Измайлов в своей книге воспоминаний «Центробалт в дни восстания» пишет следующее: «24 октября 1917 года отряды моряков, отправлявшиеся из Гельсингфорса в Петроград, захватили с собой оружие и использовали его потом для борьбы с контрреволюционным правительством Керенского, для победоносного вооруженного восстания пролетариата. Членам Центробалта были розданы револьверы. Вскоре они возглавили отряды моряков и были посланы на корабли и береговые части, чтобы привести их в боевую готовность. Все с нетерпением ожидали зашифрованной телеграммы из Военно-революционного комитета при Петроградском Совете.

Наконец 24 октября была получена лаконичная телеграмма: «Центробалт. Высылайте устав». Условный пароль означал — начать немедленно отправку боевых кораблей и отрядов моряков из Гельсингфорса в Петроград в распоряжение Петроградского Военно-революционного комитета для участия в вооруженном свержении Временного правительства. Это было поздно вечером... Состоялось экстренное короткое заседание Центробалта. Обсуждалась телеграмма... Центробалт вынес следующую резолюцию, копия которой сохранилась у меня: «25 октября открывается Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, открытие которого революционная демократия ждет с огромной надеждой. Крах коалиции и рост контрреволюционного движения в стране ставит перед революцией задачу — передать власть в руки громадного большинства русского народа, в лице его органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только эта власть может спасти страну и революцию. Принимая все это во внимание,

Центральный комитет Балтфлота приветствует Всероссийский съезд Советов и выражает твердую уверенность, что съезд достойно решит выпавшую на его долю почетную задачу. Балтфлот со своей стороны заявляет, что он поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами”».

Приветствие петроградскому пролетариату и революционным солдатам петроградского гарнизона, а также резолюцию поручили доставить в Петроград революционной команде эскадренного миноносца «Самсон». Военный отдел Центробалта приказал судовым комитетам и комиссарам эскадренных миноносцев «Забияка», «Самсон», «Меткий» и «Страшный» приготовить корабли к походу в Петроград. Нажали на командующего флотом адмирала Развозова, и тот вынужден был отдать приказ командирам вышеназванных эскадренных миноносцев «подчиняться требованиям команд и идти в Петроград».

В 2 часа следующего дня прибыли из Кронштадта долгожданные большевиками минные заградители «Амур» и «Хопер», яхта «Зарница», учебное судно «Верный» и устаревший линкор «Заря свободы». На них находилось около трех тысяч вооруженных матросов.

Несмотря на то, что в целом силы восстания значительно превосходили по численности войска, оборонявшие Зимний дворец, штурм его все откладывался. Это было связано с тем, что все еще не прибыли отряды матросов из Гельсингфорса.

Вскоре прибывшие из Кронштадта корабли и суда заняли боевые позиции в центре города. Это были, помимо крейсера «Аврора», эсминцы «Самсон» и «Забияка», сторожевой корабль «Ястреб», минные заградители «Амур» и «Хопер», тральщики № 14 и № 15, учебное судно «Верный», яхта «Зарница». Старшим на Неве была назначена «Аврора», орудия которой взяли под прицел Зимний дворец. Высаженный на набережную отряд авроровцев и матросов 2-го Балтийского флотского экипажа быстро очистил Николаевский мост и прилегающий район от юнкеров. Затем матросы заняли и Дворцовый мост. Впоследствии А.Ф. Керенский по этому поводу писал: «Дворцовый мост (под окнами моих комнат) занят пикетами матросов-большевиков».

Подошел к устью Невы и устаревший линкор «Заря свободы» (бывший «Император Александр II»), который занял позицию в устье Невы у Морского канала. При этом старый линкор не имел собственного хода, и его тащили четыре буксира. Комиссар корабля матрос-большевик И.Н. Колбин с десантным отрядом занял станцию Лигово. Позиция линкора позволяла держать под обстрелом весь лиговский железнодорожный узел на случай переброски верных правительству войск.

Из воспоминаний Н. Измайлова: «Вся ночь с 24 на 25 октября 1917 года прошла в самой напряженной боевой работе по сбору и организации всех ранее созданных и вооруженных матросских отрядов и боевых взводов от кораблей и частей Балтийского флота. Одновременно спешно формировались специальные эшелоны для отправки моряков из Гельсингфорса в Петроград.

До сих пор помню текст посланного 24 октября телеграфного распоряжения Центробалта кораблям и частям, расположенным в Петрограде: «Крейсеру «Аврора», заградителю «Амур», 2-му Балтийскому и Гвардейскому экипажам и команде острова Эзель всецело подчиняться распоряжениям Революционного комитета Петроградского Совета»».

Упомянутый уже выше нами матрос И.Н. Колбин сумел в те дни отличиться еще раз. Несмотря на саботаж железнодорожных служащих Николаевского вокзала, он смог быстро отправить эшелон вооруженных матросов на поддержку начавшегося восстания в Москве. В пути группа матросов, возглавляемая большевиком матросом Н.А. Ховриным, левым эсером матросом Э.А. Бергом и анархистом матросом А.Г. Железняковым, захватила знаменитый бронепоезд «Хунгуз», следовавший с румынского фронта на помощь юнкерам. Дело в том, что В.И. Ленин помимо участия в востании в Петрограде попросил у Центробалта помощи и революционерам Москвы «творческими организующими революционными силами из Петрограда, именно матросским элементом» (по словам Ф.Ф. Раскольникова). Центробалт, разумеется, на эту просьбу откликнулся.

Однако отряд матросов в 500 человек прибыл в Москву уже к концу боев, оказав определенную помощь восставшим в подавлении последних очагов сопротивления и в установлении революционного порядка на улицах Москвы.

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина о действиях матросов-балтийцев в революционной Москве: «Прибыв на место, отряд разместился в освобожденных для нас комнатах и стал ожидать приказаний. Сопротивление врагов в Москве было полностью сломлено. Юнкеров разоружили, часть арестовали, некоторых отпустили домой. Все же Московский ревком нашел дело и для нас. Он решил использовать балтийцев для поисков подпольных складов оружия, созданных контрреволюционными офицерами, и для борьбы с бандитами, которых порядком развелось в ту смутную пору. Царской полиции уже не существовало, а милиция еще только зарождалась. В такой обстановке уголовники чувствовали себя вольготно. Они терроризировали целые кварталы. Банды действовали дерзко и были хорошо вооружены. Несколько дней подряд наши матросы, разбившись на группы, проводили облавы, прочесывали рынки, обыскивали ночлежки. Мы ловили уголовников в кабаках, громили подпольные игорные дома, врвались в бандитские притоны. Вся эта блатная шваль, почти всегда пьяная, яростно сопротивлялась. Они пускали в ход ножи, пистолеты и даже гранаты. Некоторые наши товарищи погибли от бандитских рук. Но и мы не давали им пощады. Бандитов, захваченных с оружием в руках, расстреливали на месте. Когда среди уголовников распространился слух о том, что матросы круто расправляются с теми, кто оказывает им вооруженное сопротивление, мы стали замечать, что при очередных наших налетах бандиты ведут себя гораздо покладистее, сдаются, не прибегая к оружию. В короткий срок нам удалось заметно утихомирить уголовников. Но, честно говоря, матросов не очень устраивала их новая роль».

Если верить Н.А. Ховрину, то матросы его отряда были использованы в Москве в качестве карателей. При этом, разумеется, действовали они, в первую очередь, не против уголовников, а против контрреволюционеров и всех, кого матросы считали своими врагами.

Судя по воспоминаниям, действовали матросы предельно жестоко, и расстрелы предпочитали всякой иной воспитательной работе. При этом часть матросов явно тяготилась своими карательными обязанностями. Затем матросы «московского эшелона» отбыли на юг для подавления контрреволюции на Дону...

Что же касается помощи, которую ждал А.Ф. Керенский, — то полки с фронта отказывались идти на Петроград или, не доходя до города, объявляли о верности ВРК. На рассвете министр-председатель обратился к стоявшим в столице казачьим частям. Те поинтересовались — подойдет ли пехота? Узнав, что пехоты не предвидится, заявили, что не намерены «выступать в одиночку и служить живыми мишенями». В 11 утра 25 октября Керенский на автомашине, одолженной в американском посольстве, умчался куда-то в юго-западном направлении — искать верные войска...

Что касается переодевания в женское платье, то это, конечно, поэтическое преувеличение, — но переодевание все-таки было. Сам он вспоминал позднее: «Мне было предложено переодеться в матросский бушлат, бескозырку, надеть шоферские очки. Бушлат оказался коротким, слишком маленькая бескозырка едва держалась на макушке. Я считал подобный маскарад нелепым, опасным, но делать было нечего. У меня оказалось несколько минут».

Вообще, факт попытки переодевания Керенского именно в матросскую форму весьма показателен. Думаю, что данный вариант маскировки Керенскому был предложен не случайно. Почему? Да потому, что именно в матросской форме тогда можно было легче всего затеряться, кроме этого революционного матроса по определению не мог остановить практически никто, ибо был тогда революционный матрос сам всем голова. Таким образом, при переодевании в матросскую форму Керенский был наиболее обезопасен от случайных эксцессов. Помощники Керенского, казалось, предусмотрели все: и форму заранее припасли, и шефа уговорили. Да вот незадача — размерчик бескозырки не подошел. А без бескозырки какой же из Керенского матрос!

Это случилось в Гатчине, которая к тому времени уже была в руках революционных солдат и матросов. И Керенский с небольшой свитой остался запертым в гатчинском дворце. «Даже угроза неотвратимой опасности, — как писал он спустя десять лет, — не заставила нас сплотиться... Казаки непрестанно злились на офицеров, обрекающих их на неизбежную гибель; офицеры под злобным натиском симпатизировавших большевикам солдат и собственных казаков ... задумывались, какой ценой придется заплатить за спасение собственной жизни, если большевики возьмут Гатчину. Казаки искренне верили, что их предали, видя задержку с прибытием подкрепления. Офицеры не видели необходимости скрывать ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не в состоянии уберечь их от озлобленного народа».

В Гатчину прибыли матросы-парламентеры. Они потребовали выдачи Керенского без всяких условий. Казаки и офицеры, охранявшие Керенского, подумав, согласились. Вот тогда-то и явились, как пишет Керенский, «два неизвестных мне человека, солдат и матрос», которые и предложили ему переодеться. От матросов он бежал, теперь матросы его спасали. Но это и говорит о том, что главной и решающей фигурой всей революции был именно революционный матрос, а не генералы и не адмирал Колчак.

Итак, некий таинственный матрос занялся спасением Керенского, при этом снова, как и в первый раз, встал вопрос о переодевании. В кого на этот раз был переодет Керенский, история умалчивает, может быть, в костюм сестры милосердия, а может, снова в матросскую форму, но уже подходящую по размеру. Кто был этот таинственный матрос, и был ли это действительно матрос, или человек, переодетый матросом, до сих пор покрыто непроницаемой тайной. Очень странно, но никто из отечественных и зарубежных историков революции даже не пытался заняться исследованием этого вопроса. Что ж, революции тоже умеют хранить свои тайны... Из Гатчины Керенский бежал в сторону Луги.

В октябрьские дни, введенный первоначально в состав Военно-революционного комитета и коллегии при штабе Петроградского военного округа, Центрофлот (в состав которого, как мы уже говори-

ли, входили матросы, одобрявшие политику Керенского) вынес постановление, осуждавшее всякие вооруженные выступления, вслед за этим активно выступил на стороне контрреволюции. 24 октября Центрофлот установил караулы у всех входов в Морской штаб и Адмиралтейство, а также в морском порту.

Глава четырнадцатая

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

С началом восстания в ночь с 24 на 25 октября, по мнению Л.Д. Троцкого, силы, непосредственно участвовавшие в захвате столицы, составляли «несколько тысяч красногвардейцев, две-три тысячи моряков — завтра с прибытием кронштадтцев и гельсингфорсцев их число возрастет примерно втрое, — десятка два рот и команд пехоты».

Военно-морской историк М.А. Елизаров пишет: «Участие моряков в Октябрьском восстании расписано едва ли не по минутам. Удивительная согласованность действий, организация расположения кораблей на Неве в центре города, отсутствие самосудов при большом количестве оружия и накале эмоций и т.п. оставляли впечатление, что матросы действовали по хорошо отработанному и четкому плану. Но такую организацию создали не планы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого или ВРК с Центробалтом. Революционная толпа, подавшаяся революционным высоким чувствам, обусловленным эпохальностью исторического события, самоорганизовалась. Самоорганизованность ощущалась всеми его участниками. Она наряду с революционным возбуждением толп целиком соответствовала представлениям матросов о характере происходящего, всему их предыдущему жизненному опыту и их менталитету. Это предопределило их масштабное участие в восстании, поэтому символом его стал революционный матрос.

Матросов в период восстания, прежде всего, отличала наполненность революционной энергией и инициативностью. Они в равной степени могли выплескиваться как на подталкивание событий, по-

скольку в восстании на полдороге останавливаться нельзя, так и на самоорганизацию восставших. В состоянии возбуждения революционной толпы ведущая роль в ней матросов все-таки больше не провоцировала, а гасила левый экстремизм. Как отмечал Л.Д. Троцкий, днем 25 октября матросы, натываясь на противника на улицах, или вытесняя юнкеров при занятии телефонной станции и других объектов, не хотели драться “от сознания силы” и оружие для них служило “пока только внешним признаком силы”, а разоружить врага стремились особенно рабочие. В частности, опыт матросов в вопросе самосудов позволял им безошибочно угадывать предпосылки для расправ и принимать меры, чтобы их не допускать. Например, такой опыт явно проявился при аресте членов Временного правительства и конвоировании их матросами в Петропавловку. Все это повлияло на то, что Октябрьское восстание, как известно, обошлось почти без жертв, а среди тех нескольких человек (по разным данным — до десяти), которые оказались убитыми, как сообщал ряд источников, большинство были матросами. Есть основания полагать, что некоторые из них были убиты именно при стремлении не допустить проявлений левого экстремизма».

В ночь на 25 октября из Гельсингфорса были отправлены один за другим три эшелона балтийских моряков общей численностью около четырех с половиной тысяч человек. Рано утром 25 октября в Петроград вышли эскадренные миноносцы «Забияка», «Самсон», «Меткий» и «Деятельный».

Тогда же матросы 2-го Балтийского флотского экипажа атаковали Главный почтамт. Первая атака была отбита юнкерами и казаками. Тогда возглавлявший отряд матрос М.Д. Горчаев разделил силы на две группы и возобновил атаку. Первая группа отвлекла на себя внимание противника, а вторая обошла здание и атаковала с другой стороны. Почтамт был захвачен. Одновременно отряд под командованием матроса П.Д. Малькова снял юнкерские посты на Невском проспекте. Матросы гвардейского экипажа захватили Государственный банк. Затем солдаты, красногвардейцы и матросы заняли Центральную телефонную станцию. Отряд под командованием матроса-анархиста А.В. Мокроусова захватил Телеграфное агент-

ство. Член ЦИК матрос-большевик Н.Г. Маркин с группой матросов занял Министерство иностранных дел. Другие матросские отряды подавили сопротивление офицеров, заседавших в гостинице «Астория», заняли Балтийский, Варшавский и Финляндский вокзалы, закрыли проправительственную газету «Биржевые ведомости».

Утром 25 октября к причалам Гельсингфорса из Свеаборга начали подходить катера с вооруженными матросами, которые, высадившись на берег, направились к вокзалу. Вскоре в Петроград отправился первый эшелон. Однако в пути железнодорожники сделали все возможное, чтобы задержать его движение. Из-за этого матросы из Гельсингфорса прибыли в Петроград с большим опозданием и в штурме Зимнего дворца не участвовали.

В решающий день октябрьского переворота главной силой были матросы Кронштадта и Петрограда.

Получив через связных указания ВРК, Кронштадтский Совет призвал матросов к выступлению. Всю ночь на 25 октября матросы приводили в порядок оружие, снаряжение и форму. Утром на Якорной площади Кронштадта состоялся многотысячный митинг. Перед отъезжающими выступил матрос-большевик И. Флеровский, призвавший уничтожить проклятых министров-капиталистов. В составе отправляемого в столицу отряда были матросы флотских экипажей, минной и машинной школ, корабельных команд учебных кораблей «Азия», «Океан», «Народоволец», а также члены команды недавно погибшего у Моонзунда линкора «Слава».

Матросов в Петроград переправляли на войсковых транспортах, пассажирских колесных катерах и баржах. На переходе их сопровождал минный заградитель «Амур» и яхта «Зарница» под флагом Красного Креста для раненых. Короче, было использовано все, что могло передвигаться по воде. Недаром потом в Петрограде ходила частушка:

Из-за острова Кронштадта
На простор Невы-реки
Выплывает много лодок,
В них сидят большевики...

Одновременно утром 25 октября отряд комиссара Б.А. Бреслава вышел на катерах из Кронштадта и высадился в Ораниенбауме, где занял вокзал и железнодорожную линию, разоружил школу прапорщиков, захватил склад с пулеметами и боеприпасами.

Из Гельсингфорса в Петроград выехал второй отряд революционных моряков. Команда линкора «Петропавловск» заявила о готовности выступить против правительства: «Все как один человек должны громко и грозно крикнуть в стан наших врагов: “Вам вреден и страшен съезд Советов, но мы не допустим вас посягнуть на наши права, на права наших организаций; прочь от них свои кровавые щупальцы, иначе гнев революционного народа сметет с лица земли вас и ваши дьявольски хитросплетенные сети кабалы и рабства”».

Из воспоминаний матроса с линкора «Гангут» Д.И. Иванова: «В три часа ночи эшелон отходит. Гремит музыка, из вагонов доносятся крики “ура”. Дыбенко бороду вскинул, машет рукой. Думали, что он с нами поедет, но нет. Значит, еще много дел у него. Не знали мы, что утром он отправит еще два эшелона и протелеграфирует об этом в Военно-революционный комитет.

От Гельсингфорса до Петрограда часов восемнадцать езды. Это обычных, а наша поездка необыкновенная, пройдем с ускорением. Может, успеем к работе съезда. Поначалу действительно эшелон взял подходящую скорость, но потом начались задержки — остановка за остановкой. Оказывается, преграды возводит финская контрреволюция. На некоторых станциях не оказалось железнодорожной администрации. Приходилось действовать силой, а на это уходило время. Матросы негодовали: в Петрограде великое дело должно свершиться, а эти гады палки в колеса вставляют. К стенке таких!

Весь день 25-го промучились, нередко наганами прокладывая путь. Думали, ночью машинист нагонит — ничего подобного. В темноте еще сложнее стало с прокладкой пути, сплошные стоянки. Дежурным взводам доставалось работы. Матросы тревожились за Петроград: каково ему? Открылся ли съезд или контрреволюционеры помешали? Мучительно тянулся и второй день. На частых остановках мы выглядывали из вагонов, стараясь определить, как скоро восстановится движение. Под стук колес пытались предста-

вить, чем и как встретит нас Петроград. Наряду с оптимистическими рассуждениями (“Пока тянемся, там наши победят”) выражались и сомнения (“А вдруг буржуи на съезд набросятся?”). И приходили к общему выводу: если что, мы вольемся в ряды бойцов».

Забегая вперед, скажем, что эшелоны с матросами из Гельсингфорса опаздали и опоздали, как говорится, к «шапочному разбору». Но послышали их все же не зря. Кто знает, как могло повернуться дело, и пара тысяч лишних штыков в таком случае очень даже могла пригодиться.

В тот же день 25 октября Военно-революционный комитет обнародовал написанное В.И. Лениным воззвание «К гражданам России!». В эфир оно было передано радиостанцией «Аврора». Воззвание извещало о низвержении Временного правительства и переходе власти в руки народа в лице ВРК Петроградского Совета. Вслед за «Авророй» к ретрансляции воззвания подключились радиостанции Кронштадтской крепости и кораблей Балтийского флота. Это было очень важный момент, так как радио было тогда единственным каналом информации о событиях в Петрограде.

Днем матросы заняли Мариинский дворец и разогнали заседавший там предпарламент. Отряд матросов под командованием матроса И.Д. Сладкова занял военный порт и располагавшуюся на его территории мощную радиостанцию «Новая Голландия».

Вообще, при решении революционных вопросов матросы не слишком церемонились. Главными их аргументами выяснения отношений с петербургскими обывателями были наган и винтовка.

Из воспоминаний матроса П.Д. Малькова: «Дали мне и еще одно поручение: забрать царскую яхту “Штандарт”, стоявшую на Неве, и отправить ее в Кронштадт, откуда она должна была быть доставлена в Гельсингфорс. Нужна нам была радиостанция, имевшаяся на яхте, да и сама яхта могла пригодиться для нужд Центробалта. Дело это оказалось не легким... Отправился я во 2-й Балтийский экипаж. Разыщу, думаю, двух-трех ребят, что-нибудь сообразим. Только пришел, навстречу наш балтиец Анатолий Железняков, тоже делегат съезда Советов, парень смелый, решительный. Я к нему.

— Пойдешь, — говорю, — Анатолий, со мной царскую яхту забирать? Есть распоряжение Центробалта, надо выполнять.

— Ну что ж, — сразу согласился Железняков. — Пошли!

Отправились мы с ним сначала на “Штандарт” посмотреть, кто там из команды остался, что за народ. Ребята оказались ничего, против отправки яхты в Гельсингфорс никто не возражал. Только, говорят, своим ходом идти не может, буксир нужен, да не один, а несколько. Один не потянет.

— Ладно, — отвечаю, — мне ваше согласие нужно, а насчет буксира сам позабочусь. Будет буксир.

Сошли мы с Железняковым с яхты и двинулись вдоль берега. На мне матросский бушлат, а под бушлатом — здоровый американский пистолет системы “Кольт”. Смотрим, буксир вроде подходящий стоит возле берега. Переглянулись мы с Анатолием — и на буксир. Подходим к капитану. Я командую:

— Швартуй “Штандарт”. В Кронштадт поведешь.

— Не могу, — отвечает капитан, — у меня приказ командующего портом с места не трогаться.

Я вынимаю кольт:

— Вот тебе приказ!

Капитан сразу согласился...

...Позвал одного товарища, и отправились мы с ним в порт. Видим, стоит машина начальника порта. Подходим к шоферу.

— Поехали! — говорю.

Он и слушать не хочет: “Кто ты таков?” Я за кольт — шофер сразу переменяет тон и стал вводить мотор...»

Во второй половине дня 25 октября на «Аврору» прибыл В.А. Антонов-Овсеенко. Ознакомив матросов с положением дел, он приказал им быть готовыми по сигналу с Петропавловской крепости дать холостой выстрел по Зимнему дворцу, а в случае необходимости по первому требованию открыть и стрельбу боевыми снарядами.

На открывшемся экстренном заседании Петроградского Совета В.И. Ленин провозгласил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». Вечером 25 октября отряд матросов под командованием

комиссара В.М. Зайцева занял здание Главного адмиралтейства и арестовал офицеров Морского Генерального штаба и Морского министерства. Отряд из 40 матросов Гвардейского флотского экипажа захватил Государственный банк, не встретив сопротивления. Начальник охраны банка эсер Булхов в момент появления матросов спал. В Адмиралтейском районе в течение дня матросами задержано до 40 офицеров, не имевших при себе надлежащих документов. Теперь в Петрограде в руках Временного правительства оставался лишь Зимний дворец. К нему постепенно начали подтягиваться основные силы восставших, занимая исходные позиции для штурма. Отряды матросов были сосредоточены на набережной, у Главного адмиралтейства, у Дворцового моста, вдоль фасада Адмиралтейства, обращенного к Зимнему, в Александровском саду против дворца, в проезде между Александровским садом и Главным штабом, на Миллионной улице, на набережной Петра Великого и у Троицкого моста. Со стороны Троицкого моста по набережной Петра Великого продвигался Ревельский ударный батальон моряков. У Адмиралтейства располагались кронштадтские матросы из Машинной школы и с учебного судна «Океан». Со стороны Александровского сада вместе с красногвардейцами наступали моряки Кронштадтского учебно-минного отряда, 2-го Балтийского и Гвардейского экипажей.

Во избежание кровопролития в 20 часов Временному правительству был предъявлен ультиматум о капитуляции. Ответа не последовало. Вечером от дворца ушли юнкера Михайловского училища, затем шесть бронемашин из автобронедивизиона и три сотни казаков.

По истечении срока ультиматума первой должна была открыть огонь Петропавловская крепость, державшая под прицелом мосты, Невский фарватер, Зимний дворец.

В 21 час 40 минут над Петропавловской крепостью загорелся красный огонь. По этому сигналу с «Авроры» комендором Е.П. Огневым был произведен холостой выстрел с бакового орудия.

Главные силы революционных матросов устремились к Зимнему дворцу со стороны Адмиралтейской набережной и Александровского сада. Это были кронштадтские отряды В.И. Алешина, Н.К. Антипова, Ф.С. Кузнецова-Ломакина, В.С. Мясникова, П.И. Смирнова, И.Д. Сладкова, Ф.Д. Степанова. Один отряд авроровцев, возглавляемый А.С. Неволиным, высадился на набережной и присоединился к кронштадтцам в Александровском саду, второй отряд авроровцев под командованием К.И. Душенова штурмовал Зимний со стороны Адмиралтейской набережной. По Дворцовой площади со стороны арки Главного штаба вместе с солдатами и красногвардейцами бросились к Зимнему дворцу матросы эсминцев «Изяслав» и «Константин» под командованием В.С. Трофимова и матросы 2-го Балтийского флотского экипажа под командованием С.Д. Павлова. Со стороны Миллионной улицы в первых рядах бежали матросы Морского полигона и судна «Народоволец». Вскоре отдельные отряды матросов, красногвардейцев и солдат начали проникать через Комендантский подъезд, боковые входы и окна в Зимний дворец. Спустя два часа, практически без какого-либо серьезного сопротивления, Зимний дворец был занят восставшими. Согласно легендам советского времени, первым в Зимний дворец ворвался боевой матрос, балтиец А. Дрогов. Это в его уста поэт революции В.В. Маяковский вложит потом слова: «Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время».

Из воспоминаний участника штурма Зимнего анархиста Федора Другова: «...В конце Невского двигались одинокие прохожие, некоторые с винтовками и пулеметами. На площади у Исаакиевского собора расположился бивак матросов 2-го Балтийского экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что Временное правительство решило защищать свою власть, и там уверены, что без штурма Зимнего не обойтись, — а здесь не только нет достаточной осады, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят, благодушно настроены и не чувствуют боевой обстановки. Я пересек Дворцовую площадь и подошел к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов... Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный. Обрисовал печальную картину, сложившуюся вокруг Зимнего, Анто-

нову. Антонов, тряся длинной шевелюрой, удивился моему рассказу: “Как? А мне только что сообщили, что Временное правительство сдалось и Зимний плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!”

...Когда я вернулся к Зимнему, вокруг него царило уже большое оживление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда поодиночке со всех концов города, как только раздались первые выстрелы — признак революции. Тут были матросы, рабочие, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия... Время от времени они оглашали площадь выстрелами...»

В 8 часов вечера комиссар ВРК Г.И. Чудновский прибыл в Зимний дворец парламентаром с ультиматумом о сдаче, который был отвергнут. Красная гвардия, революционные части гарнизона и матросы были готовы начать штурм. В 9 часов 40 минут вечера по сигнальному выстрелу из пушки Петропавловской крепости был произведен холостой выстрел носового орудия «Авроры», оказавший психологическое воздействие на защитников Зимнего дворца. После этого вновь вспыхнула перестрелка между осаждавшими Зимний и его защитниками.

Матрос Н.Ф. Измайлов в своей книге воспоминаний «Центробалт в дни восстания» пишет: «Вся ночь с 24 на 25 октября 1917 года прошла в самой напряженной боевой работе по сбору и организации всех ранее созданных и вооруженных матросских отрядов и боевых взводов от кораблей и частей Балтийского флота. Одновременно спешно формировались специальные эшелоны для отправки моряков из Гельсингфорса в Петроград. До сих пор помню текст посланного 24 октября телеграфного распоряжения Центробалта кораблям и частям, расположенным в Петрограде: «Крейсеру “Аврора”, заградителю “Амур”, 2-му Балтийскому и Гвардейскому экипажам и команде острова Эзель (имеются в виду уцелевшие и сведенные в единую команду матросы с береговых батарей острова Эзель. — *В.Ш.*) всецело подчиняться распоряжениям Революционного комитета Петроградского Совета.

В ночь на 25 октября из Гельсингфорса были отправлены один за другим три эшелона балтийских моряков общей численностью около четырех с половиной тысяч человек. Рано утром 25 октября в Петроград вышли эскадренные миноносцы “Забияка”, “Самсон”, “Меткий” и “Деятельный”. Всего Центробалтом из Гельсингфорса, Ревеля и Кронштадта было послано в Петроград для участия в вооруженном восстании пролетариата и свержении Временного правительства 15 боевых кораблей с вооруженными матросами».

К 10 часам вечера корабли из Гельсингфорса наконец-то прибыли в Петроград. Сошедшие на берег матросы сразу же присоединились к восставшим. Теперь можно было начинать и захват Зимнего дворца. Около 11 часов ночи из Петропавловской крепости был начат обстрел Зимнего боевыми снарядами, хотя большинство из них и не попадало непосредственно в здание. 26 октября в первом часу ночи во дворец проникли первые крупные отряды осаждавших. К часу ночи уже половина дворца находилась в руках восставших.

Из воспоминаний матроса-комендора эскадренного миноносца «Самсон» В. Купревича: «Лишь к 11 часам вечера вместе с группой матросов мы подошли к Зимнему, сторона которого, обращенная к Адмиралтейству, освещалась прожекторами крейсера “Аврора” и эскадренного миноносца “Самсон”. К этому времени большая часть дворца была занята атакующими. Из его окон выбросили несколько ручных гранат; находившиеся вблизи матросы и солдаты получили ранения. Матрос Сосновский с нашего корабля и я с группой рабочих и солдат вошли во дворец. Вскоре мы узнали об аресте членов правительства...»

Из воспоминаний участника штурма Зимнего анархиста Ф.П. Другова: «Стоило мне только предложить матросам штурмовать баррикаду, как тотчас же вокруг собралась целая рота добровольцев. Они только и жаждали инициатора, который бы что-нибудь такое затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу, как нужно себя вести при наступлении, и мы широкой цепью двинулись вперед... После неудачной попытки атаковать баррикаду я решил приблизиться к дворцу со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы добрались до угла и присоеди-

нились к солдатам Павловского полка, укрывавшимся за гранитными статуями Эрмитажа. Взяв с собой группу матросов, я направился для разведки к боковым воротам Зимнего. Подкравшись к воротам, мы увидели ударниц женского батальона и вступили с ними в переговоры... Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим “врагам”. Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук, и, как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом убегала. Растроганный матрос безнадежно вздыхал: “Эх, хороша Маша, да не наша”... Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросня ворвалась во дворец и рассеялась по бесчисленным коридорам и залам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения по пути. Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать выход. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у временного правительства не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была — проникнуть изнутри к главным воротам и атаковать баррикаду с тыла. Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда-то распространился слух, что прибыли казаки Керенского. Матросня бросилась назад к выходу. Как я ни успокаивал — не помогло, и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за двумя последними матросами, чтоб не остаться совсем одному. Вбежали в какой-то

чулан или кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Пробили прикладами дыру и вылезли на лестницу. Дверь во двор тоже оказалась на замке. Попробовали бить прикладами — не поддается — прочная. Мы попались в западню, как мыши. Нужно искать путь, которым мы пришли во дворец. Бежим вверх. Взломали еще одну дверь и какими-то помещениями пришли к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади стоял сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа. И нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении. Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба. Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двинуться во дворец. Матросы рассказали, как один из них, забравшись на какой-то чердак и сбросив оттуда бомбу на собрание юнкеров, убежал. Несколько матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика рассвирепела: “Как, расстреляли наших товарищей! Даешь Зимний, братва!” И вся эта орда бросилась во дворец... Бомба, брошенная в самой середине здания, навела на юнкеров такой панический страх перед наглостью матросов, что они, завидев в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки вверх и сдавались... По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный случай поживиться. Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство...»

Как только сопротивление прекратили последние юнкера в 2 часа 10 минут ночи Зимний дворец был взят. В Малую столовую рядом с Малахитовым залом, в которой находились члены Временного правительства, вскоре прибыл Антонов-Овсеенко с рядом матросов.

Из воспоминаний участника штурма Зимнего анархиста Ф.П. Другова: «...Я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами... Прибегает матрос и заплетающимся языком сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему опять заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб. Матрос, пошатываясь, ушел. Пробираясь дальше в глубь здания, я заглянул в одну из боковых зал и вижу, как двое штатских, отворив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, командую: “Ни с места!” В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверью и крикнул своих матросиков, несколько поотставших от меня. Учув неладное, мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их. Отобрав у них ценности, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано. Наконец, стрельба прекратилась и кто-то сообщил, что главные ворота взяты. Вскоре мы встретились с солдатами, которые проникли во дворец уже через ворота. Здесь мне сообщили, что Временное правительство сдалось...»

Из воспоминаний матроса П.Д. Малькова: «Время было 8 часов утра 25 октября 1917 года. Мы с Антоновым-Овсеенко тут же вышли из Смольного, сели на стоявший невдалеке на Неве буксир и поехали в Петропавловскую крепость. Рассказали комиссару Петропавловки Благодравову о решении Военно-революционного комитета, велели тащить орудие на стенку и готовить ракеты. Благодравов принялся за дело, а мы поехали на “Аврору”.

Там все в нетерпении. Судовой комитет ждет приказа Военно-революционного комитета. Ребята так и горят, похаживают возле орудий. Сказали мы им, что по сигналу Петропавловской крепости нужно дать три холостых выстрела, и поехали на минный заградитель “Амур”. “Амур” около полудня доставил из Кронштадта человек пятьсот моряков, народ отборный, одеты прекрасно, все с оружием. Над палубой “Амура” была натянута сетка. Мы с Антоновым-Овсеенко забрались на сетку, произнесли короткие

речи и разъяснили матросам задачу, сказав, что в 9 часов вечера начинается штурм Зимнего, если Временное правительство до этого не капитулирует. Тут такое поднялось, что и сказать трудно. “Ура!” кричат, нас было качать вздумали. Еле мы вырвались и скорее обратно, в Смольный. Антонов-Овсеенко куда-то ушел, а мне Подвойский дал новое задание:

— Из Гельсингфорса подошли миноносцы “Самсон” и “Забияка”. Поезжай сейчас на «Самсон» и жди команды, надо будет — откроее огонь по Зимнему!

Я отправился. Добрался до “Самсона”, а он стоит на Неве так, что Зимнего не видно. Другие здания загораживают. Пошли мы с матросами на берег, развели мост и подогнали миноносец, куда было нужно, поближе к дворцу.

В 9 часов вечера вахтенный матрос доложил, что с Петропавловской крепости дана ракета. Вслед за ней грянули выстрелы с “Авроры”. Штурм Зимнего начался. Время идет, а ружейная и пулеметная перестрелка все не кончается: то вроде стихнет, то опять усилится. Пора, думаю, и нам огонь открывать, время уже к 11 часам вечера подходит, только приказа все нет. Дал на всякий случай команду приготовиться к стрельбе. Подходит ко мне офицер и говорит, что стрелять нельзя. Орудия крупные, откроем пальбу прямой наводкой, все на куски разнесем.

Решил я сам пройти к Зимнему, проверить, как там дело обстоит. Неужели, думаю, о нас забыли, а нам давно пора огонь открыть. Спустился на набережную, иду, только — что это? Как будто стрельба вдруг прекратилась. С Дворцовой площади крики какие-то доносятся, шум, свист. Кинулся я бежать, выскочил на площадь, гляжу — юнкера, ударницы из женского батальона. Все разоружены. Поодаль кучка штатских жметя, зажата в плотном кольце матросов... — министры Временного правительства. Вокруг народ шумит. Взят Зимний! Всё!»

Министров Временного правительства арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. На флагштоке крепости был поднят красный флаг. На улицы Петрограда были высланы усиленные вооруженные патрули матросов.

Среди прочих министров Временного правительства в Петропавловскую крепость попал и последний морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. Следующим утром после взятия Зимнего дворца товарищ морского министра (т.е. заместитель) капитан 1-го ранга С.А. Кукель 1-й попытался взять власть в ведомстве в свои руки и даже издал приказ о своем вступлении в управление министерством. С.А. Кукель пытался организовать сопротивление новой власти в центральном аппарате морского ведомства, но дальше приказа дело не пошло. История Кукеля просто не заметила...

Из воспоминаний матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Одним из первых получил задание... Анатолий Железняков. Ему поручено было обеспечить порядок в районе Невского проспекта и Дворцовой площади. В то время на Невском и возле Зимнего дворца группами собирались недовольные революцией обыватели, чиновники разных ведомств, гимназисты. Они устраивали жидкие митинги протеста, шумели и витийствовали друг перед другом. Там же появилось много уголовников и всякого рода анархизирующих личностей, рассчитывающих половить рыбку в мутной воде. Железнякову выделили матросов из 1-го Балтийского экипажа. В помощь себе он взял также Эйжена Берга. Тот с удовольствием согласился разгонять буржуев и жуликов. Один вид Берга с неизменными револьверами за поясом действовал на слабонервных интеллигентов устрашающе. Достаточно было ему подойти к кучке митингующих против советской власти, как она сама собой тихо и незаметно таяла. Бергу иногда даже не приходилось прибегать к словам и уговорам». В данном случае Н.А. Ховрин несколько лукавит. Что-то, а уговорами буржуев матросы себя никогда не утруждали. Когда у тебя есть винтовка и штык, зачем кого-то уговаривать!

Так произошел Октябрьский переворот партии большевиков, позднее названный Октябрьским восстанием, а еще позднее — Великой Октябрьской Социалистической революцией. Количество жертв вооруженного противостояния было незначительным — с обеих

сторон было всего 6 убитых и полсотни раненых — для события такого масштаба почти ничто!

Безусловно, ночь переворота стала звездным часом для всех революционных матросов. При этом, глядя объективно, никто из вождей большевиков не сделал в те дни для победы новой революции столько, сколько сделал Центробалт. Именно «матросская армия» стала авангардом мятежа, своеобразной временной «преторианской гвардией» большевиков. Исчерпывающую оценку решающей роли матросов-балтийцев в Октябрьском восстании дал впоследствии И.В. Сталин: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы... При необычайной смелости этих людей роль петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов». Ну а мы знаем, что И.В. Сталин слов на ветер не бросал!

Известие о взятии Зимнего дворца было встречено аплодисментами делегатов открывшегося в Смольном II Всероссийского съезда Советов. Все получилось как по нотам, съезд еще только начал работу. А тут в его руки и государственная власть упала. Только бери! Съезд объявил о победе революции, о переходе власти к Советам и о создании первого советского правительства, принял декреты о мире и земле. В составе правительства был создан комитет по военным и морским делам, в который вошли В.А. Антонов-Овсеенко, П.Е. Дыбенко и Н.В. Крыленко.

В момент штурма Зимнего дворца в Гельсингфорсе собрался объединенный пленум городского Совета, областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии и Центробалта совместно с судовыми и армейскими комитетами. Председатель Центробалта П.Е. Дыбенко в ответ на полученное сообщение о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета под аплодисменты присутствующих заявил, что революционные матросы Балтийского флота будут беспрекословно выполнять все приказы и распоряжения советской власти. Был ли тогда П.Е. Дыбенко искренен в своих словах, мы не знаем...

Ну а в Петрограде победители уже начали праздновать победу. Из воспоминаний участника штурма Зимнего анархиста Федора

Другова: «Военно-революционному комитету сообщили, что матросы, охранявшие Зимний, перепились вином, переполнявшим подвалы дворца. При этом в подвалы Зимнего допускаются только матросы и некоторые солдаты, остальных отгоняли штыками. При этом у матросов начались разборки с солдатами Павловского полка. Так как Павловский полк был ближе всех расквартирован к Зимнему, его солдаты считали, что все вино в Зимнем принадлежит им, и регулярно присылали своих кагтенармусов за вином. Если же матросы не пускали их к вину, павловцы высылали на помощь вооруженный отряд. Тогда караул павловцев к вину пропускал, и они напивались все вместе. Некоторые члены Комитета предлагали разогнать пьяниц во дворе Зимнего броневиками и пулеметами. Об осуществлении этого дикого проекта не могло быть и речи, это могло привести к немедленному восстанию матросов. Был проект под предлогом перевозки вина в Кронштадт отправить его в Швецию, которая предлагала несколько миллионов рублей золотом. Но кронштадтцы и слышать об этом не хотели. Последнее решение — разлить вино в подвале и выкачать в Неву — тоже потерпело фиаско».

Член комитета ВРК Галкин предложил объявить, что вино из царских подвалов в ознаменование победы отдается матросам и солдатам гарнизона и будет ежедневно отпускаться представителям частей из расчета две бутылки на человека в день. Таким образом, пьянство было узаконено и введено в рамки. Потом матросы вспомнили, что помимо царского вина есть еще вино в других подвалах города. Так как на матросов никакой надежды не было, большевикам пришлось обратиться к латышским стрелкам, которые до той поры сохраняли нейтралитет. Среди латышей имелись коммунисты, но большая часть симпатизировала анархистам. Но прекратить погромы винных складов было непросто, матросы и солдаты были при полном вооружении, а иногда даже с пулеметами. На улицы, где кутили матросы, нельзя было высунуть носа, кругом носились пули, это матросы отпугивали штатских от вина. Случайно подвернувшихся солдат матросы силой затаскивали в погреб и накачивали вином. Погромная волна продолжалась несколько месяцев и кончилась только после того, как все винные склады были уничтожены.

Что касается того, как отозвалось известие о произошедшем в Петрограде социалистическом перевороте на Черноморском флоте, то едва вечером 26 октября в Севастополь пришло известие о свержении большевиками Временного правительства в Петрограде, ряды РСДРП(б) на Черноморском флоте начали расти с огромной быстротой. Уже на следующий день, по инициативе большевиков, в Севастопольском военном порту был проведен большой митинг. Из порта участники митинга пошли к зданию Севастопольского Совета. В это время эсеры и меньшевики, руководившие Советом, создавали местную власть из представителей всех «социалистических» партий. Они расширили состав исполкома Совета за счет представителей Совета крестьянских депутатов, Центрофлота, Севастопольского филиала Центральной рады и других организаций. Новый исполком Совета вынес постановление взять власть в Севастополе в свои руки. Эсеро-меньшевистские лидеры Совета вышли к матросам, пришедшим приветствовать победивших большевиков. Публичным признанием победы вооруженного восстания в Петрограде и сообщением о переходе власти в Севастополе в руки местного Совета эсерам и меньшевикам удалось убедить участников демонстрации, что в Севастополе, как и в Петрограде, власть перешла в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов.

На момент Октябрьского переворота большевики и другие крайне левые силы (левые эсеры, анархисты), хотя и не преобладали в составе Севастопольского Совета, однако симпатии матросских масс были определенно на их стороне. Севастополь стал единственным крымским городом, поддержавшим вооруженный захват власти в столице. ЦК ЧФ даже направил в Петроград приветственную телеграмму, а командующий флотом контр-адмирал А.В. Немитц, верный своему принципу непротивления, отдал приказ о признании власти Советов. В течение последующих полутора месяцев в городе и на флоте практически ежедневно проходят многолюдные митинги и демонстрации, на которых выдвигаются лозунги и принимаются резолюции в поддержку РСДРП(б). А из Петрограда в Севастополь между тем прибывают все новые группы агитаторов, преимущественно балтийских матросов.

Вчерашние эсеры и меньшевики в матросских форменках бросились записываться в большевики наперегонки. Да кому же не хочется стать членом партии, взявшей власть в стране! Как знать, может и им от этой власти кое-что обломится! Работы у Н.И. Островской, Ю.П. Гавена и Н.А. Пожарова сразу прибавилось. Они едва успевали создавать все новые и новые большевистские ячейки на кораблях, в береговых частях и на предприятиях Севастополя. В начале ноября 1917 года таврический губернский партийный организатор Ж. Миллер в письме в ЦК большевистской партии сообщал: «У нас... растет революционное настроение. Оборонческие Советы совершенно растерялись... Между тем, широкие массы рабочих, солдат и крестьян решительно отхлынули от них к нам. Идет всюду лихорадочная работа перевыборов в Советы, проходят наши и сочувствующие».

В Одессе известие о большевистском перевороте в Петрограде было получено одновременно с Севастополем. Если в городе и на судах транспортной флотилии это известие было воспринято довольно спокойно и даже с испугом, то на старых линкорах «Синоп» и «Ростислав» и на вспомогательном крейсере «Алмаз» известие о большевистском перевороте восприняли, наоборот, с большим воодушевлением.

На митинге экипажа «Ростислава», при участии более чем 400 матросов, была принята резолюция, в которой говорилось: «Переход власти в руки Советов от души приветствуем».

«Мы, матросы линкора “Синоп”, — писали синопцы, — приветствуем восставший петроградский гарнизон и пролетариат... Мы требуем от революционного комитета города Одессы и от исполнительных комитетов Одесских Советов решительных действий и осуществления власти Советов и спокойно и твердо заявляем: “Мы готовы”. За резолюцию голосовало 365 членов экипажа, против — 12.

Любопытно, что команда линкора «Синоп» пригласила к себе на борт членов городского Совета, чтобы те разъяснили происшедшее. Но меньшевистско-эсеровское руководство Одесского Совета не пожелало «пожаловать» на корабль, ибо знало о рево-

люционном настроении команды. Неслучайно соглашательский Румчерод сообщал из Одессы Севастопольскому Совету матросских депутатов, во главе которого также находились меньшевики и эсеры: «Настроение матросов ярко большевистское. Сегодня утром прибыло большое военное судно, очевидно по вызову моряков. “Синоп” распространяет маловероятные радиотелеграммы о победе большевиков».

Узнав о перевороте большевиков в Петрограде, оживились украинские националисты. 1 ноября была создана в Киеве Морская Генеральная рада, и по согласованию Петрограда и Киева 16 ноября приказом командующего флотом была создана комиссия по передаче крейсера «Память Меркурия» комиссару Украинской центральной рады. Надо отметить, что командующий флотом контр-адмирал А.В. Немитц вел через своего представителя, лейтенанта Спаде, переговоры с Центральной радой. Он предлагал организовать Черноморское правительство автономных областей, прилегающих к Черному морю, организовать Коммерческий украинский флот, реформировать Черноморский флот, уволив матросов старших возрастов. Адмирал предложил встретиться в Одессе с представителем Центральной рады. Этот вопрос был положительно рассмотрен 27 ноября на заседании генерального секретариата Центральной рады, однако дальнейшие события, по всей видимости, помешали этой встрече.

29 октября, якобы для ликвидации погромов, организованных контрреволюционным офицерством, в Мелитополь неожиданно отправился отряд матросов. Отметим, что отряд был отправлен без ведома ЦК ЧФ и командующего флотом. Матросы просто собрались на митинг, кто-то им сказал, что в Мелитополе офицеры обижают население. Матросы взволновались, взяли винтовки, захватили состав и поехали наводить порядок в Мелитополе. А.В. Немитц, как обычно, отделался невразумительным примиренческим приказом: «...В результате “Свободная Россия” входила в док и в настоящее время производит срочные доковые работы с уменьшенным числом команды, это затянет ее готовность и задержит док для других су-

дов, что отразится в сильной степени на боеспособности флота. Из минной и машинной школы уехали в Мелитополь ученики, в числе около 130 человек, конечно занятиям в школах нанесен большой удар, что целиком отразится на пополнении флота так необходимыми нам специалистами. Между тем, если бы требование о наряде прошло через штаб, то все эти обстоятельства были бы приняты во внимание, и посылка команд прошла бы для флота безболезненно. Кроме того, имели место требование высылки патрулей не через штаб, а непосредственно на корабли, благодаря этому нарушалась очередь и правильное распределение нарядов». Кстати, докладывая об экспедиции в Мелитополь на заседании Исполкома Севастопольского Совета, матрос-большевик Н.А. Пожаров признал, что «там никаких начинаний к погромам не было, и наш отряд был не карательный, а чисто осведомительно-убедительный». Короче, просто надоело «братве» учиться военному делу, и она отправилась попить самогона, поесть сала и подебоширить в тыл. А кто им теперь может это запретить? Теперь настоящим революционным матросам никто не указ!

На следующий день вышел приказ по флоту за подписью командующего и председателя ЦК ЧФ с предписанием «флагманам на судах и частях сдать все огнестрельное оружие в арсеналы под охрану часовых и под ответственность судовых комитетов». Так, с подачи командующего флотом, разоружили офицеров. Теперь матросы были уже морально готовы к стихийные погромам и расправами над неугодными.

15 ноября в Севастополь прибыла делегация Балтийского флота для «обмена передовым опытом». Делегация имела в своем составе 20 большевиков и 5 сочувствующих. С этого времени начиналась интенсивная большевизация Черноморского флота. Профессиональных революционеров в делегации не было. Они были уже не нужны. Время длительной пропаганды и кропотливой работы закончилось — наступило время действий. Ну а для этого больше всего подходили кронштадцы, уже вкусившие офицерской крови, вдохнувшие воздуха матросской демократии и вседозволенности.

Только они могли быстро наэлектризовать черноморскую «братву» и спровоцировать ее на самые радикальные действия. Любопытно, что до сих пор толком не выяснено, кто же именно послал в ноябре 1917 года балтийскую делегацию в Севастополь. По одним источникам, это сделал Центробалт, по другим — ЦК РСДРП(б). Скорее всего, посылка делегации стала плодом их совместного решения — одни подсказали, вторые исполнили.

Делегацию сопровождали два севастопольских большевика — А.И. Калич и А. Рыжих — находившихся в Петрограде в дни Октябрьского вооруженного восстания и получивших инструкции для возвращения в Севастополь лично от Я.М. Свердлова. Прибыв в Севастополь, кронштадцы немедленно приступили к возбуждению черноморцев, требуя немедленного и безжалостного «революционного» уничтожения офицеров.

По Черноморскому флоту прокатилась, во многом инспирированная большевиками, волна недовольства политикой эсеров, меньшевиков и Севастопольского Совета, где те имели подавляющее большинство, и были, соответственно, против перехода власти к Советам. На митингах принимались резолюции с требованием изгнать «соглашателей» и «объединенцев» из состава Севастопольского Совета. Выступая на собрании линкора «Воля», один из лидеров анархистов Мокроусов грозил «штыками разобрать Совет, если таковой не примет анархистскую резолюцию», на что команда линкора выразила протест. Сразу же после Октябрьского переворота в Петрограде был отстранен от должности главного комиссара флота и правый эсер И.И. Бунаков-Фундаминский.

Находившийся на более левых позициях Черноморский Центрофлот, выражая волю большинства матросов, выступил с воззванием в поддержку советской власти.

Последней каплей, которая привела к падению в городе власти эсеро-меньшевистского Совета, было отношение его большинства к желанию матросов выступить с оружием в руках против контрреволюционного мятежа генерала А.М. Каледина.

Глава пятнадцатая

ФЛОТСКИЕ МИФЫ ОКТЯБРЯ

До сих пор на страницах отечественной печати не утихают споры о роли и месте революционных матросов в дни Октября 1917 года. Одни их возносят, другие, наоборот, поносят. При этом и те и другие зачастую руководствуются не фактами, а слухами и легендами, переписывая один у другого. Прежде всего часто обсуждается вопрос, насколько революционно (т.е. леворадикально) были настроены балтийские матросы и являлись ли они той решающей силой, которая по существу, и привела большевиков к вершинам государственной власти.

Историк М.А. Елизаров по этому поводу пишет: «Радикальность флота в данной ситуации не очень беспокоила большевистские верхи, поскольку она вписывалось в назревавшее вооруженное столкновение. Например, в статье “Советы постороннего”, написанной 8 октября, В.И. Ленин (его слова мы уже цитировали выше. — *В.Ш.*) выделял матросов в число “самых решительных элементов” и намечал их для “занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях...”. Но “левизна” матросов в виде анархичности, вероятность ненужных жертв, самосудов, исходящих от них, все-таки волновала В.И. Ленина. Об этом писали В.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вахрамеев и некоторые другие его соратники. Большевистские верхи видели, что матросы идут к революции самостоятельно, мало зависят и от них, и от других политических партий. Основная задача сторонников второй революции состояла в том, чтобы направлять революционную решимость матросских масс по возможности в свою сторону, что большевикам вполне удалось. С началом восстания в ночь с 24 на 25 октября, по мнению Л.Д. Троцкого, силы, непосредственно участвовавшие в захвате столицы, составляли “несколько тысяч красногвардейцев, две-три тысячи моряков — завтра с прибытием кронштадтцев и гельсингфорсцев их число возрастет примерно втрое, — десятка два рот и команд пехоты”. В отношении кронштадтцев эти планы оправдались. Гельсингфорсцы к восстанию опоздали, но зато потом с удвоенной

энергией стали закреплять его победу. Участие моряков в Октябрьском восстании расписано едва ли не по минутам. Удивительная согласованность действий, организация расположения кораблей на Неве в центре города, отсутствие самосудов при большом количестве оружия и накале эмоций и т.п. оставляли впечатление, что матросы действовали по какому-то четкому плану. Но такую организацию создали не планы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого или ВРК с Центробалтом. Революционная толпа, поддавшаяся революционным высоким чувствам, обусловленным эпохальностью исторического события, самоорганизовалась. Эта самоорганизованность ощущалась всеми его участниками. Она, наряду с революционным возбуждением толп, целиком соответствовала представлениям матросов о характере происходящего, всему их предыдущему жизненному опыту и их менталитету. Это предопределило их масштабное участие в восстании, поэтому символом его стал революционный матрос.

Матросов в период восстания, прежде всего, отличали наполненность революционной энергией и инициативностью. Они в равной степени могли выплескиваться как на подталкивание событий, поскольку в восстании на полдороге останавливаться нельзя, так и на самоорганизацию восставших. В состоянии возбуждения революционной толпы ведущая роль в ней матросов все-таки больше не провоцировала, а гасила левый экстремизм. Как отмечал Л.Д. Троцкий, днем 25 октября матросы, натываясь на противника на улицах, или вытесняя юнкеров при занятии телефонной станции и других объектов, не хотели драться “от сознания силы” и оружие для них служило “пока только внешним признаком силы”, а разоружить врага стремились особенно рабочие. В частности, опыт матросов в вопросе самосудов позволял им безошибочно угадывать предпосылки для расправ и принимать меры, чтобы их не допускать. Например, такой опыт явно проявился при аресте членов Временного правительства и конвоировании их матросами в Петропавловку. Все это повлияло на то, что Октябрьское восстание, как известно, обошлось почти без жертв, а среди тех нескольких человек (по разным данным — до десяти), которые оказались убитыми, как сообщал ряд источников, большинство были матросами. Есть основания по-

лагать, что некоторые из них были убиты именно при стремлении не допустить проявлений левого экстремизма».

Бескровный характер Октябрьского восстания, как показала последующая история, не устроил как его противников, так и его сторонников. Подобно тому, как после Февральской революции новая власть не была склонна замалчивать ее «цену» в виде жертв революции, так и пришедшая на смену Временному правительству советская власть была заинтересована в представлениях о повышенной цене своей победы. Правда, первое время, когда Октябрь в глазах самих победителей был еще «переворотом» и существовали опасения по поводу возможности повторить Июль, новая власть заботилась об обратном, тем более, что цену победы большевиков всячески раздували их противники, не сомневаясь во временном характере этой победы. Однако по мере того как «Октябрьский переворот» становился «Великой революцией» победители стали «разукрашивать» его боями и жертвами, что, например, особенно наглядно проявилось в известном кинофильме С.М. Эйзенштейна к 10-летию Октябрьской революции. В дальнейшем это стало способствовать созданию впечатления о насильственном происхождении и левозэкстремистском характере Октября, что позднее и сыграло важную роль в гибели рожденного им строя.

Не менее важной темой обсуждения о роли Балтийского флота в событиях Октября 1917 года является отношение к символу Октября — выстрелу «Авроры». Несмотря на то что по причине принципиальности вопроса, выявившейся буквально в первые часы после выстрела, и нападок правых экипаж крейсера опубликовал в «Правде» уже через день после восстания заявление о холостом характере выстрела, объяснив его сигналом для судов на Неве, призывающим «к бдительности и готовности», споры об этом, время от времени разгорались на протяжении всего советского периода. Причиной их были взгляды не противников Октября, а его сторонников. В ходе дискуссий в советской печати с ссылками на заявление авроровцев невозможность боевого выстрела подтверждалась раз-

ного рода военно-техническими факторами: недопустимо острым углом траектории обстрела Зимнего дворца, отсутствием боезапаса у кораблей в ремонте и др. Однако силу этим аргументам придавали не столько военно-технические детали, сколько то, как «холостой выстрел» работал на концепцию «руководящей роли партии» восстанием. С одной стороны, он лучше, чем «боевой выстрел», соответствовал версии «сигнала» «ленинского плана вооруженного восстания», особенно если версия о «сигнале» подкреплялась какими-нибудь аргументами, вроде нежелания большевиков разрушать выдающийся историко-архитектурный памятник России. С другой стороны, он все-таки размывал концепцию руководства большевиками вооруженным штурмом Зимнего дворца. В других выявленных достоверных фактах выстрелов боевыми снарядами по дворцу, необходимых для концепции «штурма» (со стороны Петропавловской крепости, где стрельбу тоже начали матросы), еще менее просматривалась руководящая роль большевиков, и они были не известны массам. Тем не менее массовое сознание, во многом благодаря заинтересованности ветеранов революции, в том числе и во властных структурах, упорно не хотело признавать холостой выстрел «Авроры» таковым. Выстрел «Авроры» из носового орудия в советской литературе, особенно в художественной, стал именоваться «залпом» (хотя «залп» возможен как минимум из двух орудий). Особенно заметная дискуссия по этому поводу в советской печати имела место в первой половине 60-х годов. Возможно, на ее окончание тогда повлияло недовольство, высказанное Л.И. Брежневым на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 года, трактовкой историками залпа «Авроры», как холостого выстрела. Вождь пожелал, чтобы «Аврора» стреляла боевым, и историки взяли под козырек. Вопрос с выстрелом легендарного крейсера на несколько десятилетий был закрыт.

В постсоветское время дискуссии по поводу выстрела «Авроры» вновь стали появляться на страницах печати. Одна из последних заметных таких дискуссий была в связи с мнением о выстреле, высказанным историком С.Н. Полтораком, считающим его военным сигналом, который подавался регулярно для сверки времени. Оно

было подвергнуто обоснованной критике представителями флотской общественности. Но данная критика, будучи решительно направленной против нового мифотворчества, явно недооценивала старое. Так, другой военно-морской историк, В.Д. Доценко, за основу развенчивания мифов о боевом выстреле взял мемуары такого компетентного и смелого автора, как Н.А. Ховрин, который еще в сталинские годы высмеивал сочинителей «залпа» и приобщавшихся к нему «героев». Но даже Н.А. Ховрин и другие ветераны-матросы, прекрасно знавшие действительные события и недовольные происходившей вокруг них фальсификацией истории, недооценивали причины мифов, порождавшихся исторической значимостью революционных событий, участниками которых они были сами.

Военно-морской историк М.А. Елизаров по этому поводу пишет: «Холостой выстрел “Авроры” является одним из тех исторических фактов, который даже если будет доказан с вероятностью 99 %, в силу значимости его последствий для массового сознания, которое в любой трактовке “приспосабливается” под выводы, вызванные текущей обстановкой, требует не столько доказательств его характера, сколько выявления условий, при которых он стал значимым. Экипаж “Авроры” проявил себя еще в Февральскую революцию. 28 февраля команда крейсера убила командира М.И. Никольского и тяжело ранила старшего офицера П.П. Ограновича, препятствовавших участию команды в революционных событиях. Причины такой особой революционности “Авроры”, согласно текстам многих советских книг об Октябрьской революции, заключались в связях “Авроры” с рабочим движением, поскольку крейсер в 1916—1917 гг. ремонтировался на Франко-Русском заводе в Петрограде. Некоторые авторы видят еще и стремление экипажа “Авроры” реабилитироваться за хорошо известное на флоте участие крейсера в аресте мятежной команды “Гангута” в 1915 г. Ход событий на крейсере от февраля до октября 1917 г. свидетельствует о том, что подобно кронштадтцам его команда прочувствовала последствия февральских самосудов и прошла хорошую политическую школу, чтобы какие-либо действия ее в решающий момент носили случайный характер. В этот период команду крейсера “качало” и вправо, и влево, одна-

ко — вместе с петроградскими массами, как часть их авангарда. Это хорошо видели не только большевики, но и правосоциалистические лидеры, которые не “обижались” на крейсер за самосуды, а стремились подчинить его своему влиянию. На крейсере выступали с речами И.Г. Церетели, В.М. Чернов и др. А в дни “корниловщины” А.Ф. Керенский поручил охрану Зимнего дворца команде крейсера. Факт охраны дворца незадолго до выстрела по нему работал как на сдерживающее начало команды от боевых выстрелов, так и на стремление ее всеми способами отмежеваться от А.Ф. Керенского накануне его падения. Как писал Л.Д. Троцкий, команда горела желанием “расквитаться с Керенским”. Но в любом случае участие в охране дворца сильно снижало случайность действий авроровцев. Примечательно поведение офицеров и матросов крейсера в самом Октябрьском восстании. У них была политическая почва для единства действий. Только как об адвокатишке и болтуне говорили об А.Ф. Керенском в октябре офицеры в кают-компании “Авроры”. Их взгляды не подстраивались под команду, а отражали настроение офицеров в Петрограде. Накануне Октябрьского восстания командующий войсками Петроградского гарнизона Г.П. Полковников и многие офицеры считали (конечно, не представляя последствий), что неплохо проучить адвокатишку Керенского руками большевиков. Члены экипажа крейсера довольно решительно отстаивали свои интересы, но в определенных рамках, без экстремистских перегибов. Командир не побоялся отказаться выводить корабль на позицию на основании невмешательства в политику, но потом, на основании интересов сохранности корабля (матросы в Неве могли посадить его на мель), согласился. Команда не шлепнула сразу командира за «контрреволюцию», а арестовала его в каюте. В результате историческую славу выстрела можно считать общей заслугой. Таким образом, “Аврора” закономерно оказалась на Неве (хотя здесь тоже существует своя мифология о «приказах» Смольного, Центробалта, о пробе машин после ремонта и др.) и она играла роль ружья на сцене грандиозного спектакля, развернувшегося в Петрограде 25 октября 1917 года которое неизбежно должно было выстрелить. Однако, говоря об исторической оправданности и значимости холостого

выстрела “Авроры”, следует отметить его и левые отрицательные стороны в историческом плане. Революционная история “Авроры” дает возможность изображать и трактовать ее не только экстремистским, но даже пиратским кораблем и вызывать соответствующие попытки подражания. Холостой выстрел “Авроры” имел серьезные последствия для проявлений левого экстремизма и непосредственно в период октябрьских событий. Помимо его вдохновляющей роли для экстремистских действий колеблющихся элементов, он, например, дал основание морскому министру Д.Н. Вердеревскому считать (вероятно, искренне, поскольку он, как видный участник общего спектакля, тоже ждал выстрела ружья) найденный в Зимнем дворце осколок снаряда, выпущенного пушкой Петропавловской крепости, авроровским. Д.Н. Вердеревский пугал им других министров Временного правительства. Это усиливало их убежденность в заговоре большевиков и нежелание пойти на компромиссы со II съездом Советов. Еще более отрицательным было то, что в значительной степени под влиянием известий о стрельбе “Авроры” в решающий момент работы II съезда меньшевики и эсеры (кроме левых эсеров) приняли роковое для себя решение уйти со съезда, оставив тем самым уже фактически победившую советскую власть на большевиков».

Еще одна черная легенда Октября — это бесчинства, творимые восставшими, и в первую очередь матросами, во время октябрьских событий, написано много их противниками в правой печати сразу после восстания и особенно позже в белоэмигрантской литературе. В ней говорится об «ужасных расправах», творимых в первую очередь над защищавшими Зимний дворец юнкерами и ударницами, о полном разграблении дворца и т.п. Эти «свидетельства», основанные на полуфантастических слухах, но действительно широко распространившихся среди петроградских обывателей во время восстания, почти не проясняют обстановки. Непосредственно во время восстания в условиях общего возбуждения неизбежных левых эксцессов действительно было немало. Но большинство описаний

насилий, основанных на данных слухах, относятся, собственно, не к периоду восстания, а к первым дням после него, связанных с выступлением юнкеров в связи с «мятежом Керенского — Краснова» и другими послеоктябрьскими событиями. Поскольку матросы были авангардом восставших, то слухи о революционных бесчинствах не могли не касаться их. Например, значительная часть жителей, получая неопределенные сообщения газет о перевороте, с часу на час ждала погромов и передавала слухи, вроде того, что «матросы ходят по квартирам и реквизируют шубы и сапоги». Матросов в Октябрьском восстании отличала, прежде всего, революционная инициатива. Они готовы были бороться с «революционными бесчинствами», но одновременно и сами были не против при случае нажиться за счет буржуев.

Основным объектом левозэкстремистских действий матросов объективно являлись юнкера, так как если матросы являлись главной ударной силой Октябрьского восстания, то юнкера были наиболее верными защитниками Временного правительства. Это не могло не вызвать противостояния между ними в октябре 1917 года. Однако здесь следует иметь в виду, что как матросы, так и юнкера в политическом отношении были «детьми», не имевшими сколь-нибудь серьезного опыта политической борьбы.

Еще раз обратимся к мнению историка М.А. Елизарова: «При этом глубинные идеалы и предпочтения, как матросов, так и юнкеров отличались от целей основных противоборствовавших в Октябрьском восстании политических сил — большевиков и Временного правительства. Для юнкеров главными были офицерские традиции, для матросов — морские, тесно переплетенные в то время с революционно-демократическими. Однако офицеры, как было отмечено, отличались неприязнью к А.Ф. Керенскому, в свою очередь матросы имели тесные союзнические отношения с большевиками именно на момент Октябрьского восстания, но они, как и раньше, могли в любой момент пойти на конфликт с ними в случае несоответствия интересов. Таким образом, борьба матросов с юнкерами была выражением общей политической ситуации, а не проявлением непримиримых противоречий между этими конкретными со-

циальными группами. Данное положение во многом повлияло на сравнительно мирный характер революции, на отмечавшееся рядом мемуаристов специфически “детское” и благодушное поведение восставших при взятии Зимнего дворца. Но Октябрьская революция была проявлением очень глубоких объективных противоречий, столкновением глубинных идеалов, и юнкера и матросы, оказавшиеся на острие событий, были едва ли не первыми, кто с этим столкнулся во взаимной борьбе, тем более что “детство” в политике предполагает значительную персонификацию противоречий в ближайшем противнике. Поэтому каждый из противников во многом искренне недоумевал, наткнувшись на готовности другой стороны к крайним мерам для отстаивания своих идеалов. Это наряду с “детским” характером борьбы за власть юнкеров и матросов вызывало и ожесточенность друг к другу».

Руководствуясь слухами об избиениях матросами арестованных юнкеров, и в связи с другими бесчинствами во время восстания антибольшевистская городская дума командировала специальные делегации в Петропавловку. По их результатам она на своем заседании 27 октября выслушала свидетельство одного из юнкеров, защищавших Зимний дворец. Юнкер заявил, что насилия со стороны матросов он не испытал, а ему и его группе юнкеров из 10 человек, отступавших в зал заседаний Временного правительства, матросы просто предложили «сдать оружие и уйти». Подобные факты, отражавшие благодушные победителей, тогда были не единичны. Однако были факты и прямо противоположные. Другие матросы прилагали энергичные усилия, чтобы доставлять юнкеров «для проверки» не только в Петропавловку, но и в Кронштадт, Гвардейский и 2-й Балтийский флотские экипажи. Там юнкеров, удрученных быстрым поражением, матросы, как правило, также отпускали, взяв «честное слово» никогда не выступать против советской власти. Но при этом имели место и эксцессы, вызванные в том числе ревностью матросов к поползновениям на их ведущую роль в восстании. Так, узнав, что в казармах Преображенского полка, где также содержались арестованные юнкера, их начали отпускать, они ворвались в казармы и избили члена полкового комитета. Причем солдаты-преображенцы,

признавая роль матросов, в их действия не вмешались. По свидетельству И.К. Сазонова, направленного Военно-революционным комитетом комиссаром в Зимний дворец, ему с большим трудом удалось отстоять там двух раненых юнкеров. Их стремилась расстрелять толпа матросов, несмотря на ранения. Подобные случаи гораздо острее действовали на сознание юнкеров, чем сомнения в связи с неожиданно быстрым падением Временного правительства, тем более, что в длительность власти большевиков повсюду не верили. Поэтому они уже через два дня пошли на выступление против новой власти в связи с начавшимся «мятежом Керенского — Краснова». В свою очередь и со стороны матросов по отношению к юнкерам в дни мятежа «было гораздо больше левых перегибов».

Наглядным примером «левизны» со стороны матросов по отношению к юнкерам и «левизны» в других вопросах являлась деятельность делегированного Центробалтом на II съезд Советов матроса с крейсера «Диана» П.Д. Малькова, описанная им самим. Прибыв в Петроград и сообщив Я.М. Свердлову 22 октября просьбу товарищей, «что выступать пора, не то сами начнем», П.Д. Мальков в основном по собственному почину творил революцию. Я уже писал выше, как с помощью матроса из 2-го Балтийского экипажа и колыта, предъявленного шоферу, матрос Мальков (согласно его собственным мемуарам) завладел машиной начальника порта. А затем почти весь день 24 октября и в последующую ночь отлавливал (вдвоем! — *В.Ш.*) группы юнкеров на Невском и отвозил их в Петропавловскую крепость. Под утро напарник устал и пошел спать, а П.Д. Мальков продолжил свою деятельность в том же духе. Вот попались ему на глаза мальчишки — разносчики утренних газет, и тут же Мальков с группой матросов 2-го Балтийского экипажа между делом закрыл редакцию газеты «Биржевые ведомости», а также оказавшуюся рядом редакцию журнала «Огонек». После этого революционный матрос проголодался и зашел в первую попавшуюся булочную. Ни денег, ни продуктовых карточек у матроса Малькова, разумеется, не было, но П.Д. Малькова это не смутило. Вначале он организовал в очереди митинг, после чего, продемонстрировав все тот же колыт, получил и хлеб. Дальше Мальков действовал уже в тес-

ном контакте со Смольным. Вместе с В.Д. Антоновым-Овсеенко и П.Е. Лазимиром он участвует (опять же согласно мемуарам самого П.Д. Малькова) в составлении плана штурма Зимнего дворца, предусматривавшего три холостых выстрела «Авроры» (неужели грамотнее в военном деле матроса Малькова в Смольном тогда не нашлось!). Военно-морской историк М.А. Елизаров считает, что на данном этапе деятельность матроса Малькова (как типичного представителя революционных матросов) из наступательного характера становится «более сдерживающей». Он пишет: «Очевидно, и в ней (в сдерживающей направленности. — *В.Ш.*) проявлялась традиционная матросская “левизна”. Так, видимо не без применения крайних методов, ему с группой матросов удалось, как он пишет, впоследствии быстро очистить взятый Зимний дворец от посторонних».

Происходили тогда и куда более острые проявления матросского левого экстремизма. Так, матросы спасали арестованных министров от расправы толпы при конвоировании их в Петропавловскую крепость, но наибольшие шансы на успех в этой толпе имела другая часть матросов, находившаяся в первой и проявлявшая наибольшую активность в попытках расправы. Вооруженного столкновения между двумя группами матросов тогда едва удалось избежать. При этом все матросы были настроены непримиримо к бежавшему за войсками на фронт А.Ф. Керенскому и призывали всех к беспощадной расправе над ним. Имел место и отмеченный многими источниками факт убийства матросами в ночь на 26 октября помощника военного министра генерала Г.Н. Туманова, изуродованный труп которого был обнаружен утром в реке Мойке рядом со 2-м Балтийским экипажем. Г.Н. Туманов был один из двух генералов, назначенных 25 октября руководить Петроградским военным округом вместо «не справившегося» Г.П. Полковникова, и задержанных ночью матросами 2-го Балтийского экипажа. Второго генерала — Я.Г. Багратуни — с большим трудом спасли руководители ВРК Н.И. Подвойский и К.С. Еремеев, которые сразу после взятия Зимнего дворца, прибыли по своим делам во 2-й Балтийский экипаж.

В целом же левый экстремизм, проявленный матросами по отношению к юнкерам и офицерам в период Октябрьского восста-

ния, многочисленные угрозы «разобраться» с ними после того, как будет арестован А.Ф. Керенский, ясно показали главное направление дальнейшей ультралевой активности матросов, явившееся прологом будущей широкомасштабной Гражданской войны. Что касается большевиков, то пока они были в оппозиции власти и за эту самую власть боролись, матросский демократизм, с матросской склонностью к митинговой демократии их вполне устраивал. Но вот Временное правительство арестовано и российская власть «де-факто» перешла в руки РСДРП(б) и их союзников революционных матросов Балтийского флота.

Глава шестнадцатая

ТРИУМФАТОРЫ

Едва власть в Петрограде перешла к партии большевиков и союзных им левых эсеров, немедленно началось укрепление вертикали властных структур и в том числе военно-морского флота.

26 октября (8 ноября) был принят декрет об армейских революционных комитетах, которым предлагалось в армиях создать временные революционные комитеты, на которые отныне возлагалась ответственность «за сохранение революционного порядка и твердости фронта». Все главнокомандующие и командующие отныне были обязаны подчиняться распоряжениям комитетов. Одновременно все комиссары бывшего Временного правительства отстранялись, а в войска выезжали комиссары Всероссийского съезда. Что касается Балтийского флота, то данным декретом официально узаконивался Центробалт, с подотчетными ему комитетами военно-морских баз и судкомами.

Согласно официальной истории Октябрьской революции, 26 октября, во время одного из перерывов на II Всероссийском съезде Советов, В.А. Антонов-Овсеенко, по распоряжению В.И. Ленина, собрал совещание флотских делегатов. В совещании участвовало десять матросов (6 балтийцев, 2 черноморца, по одному от Каспийской и Сибирской флотилий). Восемь из них являлись большевиками

и два — беспартийными. Собрание выбрало инициативную группу, которой тут же поручили разогнать соглашательский Центрофлот и создать новую организацию по руководству флотом. В состав образованного Военно-морского революционного комитета (ВМРК) вошли большевики: И.И. Вахрамеев, А.В. Баранов, В.П. Евдокимов, Д.Н. Марулин, В.С. Мясников, Н.М. Неверовский, Н.А. Ховрин, а также анархист А.Г. Железняков, беспартийные В.И. Пенкайтис, А.П. Попов и Т.М. Рыжков.

Однако по воспоминаниям члена ВМРК Н.А. Ховрина, в реальности все было несколько иначе. Инициатива исходила не от Ленина, и не от Антонова-Овсеенко, а от самих матросов. «Матросы — делегаты 2-го Всероссийского съезда Советов собрались вместе, чтобы избрать новый полномочный орган взамен соглашательского Центрофлота. Назвать его решили Военно-морским революционным комитетом (ВМРК). Кто-то предложил на пост председателя кандидатуру Ивана Ивановича Вахрамеева. Предложение дружно поддержали», — вспоминал Н.А. Ховрин. Авторство в истории учреждения ВМРК принципиально, ведь если инициатором его создания были В.И. Ленин и В.А. Антонов-Овсеенко, то это значит, что новую руководящую флотскую структуру матросы получили из рук победивших большевиков, т.е. сами матросы в данном случае оказываются лишь рядовыми исполнителями воли Ленина. Если же верить Н.А. Ховрину, то, увидев, что на съезде всюду идет дележ государственного пирога, матросы, по собственной инициативе, подсуетились. Не теряя времени, они сами создали высший руководящий орган флота, в который тут же сами себя и избрали. Таким образом, матросы все решили самостоятельно, не получив подарка из щедрых ленинских рук, продемонстрировав большевикам свое равенство с ними. В.И. Ленину оставалось лишь согласиться с матросской инициативой. Что касается В.А. Антонова-Овсеенко, то, судя по воспоминаниям Н.А. Ховрина, его на собрании не было вовсе! Увы, но уже первый же день новой социалистической эры показал, что делить власть победителям будет сложно.

Первым актом созданного Военно-морского революционного комитета стал выпуск воззвания морякам о поддержке советской

власти. В специальной радиограмме об образовании II Всероссийским съездом Советов рабоче-крестьянского правительства, сообщая персональный состав членов правительства во главе с В.И. Лениным, Военно-морской революционный комитет информировал весь флот об устойчивом положении в Петрограде и о признании советской власти армией и провинцией.

Одновременно был создан Комитет по военным и морским делам в составе П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко и В.А. Антонова-Овсеенко. Матрос Н.А. Ховрин, по его свидетельству, был назначен «комиссаром в Морское министерство» с подчинением ему караула и принял участие в разгоне Центрофлота утром 27 октября и во взятии под контроль здания Главного адмиралтейства. На запрос о причине роспуска Н.А. Ховрин ответил весьма лаконично: «По праву сильного». Не имея возможности сопротивляться, члены Центрофлота заявили, что считают роспуск незаконным, но подчинились и сдали дела.

Из воспоминаний матроса-большевика П.Д. Малькова: «Взяли мы мандаты, собрали в Смольном еще несколько моряков и отправились в Адмиралтейство распускать Центрофлот и организовывать Временный Морской революционный комитет. Ясно-то нам было ясно, да не так все просто. Слов нет, в Центрофлоте засели меньшевики и эсеры, но не какие-нибудь буржуи, а все свой брат, матрос. Как тут их будешь арестовывать? Это тебе не юнкеров на Невском хватать: там вроде сражения получалось, кто кого. Здесь дело другое. Рассуждали мы дорогой, рассуждали и сами не заметили, как дошли до Адмиралтейства. Постояли еще с минуту на улице — и в Центрофлот. Как вошли, Ховрин сразу скомандовал: “Свистать всех наверх!” Комната, глядим, большая, народу в ней порядочно, еще и из других комнат сбежались. Много знакомых...

Смотрят на нас, пересмеиваются. Вы, мол, чего сюда явились?

Откашлялся Ховрин и говорит:

— Дело, братва, такое. Есть приказ Ревкома: Центрофлот прикрыть, а вас арестовать. Понятно?

Они посерьезнели.

— Значит, вы за этим и пришли?

— Да, за этим. Именем Ревкома объявляю вас арестованными.

Один из центрофлотцев и спрашивает:

— Что же, теперь, выходит, вы нас в тюрьму поведете?

— Зачем в тюрьму, — отвечает Ховрин, — здесь и будете сидеть, пока Ревком не решит, что с вами дальше делать. Только дайте честное матросское слово, что не убежите (такое решение мы по дороге в Адмиралтейство приняли).

Слово они дали, приставили мы к комнате одного часового, а сами принялись Морской комитет организовывать. Прошел этот день, другой, надо с центрофлотцами как-то решать. Пошли в Военно-революционный комитет и спрашиваем, как нам с нашими арестантами быть. Подумали там, подумали и говорят:

— А ну их к чертовой бабушке, пусть катятся на все четыре стороны.

У нас гора с плеч. Вернулись в Адмиралтейство и пошли арестованных освобождать. Смотрим, а там всего два-три человека сидят, остальные ждали, ждали, да и разошлись кто куда, невзирая на честное слово и на часовых, которые, впрочем, и не пытались никого задерживать».

В последующие дни большинство членов Центрофлота во главе с председателем М. Абрамовым вошло в состав образовавшегося 26 октября контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции», пытавшегося организовать выступление против большевиков и левых эсеров в Петрограде.

Отметим, что Мальков формально выполнил приказ Центробалта, но выполнил его в соответствии с матросской корпоративной этикой, которая гласила: политическая борьба важна, но матросская солидарность превыше этой борьбы. Именно поэтому центрофлотцев просто отпустили с миром. Оговоримся, что матросская солидарность имела для революционных матросов особое значение, гораздо большее, чем их партийность. Матрос мог быть большевиком или анархистом, эсером или откровенным люмпеном, но для окружающих его матросов он оставался, прежде всего, матросом,

а потому мог всегда рассчитывать на помощь, взаимопонимание, а в особых случаях и на прощение, только потому, что был своим. Впоследствии эта всеобщая матросская солидарность окажет свое влияние на ход Гражданской войны и будет предана забвению лишь в феврале 1921 года в Кронштадте, когда матросы-большевики, предав бывшее братство, будут массово расстреливать матросов-социалистов. Но до этого в 1917 году было еще очень далеко.

27 октября 1917 года Комитет по военным и морским делам был окончательно оформлен. В его состав вошли все десять участников вчерашнего совещания и 16 членов распущенного Центрофлота, сторонников советской власти.

В тот же день из Петропавловской крепости под честное слово был освобожден Д.Н. Вердеревский. В тот же день В.И. Ленин в беседе с председателем Военно-морского революционного комитета И.И. Вахрамеевым одобрил привлечение к работе в качестве управляющего Морским министерством контр-адмирала Д.Н. Вердеревского. Однако Вердеревский сотрудничать с большевиками не пожелал.

В первых числах ноября 1917 года ВМРК был расширен. Кроме старых членов в Комитет были кооптированы балтийцы, «присланные в помощь» Центробалтом. Всего в обновленный состав ВМРК вошло 70 человек.

Однако практически в тот же день ВМРК вошел в состав Совета народных комиссаров по военным и морским делам. Его возглавили П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко и В.А. Антонов-Овсеенко, получившие статус народных комиссаров. В качестве членов Совета туда дополнительно вошли Н.И. Подвойский, В.Н. Васильевский, К.С. Еремеев, П.Е. Лазимир, К.А. Мехоношин, Э.М. Склянский. 23 ноября их дополнили М.С. Кедров и Б.В. Легран, И.Л. Дзевялтовский, А.Ф. Ильин-Женевский, В.А. Трифонов и К.К. Юренев. Совет народных комиссаров по военным и морским делам был объявлен высшим органом руководства вооруженными силами Советской России. Впоследствии он превратился в Коллегию Наркомата по

военным делам и в состав учреждений морского ведомства не вошел. Свои полномочия в Центробалте П.Е. Дыбенко передал своему заместителю Н.Ф. Измайлову. В связи с этим Центробалт провел выборы нового президиума, в состав которого дополнительно вошли матросы-большевики Машкевич и Логинов. Назначение П.Е. Дыбенко наркомом флота (т.е. министром) явилось личной благодарностью В.И. Ленина за помощь балтийцев в организации восстания в Петрограде.

Ряд историков считают, что в первые часы после захвата Зимнего дворца именно П.Е. Дыбенко выполнил весьма деликатную операцию по изъятию в Министерстве юстиции судебного дела «о немецких деньгах для партии большевиков», которое инициировало Временное правительство. Согласно этой гипотезе, люди Дыбенко в срочном порядке изъяли все компрометирующие документы, а Ленин и Коллонтай тем временем уничтожили документы германских и шведских банков, которые проливали свет на «революционную аферу». Честно скажу, что в эту историю я не слишком верю. Прежде всего, потому, что не с образованием Павла Ефимовича и его подручных было разобраться в секретных бумагах российского министра, содержащих документы на немецком и английском языках. Для этого в распоряжении В.И. Ленина имелись куда более подготовленные и более проверенные люди, чем недавно прибывший к партии любовник Александры Коллонтай и его громилы-матросы. Если П.Е. Дыбенко и его люди и участвовали в данной операции, то не больше, чем в качестве вооруженного караула. Впрочем, в силу своей близости к А.М. Коллонтай, которая была непосредственно замешана в получении и перевозке германских денег, П.Е. Дыбенко и его ближайшее окружение действительно могли находиться в курсе данных событий.

На мой взгляд, причина столь недолгого существования ВМРК кроется не столько в том, что данная структура была несовершенной и не могла полноценно работать, а в том, что ВМРК был создан самими матросами и, следовательно, был, так же как и Центробалт, не подчинен и не подотчетен Совнаркому. Этого большевики, выстраивавшие четкую вертикаль новой государственной

власти, допустить не могли, так как прекрасно осознавали, чем грозит матросская самостоятельность. Кстати, и матросы тоже не сидели, сложа руки. Именно поэтому Центробалт и принял решение срочно усилить еще «сырой» ВМРК своими проверенными кадрами. Но это не помогло. Думается, что участь ВМРК была решена уже в момент его создания.

Разумеется, что арест Временного правительства не означал победы социалистической революции. В.И. Ленин и другие руководители партии большевиков прекрасно понимали, что победа Октябрьской революции не окончательна и не бесповоротна. И главное, будет ли поддержана революция в России «мировой революцией», которая пока явно задерживалась. Да и в России оставался еще один возможный центр власти — Учредительное собрание, которое Временное правительство так и не смогло созвать. Впереди у большевиков была борьба за Учредительное собрание — победят они в этой борьбе — значит, обеспечат себе полную легитимность власти. Проиграют — придется уходить или быть гражданской войной.

Поэтому уже 27 октября 1917 года Совет народных комиссаров принял и опубликовал за подписью В.И. Ленина постановление о проведении 12 ноября 1917 года выборов в Учредительное собрание. Большевики торопились легализовать свою власть. В соответствии с постановлением Совета наркомов все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и солдатские организации на фронтах должны были «напрячь все усилия» для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное собрание в назначенный срок. Таким образом, советское правительство, до созыва Учредительного собрания, фактически объявлялось временным. Но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное...

Что же касается начавшихся практически сразу после этого постановления выборов в Учредительное собрание на Балтийском флоте, то они были организованы «предельно цинично» (по вос-

поминаниям ряда мемуаристов) и проходили под откровенным давлением и при вмешательстве судовых комитетов. При этом матросы могли выбирать только большевистских кандидатов. Что касается офицеров, то они, согласно тем же воспоминаниям, были так деморализованы, что их голоса не имели никакого значения. Официально офицеры имели своих кандидатов-офицеров, которых и выбирали, хоть заранее было ясно, что никто из выбранных флотских офицеров в Учредительное собрание не пройдет.

А самым решительным матросам уже стало тесно в военноморских базах. И они массово двинулись устанавливать революционные порядки по России. Из протокола заседания Военно-революционного комитета 12 ноября 1917 года: «Постановлено: отправить комиссара-агитатора с отрядом матросов в Архангельск... 1500 матросов, чтобы отправиться на Урал и Сибирь для укрепления советской власти и продвижения продовольственных грузов».

При этом самыми революционными неожиданно оказались не матросы-большевики, а левые эсеры и анархисты. Прибывая в города и веси, эсеры и анархисты в тельняшках не слишком жаловали местных большевиков, а устанавливали собственную матросскую власть. Матросское своеволие вызвало первый ропот в большевистских кругах. Из протокола заседания Военно-революционного комитета 15 ноября 1917 года: «В Киев приехал отряд балтийских матросов, занявших шатающуюся позицию. Киевский ЦК просит через Центробалт оказать давление на них. Просят прислать агитаторов...»

Однако не дремала и противоборствующая сторона. Петроград, разумеется, был столицей, но еще не всей Россией. Немного меньшее значение, чем столица, во время войны имела и Ставка Верховного главнокомандующего, находившаяся в Могилеве. Именно оттуда и последовал первый удар. 13 ноября главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин издал приказ о расформировании Военноморского управления при Верховном главнокомандующем и подчинении Черноморского флота помощнику командующего Румынским фронтом (поскольку номинальным главнокомандующим Румынским фронтом был румынский король, а его помощником — российский

генерал Д.Г. Щербачев). Данное переподчинение имело одну конкретную цель — вывести Черноморский флот из подчинения большевикам и влияния радикальных коллег-балтийцев. Последние восприняли приказ Духонина как личное оскорбление. Пройдет совсем немного времени, и они отомстят генералу, да так, что от этой мести содрогнется вся Россия.

В Петрограде тем временем готовились к проведению очень важного для только что взявших власть большевиков II Всероссийского Съезда советов крестьянских депутатов, т.к. именно там решался вопрос о лояльности российского крестьянства к новой власти. На съезде большевикам и их союзникам — левым эсерам предстояла нелегкая серьезная схватка с весьма авторитетными среди крестьян правыми эсерами и эсерами центра (были и такие!). И снова руководство РСДРП(б) решает прибегнуть к своему главному козырю — матросам. Именно поэтому охрана крестьянского съезда была поручена леворадикальным матросам 2-го Балтийского флотского экипажа во главе с матросами Мальковым и Молчановым. Разумеется, что во время съезда матросы лишь функциями охранников не ограничились, а самым активным образом прессинговали оппозицию. Едва начав работу, съезд раскололся на левое (большевики и левые эсеры) и правое крыло (правые эсеры и эсеры центра), которые даже заседали раздельно. Но если у левых заседания проходили без всяких проблем, то правым проблемы непрерывно создавали матросы охраны. Приемы были нехитрыми: кого-то не скрываясь, в виде хохмы, выцеливали из винтовок, кого-то изолировали, якобы для некоего досмотра, иных просто предупреждали о возможных последствиях, а наиболее ретивых подвергали и физическому воздействию.

Затем левая часть съезда объявляет себя единственным законным съездом, а матросы одновременно полностью парализовали деятельность их оппонентов. В конечном итоге левые победили и приняли такую резолюцию, какая им была нужна. Именно на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов левые эсеры окончательно перешли на сторону большевиков. В качестве благодарности большевики сразу же предложили им войти в состав Совнаркома. 17 ноября стороны окончательно согласовали

распределение портфелей, и в декабре в Совнарком оформилась уже правительственная большевистско-левоэсеровская коалиция.

Однако политический союз большевиков и левых эсеров сразу же привел к неожиданным последствиям. Матросы целыми командами начали дружно выходить из партии большевиков, переписываясь в левые эсеры, которые казались им более веселыми и боевитыми, а также менее придавленными партийной дисциплиной. Мощный отток балтийцев из РСДРП(б) не остался без внимания большевистского ЦК, но открыто противодействовать этому там не могли, т.к. левые эсеры являлись союзниками.

А балтийцы все расширяли и расширяли свои полномочия. Так, 20 ноября на заседании Центробалта было озвучено предложение произвести контр-адмирала А.В. Развозова в вице-адмиралы, хотя такое производство являлось прерогативой высшего государственного органа. Но центробалтовцев такая мелочь не смутила. Они желали добиться лояльности командующего Балтийского флота, а на все остальное им было наплевать. Однако Развозов нравился далеко не всем матросам, поэтому во время обсуждения его производства в следующий чин мнение членов Центробалта разделились, и вопрос о производстве А.В. Развозова был отложен «на потом». Но «потом» так и не состоялось, ибо уже 5 декабря А.В. Развозов был снят с должности за свою контрреволюционность. Забегая вперед, скажем, что когда в марте 1918 года потребовалось спасти флот в Гельсингфорсе, А.В. Развозова опять призовут на службу, чтобы осенью того же года снова отправить в отставку. А.В. Развозов попадет в застенки ВЧК и в 1920 году умрет в тюрьме.

Теперь, когда власть в стране получили большевики, а матросы, казалось, достигли всего того, к чему стремились, перед ними встал вопрос: куда идти дальше? Ведь, встав на путь левого радикализма, остановиться они уже не могли...

На исходе сложнейшего для России 1917 года именно балтийские матросы являлись единственной надежной и мощной опорой взявших власть в стране большевиков. В борьбе против общего

врага в лице Временного правительства, интересы большевиков и матросов полностью совпали, что и послужило основой их союза. Матросы сделали свое дело — привели большевиков к власти, и последние уже не нуждались в них так, как нуждались раньше. «Медовый месяц» большевиков и матросов явно подходил к своему логическому концу. Однако матросы оставались еще слишком влиятельными и могущественными, чтобы с ними можно было вступать в открытый конфликт.

И все же, как только большевики взяли власть в свои руки, они тут же наглядно продемонстрировали, что делиться ею ни с кем не намерены. Но матросы также считали себя победителями, и, как победители, рассчитывали, если не руководить всей Россией, то решать свои собственные вопросы без оглядки на большевиков, ну а при случае и демонстрировать им, кто в доме хозяин. Еще вчера большевикам приходилось закрывать глаза на все своеволия и безобразия матросов, ибо они от матросов зависели полностью. Теперь ситуация начала меняться. При этом большевики понимали, что матросы по-прежнему оставались единственной реальной военной силой, на которую они все еще могли рассчитывать, а потому отодвигать от власти в стране их следовало предельно осторожно, не вызывая ни раздражения, ни озлобления.

Понимали ли это матросы? Конечно, понимали, так как были не глупее большевиков. Но, уверовав в свою революционную митинговую демократию, они оказались бессильны перед жестко дисциплинированными конкурентами. Кроме этого, матросские вожди, которые и могли бы что-то сделать, были уже перекуплены большевиками, как, например, получивший портфель наркома по морским делам П.Е. Дыбенко.

Помимо этого, была еще одна причина того, что матросы, даже видя, как их беззастенчиво оттирают от власти, первое время ничего не предпринимали в ответ. Дело в том, что большевики очень грамотно вели идеологическую работу, внушив матросам, что всякое выступление против них будет являться изменой общему делу пролетарской революции. Считавшие себя самыми революционными из всех революционеров, матросы на предательство идеалов револю-

ции пойти никак не могли и некоторое время вынужденно мирились с тем, что большевики начали выходить из-под их контроля. Как сложатся отношения привыкших к самовольству и безнаказанности матросов и пришедшей к единоличной власти РСДРП(б), в конце 1917 года не мог сказать никто.

Мы, живущие в XXI веке, уже знаем, что очень скоро во взаимоотношениях большевиков и матросов проляжет первая трещина, которая со временем будет только расширяться и углубляться, пока окончательно не разведет бывших союзников по разные стороны революционной баррикады. Но это уже тема следующей книги, а пока оба союзника празднуют совместную победу, и каждый из них строит свои планы на будущее.

*Домодедово — Кронштадт — Севастополь
2017—2018 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	
«ВЕЛИКАЯ БЕСКРОВНАЯ».....	6
Глава вторая	
УБИЙСТВА ОФИЦЕРОВ.....	12
Глава третья	
РЕВОЛЮЦИОННЕЕ ВСЕХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.....	51
Глава четвертая	
РОЖДЕНИЕ ЦЕНТРОБАЛТА.....	87
Глава пятая	
«КРОНШТАДТСКИЙ ИНЦИДЕНТ».....	109
Глава шестая	
БАЛТИЙЦЫ ВЫХОДЯТ ИЗ ПОДЧИНЕНИЯ.....	144
Глава седьмая	
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В АРЬЕРГАРДЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОД ФЛАГОМ КОЛЧАКА.....	160
Глава восьмая	
ИЮЛЬСКИЙ ПУТЧ.....	191
Глава девятая	
ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.....	242
Глава десятая	
ВТОРОЙ СЪЕЗД БАЛТФЛОТА — КУРС НА ВОССТАНИЕ!.....	267
Глава одиннадцатая	
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ. В КИЛЬВАТЕРЕ БАЛТИЙЦЕВ.....	282
Глава двенадцатая	
БИТВА ЗА МООНЗУНД.....	298
Глава тринадцатая	
ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ В ПЕТРОГРАДЕ.....	315

Матросская революция	383
Глава четырнадцатая Вся власть Советам!.....	337
Глава пятнадцатая Флотские мифы октября.....	359
Глава шестнадцатая Триумфаторы	370

Научно-популярное издание

Русская смута 1917—1922

Шигин Владимир Виленович

МАТРОССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.06.2018. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная.

Печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ №6070.

Отпечатано в типографии ООО "ТДДС-Столица-8"

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

www.capitalpress.ru